

XIII

АЛЕКСЕЙ ПОВОРОВ

ТРИНАДЦАТЫЙ

роман

Annotation

Никогда зло не было так близко к своей цели. Преступление и наказание. Расследование. Поломанные судьбы. Видения из прошлого совсем рядом и так далеко. Людские жизни на краю пропасти и все зависит лишь от выбора одного человека...

НЕЗНАКОМЕЦ

Бойтесь данайцев, дары приносящих.
Вергилий, «Энеида»

По зимней воронежской трассе в сторону Тамбова в угрюмом одиночестве двигался КамАЗ. В декабре шоссе было пустым как никогда: встречные машины не попадались экипажу уже несколько часов подряд. В теплой кабине, которая освещалась лишь светом приборной панели, царил тишина, и только двигатель нарушал ее своим монотонным гулом. Дворники уже не справлялись с падающим снегом, свет фар освещал путь не дальше, чем на несколько метров. Тяжелая машина, с трудом преодолевая заметенную пургой дорогу, шла в снежной пустоте, словно ледокол. Казалось, что вечная мерзлота сковала не только трассу, деревья, землю, но и все живое в этом мире.

— Да, давно не было такой зимы, — разбудил напарника голос водителя. — Еще немного, и мы можем забыть про теплую домашнюю постель. Погода словно взбесилась — просто жуть как метет. Глянь, что творится.

Сидящий рядом с водителем молодой человек потянулся, зевнул и полез в карман куртки. Достав пачку сигарет, он не спеша вытащил одну и закурил. Сделав пару затяжек, парень повернулся к водителю и спросил:

— Слышь, Семеныч, а сколько натикало, пока я спал?

Водитель мельком взглянул на часы.

— Без пятнадцати час. Спишь, как сурок!

С каждой минутой метель усиливалась. Напарник водителя продолжал курить, глядя на падающий снег, похожий на белую простыню, которой накрыли лобовое стекло. Он медленно выдыхал густой табачный дым, наслаждаясь каждой затяжкой.

— Надо остановиться, — сказал Семеныч.

— Это за каким еще? — удивился молодой человек, повернувшись к водителю.

— За большим и толстым! Ты посмотри, что за бортом делается.

— Ну, снег идет, тормозить-то зачем?

— А ты на дворники-то глянь: совсем обледенели, не чистят ни шута, как в танке едем! — повысил голос водитель.

Машина начала снижать скорость и, не съезжая с дороги, остановилась. Включив аварийку, водитель накинул куртку и надел шапку.

— Тебе помочь?

— Да нет, тут делов-то на две секунды, — Семеныч выпрыгнул в зимнюю ночь, впусив в кабину ледяной ветер и крупные снежинки, которые тут же облепили приборную панель КамАЗа. — Вот это холод! — крикнул он из темноты и захлопнул за собой дверь.

«Да, не май месяц», — подумал напарник, поерзав в кресле.

Он закрыл глаза и усталость хищно напала на него. Ему уже начал сниться сон, когда водитель вернулся, и все тот же холодный ветер с воем ворвался в теплую кабину.

— Спишь?

— Просто задремал, пока ждал тебя. Ну что, ехать можно? — не открывая глаз, поинтересовался напарник.

— Да, без проблем. Моя ласточка меня еще ни разу не подводила. Я с ней огонь, воду и медные трубы прошел. Машина — зверь! — водитель с гордостью повернул ключ зажигания.

Машина издала пронзительный писк, Семеныч нажал кнопку, и двигатель завелся. Но, не проработав и пяти секунд, мотор заглох, и все приборы погасли. В кабине воцарилась тишина. За окном уныло выла вьюга. Стекла по углам стали медленно затягиваться инеем, но люди в кабине этого не заметили.

— Не понял! — в сердцах возмутился хозяин ласточки. — Черт знает что!

— Что, перехвалил? — с издевкой спросил напарник. — Только не говори мне, что твоя ласточка сдохла и нам придется замерзнуть вдали от родного дома в машине, которая тебя ни разу не подводила.

— Ха-ха-ха, как смешно! — рывкнул Семеныч и снова безуспешно попытался запустить двигатель.

— Ну, и что будем делать дальше?

— А я почему знаю?! Черт возьми, да что это за день-то такой?! Сначала грузили сутки, потом мусора штрафанули, теперь это! — раздраженно воскликнул водитель и с силой ударил рукой по рулю.

КамАЗ, будто по приказу, завелся и осветил фарами неподвижно стоящего перед грузовиком человека лет сорока. Одет незнакомец был во все черное, поэтому казалось, что это вовсе и не человек, а кусочек темноты, который случайно возник на белоснежном ковре. Шикарный кожаный плащ покрывал не менее дорогой костюм, на ногах были ботинки из крокодиловой кожи, руки в перчатках держали трость, набалдашник которой увенчивался золотым черепом. Незнакомец был без головного убора, зато пострижен по последней моде. Немая сцена продолжалась несколько секунд, после чего мужчина приподнял воротник плаща, подошел к кабине со стороны напарника, открыл дверь и, улыбнувшись, поприветствовал находившихся внутри:

— Здравствуйте!

— Добрый вечер, — в один голос пробормотали обитатели КамАЗа.

— Какой же он добрый, коли такая погода на дворе? Извините, что беспокою, но мне надо в город, а вы, как я вижу, направляетесь именно в ту сторону. Не могли бы вы подбросить меня до Тамбова? Я заплачу, сколько скажете.

Семеныч хотел было отказать, поскольку у него было железное правило никогда и никого не сажать в машину на трассе, но в этот раз язык почему-то не послушался хозяина, и водитель кивнул головой в знак согласия. Напарник, зная принципиальный характер друга, удивленно посмотрел на него и нехотя подвинулся ближе.

— Огромное вам спасибо!

Незнакомец залез в кабину и закрыл за собой дверь. Водитель и напарник молчали, пристально рассматривая пассажира и недоумевая, зачем они разрешили ему сесть.

— Вы, наверное, удивлены меня здесь увидеть? Моя машина сломалась в нескольких километрах от трассы. Хорошо, что вы ехали мимо. Я уже часа два жду, и представляете, ни одного автомобиля! Думаю, мне вас сами небеса послали. Я, уж если честно, прям и не надеялся тут кого-то увидеть, — незнакомец подкупающе улыбнулся. — Да вы трогайтесь, трогайтесь. А то по радио обещали метель. Ох уж эти синоптики, — покачал он головой.

«Похоже, я уже тронулся», — подумал водитель, не отрывая глаз от нового пассажира, включил скорость и надавил на педаль газа. Машина с ревом начала движение, трамбуя снег огромными колесами. Напарник Семеныча взглядом пятилетнего ребенка смотрел то на него, то на незнакомца. В голову экспедитора полезли странные мысли: «Ох, врешь ты все. Какие, к черту, несколько километров? Какие, на фиг, пару часов? Сам без шапки, одет легко, ботинки летние, а на них и снежинки нет, словно с магазинной полки только что сняли. За два часа ты бы окошел к чертовой матери!».

Незнакомец неспешно повернулся к экспедитору.

— Вы, Четырин Виктор, не смотрите на меня так пристально. Я не девушка, чтобы на меня засматриваться. Вижу, вас смущает мой внешний вид. Если я вам не по душе, так и скажите. Я выйду, только добросьте меня до первой попутки или заправки.

Водитель с напарником замерли от удивления.

— Да нет, нас ничего не смущает. И человека мы в беде не оставим. Доведем, куда скажете, — после недолгого замешательства тихо отреагировал Виктор.

— Прекрасно. Я знал, что хорошие люди еще не перевелись, хотя встречаются они все реже. Сегодня мне, похоже, повезло. Впрочем, как и всегда.

— Простите за нескромный вопрос, а как вы узнали мое имя?

Вместо ответа попутчик рассмеялся.

— Послушайте, я в этом не вижу ничего смешного. Мы вам не представлялись, и на лбу у нас это не написано, — вступил в разговор Семеныч.

— Да-да! — поддакнул Четырин.

— Я узнал ваше имя, потому что могу слышать мысли всех людей, точнее, читать их. Я своего рода экстрасенс, колдун, — загадочным голосом прошептал незнакомец, взглядываясь в озадаченные лица попутчиков.

В кабине наступила гробовая тишина, такая, что если бы не гул двигателя, то можно было услышать, как бьется сердце у каждого из сидящих в КамАЗе.

— Вы бы видели свои лица! — снова громко рассмеялся незнакомец.

Лица у Четырина и Семеныча и впрямь были как у детей, которым только что сказали, что Деда Мороза не существует, а подарки под елку на Новый год им кладут родители.

— Да не пугайтесь вы так. Вы забыли снять бейдж со своей спецовки, и он торчит из-под вашей куртки. А на нем написаны ваши фамилия и имя, а также должность. Так что никаких чудес нет и быть не может. Какие в нашей жизни чудеса? Только холодный расчет для достижения своей цели. Я вижу, вы люди скептического настроения, и ваше недоумение по поводу того, как это я не замерз, пока стоял на морозе, одетый явно не по погоде, вполне обосновано. Вы остановились возле поворота на Мордово, а там, с левой стороны, есть кафе, где я и сидел все это время. Кстати, чтобы вы не спрашивали, почему не заметили эту забегаловку и как я вас оттуда увидел, то это элементарно. Машин в такую погоду мало, звук двигателя слышен хорошо. Вот я и вышел посмотреть, а тут, бац, и вы. Чудеса бывают лишь в сказках, а случайные совпадения просто случаются, хотя и нечасто. Ну, если только такое случайное совпадение давно кем-то не спланировано.

Виктор изумленно слушал нового собеседника. Да и водитель не мог понять, как это пассажир ухитряется отвечать на вопросы, которые они еще не задали.

— А как вы догадались, что мы хотели спросить?

— Да бросьте вы. Я же вижу, что вы на меня смотрите недоверчиво. Я и сам, признаться, так же думал бы, встретив человека в жуткий мороз легко одетым, притом черт

те где. Если честно, то я бы даже не посадил его к себе в автомобиль. Мало ли кто он есть на самом-то деле? Да, жизнь сейчас страшная пошла. Лучше перестраховаться лишний раз. Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай.

«Обалдеть! Давай уж до кучи и представься, раз ты такой умный!» — рассуждал про себя Семеныч в поисках каких-либо объяснений этой череды фантастических совпадений.

— Да, кстати, я забыл вам представиться. Наверное, от радости, что вы меня подобрали. Меня зовут Анатас.

Семеныч аж поперхнулся.

— Ты что, из деревни что ли или еврей? Имя у тебя какое-то странное.

— А разве имя может быть странным? По-моему, имя оно и есть имя, тем более, я его не выбирал. Вас, например, как зовут?

— Михаил.

— Ми-ха-ил, — протянул по слогам Анатас имя водителя. — Знаком я с одним товарищем, вашим тезкой. Занудный, простите меня за прямоту, персонаж. Да и имя его, как и ваше, стопроцентно еврейского происхождения.

— С какого ляха?!

— Я объясню. Происходит оно от древнееврейского Михаэль, которое означает равный, подобный Яхве, то есть Богу. Человек с таким именем обладает способностями, которые приближают его к Создателю. Так что имя несет в себе глубокий смысл и потенциал. В советские времена давали имена куда чуднее моего, и никто не удивлялся, хотя их смысл был весьма скуден, нежели у древних имен.

— И что же тогда твое имя означает? — спросил Семеныч злобно, так как его впервые, хотя и косвенно, назвали нерусским.

— Мое имя с греческого переводится как «дарящий свет». Хотя это так, людские предрассудки.

— Дарящий свет?! Отлично! Значит, мы здесь темные. А ты у нас — дарящий свет.

— Я не хотел никого обидеть. Вы задали вопрос, я на него ответил. Обычный разговор. Вы уж простите, если я что не так сказал.

— Тогда совсем другие времена были, — попытался уладить конфликт Виктор.

Анатас посмотрел на Четырина и с сожалением покачал головой.

— Нет, молодой человек. Время не может быть другим. Оно есть и остается одним и тем же, только люди меняются. А насчет моей национальности, так у меня ее и вовсе нет.

— Как это нет? — встрепнулся Семеныч. — У всех есть, а у тебя нет?

— Ну, как вам это объяснить? — начал было Анатас, но его перебил Виктор.

— Как-как? Гражданство, небось, двойное! Правильно я говорю?

— Точно-точно. Гражданство.

— А зачем вы в Тамбов едете?

— Я путешествую. Люблю смотреть на быт и нравы в разных уголках планеты. Мне нравится сопоставлять образ жизни, нравится наблюдать за людьми. Вообразите, что вы оказались в шкуре другого человека. Вы читаете его мысли, вам становится понятно, кто он и чем он дышит, и все грехи его словно у вас на ладони. Разве это не интересно?

— Интересно, конечно, но побывать в чьей-либо шкуре просто невозможно. А по своей воле незнакомому человеку никто душу излить не будет, да и грехи свои не захочет выкладывать. Я, например, уж точно бы не стал.

— Да и я тоже, — крутя руль, буркнул водитель.

— Это вам так кажется. Пообщавшись со мной наедине, каждый начинает раскаиваться. Но раскаяние как таковое меня мало волнует. Я бы даже сказал, что я категорически против него. Знаете, если бы я мог отдать жизнь за то, чтобы его не было, я бы, скорее всего, это сделал. Зачем мне жалобы, когда все, что совершенно, уже свершилось? — в кабине воцарилось молчание. — Представьте себе, гипотетически, что у вас есть возможность убить ненавистного вам человека. Ну, предположим, сбить его вот на этом автомобиле, — Анатас шлепнул ладонью по торпеде. — Насмерть. Никто и никогда об этом не узнает, никаких свидетелей, никакой ответственности. Я имею в виду полную безнаказанность. Ни правосудие, ни Бог, ни дьявол не стояли бы над вами. Совершили бы вы убийство тогда? Мне интересно, что подсказывает вам ваша душа?

— Станный вопрос, — сухо ответил Виктор. — А к чему все это?

— Просто интересуюсь. Допустим, нет никакой религии, которая держит вас за шиворот, нет суда и ответственности за содеянное. А перед вами злейший враг. Будь то директор, на которого вы работаете, неверная жена или просто бугай, который на вас не так посмотрел. Убили бы вы его?

— Трудно сказать, — задумался Четырин.

— Ну, представьте, что в вашей власти вершить суд над человеком.

— А что ты скажешь, Семеныч?

— Не знаю. Пускай он сам и ответит. Сам-то ты что думаешь?

— Вам сказать правду или так, потехи ради?

— Да нет, ты уж правду давай, коли начал такой разговор.

— Мне представляется, что человеку, как существу слабому, для убийства себе подобных причин не надо. Иногда человек убивает за стакан вина, иногда, чтобы защитить семью. Бывают случаи, что он убивает для развлечения. Люди — зверье, убивать в их натуре. В давние времена они уничтожали неугодных, в наше время убивают просто так. Они не знают, ради чего это делают. Просто делают то, что кажется им на данный момент правильным. Я думаю, что ваша душа подсказала бы вам не убивать. Ведь вы же порядочные и добрые, не так ли? Вопреки принципам посадили в машину незнакомого человека и не дали ему замерзнуть. Я такие души, как ваши, насквозь вижу. Добрые вы люди. Мне всегда такие попадаются.

— Я, кстати, с вами согласен, что можно убить, защищая семью, — закуривая дрожащими руками сигарету, заметил Четырин. — Семья — это святое.

— Семья держит человека в узде. Но она же делает его безумным в случае опасности. Впрочем, убив однажды, вы сами становитесь жертвой, объектом расправы. Звенья цепи тянутся одно за другим.

— Что за бред? И вообще разговор, по-моему, про раскаяние был, — сжав, что есть силы, баранку, пробормотал Семеныч. — Ты что, святой отец на исповеди или падре, чтобы тебе душу изливали?

— Нет. Конечно, нет. Куда мне до святых? Просто по роду своей деятельности мне приходится выслушивать жалобы на жизнь. И, поверьте, я их слушаю буквально каждый день. Изо дня в день жалобы и жалобы. Нытье и слезы. «Простите, я не то совершил», «простите, я был неправ». А бывает, что начинают прикрываться, и знаете кем? — понизил голос до шепота Анатас.

— Кем?

— Им, — указал пальцем вверх попутчик.

В кабине раздался смех.

— Истину говорю, так прямо на него и ссылаются.

— Ха-ха-ха!

— Вам смешно, а мне такой контингент не один раз за день попадается. Если бы вы знали, чего хотят некоторые и за что готовы не только душу, но и мать родную продать, вы бы смеяться стали поменьше.

— Ладно, хорошо, продолжайте свою дурь нести, хоть посмеемся.

— Рад, что смог развеселить вас. Я хочу привести один пример. Надеюсь, вы не против?

— Ну что вы!

— В конце октября московская милиция провела операцию по задержанию группы педофилов. Арестовали шестерых человек. Преступники в течение двух лет насиловали детей. Жертвами московских «бойлаверов»[1], а именно так они себя называли, были в основном ребята из детских домов и малообеспеченных семей. И это далеко не единичный случай. Но ни одна страна мира не в силах окончательно справиться с этой проблемой. Слишком она масштабна и, как кажется многим экспертам, принципиально неистребима. Хотя истребить заразу можно легко, если дать бразды правления в нужные руки. Или вы со мной не согласны?

— Таким подонкам нужно яйца отрезать на корню! — выругался Виктор.

— Мир продолжает применять всевозможные способы борьбы с такого рода извращенцами. Все спорят, что лучше: электронные датчики, позволяющие через спутник устанавливать их местонахождение, химическая кастрация, пожизненное заключение? Но даже в тех странах, где педофилы взяты под жесточайший контроль, преступления против детей продолжают. По утверждению специалистов, побороть педофилию полностью никогда не удастся. Чем больше я узнаю об этом чудовищном явлении, тем больше возникает вопросов, на которые нет прямых ответов. Больны они или все-таки здоровы? А если вменяемы, то почему такой вид удовольствия приемлем для них? Как обезопасить и защитить от них детей? Я задавал эти вопросы многим людям, но так и не получил внятного ответа. А что вы скажете?

— Перебить этих сук надо, вот и все! — нервно ответил водитель.

— Значит, вы все-таки приемлете убийство себе подобных. То есть, по-вашему, если человек согрешил, то его можно уничтожить. А если он искренне раскается в грехах, знаете, что будет?

— Что? — тихо спросил Виктор.

— Его простят. И здравствуй, свобода, — Анатас развел руки в стороны.

— Да чушь это полная! Такого никто не потерпит, даже Бог! Он что, дурак что ли? Если бы он был на самом деле, то такого бы не допустил!

— И я так раньше думал. Но увы: факты есть факты. Я считаю, что людям раскаяние не нужно, а он почему-то считает обратное. Они же его любимые игрушки. Пороть людей нужно, а не пряник им давать. За что их прощать, если они творят такое?

— Это не люди, это твари!

— И я такого мнения. За любое деяние человек несет ответственность. Но не кажется ли вам лишение жизни слишком строгим наказанием?

— За такое так и надо, — закурил Семеныч.

— Это да, — неуверенно промямлил Четырин.

— Тогда вернемся к вопросу о безнаказанном убийстве и предположим, что убийца

совершил преступление и все-таки ушел от ответа. Его жизнь идет обычным ходом. Семья, работа, друзья. Все вроде бы нормально. Он думает, что никто не догадывается. Да и сам он практически все давно забыл и оставил в прошлом. Но вдруг кто-то все помнит? Каждую мелочь, каждую деталь?

— Да какого дьявола?! На что ты намекаешь?! — не выдержал Семеныч.

— Просто я хочу теперь узнать, совершили бы вы преступление, если бы знали, что сделанное вами не пройдет незамеченным и рано или поздно вам придется отвечать?

— Нет, — сухо ответил Виктор и отвернулся от собеседника.

— Ты знаешь что? Не мели чушь, а то высажу! — выпалил шофер.

— Простите, я не хотел никого обидеть. Я лишь интересуюсь, вот и все. Просто веду беседу, чтобы скрасить наше время в пути. Если вам интересно, я мог бы немного рассказать о себе.

— Валяй! — прокашлялся Семеныч. — А то тебя не в ту степь понесло.

— Год за годом я посещаю города, деревни, села, новые места и остаюсь там на некоторое время. Вот, например, в 1935-м году я гостил в Москве. Интересные там люди были, да и образ жизни был совершенно другой, не то что сейчас. А теперь хочу посмотреть, как вы в провинции живете, да заодно и кое-какие дела завершить.

— Простите, в каком-каком году вы в Москве были?

— В 1935-м, — невозмутимо повторил попутчик и, повернувшись к окну, стал всматриваться в темноту.

— А-а-а, понятно, — Семеныч дернул напарника за рукав куртки и показал пальцем, чтобы тот подвинулся к нему поближе. Виктор послушно подчинился. — Большой какой-то. То про убийства, то про педофилов. Может, он казачек засланный? Ты мне смотри, хоть слово скажешь... — еле шевеля губами, угрожающе прошептал Семеныч на ухо напарнику. — Может, мы его на первом же посту ментам сдадим, а то мало ли что у него на уме? Может, он маньяк какой? Да и взгляд у него нездоровый. Глаза, словно угли, черные. Не нравится он мне. Ох, не нравится.

— А за каким хреном ты его посадил, а? У тебя же принципы! — Виктор мельком взглянул на попутчика.

Семеныч только пожал плечами, не зная, что ответить.

— Неужели я напоминаю маньяка? — поворачиваясь к своим собеседникам, улыбнулся Анатас. — Это неправда. Я знаю их всех поименно и лично, но ни один из них вовсе не похож на меня. Это я вам точно говорю. Взять хотя бы широко известного в вашей стране Андрея Чикатило. Следователи называли его бешеным зверем, красным потрошителем, маньяком из лесополосы, гражданином X. Впрочем, эту мразь можно называть по-разному, но суть остается сутью. Признанное количество жертв этого человека — пятьдесят три. Но их было гораздо больше. Муж, отец двоих детей, член КПСС, школьный учитель и при этом самый жуткий российский маньяк-убийца, садист и каннибал. А на вид был хороший человек. Только за июль и август 1984 года Чикатило убил восемь женщин и детей. Он уродовал тела своих жертв: отрезал и откусывал языки, соски, половые органы, носы, пальцы, вскрывал брюшную полость, рвал зубами внутренние органы. Многие жертвы при этом были еще живы. Почти всем он выкалывал глаза.

— А глаза-то зачем? — сглотнул слюну Семеныч.

— Ну как зачем? Страх.

— Какой к черту страх?

— Обычный человеческий страх. Он просто боялся, что жертва сможет опознать его, если спасется.

— Хватит, а то меня сейчас стошнит, — вытер пот Виктор.

— Откуда ж ты их всех знаешь?! — грозно спросил водитель.

— Как бы получше выразиться? Я работаю с ними. Работа непыльная, увлекательная, и, поверьте мне, я ни секунды не сожалел о том, что делаю.

— И что это за работа такая?

— Я занимаюсь тем, что выношу приговор, тот или иной, по мере деяний. Вот и все. Люди несовершенны, поэтому мне приходится присматривать за ними.

— Так ты что, судья что ли?

— Ну, это вы мне потом сами скажете, судья я или нет. В вашем понятии судья — это человек в мантии, выносящий приговор в зависимости от размера взятки. А я приговариваю по справедливости. У меня нет ни прокурора, ни адвоката. Мой приговор нельзя обжаловать, мой судебный процесс не занимает много времени, и меня нельзя купить. Я и судья, и палач.

— Да Бог с тобой! — рассмеялся Семеныч.

— Простите меня, конечно, но Бог со мной быть никак не может, по той простой причине, что мы с ним очень разные и мнения у нас с ним расходятся, — голос Анатаса был настолько холодным, что у водителя КамАЗа желание смеяться резко пропало.

Виктор посмотрел на незнакомца, затем на Семеныча.

— Господи, вы бы тему сменили что ли!

— Зачем же? По-моему, отличная получается дискуссия. Позвольте вам обоим задать один пустяковый вопрос, который для меня очень важен. Я задаю его всем без исключения.

— Валяй! — рявкнул водитель, не отрывая взгляда от дороги.

— Ответьте мне, почему вы все время вспоминаете Бога? Вы что, в него верите?

— Да ни в кого мы не верим, ни в Бога, ни в черта! Ни того, ни другого нет.

— Откуда такая уверенность?

— Ты же сам рассказывал про всякую сволочь! Если бы Бог был, разве бы он допустил такое?!

— Все, что человек ни делает, он делает по собственной воле. Никто не может принимать решения за него, даже Бог. Человеку дано право выбора: поступить так или иначе, пойти прямо или свернуть. Пункт назначения у всех один, только дорогу каждый выбирает свою.

— Ты хочешь сказать, что мои действия предрешены? Что все, что я делаю или говорю, давно кем-то прописано?

— Не действия, но то, куда они приведут тебя.

— Да иди ты к черту!

— Как я понимаю, в черта и дьявола вы тоже не верите? — улыбнулся Анатас.

— А уж в него-то мы тем более не верим. Князь тьмы, ха!

— Значит, ни Бога, ни Сатаны, по вашему мнению, попросту нет? Люди живут сами по себе, и никто их не контролирует, никто не наблюдает за ними. И если я правильно понял, ни один их грех не выходит на поверхность. То есть вы считаете, что судьбой человека управляет сам человек? Что после смерти вас тупо съедят черви и не будет вам никакой ответственности за то, что вы сделали при жизни?

— Конечно, нет. И хватит всякую чушь спрашивать! — перешел на повышенный тон водитель.

— А вы, Виктор, согласны с мнением вашего друга?

— Я не верю в Бога и дьявола, которых нам навязывает церковь. Бог должен быть в душе, вот и все.

— Таких ответов я давно не слышал. То есть вы считаете, что он скорее все-таки есть, нежели его нет?

— Наверное, так.

— Знаете, я с вами полностью согласен. Зажравшееся духовенство любой религии проповедует такую чушь, что ее впору объявлять ересью. А первосвященников, как самых отъявленных грешников, я бы лично сжигал на костре. Как говорится, самый большой грешник — это служитель церкви, самый большой бандит — милиционер, ну а самый зверский браконьер — естественно, лесник. Человек, получивший в руки хоть малую толику власти, не знает, что с ней делать. Ему кажется, что лучший способ распорядиться ею — это унижить других, показать свое превосходство. Словом, хочешь узнать человека — дай ему власть и деньги, и он тут же покажет свое истинное лицо.

— Хорош слюни разводить! То, се. Рассуждаешь о том, с чем не сталкивался и чего не видел. По-моему, ты сам в Бога не веришь. Да и вообще, зачем в него верить?! Он мне ничего хорошего за всю мою жизнь не сделал! Ни миллиона денег не нашел, ни жену-красавицу! Вообще ничего! — ворвался в разговор Семеныч.

— Поразительно!

— И что здесь такого поразительного? Я говорю, как оно есть. Вымышленный мужик с бородой должен накормить мою семью? Что-то я не вижу протянутой им руки помощи!

— Разве он вам чем-то обязан? По-моему, Бог и так сделал для вас слишком много, даровав жизнь, которую, как я вижу, вы не цените. Впрочем, вы все равно не верите в него. Или, чтобы вы поверили, нужно превратить воду в вино и пройти по воде? А быть может, накормить куском хлеба всех нуждающихся? Вот, помнится мне, жил очень давно на свете один человек и звали его Фома. Он тоже не верил, что Иисус воскрес, пока не увидел пробитые руки Христа и рану от копья на живом спасителе. Он оплошал всего один раз, а теперь его только так и зовут — Фома неверующий. Одна ошибка клеймила его навечно. Для веры не нужны доказательства. А без веры угодить бородатому мужику, как вы говорите, невозможно, ибо просто необходимо, чтобы приходящий к нему веровал.

— Ну, ты и сказанул! Я бы тоже поверил, если б его увидел, а так... Правильно говорят, что религия — опиум для народа! — Семеныч толкнул Виктора в бок. — Правильно?

— Угу, — промычал тот.

— Значит, все-таки не верите? Не поверите даже, если я джигу для вас на небесах станцюю? Или, быть может, увидев меня танцующим на облаке, вы все-таки согласитесь с тем, что Бог и дьявол существуют?

— Что ты заладил: верим, не верим? Тебе-то что до этого?

— О, данный вопрос имеет очень большое значение для меня, можно даже сказать, жизненно важное.

— Это почему? — поинтересовался Виктор.

— Сколько себя помню, столько человеческие души принадлежали или Богу, или дьяволу. А теперь, пообщавшись с вами, я даже не знаю, куда попадает душа после смерти и что ее дальше ожидает.

— Да никуда! — парировал водитель. — Помер человек, и дело с концом. В деревянный ящик его засунули, родственники над ним порыдали, и труп в землю! А бывает и такое:

останется у покойника какое-либо имущество, ну, дом, к примеру, так родственнички из-за него готовы глотки друг другу перегрызть, лишь бы дом этот к рукам прибрать.

— Да вы что? — наигранно удивился Анатас. — Не может быть! Неужели среди людей встречаются такие, которые не чтут родства, и вот так за дом? Сказано же в Библии: «Да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники».

— Библия?! Ха! Брат сестру придушить готов за халяву! Родители копили-копили, и бах — нет их. И вот уже каждый готов урвать кусок побольше да пожирнее! И поперек горла он ни у кого не встанет. Библия? Если б по ней жили... У нас по законам не живут, а ты — по Библии!

— Вы меня пугаете. Я думал, такое только в новостях передают.

— Еще и похуже бывает. Вы, наверное, мало о людях знаете? — подхватил Виктор.

— Может быть, может быть. Чужая душа — потемки, — тихо выдохнул попутчик. — А нам еще далеко ехать?

— Уже рядом, километров десять осталось. А что, ты куда-то спешишь? — спросил Семеныч.

— Конечно, хоть времени у меня гораздо больше, чем у вас.

— Ну, раз времени у тебя навалом, так что ж спешить-то?

— Спешить нужно всегда, ибо ничем не может человек распорядиться в большей степени, чем временем. Я не привык опаздывать, даже к своим подданным, которые, наверняка, меня уже ждут.

— А у вас есть подданные? — Четырин поднял брови.

— Я же не могу выполнять всю работу сам. У каждого есть подданные, даже у него, — Анатас указал наверх.

Семеныч посмотрел на Виктора и повертел пальцем у виска. Четырин с ухмылкой кивнул. Дискуссия в кабине прекратилась. Черное облако окутало КамАЗ. Леденящий холод медленно пополз по ногам.

— Брр! Вот это минус! Слышь, Семеныч, ты бы печку что ль побольше включил.

— Да она и так на всю! Долбаная погода! — проревел водитель.

— Не любят вас здешние места. Наверное, натворили что-нибудь в этих краях? — спросил попутчик.

Водитель и экспедитор переглянулись.

— С чего это ты взял? — сглотнув слюну, пробурчал Семеныч.

— Вы сколько лет за рулем?

— А тебе это зачем? — настороженно спросил водитель, ожидая подвоха со стороны собеседника.

— Простое любопытство.

— Ну, допустим, лет двадцать шоферу, — с гордостью ответил Семеныч.

— Двадцать лет — это большой срок. А вы не задумывались над тем, что каждый ваш рейс может стать последним?

— Вот чудак-человек! Я тут каждую кочку знаю. У меня стаж больше, чем у тебя волос. Да я по дорогам ездил, когда ты еще под стол пешком ходил.

— Под стол пешком? Вы, наверное, меня с кем-то пугаете. Мне даже неловко. Я и под столом, — слегка возмутился Анатас. — А знать тут каждую кочку просто невозможно.

— Послушай, такое ощущение, что ты из глуши приехал! Ты сам-то понимаешь, чего

мелешь?! То про Бога, то про дьявола, то дурака из себя строишь. Что за чушь ты городишь?

— Чушь городить, как вы выразились, не по мне вовсе. К тому же я говорю вам истинную правду.

— Да какая, к чертям собачьим, правда?! — снова взвыл шофер. — Правда в том, что я водитель и уже двадцать лет кручу баранку. Этим ремеслом зарабатываю деньги себе и своей семье на жизнь. Короче, вкалываю, как папа Карло. Понял ты меня теперь? А?! Истину он говорит, искатель!

— Вы, как всегда, ошибаетесь. Истину невозможно найти, ибо она никуда не теряется. И заключается она в том, что это последний ваш рейс, — сухо проговорил Анатас.

— Ребята, ребята! Может, поговорим о чем-нибудь более интересном? — попытался повернуть беседу в другое русло Виктор.

— Нет, мой друг. Боюсь, ваш напарник вскоре не сможет больше ни о чем с вами разговаривать. Тем более, о чем-то интересном.

— Да?! И с чего ж ты взял, что это мой последний рейс?!

— Да ладно вам. Что вы, в самом деле? — Виктор не прекращал попыток сгладить ситуацию. — Тему-то, может, смените?

— Ну уж нет! — не успокаивался Семеныч. — Тут у нас Нострадамус завелся! Судьбы предсказывать может!

— А почему вы так уверены, что я ошибаюсь?

— Ни один человек с уверенностью не может сказать, что произойдет в будущем! И уверять меня, что я больше не сяду за баранку, не надо! Всякий бред слышал, но ты несешь что-то особенное. Я, конечно, помереть-то могу, но уж точно не сегодня.

— Семеныч, хорош болтать! Вон, глянь, к посту подъезжаем, почти приехали.

— Стоят шкуродеры! Ни дождь, ни метель, ни холод им не помеха! Сейчас, Витек, опять деньги начнут клянчить! То фары светят плохо, то аптечки нет! — с ненавистью выпалил водитель. — Рожи наели! Не рожи, а жопы! Скоро в машину залезть не смогут. Все на иномарках ездят, ублюдки. Начальство, видите ли, ругается, так они свои тачки во дворах оставляют, чтобы на работе не светиться. Цирк, да и только! Мусора проклятые! Нет чтобы бандитов ловить, так они с нас три шкуры дерут. Узаконенная мафия! Страна дебилов, никогда мы хорошо жить не будем.

— Езжайте спокойно, они нас не остановят.

— Твоими устами только мед пить. На Стрелецком посту хрен какую машину пропустят, тем более грузовик. Слыхал, Витек, нас сейчас пропустят и еще честь вслед отдадут! — съязвил Семеныч.

Как только машина подъехала к посту, милиционеры, изменившись в лице, словно по приказу, вытянулись по стойке «смирно» и, открыв шлагбаум, отдали честь проезжающему мимо КамАЗу. В кабине воцарилась гробовая тишина. Семеныч и его напарник не могли поверить собственным глазам.

— Э-э-э, — еле проглотив слюну, произнес водитель, поворачивая голову к своему спутнику. — Это как это? Что это вообще значит? Это они кому?

— Вам. Правда не в том, что вы видели. Правда в том, во что вы поверили, — Анатас повернулся к Четырину. — По-моему, мы приехали. Я сойду здесь. Спасибо, что подбросили. Кстати, уютное местечко вы себе выбрали для жизни, Виктор. Если бы вы не создали многих проблем, оно было бы еще лучше. Я гляжу, у вас частный дом, до города рукой подать. Как говорится, живи — не хочу.

— Конечно, — пробормотал Виктор, пытаясь вспомнить, когда это он сказал незнакомцу, где живет.

Его мысли прервал нездоровый гул мотора. Скрежет и визг раздались из сердца машины, и она остановилась рядом с автобусной остановкой.

— Что за черт?! — ругнулся водитель.

— Что случилось?! — спросил Виктор практически одновременно с Семенычем.

— Да хрен его знает! Только поршневую поменял, все новое поставил. Ерунда какая-то. Чему там ломаться-то?! Мать твою! Когда ж я себе иномарку куплю? Буду ездить, как человек?!

— Уже никогда, — Анатас не спеша вылез из кабины и поднял воротник своего плаща. Он взглянул вверх. Свет фонаря лучом ударял в землю, белые хлопья снега густо мерцали под ярким освещением. — До свидания, Виктор.

— Эй, слышь! А мне «до свидания» сказать не надо?!

— Прощайте!

— Постой! А деньги?!

— Ах да, конечно. Как это я мог забыть? — Анатас достал из внутреннего кармана плаща черный бумажник, на котором была вышита золотая змея. — Вам что: рубли, доллары, марки? Чем изволите принять благодарность?

— Нормально-о-о! — протянул Семеныч. — Может, у тебя и золото есть?

— Могу и золотом. Так какие?

— Ну, давай доллары.

— А сколько вы с меня возьмете за ваше доброе дело?

— А сколько тебе не жалко? Вот сколько бы ты нам дал за то, что мы тебя из такой пурги вытащили, а?

Анатас протянул свой бумажник.

— Возьмите. Для хороших людей ничего не жалко. Тем более, деньги — это всего лишь средство создания превосходства. Чем их больше, тем больше проблем. С ними ваши пороки станут еще сильнее. И хотя эти бумажки не имеют ценности, вы почему-то уверены, что смысл жизни именно в них.

— Что, все взять? — недоверчиво переспросил Виктор.

— Конечно, берите.

— Да бери ты, пока дают! — поторопил Четырина Семеныч.

Виктор медленно протянул руку и взял бумажник.

— Берите-берите, — повторил попугчик. — Вы по праву их заслужили, ведь добрые дела в нашей жизни делаются исключительно за деньги.

Анатас улыбнулся и, поправив воротник плаща, пошел прочь от машины, оставив своих спутников наедине с кошельком. Семеныч и Виктор молча смотрели ему вслед, пока его силуэт не скрылся в ночной пурге.

— Вот идиот! — нарушил тишину грубый голос шофера. — Надо ж, полный бумажник бабок оставил! Повезло! Не зря мы столько времени его ахиною слушали. Ну, давай, не томи душу, открывай быстрее, — чуть ли не выхватывая из рук Виктора кошелек, ревел Семеныч.

— Да успокойся ты! Сейчас открою, — отпихивая руки водителя, расстегнул бумажник Четырин.

— Мать моя женщина, роди меня обратно! — в один голос проговорили оба, когда в открытом кошельке показались стодолларовые купюры.

— Сколько же тут? — оглядываясь по сторонам, шепотом спросил Семеныч.

Виктор взглянул на водителя, который пожирал деньги глазами и, улыбаясь, довольно потирал руки.

— Не нравится мне все это.

— Да что не нравится-то? Так подфартить только раз в жизни может! Ты лучше давай посчитай, сколько там, — нервно дергаясь, не отрывал взгляд от валюты Семеныч.

Виктор медленно облизнул большой палец правой руки, потер его об указательный и принялся считать.

— Ну, ну, ну, — нетерпеливо повторял Семеныч.

— Десять тысяч и тридцать центов!

— Это ж до хрена, черт возьми! Это ж по пять тысяч на брата!

— Точно, — согласился Виктор. — Только я себе бумажник возьму, хорошо?

— Да бери! На кой он мне сдался?

— Ну, спасибо. А если он попутал чего? Если вдруг опомнится? Ты сам посуди: такие деньжищи отдал, — принялся делить деньги Четырин.

— Когда опомнится, поздно будет! Деньги пополам и по домам сразу. А там хоть трава не расти!

Пока Виктор делил деньги, его приятель волком смотрел то на него, то на бумажник, на котором золотыми нитками была вышита змея с блестящим камнем вместо глаза. Семеныч про себя пересчитывал каждую бумажку вслед за своим напарником. Жадное чувство зависти разгоралось внутри него. Ему казалось, что у Виктора пачка больше, хотя он мысленно провожал взглядом все купюры. Вдруг змея повернула голову и посмотрела на Семеныча. Теперь у нее было уже два глаза, причем один — угольно-черный, а другой — кроваво-красный. Семеныч вздрогнул и сильно зажмурился. В голове пронесся голос: «Убей!».

— Что с тобой? — удивился Четырин, глядя на бледного водителя.

Тот посмотрел по сторонам, затем на бумажник, потом на Виктора.

— Да что с тобой?!

— Все нормально! Нормально! — вытирая пот со лба, прохрипел Семеныч. — Просто что-то сердечко прихватило от такой радости.

— М-да. Ты это, смотри, а то и впрямь за баранку больше не сядешь! — улыбнулся Виктор.

— Ладно-ладно! Все поделил?!

— Да, вроде все поровну, пополам, — забирая деньги и бумажник, сказал Четырин.

— Пополам говоришь?! — не отводил взгляд от бумажника водитель.

— Как договаривались.

— Ну, хорошо! Только помоги мне машину починить. А то ты тут рядом живешь, тебе до дома два шага, а мне вон еще на другой край города пилить.

— Так ты ж сказал, делим и в разбег.

— Так-то оно так. Но не хочу свою ласточку здесь оставлять. Может, по-быстрому все сделаем? Ну, а если нет, значит, нет.

— Без проблем! А что надо делать?

— Сходи, инструмент принеси. Он у меня в ящике под кузовом лежит. А я пока кабину подниму, посмотрю, что поломалось.

Четырин открыл дверь и спрыгнул вниз. Его ноги провалились в рыхлый снег, который

все не прекращал падать. «Надо ж, как валит, следы замело так быстро, будто их и не было», — Виктор обхватил себя руками и пошел за ящиком с инструментом.

Взглянув в боковое зеркало на уходящего напарника, Семеныч быстро поднял коврик и посмотрел на лежащую под ним монтировку. Он потянулся к ней и дрожащей рукой поднял с пола.

— Обмануть меня вздумал, щенок малолетний? Денег, небось, больше забрал! Да и бумажник в придачу. Как ловко он сориентировался. Ему, мол, он больше нужен. Ладно, посмотрим, — тихо прошипел водитель и открыл дверь.

— Слышь, Семеныч, где этот твой ящик?! Я уже окоченел весь!

На крышу автобусной остановки сел и громко каркнул ворон. Фонарь замерцал, но свет не погас.

— Чертова птица! Кыш! Пошла прочь! — вздрогнув, замахал на него Семеныч.

— Ну, ты где есть-то?!

— Сейчас иду!

Ворон прокричал еще громче. Семеныч выпрыгнул из кабины, но не удержал равновесия. Его ноги подкосились, и он, падая, ударился виском об угол ступеньки. Раздался громкий глухой звук, который услышал даже Виктор с другой стороны КамАЗа.

— Эй, что там у тебя?! — ответа не последовало. — Семеныч, ты меня слышишь?!

Постояв немного, Виктор обошел машину и увидел лежащего на снегу водителя.

— Эй, что с тобой? Ты живой? Ну все, хватит, хорош прикалываться.

Виктор склонился над водителем и попытался его приподнять. И тут ладони экспедитора почувствовали что-то теплое и вязкое. Он отшатнулся, разглядев на руках кровь. Ворон крикнул еще раз, нехотя поднялся в воздух и скрылся в темноте. Свет фонаря снова замерцал, и лампочка с шумом лопнула. Четырин попытался приблизиться к Семенычу, однако ноги его не слушались. Он даже хотел закричать, чтобы позвать на помощь, но голова закружилась, тело стало ватным, и он упал без сознания в пушистый и холодный снег. Дорогой читатель если тебе понравилось первая глава данного произведения то я могу совершенно бесплатно выслать тебе эту книгу со своим автографом, пишите в личку. Большие снежные хлопья падали на лицо молодого человека, но он не ощущал ни холода, ни горя — просто спал без сознания и без сновидений и не знал, какой ужас ожидал его после пробуждения.

[1]От англ. «boylover», что в переводе означает «любитель мальчиков».

ВСТРЕЧА

Иногда то, что нам кажется реальностью, всего лишь плод нашего воображения.

И чем больше мы верим в эту реальность, тем больше мы отдаляемся от реального.

— Эй! Эй! Очнись, — услышал вдруг Виктор. — Ну-ка, принеси нашатыря! — молодой человек почувствовал удары по щекам.

«Сон! Всего лишь страшный сон! Ничего этого не было!» — боясь открыть глаза или шевельнуться, подумал он.

— Сань, дай-ка ему нюхнуть! — Виктор зажмурился от резкого запаха. — Парнишка! Ты живой?! Эй! Глаза-то открой, что здесь случилось?! — кричал ему кто-то.

Четырин закашлялся и открыл глаза. Над ним склонился доктор, рядом стояла машина скорой помощи. Чуть далее виднелся сотрудник ДПС, который как мог регулировал движение.

— Куда ты прешь?! Ну, куда ты прешь?! Что, жмурика ни разу не видел?! Давай проезжай, проезжай, — суетился он.

— Ну что, пришел в себя? Или еще дать нашатыря понюхать? — спросил доктор, глядя на очухавшегося Виктора.

— Не надо, — еле ответил тот и стал подниматься.

Тело плохо слушалось, казалось, что даже кровь в его организме замерзла.

— Вот и хорошо! Вот и ладненько! Вижу, что в себя пришел, — улыбнулся доктор.

Четырин поднялся. Он продрог до костей и не чувствовал ни рук, ни ног. Тело Семеныча уже погрузили на носилки и унесли.

Доктор проводил Виктора в машину скорой помощи, где во всю мощь работала печка.

— Куришь? — спросил Четырина доктор.

— Курю, — дрожа от холода и нервного стресса, пробормотал Виктор.

— Тогда держи! — доктор протянул ему пачку.

— Нет, спасибо, у меня свои.

— Ну, как скажешь, дело твое.

Виктор достал сигареты и зажигалку из кармана куртки и дрожащими руками безуспешно попытался прикурить.

— На, не мучайся, — доктор поднес зажженную спичку.

Виктор прикурил и в знак благодарности кивнул головой.

— Да, повезло тебе, что тебя вовремя заметили, а то бы сейчас грузили, как твоего напарника. Во веселуха: один замерз, другой череп раскроил, — доктор затыкнулся горьким дымом. — Хоть немного согрелся?!

— Угу, — промычал Виктор. — А кто нас обнаружил?

— Да хрен его знает. Кто-то позвонил в скорую и сказал, что там, мол, и там находятся два человека, один мертвый, а другой живой. И предупредил, что если мы вовремя не приедем, то и второй тоже помрет. Как видишь, мы к тебе успели, так что радуйся! — хлопнув Четырина по плечу, воскликнул доктор.

— Очень рад, — тихо ответил Виктор.

— На вот тебе для сугрева, — доктор достал из своего саквояжа темный пузырек антисептина и, открутив крышку, вылил содержимое в стакан. — Выпей.

— Че за дрянь-то? — взяв стакан, произнес Виктор.

— Сам ты дрянь! Пей, пока дают. Личный запас на тебя трачу.

Четырин недоверчиво посмотрел на жидкость в стакане.

— Да пей, не бойся. Спирт это. Товар года по продажам в аптеках. Извини, боярышника нет. Так что не смотри на стакан, как солдат на вошь, а давай быстрее. Для тебя сейчас это лучше всего будет.

— Господи, прими за лекарство, — Виктор, выдохнув, проглотил содержимое стакана. — Закусить-то есть чем? — помахав перед ртом рукой, спросил он.

— Ага! Конечно! Шведский стол! Только он в Швеции, так что можешь сбегать и закусить там! Ну что, госпитализироваться будем или отказываемся?

— Не надо! — ответил Виктор.

— Ладно. Тогда подпиши здесь и вот здесь, что отказался, — доктор протянул ему какие-то листы. Виктор послушно расписался. — Ну, я свое дело сделал. Теперь должен передать тебя в руки вон тех милых людей, — открывая дверь «Газели» и указывая на милицию, обрадовал доктор.

— А что теперь будет с Семенычем? — тихо спросил Виктор.

— Ну, как что? Тело опознано, так как водительское удостоверение у него с собой было, да и паспорт тоже. Сейчас отвезем его в морг и сообщим родственникам, — заполняя бумаги, ответил доктор. — Да ты не волнуйся о нем. Ты лучше о себе побеспокойся. Тебя вон ребята из правоохранительных органов заждались. Вопросов у них к тебе целая куча. Так что ступай.

— Спасибо, — Виктор медленно вылез из машины.

Доктор улыбнулся и кивнул головой.

— Иди, иди сюда! — крикнул один из милиционеров.

— Вы мне? — непроизвольно переспросил Четырин.

— Нет, Папе Римскому! — грубо ответил страж закона. — Давай лезь в машину!

— Зачем это? — удивленно спросил Виктор.

— Ты че, дурак?! Я тебе сказал, залезай! В отделение поедем!

Четырин провел рукой по лицу и медленно пошел к машине.

— Давай живей! — снова крикнул милиционер. — Или ты нам прикажешь с тобой здесь всю ночь цацкаться?!

Виктор молча сел в машину и захлопнул за собой дверь. Автомобиль тронулся. Молодой человек задумчиво смотрел в боковое окно, все еще не понимая, что случилось и чего все эти люди от него хотят. Он смутно вспоминал Семеныча и эту несчастную поломку почти у самого его дома. Глядя на падающий снег, он пытался вырвать из метели обрывки воспоминаний о прошедшем дне. Обо всем том, что произошло с ними. Виктор чувствовал, что что-то случилось — что-то страшное и необъяснимое — но никак не мог вспомнить, что.

— Вот дьявол! — ругнулся сидящий впереди милиционер. — Что у нас за дороги такие?! Хуже, чем в деревне!

— Это точно! — ответил водитель.

У Виктора заблестели глаза и задрожали руки. Он оторвал свой взгляд от стекла и повернулся к спутникам.

— Анатас, — дрожащим голосом и почти шепотом проговорил Виктор.

— Что? — повернувшись к задержанному, переспросил блюститель порядка.

— Анатас, — со страхом озираясь по сторонам, снова пробормотал Четырин.

— Да что ты там бормочешь?!

В голове Виктора замелькали картинки, словно его мозг решил устроить своему хозяину феерическое шоу. Перед его глазами четко нарисовался человек в черной одежде. Обрывки разговора, трость с золотым черепом, его холодная улыбка — все это всплыло из глубины сознания.

— Господи, как же я раньше не догадался. Нас было трое! — воскликнул Виктор.

— Кого нас? — последовал удивленный вопрос милиционера.

— Нас! Нас было трое! — закричал Виктор.

— Че ты орешь?! Тут глухих нет! Сейчас приедем на место, там и расскажешь, сколько вас было! — рявкнул ему в ответ мент.

— Вы не понимаете! Мы подвозили дьявола! — Виктор сразу замолчал, понимая, что только что сморозил чушь.

— Кого-кого вы подвозили? Нам не послышалось? Во кадр! Мы его еще в отделение привезти не успели, а он уже чудит, — оба заржали. — Может, тебя в дурку сразу определить, пока до места не доехали? Там ты и Бога подвезешь, и дьявола, и президента нашего. Да кого угодно подвозить будешь. Станешь там таксистом работать.

— Вы не понимаете...

— Рот закрой, придурок! И сиди молча, пока не приедем! В отделении свои бредни будешь рассказывать! Понял?!

— Понял.

Пробираясь по заметенным снегом улицам Тамбова, машина с задержанным медленно подъехала к зданию отделения милиции Ленинского района. Автомобиль остановился у входа, оба милиционера вышли на улицу.

— А тебе что, особое приглашение нужно?! — рявкнул один из них и постучал в окно двери.

Виктор медленно вылез из теплой машины и направился ко входу в здание. В его голове была каша. Он не верил самому себе, но и отрицать все то, что с ним произошло, у него уже не получалось. «Почему весь этот бред произошел именно со мной? Почему я?» — постоянно думал он. Он пытался вспомнить лицо попугчика, но не мог, хотя и провел с ним несколько часов нос к носу. Единственным его желанием было поскорей проснуться, если это действительно сон. Толчок в плечо быстро развеял его мечты.

— Давай шевелись! Иди вперед!

Дверь участка распахнулась, и Виктор под присмотром своего конвоира вошел внутрь. Подойдя к дежурному, сопровождающий поинтересовался о местонахождении следователя Попова.

— Сейчас посмотрим, — ответил дежурный. — Так, так, а вот, нашел. Михаил Константинович находится в кабинете номер шесть.

— Эй! Пойдем! — окликнул Виктора милиционер.

Четырин послушно подчинился. Они шли по узкому темному коридору. Виктор пытался собрать свою память, как кубик Рубика, но безуспешно. Он не думал о том, куда его привезли и зачем, он хотел лишь понять, что случилось.

— Заходи! — вклинился в его мысли голос.

Виктор поднял глаза и увидел перед собой обшарпанную дверь беловато-желтовато-серого цвета с цифрой 6 наверху и табличкой «Следователь Попов М. К.».

— Вот, доставил по делу о происшествии на дороге возле села Стрельцы, — отрапортовал конвоир.

— Свободен, сержант, — ответил ему человек, сидящий за письменным столом в другом конце комнаты.

Дверь позади Виктора захлопнулась, и он остался наедине с неким Поповым, который сидел напротив Четырина и что-то писал. На вид ему было около тридцати — невысокого роста коренастый мужчина с короткой стрижкой. Одет он был в теплый бежевый свитер с высоким воротником и черные джинсы, из-под которых виднелись сверкающие черные ботинки.

— Ну-с, присаживайся! — следователь указал кивком головы на стул. — И как тебя по батюшке? Да и по имени тоже? — спросил он, отодвигая лист бумаги в сторону и откидываясь назад.

— Виктор Васильевич.

— А я Михаил Константинович. Вот и познакомились. Ну, Виктор Васильевич присаживайся, присаживайся, — повторил Попов, указывая на стул.

Виктор сел. Дверь открылась, и в кабинет вошел человек в форме с папкой в руках.

— На вот. Протокол по этому делу.

— Ага. Спасибо, — Михаил взял папку, открыл ее, достал какие-то бумаги, разложил их перед собой и стал рассматривать. — Ну? Я слушаю. — Виктор молча смотрел на следователя. — Рассказывай, что да как. Как дело было? Чистосердечное признание, как говорится, облегчает не только совесть, но и понимание.

— Я ничего не помню, — тихо ответил Виктор.

— Начало неплохое. Кратко. Емко. А главное по делу. А кто помнит? — Михаил сдвинул брови и шмыгнул носом. — Я что ли, по-твоему? Интересное дело получается. Ехали-ехали, а потом кто-то водителю по башке бац, и все. А, Виктор? За что ж ты его так?! Что не поделили-то?!

От этих слов Виктора бросило в жар, его сердце заколотилось, словно он только что пробежал несколько километров.

— Да вы что, на меня думаете? Я ж ему помочь хотел. Да мы с ним лет пять знакомы были. Я не убивал. Он сам как-то. Не убивал я! — в отчаянье воскликнул Виктор, а его глаза заблестели от ярости.

— Да что ты говоришь?! Ладно, не кипятись, разберемся. На то мы здесь и находимся, чтобы во всем разбираться!

— Не надо на меня это вешать. Вы лучше спросите, как дело было.

— Я бы послушал, что ты придумаешь. Только вот кровь убитого почему-то у тебя на руках была. Как ты это объяснишь? Ты ведь там один был?

— Нет, я был не один! — разозлился Виктор, но тут же остановился, понимая, что в его правду никто не поверит.

— Ух ты, как интересно! Уже, значит, не один. То есть групповуха. С подельником? Так что ли понимать? Кто такой? Как зовут? Что вы с ним делали? Как планировали? А?!

— Я оговорился. Когда все произошло, я был один. Один я был! Просто до этого мы взяли попугайчика, у которого сломалась машина.

— Интересно, ну и что было дальше? — Михаил Константинович закинул ногу на ногу.

— А можно я закурю?

— Ради Бога, — ответил следователь и подвинул пепельницу поближе к задержанному.

Виктор закурил и начал рассказывать следователю то, что произошло с ним в эту роковую ночь. Но рассказывал он не все, хотя ему и хотелось проорать во все горло, что он общался с самим дьяволом или с какой-то непонятной страшной силой, что он только недавно понял это, что все намеки Анатаса были не случайны, а они, как малые дети, не замечали очевидного. Он хотел рассказать, что Анатас зачем-то приехал в Тамбов. Но вряд ли кто-то поверит в то, что он несколько часов назад сидел рядом с Сатаной. Зато теперь он точно сидел перед человеком, который хотел повесить на него смерть Семеныча.

— Да, интересный рассказ у тебя вышел! Тебе бы сказки сочинять. Долго выдумывал такое? Или так, импровизируешь? — Михаил затушил сигарету.

— Я правду вам рассказал, — ответил Виктор и тихо добавил. — Я его не убивал.

— Ну, правда у каждого своя, братец! Даже у того, кто старушку за нищенскую пенсию мочит. У него тоже, знаешь ли, своя правда! Слушай, а может, ты его из-за денег грохнул, а? Небось, везли приличную сумму лавандоса с рейса? Вот ты и решил легких деньжат срубить. Может, так все было? — мозг Четырина словно пронзили раскаленной иглой: в его подсознании всплыл черный бумажник, набитый кучей денег, которые дал ему незнакомец. — Чего ты глазки-то опустил, а?

— Да нет, это вам показалось, — вытирая пот со лба, еле выжал из себя задержанный и невольно потянулся рукой во внутренний карман куртки.

Медленно ощутив содержимое, Виктор к своему удивлению обнаружил, что бумажник лежал там целый и невредимый, хотя по всем правилам его должны были изъять при обыске, пока он был без сознания. «Неужели и деньги там? Наверное, они нашли их и у Семеныча и решили, что я его из-за них убил. Вот попадалово!» — с тоской думал Четырин.

— Да ладно, расслабься. Шучу я! Шучу! Настроение у меня сегодня хорошее, — улыбнулся следователь.

«Как шутит? Почему шутит? Они же должны были найти деньги у Семеныча?» — продолжал анализировать Виктор, еще больше запутываясь. Дверь кабинета № 6 снова открылась, в проеме появился молодой человек среднего роста. Одет он был в синие джинсы, заправленные в армейские берцы, и расстегнутую потертую кожаную куртку, под которой был выдавший виды, когда-то белый свитер.

— Здорово, Константиныч! — он прошел в кабинет, стряхивая с плеч тающий снег.

На мгновение в воздухе повисла тишина, после чего Михаил расцвел в улыбке и, поднявшись со стула и разведя руки в стороны, приветливо прокричал:

— Глазам не верю! Леха?! Ты?! Когда вернулся?

— Вчера еще приехал, — спокойно ответил Алексей.

— Вот сюрприз так сюрприз. Не ожидал. Не ожидал, — выйдя из-за письменного стола, обрадовался встрече Попов. — А что так рано? Ваш отдел должен был вернуться в марте, а сейчас вроде как декабрь?

— Долгая история, — махнув рукой, ответил Леха. — Малость зацепило, пришлось в

госпитале отвалиться. Да ладно, ерунда все это. Как у тебя-то дела?

— Да нормально, работаю! Погода, видишь, какая тут у нас — сам черт ногу сломит. Позавчера еще нормально было, по прогнозу оттепель обещали, да синоптики опять ошиблись. Лучше б их на деревьях повесили, они б тогда хоть направление ветра правильно показывали.

— А это что за клоун у тебя? — сев на край стола и закурив сигарету, поинтересовался Алексей.

— Этот-то? Да так, сегодня привезли, в убийстве подозревается, — Попов, обойдя Виктора сзади, хлопнул его по плечу рукой. — Только не колется! Бред какой-то несет. Говорю ему, нужно раскаяться и написать чистосердечное. Не хочет.

— Я не убивал никого! — тут же прокричал Четырин.

— Конечно, не убивал. Хватит дурку-то гнать! Сам он себе череп раскроил что ли?! Новый вид суицида такой, да?! — рывкнул Попов.

Виктор вжал голову в плечи, словно черепаха, ожидая, что на него сейчас обрушится удар. Но никаких действий со стороны Попова не последовало. Сидящий напротив Четырина Алексей внимательно осматривал его с ног до головы. Он жадно втягивал в себя дым и выпускал его через ноздри, не сводя глаз с Виктора. Докурив, он резко перевел взгляд на Михаила и, затушив сигарету, произнес:

— Слышь, Миш, пойдём потрещим в коридоре.

— А че так-то? — удивленно спросил Попов.

— Пойдем-пойдем, дело есть, — Алексей направился к двери.

— Ну ладно, пойдём, — ответил Михаил и, повернувшись к Виктору, добавил. — А ты сиди молча, ничего не трогай, понял? Пропадет чего, руки поотрываю.

Четырин только кивнул головой. Следователи вышли.

— Так в чем проблема?

— Послушай, а что это за парень-то?

— Не понял.

— В чем его обвиняют?

— Так я ж тебе говорю: в убийстве.

— Это как раз понятно. А что он говорит? При каких обстоятельствах?

— А тебе-то это зачем?

— Да так просто. Ну, что говорит-то?

— Хрень всякую он несет. Болтает, что кого-то они подвозили, что напарник сам себе череп разбил. Короче, заврался дальше некуда. Тут дело ясное, рядом монтировка лежала в крови, да и на руках у него кровь. На железяке сто пудов его отпечатки. Сейчас пальчики откатаем и отправим на экспертизу. Хотел этому халдею помочь, чтоб чистосердечное написал, а он тут из себя святого строит. Сам понимаешь, когда докажем, что он виноват, а оно так и будет, я в этом уверен, то пойдет по всей строгости, уж я ему это обеспечу. Подонок череп своему дружку раскроил, только вот беда: от вида крови в обморок упал. Хорошего преступника из него не вышло. Раскольников хренов!

— Послушай, Константиныч, отдай его мне, а?

— С чего это такая щедрость? — изумился Попов.

— Сам посуди. Я только что приехал, хоть чем-то займусь, отвлекусь. Тем более звездочку ты на нем все равно не заработаешь. А то вдруг начальство узнает, что не долечился, отправят в санаторий, а я без дела взвою. Я и так в госпитале все бока отлежал.

Думал, подохну со скуки. Отдай.

— Аттракцион небывалой щедрости! Друг спас друга от рутинной работы! Ты что, серьезно хочешь повесить это дело на себя?

— Ну да.

— Прямо серьезно? — Попов прищурил один глаз и хитро посмотрел на своего приятеля в ожидании подвоха.

— Да серьезно, серьезно.

— Только, чур, назад мне его потом не спихивай — обратно не возьму. Лады? Сам будешь на ковер ходить к начальству. Тут если не признается, затянется надолго, а он, мне кажется, может еще и под дурака закосить. Есть у меня такое предчувствие.

— Договорились, — Алексей протянул Михаилу руку.

— Тебя там, наверное, в голову ранили! Разрывным, по всей видимости. — Попов пожал руку Алексея.

— Может быть, может быть.

— Тогда с этим кадром сам разбирайся. Дело на столе. Документы найдешь в нижнем ящике. А я побежал. И да, сам рапорт напиши, что дело принял, а я завтра распишусь.

Они вновь пожали руки, но теперь уже на прощанье. Попов быстро зашел в свой кабинет, взял куртку и скрылся. Алексей и Виктор остались вдвоем.

— Ну, будем знакомиться, — произнес капитан, садясь за стол.

— Будем, — вздохнул Виктор.

— Оперуполномоченный капитан Зверев Алексей Сергеевич, — отрапортовал он.

— Четырин Виктор Васильевич, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения.

— А теперь все по порядку и в подробностях. И про своего третьего рассказывай тоже. Короче, рассказывай все, как было, если хочешь, чтобы я тебе помог.

— Я уже пытался рассказать, только не поверили мне, — промямлил Четырин.

— Во-первых, я за других не отвечаю, а во-вторых, если хочешь, чтобы я тебе действительно помог, давай-ка, братец, выкладывай все на чистоту. У меня времени навалом, да и тебе спешить некуда, так что я весь твой. Выкладывай, а я послушаю.

— Позвонить-то можно домой, чтоб не волновались? — насупившись, пробормотал Виктор.

— Чтоб не волновались, лучше как раз пока не звонить. Сейчас с тобой побеседуем, а потом посмотрим. Право на звонок ведь еще заслужить нужно.

— Ясно. Я-то вам правду расскажу, только вы меня за эту правду в психушку определите.

— Ты давай рассказывай, а там разберемся.

— Хорошо, слушайте, только сразу предупреждаю... А впрочем... — Четырин вздохнул и стал заново вещать о том, что произошло с ним в эту злосчастную ночь.

НАКАЗАНИЕ

Дайте собакам мяса -
Может, они подерутся.
Дайте похмельным кваса -
Авось они перебьются.

Чтоб не жиреть воронам -
Ставьте побольше пугал.
А чтоб любить влюбленным -
Дайте укромный угол.

В землю бросайте зерна -
Может, появятся всходы.
Ладно, я буду покорным -
Дайте же мне свободу!

Псам мясные ошметки
Дали, — а псы не подрались.
Дали пьяницам водки, -
А они отказались.

Люди ворон пугают, -
А воронье не боится.
Пары соединяют, -
А им бы разъединиться.

Лили на землю воду -
Нету колосьев — чудо!
Мне вчера дали свободу.
Что я с ней делать буду?

Владимир Высоцкий

Метель не сдавала позиции. Дороги в городе к рассвету были заметены полностью. Мороз окреп. Складывалось ощущение, что зима длится вечность и не собирается уходить. На улицах не было ни души, бездомные собаки и те попрятались по подвалам жилых домов. Пурга сметала все на своем пути, будто разъяренный бык, который так и норовит втоптать в землю все живое. Природа восстала против людей.

Однако не все в городе боялись такой погоды. Два человека, явно под градусом, торопясь, что-то выносили с городского кладбища и грузили в старый ржавый Москвич, который каким-то чудом не только до сих пор не развалился, но еще и работал.

— Еще один заход, и валим, пока нас не запалили! — крикнул человек, одетый в потрепанную фуфайку с торчащей из-под нее тельняшкой. На голове у него была серая вязаная шапка, на ногах — валенки и непонятного цвета штаны.

— Да можно и парочку. Глянь, погода какая: ни один нормальный человек из дома в такую пургу не выйдет. Так что не меньшежуй — все пучком будет.

Второй был одет так же небрежно: шапка-ушанка, темный вязаный свитер с высоким воротником, сверху старая кожанка, на ногах протертые джинсы и разваливающиеся ботинки. В целом, второй выглядел элегантнее первого и держал в руках лом.

— Слышь, Вась, а если менты?

— Да ты что? Они в темное время суток только по освещенным улицам ходят, а тут такая погода. Сам посуди, за каким чертом им сюда, здесь же дань брать не с кого, — оглядевшись по сторонам, ответил Василий.

— И то правда. Э-эх, мать честная. Погода нам на руку. Отвезем добро и можно недельку погудеть.

Оба направились в сторону кладбища. Они пробирались узким коридором вдоль железной ограды, которая, словно лабиринт, то сужалась, то раздваивалась на их пути. Снег хрустел под ногами и забивался в обувь. Завывание метели и жуткий мороз еще больше омрачали и без того унылое место скорби. Неожиданно Василий остановился и, повернувшись к своему напарнику, махнул рукой, давая понять, чтобы тот поспешил.

— Иди быстрее. Кажись, нашел, — его приятель поспешно последовал к нему. — Ну-ка глянь.

— Чего глядеть-то? И так видно, что нержавейка, а может, и люминий.

— Да ты, Ген, не кипятись, присмотришь лучше. А то припррем какую дрянь, так у нас ее никто не примет. Что тогда делать будем? Не назад же везти! — повысил тон Василий.

— Да уж точно не назад. И себе такое рановато будет, — засмеялся Геннадий.

— Ты это, гробничку-то посмотри. Может, тоже цветмет.

— Да что ее смотреть? Раз памятник из него, значит и гробничка тоже. Говорил тебе, надо было магнит взять, а то все на глазок, — деловито ответил Геннадий.

— Ты снег-то отряхни, а то ведь не видно ни шута! Тут и без магнита все видать, если присмотреться.

— Снег, снег... На, смотри, — Геннадий подошел к памятнику и смахнул рукой сугроб, из-под которого появилась нержавеющая сталь.

— Ну, убедился? Вечно ты придираешься!

— Убедился. Давай снимай гробницу, а я памятник вытащу, — Василий высморкался и приступил к делу.

Геннадий взялся вырывать гробницу из промерзлой земли. Он пытался оторвать ее, подкапывал снег с боков, бил ногой, но все его действия ни к чему не приводили. Железо вмерзло намертво, как будто его кто-то держал снизу.

— Вот зараза! Тварина мерзкая! — не выдержав, заорал он и, вскочив с колен, с силой ударил по гробнице ногой. — Так вмерзла, хрен вырвешь! Да чтоб ее!

— А ну-ка отойди. Чего разорался? Мертвых подымешь.

Василий со всего размаха вогнал лом в промерзшую землю рядом с ценным металлом и

с силой навалился на него, используя как рычаг. После нескольких таких нехитрых манипуляций добыча с хрустом подалась вверх и отскочила от земли.

— Учись, студент! — сплюнув в сторону, проговорил Василий. — Давай теперь сам.

Геннадий продолжил свою грязную работу, а его друг развернулся к памятнику и со всей силы ткнул ломом в основание. Раздался страшный грохот. Тяжелый инструмент вошел в металл, словно нож в теплое масло, проделав в нем огромную дыру.

— Ты что творишь?! Совсем рехнулся?! Запалить нас хочешь?! Давно по камерам не маялся?! — закричал Геннадий на своего подельника.

— Да не ори ты так. Вокруг ни души.

Василий нанес удар еще раз. Метель внезапно прекратилась и снег начал спокойно падать большими хлопьями. Наступила такая тишина, что, казалось, можно было услышать, как снежинки касаются земли. Природа застыла в оцепенении. Ни воя метели, ни поземки — лишь мороз стал расти, сопровождая свое присутствие треском деревьев. Но мародеры ничего не замечали. Они были слишком увлечены своим делом и, кряхтя, выкорчевывали памятник. Они даже не заметили человека, который сидел напротив них на лавочке возле соседней могилы. Он опирался обеими руками на трость и внимательно наблюдал за происходящим. Его облик полностью сливался с мрачным кладбищенским пейзажем и напоминал скульптуру, установленную здесь несколько тысячелетий назад. Шел обильный снег, но ни одна снежинка не касалась его тела — они словно проходили сквозь него.

— Бог в помощь! — произнес незнакомец, и его голос пронесся по кладбищу ледяным ветром, мгновенно остудив души мародеров.

Подельники застыли на месте, ожидая, что после этих слов последует команда «Лежать, руки за голову!». Василий даже выронил лом, и тот звучно ударился о недавно вырванную из земли гробницу. Незнакомец молчал и не двигался. Василий, набравшись духа и пересиливая страх, начал медленно поворачиваться. — Гражданин начальник, мы тут... — но, увидев незнакомца, тут же замолчал. Он дернул Геннадия за рукав, давая понять, что тот тоже может повернуться и перестать причитать. Но тот стоял как парализованный. Василий пихнул его в спину рукой, и Геннадий сделал шаг вперед.

— Да обернись ты, идиота кусок! — прошипел сквозь зубы Василий.

Геннадий нехотя, но все же выполнил просьбу приятеля. Оба мерзавца уставились на незнакомца, ошарашенные его неожиданным появлением. Казалось, что молчание длится вечность. Незнакомец смотрел на мародеров, мародеры смотрели на него. Василий медленно нагнулся, не отрывая взгляда от посетителя кладбища, пошарил по снегу рукой и нащупал лом.

— Ты кто такой? Тебе вообще, мужик, что здесь надо, а? А ну, давай вали на хрен, пока башку не оторвали! — набравшись уверенности, пригрозил он.

— Что вы так кипятитесь, господа? Я же не прошу вас прекратить вашу увлекательную и к тому же, могу поспорить, прибыльную операцию. Ведь так?

— Слышь, Вась, пойдем отсюда, не нравится мне все это. Чует мое сердце неладное. Пойдем, не нарывайся, — дергая за плечо Василия, шепотом пробормотал Геннадий.

— Да отвали ты. Вечно проблемы за тебя решать приходится, — отпихнул руку друга Василий. — Слышь ты, пентюх. Вали я сказал! Я спрашивать долго не буду, прошу по-хорошему и в последний раз!

— Ну что ж вы так с людьми разговариваете? Ладно, к мертвым у вас никакого уважения нет, так хотя бы к здравствующим с почтением относились бы. Сказано же в

писании: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас»[1]. Хотя кому я рассказываю? Какое писание? Вы газет-то не читаете. Алкоголь — вот ваша Библия, — невозмутимо ответил незнакомец.

— Ладно, все, мужик, мы уходим. Ты нас не видел, мы тебя тоже не знаем! — крикнул ему Геннадий. — Вась, пойдём.

— Да отстань ты! Ты что, его испугался? Думаешь, он мент поганый, да? Если б он им был, ты бы сейчас уже в бобике ехал! — взревел Василий, оттолкнув Геннадия так, что тот, потеряв равновесие, шлепнулся на снег.

— Да, милейший, вот это у вас нравы. Что ж вы себя в руках-то не держите? Сказан же: «В тишине и уповании крепость ваша»[2]. А гнев — один из самых страшных грехов человечества. Или вы только с мертвыми спокойно себя ведете? А может, вас к ним и отправить? Так, для общения. Они люди мирные, спокойные. И, самое главное, верующие все, — с иронией проговорил человек с тростью. — Тем более, какой из меня мент, как вы изволили выразиться? Впрочем, я действительно слежу за порядком. Конечно, в своем понимании этого слова. Преступление и наказание — вещи взаимно друг друга дополняющие, тот самый порядок образующие. Действие равно противодействию. Вот на чем держатся мир и Вселенная. Ни одно деяние не может остаться безнаказанным. Всему приходит конец и расплата. В Средневековье вам, как минимум, отрубили бы головы. Но скорее всего вас бы сожгли, а перед тем пытали, пока не признались бы в ереси. Потом вас бы прокляли как последователей Сатаны. Хотя, право, какие из вас последователи? Мерзкие, ничтожные людишки. Как он мог сотворить вас по образу и подобию своему?! Любая земная тварь лучше вас. Ни чести, ни совести. У мертвых воруете. Сами же здесь окажетесь, правда, без надгробий. Таким, как вы, они ни к чему.

— Нет, ты, Ген, мне скажи, он дебил или дурак? Я что-то не пойму! Он что, специально на нервы действует, хочет, чтоб я ему всю репутацию попортил, а?! Тебе что, мужик, металл жалко, да? Он что, твой что ли? Чего ты за него переживаешь? Не беспокойся, Бог нас простит. Он всех прощает. А мы, мужик, вроде Робина Гуда: у богатых берем и себе оставляем. Понял?! А родственники покойных — люди не из нищих, раз такие памятники ставят. Они еще купят! — аргументировал Василий.

Незнакомец положил правую руку на скамейку и закинул ногу на ногу.

— Это вы верно сказали: купят, обязательно купят. Вот, например, могила, которую вы изуродовали, принадлежит Алтунину Дмитрию Юрьевичу, который погиб в возрасте девятнадцати лет в Афганистане. Его мать осталась одна, так как ее муж разбился в автомобильной аварии, а ей, между нами будет сказано, семьдесят пять лет, и живет она впроголодь, так как пенсию у нее отбирают дочь-алкоголичка с муженьком-алкоголиком. Такие же твари, как и вы. Хотя есть у них одно оправдание. Пенсию, мол, тратят на сынишку малолетнего. Но, сами понимаете, такие, как вы, кроме как на себя больше ни на кого деньги не тратят. Так что когда она придет на могилу к любимому сыну и с радостью обнаружит, что двое добрых людей испохабили последнее его пристанище, то тут же побежит к мастеру и закажет у него новый памятник — безусловно, с Божьей помощью.

— Да пошел ты! Ты кто такой, чтобы нас осуждать? Прокурор что ли? Или, может, судья? С чего ты вообще взял, что это именно та могила?! Да какое тебе вообще дело до этого?!

— Вась, кажись, это родственник. Вот палево-то. Теперь точно заметут, как пить дать. Давай дергать по-быстрому, чую я, недоброе может быть. Прошу, пошли.

— Нет, уважаемый, я не родственник. Ваш приятель правильно выразился, я судья. Да и Бог вас не простит. Уж очень далеко вы от него стоите. Не слышит он вас. А я услышал. Сколько же нужно усилий, чтобы превратить этот мирок в то, что он заслуживает?

— Да что ты говоришь! Судья, значит?! Хрен ты с горы, а не судья! Кого ты тут судить собрался?! — Василий сделал несколько шагов в сторону ненавистного оппонента.

— Вас! — громко ответил человек с тростью и встал в полный рост.

— Вась, пойдём отсюда. Прошу тебя, пойдём! — нервно забормотал Геннадий.

— Ух, как мы испугались! Да, Ген? Аж коленки трясутся! Сейчас нам с тобой этот ферзь товарищеский суд устроит! Комсомолец хренов, — презрительно сплюнул Василий.

— Мне плевать, устроит он суд или нет. Можешь здесь с ним хоть неделю пререкаться, а я сваливаю.

— Говорил ему прошлый раз: стоило вас мне сразу отдать. Раскаянье — глупая прихоть! Все вы должны быть моими. Я должен решать вашу судьбу. Никуда вы не пойдёте.

— Ты что ль нас остановишь?! Кишка не тонка?!

— Неужели вы думаете, что я буду вас останавливать? Вы для меня хуже скотины. Вы и впрямь неисправимы. Понятия до сих пор не имею, ради чего он собой пожертвовал. Надоели вы мне. Страсть как надоели.

Раздался громкий и противный голос ворона, и огромная черная птица, сделав несколько кругов, опустилась на плечо незнакомца.

— Вот, скоро изолью на тебя ярость Мою и совершу над тобою гнев Мой, и буду судить тебя по путям твоим, и возложу на тебя все мерзости твои[3]. И совершу в гневе и негодовании мщение над народами, которые будут непослушны[4]. Потому что это дни отмщения, да исполнится все написанное[5].

Снова поднялась пурга, завыл ветер.

— Маркус! — крикнул незнакомец. Его голос пронзил шум метели.

В тот же момент перед Анатасом вспыхнул огонь в виде шестиконечной звезды в круге, и из огня вышел человеческий скелет в доспехах преторианца, которые переливались ярким блеском, отражая пламя. Он был огромного роста. В левой руке он держал щит, а правой крепко сжимал пилум. С его плеч свисал до земли длинный красный плащ, на ногах были надеты калиги, а голову украшал блестящий преторианский шлем. Огонь пропал также внезапно, как и появился.

— Вы звали, милорд?

Опешив от увиденного, двое мерзавцев замерли, потеряв дар речи. У Василия от ужаса потемнело в глазах, и лом вывалился из рук. Геннадий снял шапку, его от природы черные густые волосы за секунду побелели. Он упал в сугроб на четвереньки и завыл словно хряк, которого ведут на бойню.

— Чур меня, чур! — ползал он по раскуроченной могиле и причитал. — Господи, спаси и сохрани, спаси и сохрани, помилуй грешного, помилуй!

Василий попятился назад и споткнулся о валяющуюся на земле гробничку. Перелетев через нее, он с грохотом упал на ограду и спешно стал подниматься, но ноги его не слушались. Он кое-как опустился на колени, из глаз его потекли слезы, а все тело охватило дрожью.

— Быть не может! Быть не может! — бормотал и одновременно крестился он.

— А-а-а-а-а! — орал Геннадий. Он уже даже не ползал, а ворошился в снегу, уткнувшись лицом в небольшой сугроб рядом с оградой.

Анатас стоял неподвижно. Его лицо не выдавало никаких эмоций, а глаза напоминали стекло, в котором не было места ни для радости, ни для грусти, ни для сожаления и уж тем более жалости. Он тихо наблюдал, как два мародера бьются в панике, предчувствуя неминуемое возмездие.

— Не нравятся они мне, Маркус. Страсть как не нравятся. Видеть их больше не желаю.

Преторианец, проходя сквозь препятствия, в несколько шагов оказался перед несчастными.

— Ну что, плебеи?! Хлеба и зрелищ захотелось?! — отбросив копье и щит в стороны, заорал Маркус, схватил Василия за горло правой рукой и приподнял над землей.

Василий безумными глазами смотрел на него, обхватив его руку. Он задыхался, хрипел и дергал ногами, пытаясь ослабить хватку. Скелет топнул ногой, и земля рядом с ним провалилась в бездну, образовав свежевырытую могилу, на дне которой лежал гроб. Он швырнул свою жертву в последнюю обитель, и Василий, словно тряпка, рухнул в ящик. Маркус схватил Геннадия за ногу и потащил к той же яме.

— Не надо! Не хочу! Пощадите! Помилуй, Господи! — взревел Геннадий, пытаясь уцепиться руками за землю. — Господи! Господи!

Но Маркус был непреклонен, и через пару секунд Геннадий оказался рядом с подельником. Оба лежали в могиле и последнее, что они увидели, был скелет с пылающими огнем глазами, прыгнувший к ним с крышкой гроба. Крик и истошный вой огласили кладбище. Послышался стук молотка, методично вколачивающего гвозди. Через мгновение Маркус вылез из ямы и, отряхнув себя от снега и земли, топнул еще раз ногой. Могила исчезла. Исчезли и голоса, которые, надрываясь, звали на помощь и молили о пощаде. Преторианец, не спеша, поднял оружие, подошел к Анатасу, воткнул перед ним копье и, ударив себя правой рукой в грудь, поклонился.

— Что ж, пусть все будет, как было. То, что начато, не может быть не закончено, — Анатас еще раз окинул взглядом кладбище. — Вот и все. Здесь нам больше делать нечего.

Маркус снова поклонился, после чего человек с тростью и огромный скелет скрылись в пурге.

На улице светало, хотя наступающее утро больше походило на вечер. Метель и не думала прекращаться. Кладбище медленно покрывалось снежным одеялом. Природа заметала следы того, что произошло на рассвете. Ржавый Москвич, набитый металлом, леденел, дожидаясь хозяина. При этом, как ни странно, ни одна могила не была осквернена.

[1]Евангелие от Иоанна, 15:12.

[2]Книга Пророка Исаии, 30:15.

[3]Книга Пророка Иезекииля, 7:8.

[4]Книга Пророка Михея, 5:15.

[5]Евангелие от Луки, 21:22.

ДОПРОС

В мрачном обшарпанном кабинете шла дискуссия следователя и подозреваемого.

— Ну, хорошо, — капитан вытащил из кармана пачку сигарет «Оптима» и закурил. —

Вот ты говоришь, что вы подвезли незнакомца. Пока так его назовем. Я тебя правильно понял?

— Да! Да! Он мне сразу не понравился! — тут же воскликнул Виктор.

— Ты успокойся. И чем же он тебе так не понравился?

— Да не человек это! Не человек! Понимаете, это просто зло! — заорал Четырин и вскочил со стула.

— Тише! Попридержи коней. Ты, Виктор, пожалуйста, свои эмоции при себе оставь. Хорошо? А теперь успокойся и сядь обратно. Сядь, я сказал!

— Можно я тоже закурю? — опускаясь на стул, спросил Виктор.

— Да ради Бога. Кури на здоровье, — капитан положил на стол рядом с задержанным пачку сигарет.

— Вот-вот, и он всю дорогу про Бога вынюхивал. Мы-то сначала думали, что он больной, чушь несет. Так с ним спорили, ради смеха, чтобы время скоротать. А он... Гад, Сатана чертов!

— Да ты закуривай.

Виктор нервно вытащил из пачки сигарету, зачем-то несколько раз стукнул ею по столу и прикурил.

— Я все могу понять. Но с чего ты взял, что именно ваш попутчик виновен в смерти водителя? Ведь ты сам говорил, что в тот момент, когда все произошло, он уже ушел. Правильно? — спросил Алексей.

— Да, — глубоко вздохнул Виктор.

— Тогда выходит, что ты последний, кто видел убитого живым. И что ты прикажешь мне думать? Сам посуди: на твоих руках кровь, на железе, скорее всего, твои отпечатки, напарник твой в морге с разбитым черепом, а ты здесь.

— Ну, неужто вы думаете, что я такой debil? Грохнул напарника и еще остался лежать там, вас дожидаясь? По-моему, ребенок лучше бы спланировал это преступление. Да и монтировку выбросить можно было, а я мог бы домой пойти, а потом байки травить, что и не был там вовсе. Я даже крови боюсь. А на этого гада я думаю, потому что он сам предупреждал о смерти Семеныча, только мы его тогда не слушали. Вот как вы меня сейчас не слушаете. Я же вам говорю, говорю правду. Хотя я вас понимаю. Вы мне не верите. Даже не пытаетесь поверить. Как и тот до вас. Я, наверное, похож на рыбу, которую сначала поймали, а потом выпустили из жалости обратно в реку. И плавает она теперь и рассказывает всем, что, мол, там другой мир есть с деревьями и животными, которые ходят на двух ногах. А над ней все смеются и не верят ей, потому что никто больше там не был. И верить не хотят, поскольку считают, что кроме подводного мира не существует больше ничего. Ну, вы на меня сами посмотрите. Разве я похож на придурка?

— Тебе честно ответить? — затянувшись, спросил Алексей.

— Честно, — пробормотал Четырин.

— Стопроцентный придурок! — выдохнул облако дыма следователь.

— Ну почему вы мне не верите?! Почему?! Я же правду говорю, чем угодно клянусь!

— Знаешь, скольких я тут, таких как ты, повидал за время своей работы? И чем они только ни клялись. И головой бились, и волосы на себе рвали. А итог был в основном один, — он снова затянулся и пристально посмотрел на Виктора. — А ты бы мне поверил, если бы сидел на моем месте, а я тебе такую ахиною нес?

Виктор замолчал. Он сделал еще пару больших затяжек, потушил сигарету и, обхватив голову руками, начал качаться взад и вперед на стуле.

— Я сам себе не верю, что в такое дерьмо вляпался. Только я не идиот и не сумасшедший. Я правду сказал, что хотите, то со мной и делайте, другого не знаю. А Семеныча я не убивал. Все! Точка!

— Правду он мне сказал... Правда — это первая жертва в нашем мире, если хочешь знать, — Алексей потушил в пепельнице окурок. — Куда и с какой целью он ехал? Это хоть он говорил?

— Говорил, точно говорил, — оживился задержанный. — Он сказал, что приехал по делу, что-то вроде этого, и хочет посмотреть, как живут люди в провинции, так как он путешественник и очень этим интересуется.

— Значит, он еще и путешественник. М-да. Путешественник, мать его. Замечательно. Просто великолепно. Значит, мы имеем маньяка-гастролера, который ездит на попутках, убивает водителей силой мысли и может предсказывать судьбы! И к тому же еще выдает себя за князя тьмы. Полный бред! Детский лепет!

— Только он не путешественник и не маньяк. Он нечистая сила, — почти шепотом пояснил Виктор.

— Да ешкин кот! Так нечистая сила или путешественник? К тебе впору экзорциста вызывать, — не выдержав, вскочил со стула следователь.

— Да он черт! Дьявол! Он меня подставил, а я не убивал. Не убивал я! — заорал Четырин и, тоже вскочив со стула, пристально посмотрел в глаза Звереву.

В кабинете повисла тишина. Капитан молча взял пачку, достал две сигареты и протянул одну Виктору.

— Понятно. Ну и как, по-твоему, я должен составить протокол твоего допроса? По твоим показаниям сказки писать можно. Может, ты мне что посоветуешь, а то я как-то даже не знаю, упоминать мне про дьяволов и бесов или нет? Как думаешь, начальство меня правильно поймет? А? Не подскажешь?

— Не знаю. Сами смотрите. Вы тут у нас самые умные, а мы так... — Виктор прикурил сигарету и снова сел на стул.

— Что он вам еще говорил? Уж, коль залезли в это дерьмо, давай нахлебаемся досыта.

Виктор ненадолго задумался, щелкнул пальцами и воскликнул:

— А, вспомнил! Он сказал, что его здесь ждут, то ли друзья, то ли еще кто-то, и он, мол, не хочет их задерживать. Что-то в этом духе говорил.

— Кого ждут? Его здесь ждут? — переспросил Алексей.

— Ну да.

— Час от часу не легче. Получается, целая банда маньяков-сатанистов? Полная дурь. Что я делаю? Зачем я все это слушаю? Зачем?! — рассмеявшись, капитан хлопнул себя по

лбу ладонью.

— Мне не до шуток. Вы тут судьбами людей играете. Я вам правду, а вы из меня дурака. Посмеяться хотите? Пожалуйста. Но дурака из меня делать не надо! — обиженно выпалил Четырин.

— Да какие уж тут шутки? Тебе за убийство десять лет светит. Или ты еще не понял? Вместо того чтобы ересь здесь нести, хотя бы адвоката потребовал или еще что. Ты думаешь, Попов бы тут шутки с тобой шутил? Так что благодари Бога, что мне заняться нечем. Ну а о том, где встречаются они или живут, он ничего не говорил?

— Нет, не говорил, — насупился Виктор.

— Ну, хорошо хоть что ты не сказал, что он в преисподней обитает. Уже легче, — Алексей на несколько секунд задумался, потирая виски. Голова страшно разболелась. Приступы мигрени становились все сильнее с тех пор, как он попал в госпиталь. — Короче, делаем так, Виктор: я тебя сейчас отпускаю домой. Понял? Только не надо сразу лезть и целовать меня в десны. Свобода — не значит освобождение.

— Как это домой? Меня домой? — удивленно спросил Четырин.

— Вот так! Беру и отпускаю. Не ты ли сказал, что мы здесь судьбы решаем? Так вот, тебе несказанно повезло.

— Спасибо. Правда, спасибо, — почти прошептал Виктор, не веря своему счастью.

— Да ты погоди радоваться, — продолжил капитан. — Ты сейчас едешь домой и про то, что вас было трое, молчишь, как рыба. Усек? Не дай Бог, я узнаю, что это дошло до кого-нибудь. Тебе и Господь не поможет тогда. Ты меня понял?!

— Понял, — ответил Четырин.

— Это еще не все. Погоди, дружок. Сейчас ты дашь подписку о невыезде. Это раз. Второе. Сидишь дома и оттуда ни шагу. Бери левый больничный. Короче, что хочешь, то и делай, но из дома ни ногой. Увижу на улице — с живого шкуру спущу. И третье. Не приведи Господь, если я позвоню, а ты не возьмешь трубку или не приедешь по повестке сюда. Упеку по полной. Понял? Не дай Бог, если ты удумаешь скрыться. Предупреждаю сразу. Будешь схвачен и отхерачен. Доходчиво? Вызову ОМОН, они с тобой долго говорить не будут. Натравлю их на тебя, как цепных псов.

— Так вы мне поверили?! — радостно воскликнул Четырин.

Алексей встал из-за стола и, пройдя по кабинету из стороны в сторону несколько раз, остановился. Он как-то странно поводил головой, словно прислушиваясь к чему-то или ожидая чего-то.

— Виктор, посмотри на меня. Ты думаешь, что я поверю в твои бредни? Или ты меня за идиота держишь?! — жестко ответил капитан.

— Тогда зачем вы меня отпускаете?

— Слишком много вопросов задаешь. На, пиши подписку, — следователь протянул Четырину листок бумаги и образец, а сам подошел к окну.

Снегопад и жуткой силы ветер сливались в метель, которая танцевала замысловатый ледяной танец. Зверев зевнул, сел на подоконник и задумался. «На придурка он не тянет, но несет какую-то чушь. А вдруг все-таки...».

— Ты пиши пока. Я скоро приду.

«Вот я попал. Вот это командировочка. Что я буду жене говорить? Да и шеф теперь вопросами достанет. Эх, мама, роди меня обратно. Что ж я за скотина такая невезучая? Ну почему все именно со мной? Все из-за того случая! Точно из-за того! Нужно было послать

тогда Семеныча подальше! А я струсил», — качая головой, думал Виктор. Он закончил писать, закрыл глаза и облокотился на спинку стула. В кабинете у следователя было тепло, и после долгой дороги и утомительного допроса сон овладел им без боя, тело сразу капитулировало и сдалось в плен невидимому сопернику.

Зверев прошел по темному коридору в дежурку. Младший сержант пил чай и разгадывал кроссворд.

— Никто не спрашивал Четырина Виктора Васильевича?

— Не-а, — оторвавшись от своего занятия, ответил дежурный.

— Ну-ка, соедини меня с психдиспансером.

Дежурный вытащил из стола какую-то книжку, быстро полистал страницы и набрал номер. После непродолжительных гудков на другом конце провода раздалось привычное «алло».

— Здравствуйте. С вами разговаривает дежурный ОВД Ленинского района младший сержант Воронин. С вами хочет пообщаться следователь Зверев Алексей Сергеевич.

Алексей взял трубку.

— День добрый. С кем имею честь общаться?

— Дежурный врач Богданов Антон Иванович.

— Послушайте, Антон Иванович. Не могли бы вы проверить одного человека и дать мне знать, состоит ли он у вас на учете?

— Ну, ради нашей доблестной милиции мы можем все.

— Четырин Виктор Васильевич, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения, проживающий по адресу Тамбовская область, село Стрельцы, улица Зеленая, дом 45.

— Сейчас проверим.

«Если он состоит на учете, то это круто меняет дело. А если нет?», — размышлял следователь, пока врач искал Четырина среди своих пациентов.

— У нас такой человек не числится. А что случилось-то?

— Спасибо! — ответил Зверев и положил трубку.

«На учете не состоит, в тюрьме не сидел, женат. С виду все хорошо, но зачем нести бред? Улик серьезных против него нет, дело все равно развалится, а он про какого-то третьего несет. Зачем он вообще этого незнакомца вплеп? Даже если на монтажке и его отпечатки, так это еще ни о чем не говорит. Помогал погибшему колесо бортировать. Все шито-крыто. А может, незнакомец и впрямь был? Стоит проверить».

Следователь направился в свой кабинет, где сладко дремал Виктор.

— Не спи, Виктор!

Четырину спросонья показалось, что это был голос капитана, но, открыв глаза, он увидел перед собой человека в тоге, ярко освещенного с одной стороны, а с другой погруженного во тьму. Контраст был настолько сильным, что Виктор невольно зажмурился и прикрыл рукой глаза.

— Вы кто? — робко спросил Четырин, и его голос повторился многократным эхом.

— Это не важно. Важно то, что вы уже встретились. Главное теперь, найти ее, и лишь вы знаете, как это сделать. Не верьте глазам своим, верьте сердцу. И не теряйте надежды. Один постарается остановить вас, другой будет помогать вам. Такова игра, Виктор. Для них. Для вас это надежда на спасение. Теперь многое будет зависеть от вас.

Дверь кабинета хлопнула.

— Что, спишь? Не спи, зима приснится — замерзнешь, — сказал Зверев задержанному.

Виктор вздрогнул и тут же открыл глаза.

— Фу, е-мое! Надо же такому присниться.

— Ладно, давай собирайся и езжай домой, еще раз обдумай все. Я хочу, чтобы следующее наше общение было похоже на разговор, а не на сегодняшнюю ахинею. Может, вспомнишь какие-нибудь подробности.

— А что тут вспоминать? То, что было, я вам рассказал. И это теперь клеймо на всю мою оставшуюся жизнь. Наверное, за мои грехи, — ответил Виктор и направился к двери. Остановившись у выхода, Четырин повернулся к капитану. — Вы меня за идиота держите. Ну и пускай. А когда столкнетесь с этим сами, то вас тоже за дурачка примут, зато вы, как и я, в инопланетян верить начнете и в барабашек всяких. Сразу верить начнете. Как Фома.

Алексей подошел к Виктору и посмотрел ему в глаза.

— За идиота тебя никто не держит. А если ты теперь во всех верить стал, то сходи в храм и поставь свечку. Авось полегчает.

— Сегодня же пойду!

— Ну, давай, Витек, удачи, — Зверев хлопнул Четырина по плечу.

— Спасибо вам за все, — ответил Виктор.

— Пока не за что. Пока ты под подозрением, никакого «спасибо» быть не может. Если накопаю что-нибудь на тебя, сядешь быстро и надолго. Усек?

— Это-то я усек. А спасибо за то, что вы хотя бы пытаетесь разобраться, а не как этот, что до вас был. Тому только бы посадить. У него на лице написано, что он всех ненавидит.

— Иди уже. Давай-давай. И помни, о чем я тебе говорил.

Алексей не спеша вернулся к окну. Снег валил большими хлопьями, а на ближайшем дереве одиноко сидел большой черный ворон.

«Да, не вяжется тут что-то. Ой, как сильно не вяжется. А может, мужик и впрямь сам себе башку расшиб, когда с КамАЗа прыгивал? Сколько таких случаев, когда их то кабиной придавит, то поскользнутся да расшибутся? Но тогда зачем он про этого третьего твердил? Если предположить, что он сам водилу завалил, стоял бы на своем, что, мол, несчастный случай. И не придерешься. Странно все это». Зверев устроился поудобней за столом, затем облокотился на него и крепко заснул.

СОН

Все версии Зверева были ошибочны: и версия о несчастном случае, и версия об убийстве. Все это было ничтожно по сравнению с тем, что случилось на самом деле. То, что произошло в Стрельцах, было гораздо серьезней, но об этом Алексей пока даже не догадывался. Его целиком поглотила черная бездна сна, чертовски реалистичного.

Он шел по коридору средневекового замка. Повсюду свисала паутина, стены от влажности покрылись плесенью и мхом. Его не покидало чувство, что он находится в естественном туннеле, созданном самой матушкой-природой. Коридор уходил в бесконечность, а из дверей, расположенных по его сторонам, доносились вопли и мольбы о пощаде. Алексей продвигался вперед, всматриваясь в темноту, которую изредка разгоняли факелы. Под ногами время от времени пробегали крысы, с потолка сочилась вода. Звук капель, разбивающихся об пол, эхом проносился по туннелю, смешиваясь с истошными криками умирающих. Впереди показалась приоткрытая дверь. Алексей вошел в комнату, и его взору предстал измученный человек, прикованный к деревянной площадке. К рукам страдальца были привязаны тонкие веревки, издалека похожие на гитарные струны, которые с хрустом растягивали его конечности в разные стороны. Зверев попытался открыть глаза и покинуть страшный кошмар, но что-то мешало ему проснуться.словно это был не сон, а чудовищная пьеса, в которой он по роковой случайности играл главную роль.

Внезапно раздался голос.

— Если можешь, беги. Только знай, что ты обречен. Стоит солнцу зайти, и вот он я. И день станет ночью. Я всегда буду рядом, до последнего твоего вдоха. А когда он настанет, я приду за тобой. Мною созданное мне должно и достаться.

Алексей закрыл уши руками и голос пропал. Слева от двери стоял человек в коричневой мантии, который приводил в действие адскую машину из шестерней и веревок, медленно крутя рукоятку и наслаждаясь происходящим. Он натягивал бечеву с упорством настраивающего гитару дилетанта, который поворачивает колки до тех пор, пока струны не лопнут. С каждым движением палача слышался хруст костей и треск до предела натянутой кожи. Алексею захотелось помочь несчастному, который, казалось, вот-вот потеряет сознание от невыносимой боли. Он попробовал развязать веревки, но руки к его удивлению прошли сквозь бечеву, не встретив никакого сопротивления. В ужасе Алексей отступил назад, глядя на свои ладони и не понимая, что происходит. Яростно сжав кулаки, он бросился к палачу и со всего размаха нанес по нему удар, но все снова повторилось, точь в точь как с веревками. Казалось, что он призрак в собственном удивительно реальном сне. Все, что бы он ни делал, было впустую: его никто не замечал. Алексею оставалось лишь наблюдать за происходящим. В правом углу комнаты капитан разглядел человека в черном облачении, лицо которого было спрятано под капюшоном. Ему сначала даже показалось, что это статуя, но когда он почувствовал взгляд того, кто скрывался в темноте, его спина покрылась холодным потом. Статуя зашевелилась и двинулась на него.

— Я вижу тебя. Я чувствую тебя. Я создал тебя. Тебе от меня не спрятаться. Вспомни,

когда ты стоял на вершине мира. Еще бы чуть-чуть, и империя была бы твоей.

Не дожидаясь сближения, Зверев выскочил из комнаты в коридор. Он на мгновение остановился, чтобы закрыть за собой дверь, но не успел. Плоть лопнула и дикий крик заполнил помещение. Брызги крови попали Звереву на лицо. Несчастный корчился, истекая кровью, а его собственные руки болтались над ним, словно куски туши на скотобойне.

Алексей бежал, пытаясь не слушать стоны и вопли, которыми дышало и жило все вокруг, и остановился лишь тогда, когда ужасные звуки перестали доноситься до него. Он даже сначала подумал, что оглох, настолько спокойно и тихо стало. Все смолкло, как по команде, словно кто-то управлял происходящим. Алексей повернулся назад, вглядываясь в сумрак и пытаясь рассмотреть погоню, но ничего, кроме факелов, висящих в шахматном порядке на стенах туннеля, видно не было. Вытирая со лба пот, смешанный с кровью, Зверев еще раз прислушался. За сумасшедшим биением собственного сердца он различил отголоски разговора. Как загипнотизированный, он стал продвигаться по туннелю, пока его не осветил яркий свет, исходящий из еще одной открытой двери. Представшая его взгляду комната круглой формы обильно освещалась лампадами, свечами и факелами. За массивным дубовым столом сидел человек в длинном монашеском балахоне. Его голову покрывал капюшон. Свет неестественно преломлялся, освещая только одну сторону монаха. Он бормотал что-то себе под нос на странном языке, но Звереву этот язык показался знакомым, и с каждой последующей фразой он понимал его все лучше и лучше. Перед монахом стояли весы. Он доставал из воздуха песчинки и клал их поочередно то на одну, то на другую половину весов.

— Слишком долго в этом мире удерживается равновесие. Люди так никуда и не сдвинулись, не пошли дальше, — он снова положил песчинку на весы. — Я изменил правила, но все осталось непоколебимо. Жизнь застаивается, словно вода, и начинает протухать. Нет прогресса. Мне приходится ускорять эволюцию, создавая новые условия и каждый раз усложняя этот процесс. Когда я ввел в игру тебя, я думал, все закончится. Но ты так и не смог сделать выбор. Что ж, они разыграли тебя по-своему. Если ты не можешь решить сам, тогда решают за тебя, и ты получаешь то, что имеешь. Я до сих пор не пойму, что с вами делать и как поступить. Пускай за вас решают они, — монах вытянул ладонь, и в его руке появилась маленькая фигурка человека. Он поместил ее посередине весов. — Ты, тринадцатый, зачем обрек на мучение мир свой? — монах встал и направился к Звереву, с каждым шагом множась в геометрической прогрессии. — Теперь решать будет тот, кто сделает выбор, а вы пожнете плоды свои.

Следователь попятился назад, но, упершись в стену, был вынужден остановиться. Бесчисленные проекции монаха окружили его и начали тянуть в разные стороны.

— Тринадцатый, освободи нас от него! Он то, что есть мы!

Они все прибывали и прибывали. Одежда Алексея с треском поползла по швам, а за ней стала лопаться кожа. Люди раздирали его на куски. От боли и ужаса Зверев закричал и, открыв глаза, проснулся. Холодный пот тек ручьями по его спине и лбу.

— Фу-ты, черт! Приснитися же такое! — вытирая пот с лица, проговорил Алексей и закурил. Сделав несколько затяжек и немного придя в себя, он взглянул на часы. — Еще спать и спать. Надо же, просто жуть! — зевнув, он облокотился на рабочий стол и снова задремал.

УТРО

Было около десяти утра, погода не улучшалась. Городская жизнь впала в анабиоз. Тамбов был похож на огромного медведя, который решил переждать зиму в берлоге. Население попряталось по квартирам типовых многоэтажек. Кое-где были слышны двигатели снегоуборочных грузовиков, которые делали попытки расчистить дороги. Изредка в пурге мелькали силуэты людей, спешивших по неотложным делам.

Алексей крепко спал, положив голову на стол. В кабинете было тепло, и от этого сон следователя был еще слаще. Вдруг дверь с шумом распахнулась и внутрь влетел Попов. Зверев тут же открыл глаза и поднял голову.

— Б-р-р-р. Вот это погодка! Вот это холод! А метель-то, метель! Еле до работы добрался, две остановки пешком шел. Автобус застрял, представляешь? Такая пробка образовалась. Когда это в нашем «мегаполисе» пробки были? — тараторил Попов, одновременно раздеваясь и сметая с себя снежные хлопья.

Алексей молча потянулся и включил старенький электрочайник.

— Ты что такой угрюмый, а, Лех? Не выспался, что ли? Или кошмары всю ночь мучали? — вытряхивая из ботинок уже начавший таять снег, поинтересовался Михаил.

— Чай будешь?

— Давай. А покрепче у тебя ничего не найдется? — подмигнув, весело спросил Попов. Алексей взглянул на него исподлобья. — Ладно, ладно. Что уж, и пошутить нельзя? Ты что такой серьезный? Или закодировался?

— Да нормально все. То дело, которое ты вчера мне передал...

— У-у-у, браток. Я тебе ничего не навязывал, ты у меня его сам выпросил — не забывай про это.

— Так-то оно так, только...

— Если назад спихнуть его хочешь, так ты про это забудь, оно мне ни в какие дырки не уперлось. Сам взял, сам дерьмо и хлебай. Уговор есть уговор.

— Да я не собираюсь тебе ничего отдавать. Просто узнать твоё мнение хочу.

— А, ну раз мнение, так это давай. Это мы всегда пожалуйста. Мнением я богат. Валяй.

— Тебе вообще это дело странным не кажется?

— Нет. А что тут странного? Грохнул его этот кент, и все тут. Тушите свет, сушите весла.

— Все слишком просто у тебя получается.

— Ага. Зато у тебя слишком сложно. Что ты выдумываешь? Тут все ясно, как белый день. В Пуаро поиграть захотел? По работе соскучился или заняться нечем? Так ты в стол загляни и посмотри, сколько там всякого говна скопилось. Если б я так с каждым делом сиськи мял, ни одно из них так до суда и не дошло бы. Да что я тебе рассказываю? Сам знаешь, не первый раз замужем. Они всегда невинные, только вот хорошие ребята к нам не попадают.

— Да это-то понятно. Только вот зачем ему убивать было? Может, это и впрямь

несчастный случай? — гнул свою линию Зверев. — Тем более он говорит, что подвозили они кого-то.

— Ну ты, Лех, даешь! Ты поверил, что они в такую пургу могли подобрать кого-то на трассе? Ты сам бы подобрал? Задай своим мозгам такой вопрос и сразу получишь правильный ответ. Времена светлого будущего прошли, и коммунизм мы не построили. Сейчас человек человеку далеко не брат. Так что вряд ли кто-то на трассе в пургу и ночью кого-то станет подвозить.

— Думаешь, брешет?

— Ну, а я тебе что говорю? Конечно, брешет. Кстати, а где этот чудик? Он, наверное, в обезьяннике еще чего-нибудь придумал за ночь. Давай его сюда, я тебе сейчас покажу, как таких раскалывать нужно. Заодно поржем! — радостно воскликнул Попов.

— Я его домой отпустил, под подписку, — тихо ответил Алексей.

— Чего?! Как домой? Шутишь, да?! — Зверев отрицательно покачал головой. — Ой, дурак! Ой, придурок! Я не перестаю удивляться. Тебе и впрямь там, наверное, мозги отстрелили. Ну да ладно, дело твое. По башке тебе получать, а не мне! А пока давай наливай чай, а то остынет, придется опять кипятить.

Алексей достал из стола две кружки, вытащил пачку чая и насыпал в каждую кружку по пригоршне, в результате чего напиток стал походить на тюремный чифирь. Собеседники закурили.

«Все равно это странно, — думал Зверев. — Не мог он этого сделать, не мог. Да и если это был несчастный случай, то зачем приплетать третьего? Зачем все так усложнять?». Но погрузиться в размышления ему не удалось, потому что в кабинет ввалилась женщина 45–50 лет. Одета она была в темную кожаную куртку непонятного цвета и длинную черную юбку, на ногах — коричневые ботинки, голову покрывал серый пуховый платок.

— Кто тут Зверев?! — заорала она, не успев перешагнуть через порог. — У меня муж пропал, а вы тут сидите! Вы обязаны его найти!

От удивления Алексей поперхнулся и, закрыв рукой рот, пару раз кашлянул.

— Вы что, надо мной еще смеяться будете?! Вам работать надоело?! Я на вас быстро управу найду, сейчас жалобу начальству в раз накаताю! — подходя к Звереву, продолжала орать женщина.

Алексей быстро потушил сигарету и отставил чашку с чаем. Попов изумленно смотрел на незваную гостью, которая больше походила на гарпию, нежели на существо женского рода.

— Я что, с вами в молчанку буду играть?! Или вы меня за идиотку держите?! — буйствовала гражданка.

— Да, Лех, почему ты сидишь и ничего не делаешь? Давай звони Санычу, пускай ОМОУ снаряжает. Муж как-никак пропал, — не отрывая взгляда от внезапно появившейся особы, съязвил Михаил.

— Может, вы все-таки успокоитесь и присядете? — указал капитан на стул.

— Да-да, садитесь. Желательно лет на десять! Ну, Лех, удачи! — Михаил поднял вверх правую руку, одновременно топнул ногой и вышел, закрыв за собой дверь.

— Это он сейчас что имел в виду?! — нервно воскликнула женщина, поворачиваясь в сторону ушедшего Попова.

— Не обращайтесь внимания, это он не вам, — с улыбкой успокоил ее Алексей. — Простите, а с кем я имею честь общаться?

— Пантелеймонова Вероника Афанасьевна я. Жена убиенного супруга, — зарыдала женщина. — Горе мне, горе! Пропала моя кровиночка-а-а! Муженек мой пропа-а-а-ал! Убили его! Что ж это такое на белом свете делается-то-о-о?!

— Постойте, постойте. Как убили? Вы только что сказали, что он пропал.

— Да какая разница? Пропал — значит, убили. А раз убили, значит, домой он не придет. Вот его и не-е-е-е-т! — снова завывала Вероника Афанасьевна.

— Железная логика. Тут не поспоришь. А когда он пропал-то?

— Вчера-а-а-ась, — прорыдала потенциальная вдова.

— А вы знаете, что по закону я могу объявить его в розыск только по прошествии трех суток?

— Я тебе объявлю после трех суток! Ты у меня быстро с работы вылетишь! У этого гада пенсия завтра! Пропьет, скотина эдакая! Найти его срочно надо! — внезапно перестала рыдать и снова перешла на крик женщина.

— Он что, с работы не вернулся?

— Да какая к чертям работа?! Эта сволочь ее отродясь не знала! Хоть бы день где-нибудь поработал!

— Ясно. Такое раньше бывало, чтобы он домой не приходил, или это в первый раз?

— В первый! Это все Васька паразит! Он виноват! Будь он проклят, алкаш чертов! Вечно его спаивает!

— Стоп! Какой еще Васька? Давайте по порядку, — Алексей обхватил голову руками. — Вспомните точно, когда вы видели его в последний раз?

— Кого? Ваську-то?

— Хренаську! — не выдержал Зверев и нервно заходил по кабинету. — Причем тут Васька?! Мужа, мужа своего когда вы в последней раз видели? Не говорил ли он вам, куда пойдет или куда хотел бы сходить? Может, он у друзей заночевал?

— Да на какой-то калым они собирались. А у меня ведь дома две кошки остались и собачка, как же они теперь без кормильца-то будут? — завывала посетительница, достала из кармана куртки грязный лоскут, быстро высморкалась и, вытерев им слезы, спрятала обратно в карман.

— А на какой калым они собирались? Вы, случайно, не в курсе?

— Так Васька-то железом промышляет, — бойко ответила женщина.

— Это каким еще железом?

— Ясно каким — всяким!

— Понятно. А всяким, это каким именно?

— Ну, каким-каким? Всяким. Железным таким, — отведя взгляд в сторону, проговорила Вероника Афанасьевна.

— Я вас, гражданка, спрашиваю, что именно он делал? Понимаете? Цветмет сдавал или гвоздями ржавыми на рынке торговал? Конкретней, женщина, объясняйте. Конкретней!

— Ой, да вы тоже скажете, на рынке торговал. Кто ж эту образину туда пустит? Алкаш он. По помойкам лазит да всякую дрянь собирает, потом на своем Москвичонке это добро барыгам отвозит, — с пренебрежением ответила посетительница.

— Понятно все с вами, — облегченно выдохнул капитан. — А как он выглядел, когда вы видели его в последней раз? Ну, перед тем, как он пропал?

— Ну, как-как? Ржавый такой Москвич. Да на эту рухлядь без слез не взглянешь: на нем день ездись, два чинись. Он у него и не разваливался только из-за того, что... — начала

свой рассказ Пантелеймонова, но ее тут же перебил следователь.

— Какой, к дьяволу, Москвич?! Я вас про мужа спрашиваю! Вы надо мной издеваетесь что ли?! — Алексей еле сдерживал себя.

— А-а-а, муж. Вы бы так и сказали. Сейчас расскажу, — без эмоций ответила женщина.

— Не надо! Не надо рассказывать! — следователь достал из ящика бумагу и ручку. — Вот, пишите! С кем, когда и при каких обстоятельствах вы видели своего мужа в последний раз! Повторяю: не собачку, не кошечку, не ржавый Москвич, а своего мужа! И не забудьте написать, во что он был одет и как его зовут! Полные имя, фамилию, отчество! Поняли?!

— Поняла. Что тут непонятного? И не надо меня за дуру держать, а то я ведь и пожаловаться могу, куда следует, — пригрозила Вероника Афанасьевна.

— Тьфу ты, черт! Пишите уже! — крикнул следователь и вышел из кабинета.

За дверью стоял Попов и еле сдерживал смех.

— Хренаську. Понял? Жена пенсию профукала, а муж по бабам погнал! — закатился хохотом Михаил.

— Что ржешь?

— «Маски-шоу» отдыхают, — вытирая слезы, выдавил из себя Михаил.

— Ха-ха! — передразнил его Зверев. — Хватит, а то описаешься. Дай-ка лучше закурить, а то я свои в кабинете забыл, а возвращаться не хочется: там у меня атмосфера неблагоприятная.

— Ну и что у нее за проблемы? — с ухмылкой спросил Михаил, протягивая Алексею сигареты.

— Да муж у нее пропал вроде как. Чтоб его черти взяли. И ее вместе с ним.

— Я бы от такой тоже сбежал. Слушай, а она случайно не с бодуница? Взгляд у нее какой-то нездоровый.

— Да Бог ее знает! Пусть пишет, бумага все стерпит. И, вообще, хорош издеваться, а то сейчас к тебе эту бешеную отправлю, будешь сам с ней мыкаться. Как раз и узнаешь, с бодуна она или нет. А если повезет, то, глядишь, и свиданье себе устроишь. Она теперь женщина одинокая, мужа нет.

— Спасибо, конечно, но мне этот мутант-одиночка не нужен! К тебе она пришла, сам с ней и возись! Этот квазимодо не в моем вкусе! — ответил Попов.

— На тебя где сядешь, там и слезешь. Извини, супермоделей как-то не предвидится.

— А как ты хотел в нашей-то жизни? Оно, как говорится, не делай добра, не получишь зла.

— Следователь Зверев! Следователь Зверев! — раздался голос из-за двери.

Алексей аж вздрогнул.

— Да мать ее! Покурить спокойно не даст! И откуда ее нелегкая принесла?

Зверев тяжело вздохнул и, покачав головой, вошел в кабинет с цифрой шесть на дверной табличке.

— Товарищ следователь, я уже все написала, как вы и просили, — проговорила Вероника Афанасьевна.

Капитан молча прошел по кабинету и сел за стол.

— Давайте посмотрим, — Зверев взял у нее заявление.

— Я там все написала! Как он был одет и с кем был в последний раз. Кстати, я там и Васькин Москвич описала, и номер его, так что теперь ищите, — не выдержав тишины, заговорила гражданка Пантелеймонова.

Алексей внимательно прочитал заявление, после чего положил его перед собой на стол и посмотрел на потерпевшую так, будто она была виновата в смерти президента Кеннеди, нашествии татар на Русь, всех революциях сразу и заодно во всех смертных грехах. Минутная тишина повисла в кабинете.

— А что это вы на меня так смотрите?! — вспыхнула внезапно Пантелеймонова.

— Да так, ничего особенного. Только у меня к вам один вопрос. Маленький такой, пустяковый.

— И какой же? — с гонором спросила женщина.

— За каким, простите меня, фигом, вы написали здесь, что ваша соседка Любовь Николаевна Квашнина занимается самогонварением с целью спекуляции?! И какого хрена вы внизу заявления написали «Аноним» и вместо подписи поставили крестик?! — краснея от злости, на повышенных тонах вопрошал следователь.

— А пускай она самогонку не варит, сволочь! Всех моих клиентов к себе переманила, ведьма! — рвала глотку Пантелеймонова. — А подписалась я так, чтобы она не догадалась, кто на нее навел! Пущай думает, что на нее случайно вышли!

Алексей молча смотрел на нее и с удовольствием представлял, с какой бы радостью он придушил эту горластую стерву. На лице у него появилась блаженная улыбка.

— Короче так! Пишите! — скомандовал капитан.

— Что писать-то?! Я уже и так все написала, — возмутилась заявительница.

— Во-первых, свой домашний адрес. Во-вторых, телефон, если он есть. В-третьих, от кого заявление и по какому поводу. В-четвертых, свою подпись поставьте и на хрен вычеркните все про соседку. А в конце, я вас очень прошу, дату подачи заявления не забудьте указать.

— Хамье! — крикнула Вероника Афанасьевна, но, схватив бумагу и ручку, все же исправила все, как ей было сказано, после чего швырнула заявление на стол и, рявкнув: «Я так этого не оставлю!», энергично покинула кабинет, с силой хлопнув дверью.

— И я очень рад был с вами пообщаться! — крикнул ей вслед капитан.

Оставшись один, он взял заявление со стола, улыбаясь, прочитал его, затем выписал на отдельный листок приметы пропавшего человека и его автомобиля, в общем, все то, что могло понадобиться патрулям для ориентировки, встал и вышел. Пройдя по темному коридору, в конце которого надоедливо мигала лампа дневного света, следователь оказался рядом с дежурным.

— Послушай, парнишка. Вот тебе ориентир на человека и машину. — Зверев протянул парню листок с записями. — Сбрось его патрулям. Пускай поспрашивают, посмотрят, но особо не напрягаются. Будет что, маякнешь.

— Хорошо, — ответил дежурный, забирая данные от капитана.

Зверев, не спеша, вернулся на свое рабочее место.

БЕЗУМИЕ

Не быть подчиненным никакому закону -
значит быть лишенным самой спасительной защиты,
ибо законы должны нас защищать
не только от других, но и от самих себя.
Генрих Гейне

Стрелки на часах замерли на двенадцати. Городские службы с трудом пытались бороться со стихией. На центральной улице движение, хоть и не было таким интенсивным, как в обычные дни, но все же не прекращалось. Впрочем, машины не ехали, а ползли по занесенному снегом асфальту. Время шло монотонно, а люди, словно запрограммированные куклы, ходили взад и вперед, глядя под ноги и не замечая вокруг себя никого и ничего. Озабоченные своими проблемами, они, толкаясь, пытались залезть в и без того переполненные автобусы. Злость и ненависть друг к другу, к погоде, к плохо ходящему транспорту пропитали всех и вся.

Всю эту нерадостную картину оживлял непонятный человек, который бегал у остановки и предлагал прохожим за чем-то купить у него старые валенки. Один из них был с калошей, а другой сверкал порванной пяткой. Продавец выглядел более чем странно: маленького роста, с горбом на спине, одна рука короче другой, правый глаз кроваво-красный, а левый угольно-черный, и оба без зрачков. Одет он был в рваную фуфайку на голое тело, на ногах красовались ярко-желтые резиновые сапоги и заправленные в них трико темного цвета с отвисшими коленками. Самое удивительное, что ни один прохожий не выказывал удивления или отвращения при виде этого странного существа, будто это был галантный продавец дорогого бутика в шикарной одежде и итальянской кожаной обуви.

— Девушка! Леди! Купите своему бойфренду! Может, он вам изменять перестанет! — прокричал коробейник проходящей мимо него молодой прелестнице.

— Мамаша! Мамаша! — тут же подскочил он к даме в летах и, дергая ее за рукав, почти пропел: — Купите! Ручная работа! Практически бесценны! В них еще мой дед против Наполеона воевал. Вы же патриоты! Ну купите! Семейная реликвия, можно сказать. А мне что? Мне многого не надо — дешево отдам. Они еще лет сто прослужат, это я вам точно говорю. Богом клянусь!

— Небось, дорого? — покрутив валенки в руках, застенчиво спросила женщина.

— Ну что вы! С вас я даже денег не возьму, давай бартером! — тут же заорал продавец. К нему стали подтягиваться прохожие, образуя небольшую толпу.

— Люди, здесь меняются валенки ручной работы на полбанки спирта и закуска! Под словом «закуска» моя контора имеет в виду соленый огурец! — Бартер! Кому тут бартер?! — горланил карлик, поднимая валенки над головой. — Не дайте умереть от обезвоживания и голода, пожалейте калеку! Ну, что вы как не родные?! Смелее, смелее! Продаю валенки, так

как нужна операция моей дочери, у которой при рождении не оказалось мозга! Врачи пообещали пересадить мозг шимпанзе, но для этого нужны деньги! На Бога не уповаю, а верю в вас, добрые люди!

— Пощупать-то дай! — раздался грубый мужской голос из толпы, которая уже насчитывала около двух десятков человек.

— Конечно! Конечно, милейший! Берите, трогайте! Мерьте! — карлик швырнул валенки мужику. — Дамы и господа, леди и джентльмены! Уникальная возможность обменять удивительные, практически бесценные валенки времен моего дедушки на полбанки чистейшего ректификата и закуску в виде вкусного соленого огурца! Я вам не банк, под проценты не даю. Я не спекулянт, дорого не возьму! Каждый рубль, что получу, перешлю детям сиротам в Красносвободный интернат! Ах, какие там дети! Неужто вам детей не жаль?! Купите!

Мужчина, поймавший валенки, покачал головой, одобряя обувку. В толпе началась суета. Люди стали выхватывать рвань друг у друга и разъяренно отпихивать конкурентов, чтобы подержать валенки в руках. А в середине толпы молча стоял странный продавец и наблюдал за вакханалией с идиотской улыбкой на лице.

— Люди, но если уж вы такие жадные и бартером не хотите, и детьми вас не рассердоболил, так забирайте даром! Халява, дамы и господа! Халява, граждане и гражданки! Вы же любите это слово?! Халява!

— Я их первый взял! — прокричал мужчина, резко выхватил валенки у очередного претендента и, отпихнув его, попытался вырваться из толпы.

Но не тут-то было. Стоящий рядом с продавцом молодой человек немедленно оглушил его ударом в затылок, и мужчина рухнул без чувств на землю. Толпа загудела, словно это были не люди, а пчелиный рой или стая волков, которая сбежалась к добыче. Лежащий на земле крепко прижимал к груди товар, хоть и был без сознания. Однако уже через мгновение толпа снова остервенело вырывала валенки друг у друга из рук. Задние теснили передних, чтобы пробраться к потрепанной обуви, будто это была хрустальная туфелька Золушки. Одна из женщин с визгом вцепилась в шапку другой, обильно при этом матерясь. Мужчина, поднявший заветную пару с земли, тут же был нокаутирован ударом в челюсть человеком крепкого телосложения. На него в свою очередь накинулись женщины. Остановка превратилась в побоище. Люди топтали, били, обзывали друг друга, лишь бы заполучить бесплатную, до этого никому не нужную обувь. Машины останавливались, водители и пассажиры с удивлением смотрели на безумных, которые, не щадя себя, бились за рвань, ставшее им вдруг дороже всего на свете.

Неподалеку от беснующейся толпы молча стояли три человека. Они не вмешивались в происходящее и равнодушно наблюдали за людьми, словно оценивая, кто из них на что способен. Первым был продавец, который еще пять минут назад сам затеял это сумасшествие. Вторым — огромного роста мужчина — был одет в кожаные штаны, армейские сапоги и расстегнутую кожаную куртку, из-под которой сверкал легионерский меч. Посередине стоял Анатас, опираясь правой рукой на трость. Неожиданно к ним присоединился четвертый, который словно материализовался из воздуха. Он был в одежде еще более странной, чем у продавца и гиганта. Его тело было закутано в белую тогу, а ноги босы. Длинные волосы лежали на плечах, а короткая, но густая борода украшала приятное лицо. Он молча встал рядом с троицей и присоединился к наблюдению за полем боя. Мрачная компания даже не посмотрела в его сторону. Перебирая в руках четки, бородач то

смотрел на людей, которые были больше похожи на животных, то, опуская взгляд вниз, что-то бормотал себе под нос.

— *Homohomini lupus est*[1], - сухо произнес Анатас.

— *Homosum, humani nihil a me alienum puto*[2], - повернувшись к нему, ответил незнакомец в белой тоге. — Прекрати это.

— Как я могу прекратить то, чего не начинал? Да и зачем лезть к разъяренным псам, ведь они могут не признать хозяина и покусать в ярости. Помню, не так давно они и вовсе распяли своего спасителя.

— Ты их спровоцировал тогда. И продолжаешь это делать сейчас.

— Разве можно спровоцировать тех, кто уже давно спровоцирован? Мир достаточно велик, чтобы удовлетворить нужды любого человека, но слишком мал, чтобы удовлетворить людскую жадность. Не в их ли великих писаниях сказано: «О, ты, живущий при водах великих, изобилующий сокровищами! Пришел конец твой, мера жадности твоей»[3]. Посмотри на них — это же скот. Ни один из них — ни один! — не стоит его внимания. И ты мне хочешь сказать, Михаил, что спровоцировал их я? Жадность, гордыня, зависть — вот их провокаторы. Нормальный человек должен определить место для каждого из своих желаний, взвесив все «за» и «против», а затем осуществить их по порядку. Их алчность и бескультурие постоянно нарушают этот порядок, и им приходится преследовать такое множество целей, что в погоне за пустяками они упускают самое существенное — то, что им действительно нужно. Посмотри на них, посмотри внимательней. Они настолько мелочны и жадны, что в молодости начинают копить на старость, а когда состарятся, откладывают на похороны. Валенки, всего лишь рваные валенки, и они уже готовы убить друг друга из-за них. А представь себе, если б это был кусок золота или чемодан бесценной бумаги, которую они называют деньгами. За них они бы продали и мать родную.

— Ты не прав. Ты видишь только одну сторону медали.

— Ты видишь другую, но ничего от этого не меняется, Михаил. И твой хозяин знает это. Скоро, очень скоро я расставлю все по своим местам. Не стоило вообще уделять им столько внимания. Знаешь, я давно понял, почему иногда животные пожирают свое потомство. Если бы и он это понял, все бы могло закончиться куда более благоразумно.

Вся троица развернулась и отправилась прочь. Их собеседник постоял еще немного, глядя им вслед, и растворился в падающем снеге.

К остановке подъехали две милицейские машины. Выскочившие из них стражи порядка подбежали к буйствующей толпе. Сражавшиеся за валенки при виде милиции кинулись врассыпную. Милиционеры хватали, кого ни попадя, и запикивали в машины, задерживая не только нарушителей, но и зевак, которые радостно наблюдали за происходящим. Когда три загадочных персонажа отошли метров на сто, продавец валенок внезапно развернулся и побежал обратно. Подскочив к остановке, он вытащил из-за пазухи открытку, на которой было поздравление с Днем милиции, и стал размахивать ею.

— ФСБ, мать вашу! ФСБ!

Подбежав к валенкам, которые валялись на земле, продавец тут же ударил по руке сержанта, который было потянулся за ними и, тыча ему в лицо открыткой, заорал: — Куда ручками сучим?! Совсем очумел?! Работы лишиться хочешь?! Я тебе это вмиг устрою! Не видишь что ли, что это вещдок?! У-у-у, морда! — и, отвесив сержанту подзатыльник, да так, что с того слетел головной убор, вместе с валенками скрылся в ближайшей подворотне.

Анатас и Маркус — именно так звали гиганта — дождались, когда загорится зеленый

сигнал светофора, и ступили на проезжую часть. Послышался скрежет шипов, и пронзительный гудок разнесся по ближайшей округе. Черная Audi с трудом затормозила на скользкой, заметенной снегом дороге в пяти сантиметрах от Анатаса. Маркус перешел дорогу и растворился в маленьких улочках города. Анатас остался стоять на месте.

Тонированное стекло опустилось, и из машины высунулась лысая голова парня крепкого телосложения.

— Эй, урод! Ты че творишь?! Ты куда, в натуре, прешь? Не видишь, что тут люди ездят?! Я о тебя, сволочь, чуть свою машину не помял! — заорал водитель.

Анатас не пошевелился. Водитель иномарки снова нажал на клаксон и подержал его несколько секунд. Вой сигнала и сирен милицейских машин слились в единое целое, образуя звук авианалета вражеских бомбардировщиков. Бугай снова высунул голову в окно.

— Не, ну ты че, в натуре, совсем оборзел?! Пшел с дороги, корова тельная! Если не исчезнешь, я тебе, падла, ноги пообломаю!

Анатас подошел к водительской двери, медленно нагнулся и пристально взглянул в глаза бугаю.

— Не нужно хамить, молодой человек. Тем более хамить тем, кого не знаете. Мало ли кем может оказаться оскорбленный? Случаи разные бывают. Возможно, тот, кого вы облили грязью, никогда этого не забудет и попытается при первой же возможности отомстить. Да и ездить вам не советую быстрее, чем летит ваш ангел-хранитель, а то ведь не успеет, и беды не миновать. Прощайте.

У лысого по спине пробежали мурашки. Анатас выпрямился и, слегка стукнув по крыше машины ладонью, пошел своей дрогой.

— Вот урод! — тихо произнес водитель.

Машина с пробуксовкой рванула вперед, но на первом же перекрестке дорогу иномарку занесло, и она, пробив сугроб, вылетела на тротуар, где сбила девушку и сложилась наполовину о фонарный столб. Раздался сильный треск. Лопнувшая арматура не смогла удержать опору железобетонной конструкции, и та молотом обрушилась на раскуроченную машину. Люди в ужасе забегали вокруг, женщины заохали, некоторые завизжали.

— Звоните в скорую! Вызывайте милицию!

Стражи порядка, разгонявшие дерущуюся толпу, кинулись на помощь новому пострадавшему. Вскоре послышались сирены скорой помощи и спасателей. Движение по улице прекратилось, образуя пробку. Вокруг царил хаос.

Зверев сидел в своем кабинете и размышлял о странных посетителях, побывавших у него за последние сутки. Мысли вызвали адскую головную боль, которая всегда возникала неожиданно. Казалось, что в голову насыпали дробленого стекла. Показания Виктора не давали ему покоя. Плюс еще эта сумасшедшая, которая несла какую-то чушь и почему-то пришла именно к нему. Будто кто-то намеренно хотел свести его с ума. И почему эти дурацкие сны снова начали ему сниться, хотя он не видел их с детства? Он сидел и курил, курил и думал, пока вбежавший в кабинет Михаил не нарушил ход его мыслей. Вид Попова был настолько необычен, что Алексей даже встал от удивления.

— Твою мать! — выругался Попов, едва войдя в кабинет.

— Да что случилось-то? Что опять?

— Какое-то безумие среди бела дня, вот что случилось.

— Ничего не понял. Какое безумие? Ты нормально объяснить можешь?

— Конечно, могу. Еще как могу, но лучше тебе это не от меня, а от очевидцев услышать, — нервно ответил Попов, закурил и сел рядом с напарником.

— Че-то я из твоей ахинеи ни черта не понял.

— Сейчас, сейчас. Серега, заводи по одному!

Дверь кабинета номер шесть распахнулась, и в нее вошел человек с опухшей челюстью и разбитым носом, похожий на бомжа или алкоголика.

— А почему он только в одном ботинке? — повернувшись к Попову, спросил капитан.

— Да ты присаживайся, охотник за дармовщинкой! — рывкнул Михаил и показал задержанному рукой на стул. — А почему без ботинка? Это, Лех, он тебе сейчас сам расскажет. И заодно поведает, почему он такой красивый у нас.

— Скорая побори-то сняла с него?

— Ага, как же! У меня там таких защитников Сталинграда полный коридор! Опросим их, а потом пускай бегают по больницам!

— Так заяву накатают, что это мы их!

— Успокойся! Ты лучше послушай нашего интеллигента в одном ботинке. Своим ушам не поверишь. Давай рассказывай, как тебе морду разбили.

Алексей внимательно осмотрел мужчину. Его дубленка напоминала тряпку, которой только что вымыли грязный пол. Один рукав был оторван, будто его отрезал скальпелем опытный хирург.

— Ну, это, как его, — замялся задержанный. — Это продавец, барыга, гад. Надо было ему их больше принести, а он, зараза, только одну пару притащил. А они такие хорошие, хоть и рваные. Я-то первый их взял. А если первый, значит, мои. А чего не взять-то, когда бесплатно? А этот мне сразу в челюсть. А за что? За то, что мне они больше подходили? А потом все как кинутся, и давай меня топтать! А где справедливость? Где? Нет ее. Кто первый взял, тот и прав. Так ведь?

— Ты к сути переходи.

— Ну, я ж вам говорю, что это продавец всех с ума свел. Сам маленький, с горбом, одна рука короче другой, а валенки-то у него просто прелесть. Говорит, в них его дед против Наполеона воевал. Во как! Значит, раритет, значит, перепродать можно. А он их бесплатно.

— Ну, и что дальше?

— Давай рассказывай, коллекционер хренов! — прикрикнул Михаил.

— Ну так я ж вам говорю, что это все из-за него. Когда он сказал, что их даром отдаст, люди словно голову потеряли — озверели все. Я вон померить хотел, а мне в челюсть.

— Ты прикинь, когда наши приехали, там такое месиво было! Ужас! Просто Ледовое побоище. Бородино, блин! Кого смогли, похватали и сюда. А они как сговорились все. Твердят про какие-то долбанные рваные валенки и продавца-урода. А ни продавца, ни валенок нет! Бред какой-то!

— Про что твердят?

— Про валенки и горбатого продавца! Горбатого! — Михаил на себе показал уродство, чтобы было ясней его коллеге. — Ну горб, понимаешь? — добавил он, видя, что Зверев смотрит на него, мягко сказать, удивленно.

— Понятно, — подытожил капитан. — Что тут непонятного? Мордобой-то устроить из-за рванья — милое дело. Тем более халявного рванья. Тем более если продавец с горбом. Потрясающе! Нашим людям за деньги ничего не надо, а вот если бесплатно или стырить, то

тут любая дрянь у них на вес золота.

Все последующие задержанные входили в кабинет по очереди и как один рассказывали про непонятого продавца, который предлагал бесплатно старые валенки, якобы доставшиеся ему от деда. На седьмом задержанном Алексей не выдержал.

— Да за каким хреном они тебе-то понадобились?! Ты-то зачем туда полез?!

— Да я и сам не знаю. Ведь бесплатно... — ответил молодой человек.

— Ты их из дурки всех набрал, что ли?! — повернувшись к Попову, спросил Алексей. — По-твоему, раз ко мне эта сумасшедшая приходила, так можно их всех сюда вести?!

— Да не кипятись ты. Я сам офигеваю от этого зоопарка.

Внимание Алексея снова вернулось к свидетелю.

— Ты вот мне что скажи. Ты молодой парень. На кой хрен они тебе сдались? Ты их что, на дискотеку что ли надеть хотел или перед бабой своей в них покрасоваться? Зачем тебе рваные валенки?

— Так это, даром же, — слепил недоуменную гримасу парень и потер заплывший темно-фиолетовый глаз.

— Твою мать! Уберите его с глаз моих!

В кабинет вбежал сержант и вывел задержанного за дверь.

— Да-а-а, сначала придурки на остановке, потом водитель-экстремал. Интересно, что дальше? — почесывая затылок, проговорил Попов.

— погоди. Какой еще водитель?

— Какой-какой? Который на машине в хлам разбился.

— Постой-ка, ты про него ничего не рассказывал.

— А что про него рассказывать? Обычное ДТП. Пока мы их разнимали, этот та называемый браток умудрился снести столб, да так, что его этим столбом и накрыло, превратив машину в железный блинчик.

— Как это накрыло? Все произошло там же?

— Ну да.

— А почему ты мне сразу про него не рассказал?

— Это дело не наше, пускай дэпээсники разбираются.

— То есть люди бьют морду друг другу из-за рваных валенок, а тут же, не отходя от кассы, человек разбивается на машине? И ты говоришь мне, что это обычное ДТП?!

— А что здесь такого?

— Что-то слишком много здесь такого. Такого странного. Ни разу в нашей глухомани ничего не было, а тут, на тебе, понеслась моча по трубам.

— Но причем здесь авария?

— Ну, может, ты и прав. А валенки, кстати, где? И продавец? Задержали?

— Наши ребята утверждают, что их забрали эфэсбэшники. Я понимаю, это полный бред, но все четверо утверждают, что это было именно так. Поэтому лучше пока про это помолчать. Вдруг этот психоз заразный? Поднимем шум, потом хрен отмоемся.

— О, Господи! — обхватив голову, воскликнул Алексей. — Этого еще нам не хватало. А они точно уверены, что их эфэсбэшники взяли? Эти-то откуда нарисовались?

— Говорят, что да. Притом не малахольные, а отработавшие. Правда, один из них утверждает, что эфэсбэшник ему подзатыльник отвесил, — пожав плечами, сказал Попов.

— Бред! Ладно, я узнаю, а ты пока про это молчи. У меня есть там один не последний человек, который мне кое-чем обязан, попытаюсь у него это выяснить, — сказал Зверев.

— Ясный пень, молчать буду! Я что, на идиота похож?!

— А что с этими делать? — спросил Алексей.

— Не знаю, — сквозь зубы проговорил Михаил.

— На меня не рассчитывай!

— Да не ори ты! Разберусь без тебя.

— Вот и разбирайся!

— Вот и разберусь!

— Вот и разбирайся!

Попов с досадой вскочил и вышел. Из-за стены тут же донесся крик. Михаил орал на задержанных. Вскоре шум утих, и Алексей остался в тишине. Шли уже вторые сутки, как он не был дома. Да и что ему было там делать? Жил он один, личная жизнь не сложилась, и родители давно умерли. Работа — вот его дом, его пища и смысл существования. Хотя и она в последнее время не приносила ему удовольствия. Он сидел за своим рабочим столом, и только треск мороза за окном скрашивал его одиночество. Зверев снова и снова пытался осмыслить недавние события. Все это казалось ему безумием. Какие-то странные люди сваливались на него, как снег на голову. Раньше такого не было, была просто работа. Почему он стал заикливаться на всяких мелочах? И почему это все началось после рассказа Виктора, который говорил о странном человеке в кожаном плаще? Он пытался сложить все события в логичную картину на основе одной общей черты — отсутствии всякой логики. А тем временем истина была рядом, как бывает рядом фортуна, которую можно ухватить за хвост и заставить плясать под свою дудку. Но пока все версии напоминали подгоревшую кашу у неопытного повара. Зверев чувствовал, что связь есть и что ответ где-то рядом, но где именно, он не знал.

Алексей встал из-за стола, нервно походил по кабинету, потом сел, встал и снова начал ходить. Прошло около часа, пока он успокоился. Зверев достал из кармана пачку сигарет и закурил.

[1]Человек человеку волк.

[2]Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

[3]Книга Пророка Иеремии, 51:13.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Никто никого не может потерять,
потому что никто никому не принадлежит.
Пауло Коэльо

На столе у Зверева был бардак, как, впрочем, и в голове. Чтобы хоть как-то отвлечься, Алексей решил разобраться в бумагах. На глаза ему попалось заявление безумной тетки. Он прочел его еще раз, усмехнулся и швырнул обратно на стол. Посмотрев на часы, Зверев тяжело вздохнул. Время обеда, да и ужина тоже, уже давно прошло, и желудок жутко урчал и просил есть. Алексей встал и, подойдя к шкафчику, начал усердно в нем рыться в надежде найти хоть что-нибудь съестное, но, кроме пакетика с супом «Роллтон», ничего не обнаружил. «Да здравствует XXI век, век великих изобретений и нанотехнологий!», — подумал он, глядя на суп быстрого приготовления. Ощущая приближение пищи, желудок заурчал еще сильнее, словно птенец, орущий при виде червяка в клюве матери. В кабинет ввалился Попов и с довольной рожей уставился на коллегу. Зверев понял, что поесть ему так и не удастся. Мысленно прощаясь с сухим супом с такой тоской, как будто это был комплексный обед из трех блюд, он медленно перевел взгляд на напарника.

— Тебе чего надо, Иуда? — недовольно спросил Зверев.

— Мне? — удивился Михаил. — Мне лично ничего не надо, а вот тебе это будет интересно. Ты уж поверь.

— И что именно?

— Я по поводу той бабки, у которой пропал муж.

— Ну что, нашелся ее любимый? Удиви меня.

— Удивлю, еще как! Любимый ее не нашелся, зато нашелся Москвич, доверху набитый оградками и крестами из цветного металла. Его обнаружила наша дежурная машина, патрулировавшая район рядом с кладбищем, — улыбнулся Михаил.

— Так что ж ты лыбишься?

На лице Попова нарисовалась серьезная физиономия.

— Просто я подумал, что твое дело сдвинулось с мертвой точки. Мне казалось, ты будешь рад.

Зверев хотел грубо ответить, но в этот момент в дверь постучали.

— Да-а-а! — протяжно произнес Алексей.

Дверь открылась и на пороге показался младший сержант с листом бумаги в руках.

— Что у тебя?

— Вот, — вошедший протянул листок капитану. Зверев нехотя его принял.

— Ну, и что там пресса пишет? — поинтересовался Попов.

— Что-что? Ничего хорошего. Это отчет патрульных, которые обнаружили Москвич. Вот черт, придется туда ехать!

— А зачем? — изумленно спросил Михаил. — Отчет у тебя есть, да и рабочий день уже закончился. Притом второй!

— Странный ты человек, Попов. У меня завтра выходной, а я не хочу, чтобы меня в мой заслуженный выходной дергали по всяким кладбищам. А кладбище, Попов, это тебе не экскурсия по музею, хотя экспонатов там, конечно, тоже достаточно.

— А-а-а-а, — протянул ехидно Михаил. — Нам хлеба не надо, работы давай! Все с тобой ясно, трудоголик.

— Да пошел ты!

Алексей снял с вешалки куртку, вышел из кабинета и направился в дежурку, где сидел прапорщик и листал дешевый журнал.

— Привет, Юр! Слушай, посмотри, у нас машина хоть какая-нибудь свободная есть?

— А что так?

— Да вот, халтурка на кладбище подвернулась. Чего уж тут, можно и съездить.

— Одна как раз есть, только что вернулась.

— Прекрасно. А где водитель?

— Так он у входа стоит. Курит, небось, да балакает с кем-нибудь. Что, прямо сейчас к жмурикам и поедете?

— Да. Рассвет встречу на кладбище. Говорят там пейзаж обалденный, а какая тишина!

Выйдя на улицу, Зверев огляделся по сторонам, увидел стоящего рядом с машиной водителя УАЗика и быстрым шагом подошел к нему.

— Огоньком не богат? — Зверев вытащил из пачки сигарету.

— Так это завсегда пожалуйста, — водитель протянул капитану зажигалку.

Алексей жадно закурил и уставился в темную даль. Сильный ветер пронизывал его до костей, а снег неприятно обжигал щеки.

— Ну и погодка! — произнес водитель, стряхивая снег с плеча.

— Да, хороший хозяин собаку из дома не выгонит, а тут эти выезды еще, — Зверев выкинул окурок и залез в машину.

Водитель вопросительно посмотрел на капитана.

— Куда сейчас едем?

— На кладбище.

— Опять?

— Это, значит, вы обнаружили Москвич?

— Ну да. А вы откуда знаете? — удивился водитель.

— Так это мое дело, вот мне и сообщили.

Водитель повернул ключ, и мотор, хлебнув порцию бензина, тут же ожил и затарахтел. Еще не успевший до конца остыть двигатель наполнял салон теплым воздухом.

— Толкни меня, когда на место приедем, а я пока подремлю, — зевая, пробормотал Алексей, устраиваясь поудобнее на переднем сидении.

— Да без проблем!

Снегопад усилился. Когда они прибыли на место, свет фар уже не мог осветить и пяти метров.

— Подъем, капитан! — водитель тряс Зверева за плечо. — Приехали!

Открыв глаза, Алексей посмотрел на водителя, который тормозил его, не обращая внимания на то, что пассажир уже проснулся.

— Может, хватит меня трясти? Да проснулся я!

Капитан посидел в машине еще пару минут, приходя в себя от недолгой, но глубокой дремоты. Мороз пробежал по спине, он невольно передернулся всем телом, затем потянулся и зевнул. От усталости ему показалось, что везли его не в машине, а на санях. Присмотревшись, Зверев увидел впереди силуэты двух людей. Он открыл дверь и встал на обледенелый и занесенный снегом асфальт.

— Что за... — договорить он не успел, ибо поскользнулся и, сделав пируэт, опустился в сугроб. — Твою мать!

— Товарищ капитан, тут скользко, — заботливо предупредил водитель, облокотившись на пассажирское сиденье и высунув голову в открытую дверь.

— Спасибо, дружище! — прокряхтел Зверев, лежа на снегу и глядя на того, кто его привез, снизу вверх. Он достал сигарету, поднялся, попросил огонька и закурил. — Жизнь просто прекрасна!

Отряхнувшись от снега, Алексей направился к замеченным им людям. Приблизившись к ним, он разглядел двух молодых сотрудников милиции, которые копались в Москвиче, походившем на снежную горку. Милиционеры были так сильно увлечены своим делом, что не заметили подошедшего к ним сзади капитана, который, недолго думая, хлопнул одного из них по плечу.

— Слышь, мужики, до могилы не подбросите, а то я опаздываю, а вы, как я вижу, на машине!

— Ешкин кот! — крикнули оба в один голос и отпрыгнули от автомобиля, словно черти от ладана. Повернувшись к Звереву испуганными и побледневшими лицами, они долго пялили на него глаза.

— Ну и шутки у вас. Так ведь и помереть можно!

— Капитан Зверев, — Алексей достал из внутреннего кармана удостоверение и протянул его вперед. — А что вы тут делаете и как вообще сюда попали?

— Вообще-то, товарищ капитан, мы здесь работаем, — усмехнувшись, ответил один из них. — Мы из криминального отдела. А водитель поехал кофейку купить. Кстати, извините, что не представились. Старший лейтенант Иванов.

— Старший лейтенант Краснов.

— Понятно, — задумчиво проговорил Зверев. — Ну и как успехи? Нашли что-нибудь?

— Да что тут найдешь? Оградки с крестами. Обычные мародеры. Только отпечатки пальцев остается снять. Хотя кому они, к черту, нужны? Лишь время зря тратим.

— Я так понимаю, местность вы не осматривали? — глядя в сторону кладбища, спросил Алексей.

— Да на кой она нам сдалась? И так уже все, что можно, отморозили.

— Ладно, пойду сам прогуляюсь.

— Куда вы, товарищ капитан?! Что вы там сейчас найдете? Ведь темно же, да и пурга вон как метет! — крикнул ему в след Краснов.

— Ничего-ничего! Вы давайте дела доделывайте и ждите меня, я скоро!

«Если машина забита доверху всякой утварью с могил, значит, надо искать, где эти мародеры работали. На калым они пошли, ешкин кот! Железом он промышлял! Я тебе такое железо устрою, век помнить будешь!», — ругал он мысленно Пантелеймонову вместе с ее мужем. — «Вот скоты! Напились теперь да спят где-нибудь. А тут из-за них по кладбищу лазай! Страна придурков! У нас кто вагонами ворует, тот депутат, а кто картошки мешок сопрет, тот уголовник».

Обойдя большую часть кладбища, Алексей ничего подозрительного не заметил. Оградки с гробничками стояли везде, как ни в чем не бывало. Он уже хотел развернуться и уйти, как из воя метели до него донесся чей-то плач. Зверев остановился и прислушался. Продвигаясь на звук, он вскоре увидел очертания женщины, стоящей на коленях в снегу и набожно крестящейся. На вид ей было около восьмидесяти лет. Дочитав молитву, она с трудом поднялась с колен и, отряхнув снег с лавочки, присела.

— Простите меня, пожалуйста, если я напугал вас. Но я расследую тут одно дело. Меня зовут Алексей, я из милиции. Вот, пожалуйста, — Зверев, достав из кармана удостоверение, показал его старушке.

— Хорошо, милок, хорошо.

— Простите меня еще раз, но скажите, пожалуйста, не видели ли вы здесь что-нибудь подозрительное? Может, у кого-нибудь памятники украли? Вы не знаете? Никто ничего не говорил по этому поводу?

— Да что ты, сынок? Разве можно у мертвых воровать? Христиане не могут этого делать. Грех это большой. Не видала я. Да и не слыхала ничего такого.

— Ясно. Ладно, спасибо, бабуль. Давай я тебя до дома доведу, у меня машина при входе стоит, тем более время-то позднее, да и пурга разошлась не на шутку.

— Какой смысл идти домой, если тебя там никто не ждет? Единственный человек, который ждал меня, теперь здесь лежит, — вздыхая, проговорила пожилая женщина.

Зверев молча подошел к ней и встал рядом. Он впервые в жизни не знал, что сказать. Алексей бросил взгляд на памятник, к которому была прикручена фотокарточка молодого человека в военной форме с датой рождения и смерти.

— Это ваш сын? — спросил он, рассматривая фотографию.

— Да. Он в Афганистане погиб. Надеюсь, что уже скоро смогу навестить его.

Женщина встала и медленно побрела туда, где ее никто не ждал. Алексей еще несколько минут с задумчивым видом постоял перед памятником и тоже направился к выходу с кладбища. Проходя мимо одной из могил, он обратил внимание на необычный памятник в виде пирамиды, явно сделанный из нержавеющей стали. Рядом с ним стояли две мраморные свечи. Сзади эту композицию покрывал руками ангел, вырезанный из камня. Подойдя поближе, капитан смахнул с фотографии снег.

— Незлобин Анатолий Григорьевич. Интересная фамилия.

Он собрался продолжить свой путь, но опять поскользнулся и, чтобы не упасть, схватился за оградку. В то же мгновение в его голове будто прогремел взрыв, боль пронзила все тело, а перед глазами понеслись чертовски реалистичные картинки, словно он смотрел слайды, которые менялись каждую секунду. Фрагменты событий, происходивших здесь ранее, хаотично вспыхивали в его сознании. Зверев попытался оторвать руку от оградки, но, как ни пытался, не мог этого сделать: ему казалось, что через него пропустили сильный электрический разряд, от которого свело все мышцы тела. Рука неконтролируемо сжимала железо все сильнее и сильнее, пока боль не стала такой, что капитан не мог даже вскрикнуть. А видения все не прекращались. Сначала Алексей увидел двух людей, которые выкорчевывали памятники. Они говорили какие-то фразы, но он не мог разобрать ни слова. Затем появились еще две фигуры, при виде которых Звереву стало еще хуже: в горле пересохло, а голова начала буквально раскалываться на части. Он заметил ужас в глазах мародеров и гробовое спокойствие двух незнакомцев, один из которых был огромного роста в сияющих доспехах и выполнял указания своего хозяина, словно преданный пес. Хозяин же

предстал в виде тени человека, одетого в длинный плащ и сидевшего неподвижно на скамейке. В какой-то момент Зверев увидел свежерытую могилу, которую быстро заселил легионер, швырнув туда два тела. Могилу сразу засыпало землей и занесло снегом. Рука капитана разжалась, и он упал на снег с жуткой головной болью, жадно глотая воздух, будто это были последние вдохи в его жизни. Через минуту боль отступила, дав своей жертве возможность немного прийти в себя. Отдышавшись, Зверев медленно поднялся и, не отряхиваясь, побрел к выходу, стараясь больше ничего не касаться.

— Вот хрень! Чтоб тебя! Какого черта тут происходит? — держась одной рукой за голову, бормотал Алексей. — Нормально прогулялся! Гребаная контузия! Рано я вышел из госпиталя, ох, рано. Нужно было послушаться врачей.

Капитан машинально взглянул на часы: 22 часа 30 минут. «Да, усталость дает о себе знать. Черт знает, что творится!», — размышлял он.

— Да, действительно, черт знает что, — с ехидством произнес чей-то голос сзади.

Не оборачиваясь, Алексей осмотрелся, чтобы проверить, не дотронулся ли он опять до чего-нибудь. «Неужели опять началось?», — подумал он.

— Ничего еще и не заканчивалось, — произнес снова незнакомый голос. — Хотя все зависит от того, насколько наша беседа будет плодотворной для обеих сторон. Любая агрессия есть масштабное наступление на свои же грабли, не так ли?

— Ты кто такой?! — развернувшись, резко спросил капитан.

Незнакомец оказался обычным мужчиной лет 30–35, приятной наружности. Одет он был во все черное, только не по погоде. Черные ботинки, черные джинсы, такого же цвета шелковая рубашка, поверх нее — расстегнутая черная дубленка, вот только головного убора на нем не было, хотя мороз стоял крепкий.

— Нет, Алексей, вопрос нужно поставить иначе: кто ты такой?

Зверев немного опешил, но быстро взял себя в руки.

— Извини, друг, но ты, наверное, меня не понял. Я задал тебе вопрос, и повторять его не собираюсь.

— Конечно-конечно. Зачем нам лишняя грубость? Меня зовут Абигор. Можно просто Ворон, — уступил необычный собеседник.

«Что за дурацкое имя?», — пронеслось в голове у капитана.

— Станный вы народ. Сами своих детей черт те как называете, зато другие имена норовите критиковать, — тут же возразил Ворон.

— Что за ерунда?! Как ты узнал, о чем я подумал?!

— А может, ты думаешь вслух? Или ты надеешься на то, что твои мысли никто не может слышать? Неужели ты такой же, как весь этот человеческий сброд, который может улыбаться своему собеседнику и льстить, а про себя завидовать ему и ненавидеть в надежде, что собственные мысли — это священная комната, в которую никто не заберется? Или ты еще не осознал, кто ты есть на самом деле? В кого же они превратили тебя? Они искажают твою природу. Помни, что ты был и остаешься выше всего этого, — Ворон провел рукой вокруг. — Не разочаровывай его, у него на тебя большие планы. Впрочем, как и всегда. Он не любит расставаться с теми, на кого потратил столько сил и времени.

— Что ты такое? — тихо прошептал Зверев.

— Да, ты и впрямь изменился. Я вижу, ты уже не такой, что был раньше, совсем не такой. Не помнишь меня? Не помнишь, кто помог тебе при Тиберии завоевать власть Черного легиона? А я ведь обучил тебя всему. Разве ты не помнишь? Ромул? Понтий?

Мартин? Маркус? Ты что, забыл звук медных труб, которые приветствовали тебя под небесами вечного города?

— Да что ты несешь?! Какого черта тебе от меня нужно?

— Жалко лицезреть тебя в таком омерзительном положении. Но ты еще можешь сделать выбор. А пока мне приказали предупредить тебя о том, что не надо совать нос туда, куда не следует. И вообще, лучше ложись в санаторий, подлечись, а то в следующий раз ранение может оказаться куда более серьезным. Мой хозяин дважды не прощает. Даже тебя. Иди сейчас же домой, и не лазай здесь — все равно ничего не найдешь. Те, кто должен быть наказан, уже наказаны. Ах да, чуть не забыл: Пантелеймоновой скажи, пускай собачку еще одну себе заведет, так как мужа своего она все равно больше не увидит. Я имею в виду в этой жизни.

— Да пошел ты! — рявкнул Зверев.

— Что за натура у вас такая? Все бы оскорбить. Ну, смотри, я тебя предупредил.

Сзади кто-то подошел к капитану и положил руку на плечо. От неожиданности Алексей вздрогнул и резко обернулся.

— Товарищ капитан, что с вами? — спросил водитель машины. — Вам плохо?

Не сказав ни слова, Алексей посмотрел в сторону, где был его таинственный собеседник, но вместо него увидел сидящего на кресте большого черного ворона, который недовольно каркнул и, встряхнув крыльями, улетел.

— Ты видел его?

— Конечно, такую здоровенную птицу разве можно не заметить?

— А кроме птицы, что ты еще видел? Впрочем, не отвечай, не надо.

Но водитель все-таки ответил.

— Я стоял сзади вас минут десять, а вы меня не замечали.

— И что?

— Да ничего. Просто вы все это время говорили сами с собой.

— А зачем ты пришел?

— Ну как? Криминалисты уехали, за ними машина пришла — их там еще куда-то вызвали. Они вас так и не дождались, но отчет они составят. А вы здесь один по кладбищу бродите, вот я и решил вас найти. Тем более уже поздно.

— А Москвич они куда дели?

— Да на месте он стоит. Эвакуатор вызвали, а он проехать сюда не может, так что теперь до утра. Да такая рухлядь никуда не денется. Чего за нее переживать-то?

— Устал я что-то. Домой меня отвези, ладно? — потирая лоб, просипел Алексей.

— Да без проблем! Конечно, отвезу. Вид у вас какой-то нездоровый. Не заболели бы вы.

Подойдя к машине, Зверев остановился, обхватил голову руками и, облокотившись на капот УАЗика, закрыл глаза. Водитель быстро залез в машину и завел мотор.

— Ну что, капитан, едем?

— Да, сейчас. Только еще раз взгляну на Москвич.

Обойдя ржавую развалину со всех сторон, Зверев подошел к багажнику и, стряхнув снег, открыл его. Внутри лежало много разного добра. Внимание Алексея привлек пирамидальный памятник из нержавеющей стали, который был сильно смят и продырявлен в двух местах. Немного повозившись, капитан вытащил его из багажника и перевернул к себе лицевой стороной. При виде фотографии Зверев отшатнулся в сторону. Четкими буквами на ней было выведено: «Незлобин Анатолий Григорьевич».

— Не может быть! Бред какой-то! Усталость, все это усталость. Нужно ехать домой.

Запихнув памятник обратно в багажник, капитан быстрым шагом подошел к милицейскому УАЗику и нырнул в него.

— Ну что? Нашли что-нибудь интересное? — поинтересовался шофер.

— Нет, ничего. Совершенно ничего. Домой меня вези, домой.

Пошарив в кармане, Зверев достал сигарету, погонял ее в зубах и нажал на автомобильный прикуриватель, который щелкнул, давая понять, что им можно пользоваться. Алексей закурил, приоткрыв стекло и задумчиво глядя на то, как густой сигаретный дым вырывается из кабины в ледяную бездну. Он выкуривал сигарету за сигаретой, думая о том, что же все-таки происходит, а его водитель всю дорогу что-то ему рассказывал и иногда, смеясь, толкал его в плечо. Зверев в ответ кивал головой, делая вид, что согласен, а когда водитель остановился у его подъезда, даже не понял, что уже приехал.

— Капитан! — снова толкая Алексея в плечо, сказал водитель. — Мы на месте.

— Ну, спасибо тебе, — улыбнувшись, ответил Зверев.

— Давайте высыпайтесь и отдыхайте, а то вы какой-то странный сегодня были. Чайку с малиной на ночь выпейте, а то еще заболите. Ну, это так, для профилактики.

— Хорошо, выпью. Обязательно выпью, — пообещал Алексей и, пожав водителю руку, вылез и машины.

Не спеша он побрел к себе домой, еле передвигая ноги. Войдя в квартиру, он снял ботинки, повесил на вешалку куртку, быстрым шагом проследовал к холодильнику и, открыв его, вытащил кусочек заветренного сыра и бутылку водки, на горлышко которой сверху был надет граненый стакан. Налив спиртное практически до верха, Зверев одним махом опрокинул водку в желудок, взял сыр и жадно вдохнул его запах. Сморщившись, он снова налил водку, но его попойку прервали.

— Неужели это помогает?

Зверев медленно обернулся и увидел, что за кухонным столом сидит человек в белой тоге, от которого странным образом расходилось по всей кухне приятное тепло. Алексей вздрогнул, попятился назад, споткнулся о табуретку и с грохотом рухнул на пол. Сидящий за столом незнакомец невозмутимо наблюдал за тем, как Зверев, зажмурив глаза, махал руками и кричал.

— Мать твою! Да сколько же это может продолжаться?! Пошел прочь из моей головы! Прочь! Ненавижу! Свали на хрен!

Немного придя в себя, он медленно открыл глаза. Незнакомец сидел на том же месте.

— Успокоился?

— Тебя не существует, тебя нет, — вытирая дрожащей рукой пот с лица, затарахтел Алексей.

— Пора тебе осознать, что ты не такой, как все. От тебя многое зависит. Или ты еще не понял?

— Пошел прочь! Не говори со мной! Заткнись! Заткнись! Заткнись, я тебе сказал! — прокричал Алексей и снова зажмурился. Он сидел на полу, обхватив голову руками, и качался из стороны в сторону. — Не может быть, не может быть.

Открыв глаза, Алексей обнаружил, что кухня пуста. Медленно поднявшись с пола, он сел за стол и еще раз с опаской огляделся по сторонам.

— Да пошло все к черту! Жизнь — дерьмо! — выругался Зверев, схватил бутылку, и выпил ее содержимое залпом, после чего поднялся и, опираясь на стены, дошел до

дивана. — Охренеть! — только и сказал Алексей перед тем, как рухнуть на него без чувств.

НАДЕЖДА

Зверев проснулся от жуткой головной боли и, не поднимаясь, посмотрел на часы. «Вот это я поспал!», — подумал он и снова закрыл глаза. Голова болела так, будто он всю ночь пытался пробить ею бетонную стену. Алексей лежал и не шевелился, так как малейшее движение доставляло ему массу мучений. «Цитрамон. Нужно выпить цитрамон», — крихтя от боли, вспомнил Зверев и через силу все-таки встал с дивана. В его глазах помутилось, а к горлу подкатила тошнота. Взяв себя в руки, он шаркающей походкой старика, опираясь о стены, дошел до кухни, дрожащей рукой открыл холодильник и достал очередную бутылку водки и стандартную лекарственную упаковку. Капитан присел на табуретку, поставил перед собой пузырь, выдавил из блистера две таблетки и закинул их в рот, после чего быстро отвернул крышку с бутылки и жадно сделал пару глотков. После проделанной лечебной процедуры он осторожно вернулся в комнату, где стоял его верный четвероногий друг — диван. Зверев лежал на нем и тупо смотрел в потолок, боль потихоньку отпускала его. Со стороны казалось, что этот человек давно умер, и лишь по какой-то роковой случайности его не похоронили, а оставили здесь, в этой квартире, на потемневшем от времени ложе.

Все мысли Алексея в этот момент сводились к воспоминаниям о вчерашнем вечере. Кем был человек на кладбище? А незнакомец в его квартире? Странные сны и галлюцинации мучали его с самого детства, но никогда прежде они не были столь реалистичны, как недавние видения. Периодически в своих размышлениях Зверев заходил в тупик. Он чувствовал, что все, о чем он думал, было лишь верхушкой айсберга, безмятежно плавающего в океане времени. Однако с точностью и уверенностью он осознавал одно: что все началось с дела, которое он по какой-то непонятной ему самому причине выпросил у Попова. Все началось именно с этого Виктора: если бы не он, Алексей не оказался бы на кладбище. Именно после встречи с Четыриным со Зверевым начали происходить странные события, и именно с него нужно было начинать разматывать этот клубок — в этом капитан не сомневался.

Алексей быстро поднялся с дивана. Боль злобно впиалась в его тело, но уже не так чувствительно, как десять минут назад. Он снова плеснул водки в стакан, выпил, спешно оделся и выбежал на улицу, где свирепствовали страшный мороз и пурга. Капитан ураганом влетел в свой кабинет. Сидящий там Попов от неожиданного появления на службе своего напарника, у которого был выходной день, вскрикнул.

— Вот блин! Ты чего тут?!

Алексей быстро разделся и чуть ли не бегом подскочил к своему рабочему месту. Немного пошарив в столе и достав заветную папку, он стал жадно перечитывать показания Виктора.

— Может, ты все-таки объяснишь, что происходит?! Ты меня прости, конечно, но, по моему, ты как-то странно себя ведешь. Тебе так не кажется? У тебя все нормально? — не выдержав, спросил Попов.

— Что-то тут не так, что-то я пропустил или не заметил.

— Где именно? — удивленно спросил Михаил.

— То дело, которое я у тебя взял, что-то в нем не так.

— Ну, ты даешь! Что там может быть не так? Обычное дело. Ты такие раньше за неделю щелкал. Ты что, Лех, совсем сбрендил? Ты хоть спал сегодня?

— Да спать-то я спал, как убитый, не помню даже, как вырубился, — буркнул Алексей и заходил по комнате.

— А ну-ка, подойди сюда поближе! — деловито сказал Михаил.

— Зачем это?

— Подойди-подойди.

— Ну, что тебе? — подойдя к Попову, проворчал Зверев.

— У-у-у-у-у, да вы, батенька, подшофе! С утра принял — весь день свободен? — заулыбался Михаил.

— Ты что несешь?! Я просто таблетку водкой запивал, всего пару глотков сделал. Башка страсть как болела, как будто по ней веслом дали.

— Таблетки? Водкой? Ты идиот или тебя беляк долбанул? Бухать-то бухай, все мы русские, но на работу с таким фаном хрен ли приперся?

— Да нет же, нет. Ты меня не так понял. Просто голова болела, понимаешь? — оправдывался Зверев.

— Голова не жопа: завяжи и лежи. К тому же у тебя, по-моему, выходной сегодня.

— Да пойми ты: не выходит у меня это дело из головы. Не выходит, и все тут! — с грустью сказал капитан и сел за стол.

— Лех, ты меня пугаешь. Что здесь необычного? Дело как дело. Тут только два варианта: он виноват и он виноват. Чего думать-то? Как говорится, если на вас нет судимости, это не ваша заслуга — это наша недоработка, — с умным видом проговорил Михаил и сел за стол напротив Зверева. — Парень замочил водилу. Вот и все.

— Да нет, не он это. Не мог он этого сделать, и на несчастный случай не тянет. Все же с ними был кто-то, — Алексей отодвинул стул и рухнул на него. — По крайней мере, мне так кажется. Да и Виктор этот неспроста говорил про третьего.

— Конечно, был!

— Ты тоже так думаешь?! — воскликнул капитан и даже привстал от радости.

— Ты дурак?! Ты что городишь?! Иди домой, проспись, пока на начальство не нарвался! Погон лишиться хочешь, мать Тереза хренова?! — вдруг заорал на Зверева Попов. — Какой третий?! Тот, которого он не знает, как зовут, и не помнит, как он выглядит?! Это, Леха, называется «отмаз нелепый»! Видел что-то, но не помню! Ты что, не понимаешь, что он по ушам тебе ездит?!

— Да иди ты! — крикнул в ответ Алексей и, подойдя к вешалке с одеждой, дернул с нее куртку так, что вырвал петельку.

«Не может быть. Что происходит? Я спятил, точно, спятил, — шагая по заснеженному городу, думал про себя Зверев. — Что я несу? Что вообще творится? Надо же было ляпнуть такую чушь, да еще и при Попове. Как мальчишка себя повел. Господи, как пацан. Несу какой-то бред. Ну, ты сам-то подумай своей головой: ведь Мишка прав. Чего лезть-то? Зачем? Закрой дело. Все ведь ясно и понятно. А вдруг прав я? Вдруг все это не так просто?».

В голове капитана все равно не укладывалось то, что произошло с ним накануне. Он тщательно анализировал каждый свой шаг, чувствуя, что все недавние события связаны одной ниточкой. Алексей вспоминал, как Виктор рассказывал ему о том, что с ним

случилось на трассе. А теперь Алексей сам оказался на его месте, и даже давнишний приятель и коллега по работе Попов смеется над ним, как он сам совсем недавно смеялся над Четыриным.

Голова снова начала раскалываться, причиняя немало страданий своему владельцу. Боль была такой жестокой, что, проходя мимо автобусной остановки, Зверев был вынужден присесть. Поблизости никого не было, но он все же оглянулся по сторонам и только после этого упал на заснеженную скамейку, обхватил голову руками и застонал от боли, настолько она была невыносимой. Метель утихла, снег медленно падал большими хлопьями, напоминая тополиный пух. Алексей раскачивался взад и вперед, не отпуская головы.

— Физическая боль ничто по сравнению с болью душевной, — вдруг послышался рядом чей-то голос.

— Отстань, мужик, не до тебя сейчас и уж точно не до твоих проповедей!

— О страданиях я знаю многое. «И говорили они друг другу: точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали; за то и постигло нас горе сие»[1].

— Да неужто?! Только священников мне не хватает! — не поднимая взора, проговорил капитан.

— Человеку всегда чего-то или кого-то не хватает. Я могу рассказать тебе одну притчу.

— Да хоть две! Мне на самом деле по хрену! Если тебе нечем заняться, то валяй! — все сильнее сжимал голову Зверев.

— Я хочу рассказать тебе про Иова. Этот величайший праведник и образец веры и терпения не принадлежал к избранному роду Авраамову. Он жил в земле Уц, в северной части Аравии, был непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла, а по своему богатству был знаменитее всех мужей Востока. В счастливом его семействе было семь сыновей и три дочери. И этому его счастью позавидовал сам Сатана и перед лицом Бога стал утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только благодаря своему земному счастью, с потерей которого исчезнет и все его благочестие. Чтобы изблечить эту ложь, Бог позволил Иову испытать все бедствия земной жизни. Сатана лишил его богатства, всех слуг и всех детей, а когда и это не поколебало веру Иова, то Сатана поразил его тело страшную проказой. Болезнь сделала невозможным пребывание страдальца в городе: он удалился за его пределы и там, соскабливая черепком струпья со своего тела, сидел в пепле и навозе. Все отвернулись от него. Видя его мучения, жена убеждала его: «Чего ты ждешь? Отрекись от Бога, и Он поразит тебя смертью!». Но Иов отвечал ей: «Ты говоришь, как безумная. Если мы любим принимать от Бога счастье, то не должны ли переносить с терпением и несчастье?». Таким терпеливым был Иов. Он лишился всего и сам заболел, терпел обиды и унижения, но не роптал, не жаловался на Бога и не сказал против Господа ни одного грубого слова. О несчастиях, которые обрушились на Иова, слышали его друзья. Семь дней они молча оплакивали его страдания. Наконец, они стали утешать его, уверяя, что Бог справедлив, а значит, так Иов расплачивается за какие-то прежние согрешения, в которых должен покаяться. Это их заключение выходило из общего ветхозаветного представления о том, что всякое страдание есть возмездие за какую-нибудь неправду. Утешавшие Иова друзья старались найти у него какие-либо прегрешения, которые оправдали бы его несчастья как целесообразные и осмысленные. Но и в таком страдании Иов ни одним словом ропота не согрешил перед Богом. После этого Господь за терпение вдвое наградил Иова. Вскоре он не только исцелился, но и разбогател вдвое больше прежнего. У него опять родилось семь

сыновей и три дочери. Он прожил в счастье еще 140 лет и умер в глубокой старости, оставив всем пример истинного долготерпения. Как ты не можешь понять, что не голова у тебя болит, а душа. Ты такой же прокаженный, как и Иов, но ты не хочешь в это поверить. Признай хотя бы, что ты не такой, как все. Для начала хватит и этого. И, кстати, запивать цитрамон водкой — это, прости меня, полный бред. Спиртное, конечно, утешает тело, но не лечит душу. После того, как пройдет его действие, проблемы останутся. А гробить свой организм — это жестоко по отношению к себе.

Капитан отпустил голову и повернулся на звук. Рядом с ним сидел тот самый человек, которого Зверев видел у себя в квартире прошлым вечером. Он был одет во все ту же ослепительно белую тогу, а босые ноги его едва касались снежного покрова. Он даже не смотрел на собеседника, просто сидел, будто рядом с ним никого не было. Его взор был направлен вперед, и было ощущение, что он любит окружающим пейзажем.

— Бога восхваляешь? А почему он позволил страдать этому, как его... Да неважно. Почему он отобрал у него все, что тот заработал, лишил его детей? Ты думаешь, это правильно? Думаешь, это того стоит? Да если б он у меня детей забрал, я бы первый проклял его. Черт с ним, с богатством, но причем здесь дети?

— Вы стали настолько ничтожными, что повлиять на вас можно, только отобрав самое ценное. Только тогда вы возвращаетесь в реальность и только тогда начинаете ценить жизнь и законы, данные Им. Хотя и говорится в писаниях: «Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление»[2]. Но вы не понимаете милости, не чтите заветов. Вы Ему не безразличны, и оттого становится горестно, что Он безразличен вам. Если вы не поймете этого, вас смахнут с планеты, словно крошки со стола Вселенной. И никто больше не вспомнит о том, что был этот мир.

— Ну все, хватит! Отстань от меня! Отстаньте все, валите на хрен! Я тебя знать не хочу! Видеть тебя не желаю!

— Ты очень близок к своей цели, но в то же время так далек от нее, очень далек. Ты даже не знаешь насколько. Браня меня, ты ругаешь себя за беспомощность. Не в твоей воле препятствовать тому, что есть, и тому, что будет. Я просто пытаюсь направить тебя на путь истинный. А отрицание твое есть то, что неизбежно.

— Довольно! Ты всего лишь плод моего воображения, вот и все! — вскочил Зверев и, обхватив голову руками, стал ходить туда-сюда. — Да что же это такое творится?! Может, ты мне это объяснишь, умник?! Почему только намеки? Нельзя что ли прямо сказать, что и как делать?! Да и что вообще происходит?! — повернувшись к своему собеседнику, произнес капитан, но к своему огромному удивлению обнаружил, что рядом с ним никого нет.

Алексей не мог поверить своим глазам. Он вообще уже ни во что не мог поверить. Ему казалось, что его разум живет своей отдельной жизнью. Зверев поднес правую руку к виску и стал его массировать.

Боль исчезла так же внезапно, как и появилась. Единственным желанием следователя было напиться и забыть все, что с ним произошло, как недоразумение или страшный сон. Постояв еще минуту, он побрел к ближайшему продовольственному павильону. Над дверью висел китайский колокольчик, и его звук разнесся по магазинчику, давая понять, что пришел покупатель. Звон был настолько приятным, что следователь остановился и дослушал его до конца. Тем временем из подсобки вышла продавщица — объемная женщина с сигаретой в зубах и дешевой косметикой на лице. Не спеша, вразвалочку она подошла к прилавку. Зверев

брезгливо оглядел ее и достал из заднего кармана мятую купюру.

— Водки.

— Какой вам? — скривив лицо, буркнула продавщица.

— Любой, — ответил Алексей.

Продавщица нагнулась, достала из-под прилавка бутылку «Тамбовского волка» и протянула ее покупателю. Получив спиртное, Зверев вышел на улицу.

— Эй! А сдача?! — крикнула женщина вслед, но он ее уже не слышал.

Алексей брел по родному городу, который стал для него худшим из кошмаров. Он шел и пил, пил жадно, прямо из горла, большими глотками. С каждой минутой алкоголь все больше овладевал его телом. Вскоре он перестал думать о случившемся, и ему стало хорошо. Спиртное сделало свое дело, затуманив на какое-то время его разум. Зверев остановился, достал последнюю сигарету, затем со злостью смял пустую пачку и отшвырнул ее от себя.

— Да пошли они! Пошли они все! Пошло все к чертовой бабушке! Вместе с этим долбаным миром! — вдруг крикнул он изо всех сил, и эхо его голоса пронеслось по округе, повторяя его слова и словно издеваясь над ним.

Капитан закурил и побрел дальше. Куда идти, он не знал: все его идеи смешались после встречи с незнакомцем. «Неужели я чокнулся? Так просто? Взял и сошел с ума? За что мне это? Неужели так легко свихнуться? А Мишка прав, пить надо меньше! Или больше?! Вот гребаная дилемма!», — размышлял капитан. Допив остатки горячительного, Алексей швырнул в сторону пустую тару. Она ударилась о фонарный столб, и стекло вдребезги разлетелось в стороны. Зверев зачерпнул из сугроба снег и вытер им лицо. «Ладно, идиот, думай. Думай!», — скомандовал он сам себе. Позади него послышались приближающиеся шаги. Грубый мужской голос приказал ему остановиться. «Ну вот. Неужели снова? Неужели опять началось?», — подумал Алексей, но, обернувшись, увидел обычный милицкий патруль.

— Ну что, мужик? Сам пойдешь или тебя довести?

— Сам! — ответил Зверев и вытащил из кармана удостоверение.

— Извините, товарищ капитан, — в один голос отчеканили блюстители порядка.

— Ничего, бывает, — ответил Алексей, еле держась на ногах.

— Может, машину вызвать или до дома довести?

— Нет, спасибо, сам доберусь. Давайте, идите.

— Ну, как скажете.

«Да нет, Лех, ты пока еще не свихнулся. По крайней мере, не совсем. Надо все-таки ехать к этому парню», — продолжал рассуждать Зверев. Он прекрасно помнил, где живет Виктор, так как просматривал его дело несколько раз. Он еще раз поднял большую пригоршню снега и отер им лицо. Затем, перелезая через сугробы, вышел к дороге. Вытянув руку, он хоть и не сразу, но все-таки поймал машину и, открыв дверь, неуверенно забрался в салон.

— Куда едем? — спросил водитель.

— В Стрельцы. Улица Зеленая, дом 45.

— Лады, только деньги вперед.

— А сколько надо?

— За сто пятьдесят договоримся.

Зверев достал деньги и положил их на панель автомобиля.

— Трогай, командир. Трогай.

[1]Бытие, 42:21.

[2]Второзаконие, 24:16.

ЯЗЫКИ ПЛАМЕНИ

Девять основ сатанизма

Сатана предоставляет потворство

вместо воздержания!

Сатана предоставляет жизненное бытие

вместо духовных иллюзий!

Сатана предоставляет неоскверненную мудрость

вместо лицемерного самообмана!

Сатана предоставляет доброту к тем, кто этого заслуживает,

вместо любви, потраченной на льстецов!

Сатана предоставляет месть

вместо подставления другой щеки!

Сатана предоставляет ответственность ответственному

вместо заботы о психических вампирах!

Сатана представляет человека еще одним животным,

которое иногда лучше, чаще же намного хуже тех,

что ходят на четырех лапах, и которое из-за

«превосходного развития духовности и интеллекта»

стало самым порочным животным из всех!

Сатана представляет все так называемые грехи,

если они несут физическое, умственное или

эмоциональное удовлетворение!

Сатана был и есть для Церкви самым лучшим другом,

потому что все прошедшие годы Он поддерживал ее бизнес!

Антон Шандор ЛаВей

На небосводе не было ни облачка. Луна светила так ярко, что ночь походила на день. Небо мерцало звездными узорами, снег падал, танцуя в воздухе медленный вальс, а дым из труб частных домов в Бондарях шел вертикально вверх, словно полз по натянутой кем-то струне. Морозная ночь была прекрасна, улицы пустынные, а практически все жители села спали в теплых кроватях.

В тринадцати километрах от районного центра находился небольшой поселок, который прозвали Млечным путем. Он не был обозначен ни на одной карте, к нему не вела ни одна дорога, население его насчитывало около тысячи человек, и жили они все в землянках. Еще одна странная особенность этого населенного пункта заключалась в том, что в его центре был насыпан огромный холм высотой метров пятнадцать и диаметром около ста. На вершине возвышенности стояла небольшая церквушка. Она была похожа на христианскую, только кресты на ней были перевернуты, купола окрашены в кроваво-красный цвет, а стены — в мазутно-черный. Само здание было разрисовано белой краской разными знаками, математическими вычислениями и изречениями на древних языках.

Большинство жителей поселка занимались крестьянским хозяйством, держали скот, выращивали овощи и фрукты, при этом весь урожай делили поровну. Торговли у них не было: она считалась грязным, недостойным человека делом. В качестве одежды поселенцы носили балахоны, сшитые из грубой ткани разного цвета в зависимости от занимаемого в общине положения. Серый балахон полагался крестьянам, черный — стражникам, красный — священникам. Уклад в поселке напоминал утопическую идиллию, но только на первый взгляд: внутри общины царил жесткая дисциплина, и вся эта пасторальная жизнь заканчивалась с наступлением темноты.

Любого человека, который случайно попадал в деревушку, пичкали разными травами и одурманивали, применяя гипноз. После этого он становился живой куклой, и его отводили в церковь на холме. Именно оттуда начинался потайной ход, который уводил человека под землю на несколько десятков метров вглубь. Под холмом скрывалась разветвленная сеть шахт и катакомб с системой вентиляции и жизнеобеспечения. Туннели достигали порядка двух метров в высоту и столько же в ширину, стены были выложены гладким, как морская галька, булыжником, местами горели факелы, но встречались и электрические лампочки. В этом подземном замке наряду с комнатами, оборудованными по самому последнему слову техники, были помещения для пыток, в которых стояли приспособления времен Римской империи и средневековой инквизиции. Церковные алтари переходили в жертвенные комнаты, залитые кровью. Подземный монстр, очевидно, сооружался веками, и со стороны было непонятно, как все в нем устроено и работает.

Судьба человека, попавшего в эту общину, определялась одним из трех вариантов. Во-

первых, он мог остаться рабом. В этом случае его на протяжении всей недолгой жизни накачивали наркотическими веществами и заставляли выполнять самую грязную работу, кормили, как животное, и не выпускали на поверхность. После смерти его труп сжигали.

Второй вариант был не менее жестоким: человека приносили в жертву божеству, которому поклонялась община. Это существо представлялось зверем с оскаленной волчьей головой, на которой острыми пиками возвышались рога. Тело его до пояса было человеческое, ноги — как у буйвола, а длинный крысиный хвост обвивал постамент, на котором находилась четырехметровая статуя идола, выполненная из чистого золота. Она стояла на самом нижнем уровне подземелья в главном храме, где и совершались жертвоприношения. Члены общины верили, что божество, называемое ими Пожирающим пламя, хранит их и помогает им во всех делах и начинаниях.

При третьем варианте развития событий человека зомбировали до такой степени, что он уже не мог прожить без секты ни дня, видя во всех идеях ее последователей только путь света, или, как называли его сами сектанты, «Млечный путь». При этом человек мог занять в секте разное положение. Если он был крепок и физически развит, его определяли в охрану, интеллектуальных и набожных возводили в сан монахов — в дальнейшем они поднимались до священников, а потом и магистров, в сане которых выбирали себе Повелителя пламени. Только магистр мог вести беседы с главой секты и выдвигать ему на рассмотрение свои идеи. Также в общине имелись крестьяне, обеспечивающие общину продовольствием, надсмотрщики, следящие за всеми делами и докладывающие о них магистрам, разнорабочие, лекари и другие социальные роли. Именно третий вариант при определении чужаков использовался чаще всего, поскольку община постоянно нуждалась в новобранцах.

Сама секта символично называлась «Языки пламени», так как ее новым членам ставили каленым железом на правой стороне груди клеймо в виде перевернутой звезды, пылающей в огне. После такого посвящения человека принимали в общину, где все называли друг друга братьями и сестрами.

Удивительно, но за все время существования поселения никто так и не узнал, где оно находится и как живет. Будто его охранял неведомый повелитель, сила которого была безграничной. Во главе общины стоял человек, про которого ходили легенды. Некоторые говорили, что ему было больше двух тысяч лет, другие уверяли, что он могущественный маг и чернокнижник, продавший душу почитаемому ими божеству. Несмотря на то, что все эти предположения были больше похожи на сказки, которыми пугают непослушных детей, в действительности это была чистой воды правда. Глава секты был высокого роста, с длинными, до плеч, волосами, обычного телосложения. Видели его немногие, только приближенные, но те, кому это удавалось, утверждали, что он был похож на человека, которому поклоняются неверные христиане. Они были убеждены, что он и есть Мессия, а христиане две тысячи лет назад перевернули на свой лад его религию и проповеди, выставив его малахольным божком, который проповедует всякую ересь, тогда как именно он и его последователи есть носители настоящей истины. Звали этого человека Александр.

Правой рукой главы секты был не менее загадочный человек, которого в лицо знал только сам Александр, поскольку тот жил в миру, где выполнял особые поручения руководителя общины. В поселении он всегда появлялся в синем балахоне, похожем на монашеский, с накинутым на голову капюшоном. Его лицо было закрыто до переносицы черной повязкой, над которой горели волчьи глаза. По территории поселения он перемещался только с охраной. Один раз ветер сорвал покров с его лица, и с десятков

человек, включая охрану, случайно увидели его внешность. Вскоре они все исчезли, и никто даже не осмелился поинтересоваться, куда.

Повелитель и его помощник в очередной раз встретились в своем подземном замке. Александр сидел на дубовом стуле с подлокотниками, оканчивающимися конскими черепами, за столом из черного мрамора в комнате, где повсюду горели свечи и факелы. Повелитель сидел и ел, запивая блюда вином из золотого кубка. Человек в синем одеянии стоял напротив него, и хотя капюшон был снят, мрак скрывал его таинственное лицо. Он держал руки за спиной, сцепив пальцы в замок.

— Что случилось? Зачем ты явился, да еще и так внезапно? — спросил Александр.

— Есть проблема, мой повелитель.

— И какая?

— Хозяин уже в городе.

Услышав это, глава секты побледнел, а рука, которой он держал вилку, задрожала так, будто к ней подвели электрический ток. Вилка выскользнула из пальцев и с дребезжанием ударилась о каменный пол. Александр медленно поднялся.

— Как здесь? Почему так рано? Ведь время еще не вышло. Откуда такие сведения?

— Он много где наследил. Пока мы все это заминаем, но вы же знаете: долго скрывать его присутствие не сможет никто. Все усложняется еще и тем, что мы не знаем его планов. Не знаем, где он появится в следующий раз.

— Что же делать?! — воскликнул Александр и снова сел за стол. -

За столько столетий я не смог выполнить его приказ. Он не простит мне этого.

— Повелитель, я преданно служил вам много лет и выполнял все ваши указания, но вы так никогда не обмолвились и словом о том, что мы ищем. Вы просто давали распоряжения, а мы выполняли их, оставаясь в неведении. Но нельзя выполнить поручение хорошо, не зная, какова его истинная цель. Может быть, все-таки стоит поведать мне о ней хотя бы сейчас? Иначе я ищу иголку в стоге сена.

— Ты слишком любопытен, Носферато. Пес должен выполнять приказы, а не спрашивать, зачем они отданы!

— Да, повелитель, — смиренно произнес помощник и поклонился.

Александр медленно прикрыл глаза и глубоко вздохнул. На несколько минут в комнате воцарилась тишина.

— Ну, хорошо. Время работает против нас. В данной ситуации, наверное, тебе следует знать, так как неведение грозит для всех нас ужасной карой. Итак, слушай. Когда были сотворены люди, то основной их особенностью стало право выбора. Ни одно существо во Вселенной не имеет такой возможности — только они. Поэтому судьба их зависит от них самих, от того, что они предпочтут — сторону Света или сторону Тьмы. Сейчас в мире установилось равновесие светлых и темных. Но помнишь, я рассказывал, что родится человек с душой чистой, словно белый лист бумаги? Как только хозяин получит чистую душу, он обретет невиданную доселе силу, и равновесие нарушится: начнутся кровавые войны и катаклизмы, в которых люди будут всего лишь пешками, расходным материалом. Ведь кто обладает чистой душой, тот и правит миром. Хозяину больше не нужны будут души простых смертных, и тогда наступит наше время: мы снова проникнем во все органы государства, снова станем управлять странами, а затем начнем рвать этот мир на лоскуты,

словно одеяло. Все это произойдет ненавязчиво, даже обыденно, как и всегда. За малыми проблемами потянутся большие, за большими — глобальные, и это продолжится до тех пор, пока вся структура человеческого общества не рухнет в бездну. Люди без системы, без государства, без веры — вот тот идеальный вариант, который нужен хозяину. Именно в такой ситуации они покажут свое истинное лицо. И тогда наступит начало их конца. Он постоянно стремится к этому и не единожды уже разыгрывал такой сценарий. Но каждый раз это была просто репетиция, проверка на прочность, пробное испытание, поскольку всегда не хватало последнего ингредиента. Так вышло, например, с Гитлером, который ненавидел евреев, цыган, славян — он практически всех ненавидел. Нам пришлось всего лишь подтолкнуть его к власти, и ожидания оправдались: он не только устроил геноцид, но и развязал самую кровавую войну в истории человечества. Мы приготовили ему сюрприз, приведя к власти Сталина. Тогда мы были на пике могущества и поставили вождем грузина, чтобы тот управлял русским народом, который всегда славился своей отвагой и непокорностью и для которого плен был хуже смерти. Но мы обставили все так красиво, что Русь проглотила это и не заметила. Мало того, народ начал уничтожать храмы, расстреливать священников, а заодно и других своих соплеменников. И это в некогда верующей стране! Но и это было только начало. Мы столкнули лбами две самые мощные державы, а потом наблюдали, как они втянут в кровопролитную резню весь мир. Исход войны нас не интересовал — нам был важен процесс, ведь только в экстремальных ситуациях можно определить душу человека и выяснить, чего он больше достоин и какой он сделает выбор перед лицом смерти. В ситуации, когда жизнь висит на волоске, некоторые люди цепляются за любую руку помощи, только помощь эта иногда намного хуже гибели, так как приходится слишком дорого за нее заплатить. Это время можно сравнить лишь со Средневековьем, когда под знаменем Христа крестоносцы вырезали сасанидские города и деревни, неся им слово Божие. Все папство некогда славного и могущественного Рима было под нашим контролем. Выдавая людям индульгенции, католические священники сказочно обогащались на простом народе — своем народе. Каждый из них мнил себя сыном Божиим, не говоря уже о кардиналах и самом Папе. Мы дали им полную власть над людьми и увидели, во что превратилась их вера. Жируя от поборов, они не только вышли из-под контроля королей, но и стали трактовать по-своему Библию, стали сжигать на кострах не только ведьм, но и ученых. Ах, бедный Джордано. Говорил я ему: не стоит выносить свои открытия в народ. Слишком он опередил мысли людского сброда, еще не готового к его откровениям. Но он был фанатиком и хотел достучаться до непробиваемых, тупорылых, зажавшихся слугителей Божьих. И что он получил взамен? Клеймо чернокнижника, а не признание гениального ученого. Таков был их вердикт. И все бы случилось, как мы и задумали, но, увы, у нас тогда не было того, что появилось сейчас. Прежде, как бы мы ни старались, они всегда выравнивали шансы, и все становилось на круги своя. Прделанная работа оказывалась напрасной, — Александр прикрыл глаза и слегка улыбнулся, вспоминая былое. — Да, славные были времена. Но мы отвлеклись от разговора о главном — о чистой душе. Ни Бог, ни хозяин не знают, где и когда родится такой человек, и ни один из них не может переманить его на свою сторону, пока он сам не сделает выбор. Они не могут даже найти его, так как на него не распространяется их сила. Вот для этого-то и нужны мы: только мы, люди, можем склонить его к выбору.

— Но как же мы найдем такого человека?

— Я говорил тебе не раз, Носферато: у него есть некоторые отличительные черты. В

детстве он пережил много бед и потрясений, которые привели к тому, что он перестал верить и в Свет, и во Тьму. Он постоянно думает о смысле жизни, иногда даже хочет покончить с собой, но никогда не делает этого. Он ненавидит весь мир и пытается обвинить других в своих несчастьях. Он замкнут и одинок, у него нет друзей. У нас огромная агентура и безграничные возможности, наши люди есть в любой стране мира, и половина правителей пляшут под нашу дудку. Перетряси всех, подходящих под описание, и найди мне чистую душу.

— Слушаюсь, — поклонившись, ответил Носферато. — Правда, есть еще одно небольшое «но».

— Какое еще «но»? — стиснув зубы, прошипел Александр.

— Один человек, следователь, капитан — так, пешка — начал что-то подозревать.

— Не бери в голову. Поручи кому-нибудь разобраться с ним, только без крови: она нам пока ни к чему, — сказал Александр и жестом руки дал понять, что его собеседник может удалиться.

Человек в синем одеянии поклонился и покинул помещение. Он шел по туннелю, освещенному факелами, и думал: «Что за idiotские приказы? «Только без крови, она нам ни к чему». Власть держится на страхе и жестокости! Нет человека — нет проблемы. Зачем все усложнять? Нашел себе мальчика на побегушках! Слишком долго я пресмыкался перед тобой, Александр, слишком долго! Но ничего, будет и на моей улице праздник, и я найду способ встретиться с хозяином. Пора уже мне занять твое место». Носферато перемещался быстро, словно по карте. Разветвленная система ходов и туннелей была создана специально для того, чтобы случайно сбежавший пленник или раб не смог выбраться на поверхность, но помощник повелителя отлично в ней ориентировался.

Александр сидел за столом, облокотившись на руку. Шло время, а он продолжал сидеть, не шевелясь и практически не моргая. Казалось, что время не властно над ним. В этот момент на него нахлынули уже давно забытые воспоминания: далекое прошлое, которое помнил только он. Нетленное тело в обмен на преданность и злоба на все человечество и на любовь, вследствие которой он появился на свет от раба. Его мать была дочерью богатого магистрата. И как только она умудрилась проникнуться чувством к одному из рабов? Когда ее отец узнал, что она беременна от «вещи» (а именно так он расценивал людей, лишенных свободы), то долго размышлять не стал и приказал отрубить ее возлюбленному левую руку. Затем он позвал самых дорогих и лучших врачей, чтобы они ухаживали за отцом Александра. Когда рана затягивалась, а раб приходил в себя, магистрат приказывал отрезать от него еще кусок плоти на глазах у собственной беременной дочери. Мучения продолжались до тех пор, пока организм раба не смог бороться с нанесенными увечьями. В тот год стояла страшная жара, и у несчастного началась гангрена, которая привела к заражению крови: он умер в страшных муках. Свою же дочь дед Александра так и не простил. Он проклял ее и отрекся от нее, а потом выслал на остров Сардиния. Своего новорожденного внука магистрат бросил псам на растерзание, но те не успели сделать свое кровавое дело. Младенцу повезло: одна из служанок сжалась над ним и вырвала его окровавленное тело из пасти разъяренного животного. Ребенок был изуродован и, казалось, обречен на гибель, но и тут смерть отступила — Александр выжил. Спасительница прятала его в винном погребе тринадцать лет, рискуя своей жизнью. Но ее помощь стала для Александра проклятьем: от тусклого света и постоянной сырости он ослеп и заболел чахоткой. Зараза пожирала его изнутри, обрекая на долгие страдания и медленную смерть,

заставляя харкать кровью и мучиться удушьем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От нагрянувших воспоминаний по телу Александра пробежала крупная дрожь, заставив его привстать и расправить плечи. Повелитель прекрасно помнил тот день, когда, он, беспомощный и одинокий, лежал на смертном одре в сыром и холодном погребке и считал последние секунды своей никчемной жизни, проклиная всех богов, весь мир, свою мать и отца и всех остальных людей вместе взятых. Страх перед смертью он не забудет никогда. Он и теперь боялся ее, отчетливо помня, как в очередной раз пытался вдохнуть, но не мог, и понимал, что это конец. Убогая жизнь заканчивалась, так и не успев начаться. И что он в ней видел? Ничего. Умирать с ненавистью еще труднее, чем жить с ней. Тогда он услышал голос, после которого его тело покрылось ознобом, словно его окунули в снег. Этот голос нельзя было ни с чем сравнить: он был тих и спокоен, но в нем слышалась огромная сила. Александр сначала подумал, что это сама смерть пришла за ним, но костлявая старуха по сравнению с тем, что явилось к нему, была словно безобидный котенок перед царственным львом. Он вспомнил, как голос с издевкой спросил его о самочувствии и как Александр ответил, что ненавидит всех и вся на этом свете. Тогда голос сказал ему: «Служи мне, и я дам тебе все: весь мир ляжет у твоих ног, и ты будешь обладать недоступными простым смертным силой и знаниями, и самое главное — ты будешь здоров». Предложение, от которого вряд ли кто откажется. И Александр не отказался. В тот же момент он разглядел свет, пробивающийся через трещину в крышке подвального люка. Солнечный луч, играючи, переливался в пыльной дымке. Никогда ни до, ни после Александр не видел ничего более прекрасного. Этот момент остался в его памяти навеки как представление об идеальной красоте идеального мира, где нет ничего, кроме него самого и того, кто дал ему возможность возродиться. Александр прозрел. Его ноги почувствовали силу, он ощущал богатырское здоровье каждой клеткой своего тела. Огромная мощь начала бурлить в его жилах, захлестывать его, гнать вперед. Он запомнил каждый свой шаг, когда поднимался по лестнице вверх и выходил на свет, запомнил, как расхохотался, увидев свои руки и ноги — они были невредимы, на теле не было ни единого шрама, а внутри него кипела жизнь. Он запомнил, как вдохнул полной грудью воздух, втянув его сквозь сжатые зубы, и как осознал, что ненавидит весь этот мир, который целых тринадцать лет пытался погубить его. С того момента Александр обрел огромную силу, но расплатился за нее своей свободой, о чем, впрочем, не пожалел ни на йоту. Хозяин щедро одарил его: ему стали доступны знания, скрытые от простых смертных. Вскоре он стал уважаемым человеком, и тогда принялся мстить. Первым, кого он уничтожил, был его «любимый» дед. Последнее, что тот узнал перед смертью, было то, что он подыхает от рук собственного внука. На лице Александра появилась улыбка: эти воспоминания бальзамом изливались на его душу. Он бы убил магистрата еще сотни раз, если бы это только было возможным.

Глава секты огляделся вокруг. Сколько прошло времени с того момента, сколько утекло воды, сколько всего было сделано. А теперь он сидел и ждал, и только он один знал, чего. Свечи в его комнате вспыхнули на секунду так, словно в фитили добавили пороха, и в комнате запахло серой.

— Здравствуй, Александр, — раздался голос за его спиной. — Как тебе уже донесли, Мессир здесь, но сейчас у него другие дела, и он не сможет посетить тебя, так что у тебя есть еще время для поисков. И я очень прошу: не огорчай его. Он и так в последнее время расстроен людским поведением.

— Это ты, Абигор? — с дрожью в голосе проговорил Александр, боясь повернуться в сторону собеседника.

— Да, это я.

— Передай Господину, что я всегда рад приветствовать его в нашей скромной обители. И пусть он не волнуется: его поручение будет выполнено, — заискивающе пробормотал глава секты.

— Да, люди изменили тебя. Не вздумай так же лебезить перед ним! — грозно ответил Ворон. — Ты же знаешь, что он не терпит жалких подхалимов. — Александра снова затрясло, на его лбу выступил пот. — Ну что ты так задрожал? Веди себя, как подобает мужчине. Ты же, в конце концов, пророк и учитель, великий маг для своих последователей, — засмеялся Ворон.

Александр дрожащей рукой вытер испарину.

— Я все понял. Все будет исполнено.

— Вот и хорошо. Милорд посетит вас в любое удобное для него время, так что будьте готовы. Да, и еще: не надо пафоса. Он устал от пышных приемов — как можно скромнее.

— Я бы хотел... — поворачивая голову в сторону собеседника, начал было говорить Александр, но никого не увидел. Переведя дух, глава секты крикнул: — Стража!

Дверь распахнулась, и в нее вбежали два человека крепкого телосложения в черных балахонах и, поклонившись учителю, замерли на месте.

— Вина мне! Быстро! И никого не пускать!

Стража моментально вышла из комнаты. Через несколько минут дверь снова распахнулась и в нее вошла девушка с кувшином, полным доброго бордового вина. Она подошла к повелителю и налила в его золотой кубок венозного цвета жидкость, аромат которой тут же разошелся по помещению. Оставив кувшин на столе и собрав остатки трапезы, служанка удалилась. Тишина окутала помещение. Александр сидел и молча пил. По его виду было понятно, что он очень напуган. Лишь он один знал, что и с какой целью приходило к нему. Он прекрасно понимал, что с этим существом нельзя договориться, его нельзя убедить или разжалобить. Оно может пройти сквозь любого, оставаясь незамеченным, а может у вас же на глазах вытащить вашу душу и, вывернув ее наизнанку, сразу понять, кто вы есть и что из себя представляете. Отдав себя на милость ему, Александр получил многое, но и платил за это немало. Став наместником хозяина на земле, он обрел огромную власть и бессмертие, красоту и магическую силу — он стал практически полубогом, но и ответ за неудачи ему придется держать по всей строгости.

СОН КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Водитель Алексею попался неразговорчивый, да и ему самому не очень хотелось болтать. Печка, которая работала в машине на всю мощность, алкоголь и усталость сделали свое дело, и Зверев заснул, как младенец. Как только его телом овладел сон, в голове начали звучать голоса. И чем дальше, тем четче и яснее они становились. Когда слушать их уже не было сил, Алексей открыл глаза и с удивлением обнаружил, что уже не сидит в машине, а стоит посреди города, непохожего на современный. Дома в нем были построены из дерева и камня, дороги вымощены гладким булыжником, неширокие улочки напоминали те, что он видел на картинках в учебниках истории. Везде пылал огонь, стены некоторых строений были обрушены, повсюду бегали и кричали люди, на мостовых, словно мусор, валялись убитые. Неожиданно мимо Зверева пронеслась лошадь, волоча за собой мертвого всадника.

От увиденного Алексею захотелось закричать и проснуться, но он не смог этого сделать: казалось, его поместили в тело другого человека, дав возможность только видеть и слышать. Тот, в ком он теперь находился, действовал сам по себе, независимо от воли капитана. Не понимая, что с ним происходит, Алексей попытался зажмуриться, но тщетно. От безысходности он стал просто наблюдать за происходящим вокруг. Из переулка выбежал воин. По его внешнему виду капитан понял, что это солдат римского легиона. Его доспехи и руки были забрызганы кровью, а в щите застряло с десятков стрел. Крепко сжимая окровавленный меч, солдат подбежал к человеку, в теле которого находился Зверев, и что-то прокричал ему на латинском языке. Как ни странно, Алексей разобрал все слова. Солдат говорил, что их центурия попала в мешок, а центуриона убили, и что противник превосходит их по численности и они долго не продержатся, потому что несут большие потери. Алексей хотел было ответить, но тот, в ком он оказался, вдруг заговорил сам.

— Беги к своим! Я обойду их сзади! — тело развернулось, и капитан увидел, что за его спиной стояли солдаты. — Приготовиться к бою! В боевом порядке за мной!

Раздался гул и звук металла, бьющегося о щиты. Воины двинулись по улице, переступая через трупы людей, будто это были камни на дороге. Пробежав около километра, они очутились в тылу противника, представлявшего собой жалкое зрелище. Это не были профессиональные бойцы. В руках они держали щиты из дерева или наспех связанных между собой прутьев. Кое-кто был одет в римские доспехи, по всей видимости, снятые с убитых. Многие были вообще без обмундирования и вооружены вилами, дубинами, ножами, камнями, луками — всем тем из подручного, что может стать орудием убийства. Однако их было в три или четыре раза больше, чем римских солдат. Рубка была страшной: сталь рвала плоть, крики умирающих разносились по городу. Противник тяжелым прессом сминал ряды римской армии. Пытаясь проломить брешь в строю солдат, он упорно наступал. Подошедшая подмога, которая уже стояла за спиной врага, была готова броситься в бой. Тело, в котором находился Алексей, четко и уверенно произнесло приказ, будто это сражение было частью его повседневной жизни.

— Накройте эту чернь пилумами!

В тот же момент солдаты метнули в противника свои копья. Под смертельным градом люди падали замертво. Сталь вонзалась в них, словно нож в теплое масло. Убитые лежали мешками, раненые с диким стоном корчились на земле. Поняв, что их окружили, вооруженные луками и пращами простолюдины развернулись, и пехота прикрыла их щитами.

— Построение черепахой! — тут же заорало тело капитана.

Римляне встали плечом к плечу. Первый ряд выставил щиты перед собой, а центровые подняли их вверх, образовав сплошную стену из железа и дерева. Алексей едва успел забежать за солдат, как на них обрушился ответный град из стрел и камней. Острые наконечники впивались в щиты, некоторые пробивались сквозь щели, и тогда солдаты падали на брусчатку, пропитанную кровью. Сразу же после первой атаки последовала вторая, и снова смертоносный дождь обрушился на римлян.

— Встать в шеренгу, сомкнуть щиты!

Солдаты немедленно выполнили приказ командира.

— Солдаты! Во славу Рима! Да не посраим великого Марса! Боги смотрят на вас, боги любят храбрых! В бой!

Тело капитана выхватило из ножен меч с рукоятью в виде змеиной головы и указало им вперед. Ничтожный по сравнению с противником римский отряд яростно бросился на врага. Стороны сошлись в жестокой схватке. Бились насмерть: никто не думал об отступлении или пощаде. Обученные, хорошо экипированные и закаленные в боях легионеры тараном крушили ряды слабо вооруженной пехоты противника, которая размахивала копьями и мечами без видимого ущерба для римлян. А те продолжали свое кровавое дело. Враг падал, как трава под косой крестьянина. В этой битве один легионер приравнивался к десяти, а то и пятнадцати вражеским бойцам. Небо затянулось тучами, раздался раскат грома, молнии озарили горизонт. Капитан бился бок о бок со своими солдатами. Он ненавидел свое тело, которое помимо его воли несло на мече законы Римской империи. Внезапно Алексей увидел, как копьё врага пронзило бедро хозяина его телесной оболочки, но боли он не почувствовал — лишь услышал истошный крик. Кровь хлынула из насквозь пробитой ноги, но тело и не думало сдаваться. Резким ударом меча легионер перерубил копьё и, вытащив из бедра обломок, снова бросился в бой. Кровь павших стояла лужами, воины топтались в ней, хлюпая солдатскими калитами в вязком месиве. Небо снова озарила молния, хлынул дождь. Внезапный ливень смывал с дороги кровь, которая потекла по переулкам города багровыми ручьями. Вскоре враг дрогнул, но пути к его отступлению были заблокированы. Противники римлян пытались пробиться сквозь уже разрозненные ряды легионеров, но последним, что они видели в своей жизни, становились мечи, вонзавшиеся в их плоть по самую рукоятку.

Трем воинам все же удалось проскочить мимо римских солдат. Пустившись наутек, они попытались спастись от неминуемой гибели. Легионер, в теле которого оказался Алексей, увидев это, поспешил догнать врага. Он отделился от своего войска и стал преследовать противника в одиночку. И хотя на его ноге была серьезная рана, он, преодолевая боль, вскоре настиг одного из отступающих и ударом меча рассек ему спину. Тот упал замертво. Задержавшись над телом жертвы, легионер резким движением вонзил в ее шею клинок и бросился догонять остальных. Пробежав около сотни метров, он понял, что потерял беглецов из виду. Остановившись, капитан осмотрелся по сторонам, затем взглянул на свою рану и, покачав головой, прихрамывая, стал медленно продвигаться вперед. Однако те двое не убежали, а лишь затаились в противоположных переулках, и как только Алексей

приблизился к ним, они бросились на него. Первый мгновенно занес меч над головой капитана, чтоб обрушить смертельный удар ему на голову. Реакция бывалого воина была молниеносной: он ловко заслонился щитом, подняв его вверх. Удар был настолько мощным, что меч с треском отсек угол скутума, а тело Зверева невольно отшатнулось назад. Тут его атаковал второй противник, но легионер выдержал и этот натиск. Отбиваясь от двух врагов одновременно, то защищаясь щитом, то нападая, тело Алексея билось стойко и жестоко, показывая чудеса боевой выучки. Легионер сражался уже около пяти минут, кровь из его раны текла по ноге, и от ее большой потери офицер начал терять координацию. Но и враги его были не каменные и тоже испытывали усталость. Отбив очередную атаку и оттолкнув от себя одного врага, римлянин пошел в наступление на другого и, выбрав момент, быстрым ударом отсек ему руку. Тот взвыл от ужасной боли и, рухнув на землю, стал кататься по ней, зажав обрубок другой ладонью. Тело капитана тут же развернулось и оказалось лицом к лицу со вторым соперником, который от неожиданности замешкался. Воспользовавшись его промедлением, легионер ударил врага краем щита в подбородок. Удар получился сильный и неожиданный: щит раздробил нападавшему челюсть и рассек щеку, и тот, словно тростинка, свалился на землю без сознания. Обернувшись, Алексей увидел, что к нему приближается его отряд. Присев на одно колено, и опершись на разбитый щит, тело капитана тяжело задыхалось. Его сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, в висках стучало, во рту чувствовался привкус крови. Он встал и не спеша подошел к врагу, который лежал в луже и стонал. Это был молодой парень лет двадцати. Дождевая вода под ним стала красной от крови. Римлянин ударом ноги перевернул его на спину, отбросил свой щит в сторону и, взявшись за рукоять меча обеими руками, пронзил сердце умирающего. Затем он подошел ко второму противнику и тем же способом добил и его. Отойдя от трупов, он прислонился спиной к стене дома и медленно сполз по ней вниз. Подошедшие солдаты склонились над ним.

— Генерал, вы живы?!

Ответить он был уже не в силах. Солдаты положили его на щит, перетянули рану куском ткани и, подхватив своеобразные носилки, потащили прочь. Зверев не чувствовал боли, хотя и находился внутри тела. Ему казалось, что его посадили в картонную коробку и вырезали для глаз две дырочки, чтобы наблюдать за происходящим. Он лежал и слышал топот солдат, то, как они шлепают по лужам, как лязгают их доспехи. Но все, что он мог видеть, было лишь серое небо, по которому пробегали молнии, поражая своей красотой. Шум дождя сливался с раскатами грома. Казалось, сама природа решила очистить землю от пролитой крови. Недаром говорят, что сильные дожди идут после жестоких сражений. Протащив Зверева несколько километров, солдаты бережно и осторожно положили своего генерала на землю и плавно втащили в военную палатку. Зайдя сзади, один из них приподнял своего командира за плечи, затем, присев, уперся в его спину коленом и засунул ему в рот кусок дерева. Алексей наблюдал, что произойдет дальше. В палатке было огромное количество раненых, которых периодически втаскивали и укладывали на свободные места. Он видел, как их перевязывают, как закалывают безнадежных ударом кинжала в область шейных позвонков и вместе с умершими вытаскивают на улицу под проливной дождь. Подошедший солдат держал в руке раскаленный на конце длинный железный штырь. Он аккуратно снял окровавленную повязку с ноги генерала и тут же прижег рану, затем, перевернув ногу, повторил процедуру. Ни крика, ни стонов из тела Зверева не прозвучало, только чуть дернулась нога. От огромной температуры кожа скворчала, как яичница на сковороде.

Зверев догадался о жуткой боли, увидев свои руки с вылезающими из-под кожи венами и пальцы, вцепившиеся в землю. К его губам поднесли чашку с водой. Он сделал несколько больших глотков и замер, заметив сидящего в дальнем углу палатки человека в черном балахоне с распущенными волосами, скрывавшими лицо. От него веяло могильным холодом. Он сидел неподвижно, наблюдая за тем, что происходит. Его вид был невзрачным, но его присутствие ощущалось повсюду. Даже воздух, которым дышал Алексей, был наполнен им до предела. Сердце следователя забилося так сильно, будто оно хотело предательски выскочить из груди и убежать, спрятавшись где-нибудь далеко, там, где не будет этого жуткого незнакомца, который повернул голову и пристально посмотрел на Зверева. Капитан даже не успел моргнуть, как тот уже стоял, склонившись над ним. От неожиданности Алексей вздрогнул, хотя его тело неподвижно лежало. Незнакомец присел перед ним на корточки.

— Что, тринадцатый, содеянное не дает покоя даже по прошествии тысячелетий? Убежать от врагов можно, от себя — никогда!

Незнакомец тут же засунул руку в грудь легионера, и Зверев почувствовал, что его сердце кто-то сжал с такой силой, что еще чуть-чуть, и оно остановится. Он закричал, дернулся в сторону и в этот момент снова очутился в машине. От неожиданности шофер резко нажал на тормоз. Автомобиль пошел юзом по скользкой дороге.

— Ты чего орешь?! — воскликнул водитель.

— Сон, просто страшный сон приснился, — тяжело дыша, пробормотал Зверев, у которого по спине тек холодный пот.

— Понятно. Только так больше не делай: штанов запасных у меня нет. Я чуть не обделался.

— А сколько прошло времени?

— Да откуда мне знать? Я же не засекал по часам, когда ты отрубился. Но едем мы минут тридцать. Сам видишь, еле ползем. Дорогу замело всю к чертям. Что с погодой произошло? Сколько живу, такого не видывал. Словно конец света наступает.

— А сколько нам еще ехать? — тяжело дыша, расстегнул куртку Алексей и потер рукою область сердца.

— Да почти на месте, вон уже и Стрелецкий пост проехали.

«Мать моя женщина, как в кино сходил, — подумал капитан. — Только мне такие фильмы не по нутру, да и в актеры я вроде как не записывался. Бред какой-то, а как наяву. Очуметь можно!».

Водитель усмехнулся.

— Что смешного?

— Да нет, мужик, я не над тобой. Мне просто недавно приятель одну прикольную историю рассказал. Он в ГАИ работает. Ну, в ГИБДД. И не последний, кстати, там человек — зам зама, короче. Ну и вот, у них дня два назад случай был на посту, на вот этом самом, который у выезда находится. Дежурила там одна группа. И, представляешь, мимо них среди ночи проносится президентский кортеж с охраной, с мотоциклистами. Все, как полагается: мигалки, сирены, крякалки на каждой машине режут, проблесковые маячки сияют. Президент, одним словом. У нас ведь все с голой жопой, а власть с понтами. Мы ж ее по-другому узнать не сможем, если без выпендрежа. Ребята опешили, стоят, не знают, как себя вести. По струнке вытянулись, да давай честь отдавать. Ну а что дальше-то делать? Честь отдали, больше отдавать нечего. Паника у всех, прямо как у малышей, у которых мамка

потерялась. Мы ж как привыкли: если кто к нам в город едет, так нашим сначала позвонят раз двадцать, предупредят, что, мол, так и так, во столько-то мы невзначай приедем с проверкой, ждите. Наши сразу лужи в асфальт закатают, дороги подметут, столбы покрасят, деревья посадят — глянь, какая красота. У нас тут так всегда. Неважно, что после отъезда асфальт срежем и деревья выкопаем. Зато проверка посмотрит, что народ хорошо живет, да медальку кому-нибудь даст. А тут: как так? Почему никто не предупредил? Штаны у всех мокрые, ручонки трясутся — не при параде же встретили. Ну и старший той смены давай среди ночи названивать начальству. Мол, что за дела такие: президент приехал, а мы ни сном, ни духом, почему не предупредили? Те наверху в непонятках, кипиш подняли. Даже из отпусков всех повызывали. Короче, представляешь наших зажавшихся хряков, которых подняли среди ночи, сказав, что президент приехал? Не кто-нибудь, а сам президент! Они же там обделались от ужаса. Они же понимают, что на дорогах дыры, деревья не вкопаны, не подметено, ну, словом, все как обычно в городе, нормальное его состояние — нет красоты. И вместо медальки можно схлопотать волшебный пендель под зад. Всполошились, до Москвы достучались аж. А президента-то и нет. Да и приезжать к нам он не собирался. Им с первопрестольной орут, мол, рехнулись что ли вы там, в вашем Тамбове?! Озлобленное начальство, естественно, на пост с проверкой. А те Богом клянутся все как один, мол, был кортеж, видели, честь отдавали. У них, само собой, шмон устроили, с прокуратуры шишки понаехали в момент и, прикинь, нашли несколько килограммов гашиша и денег под сто тысяч долларов, а также блокнот, в котором расписано, с кого и какие взятки они брали, кого и с каким криминальным товаром пропускали. Всех с работы снимали, кто там был, и дела уголовные на них позаводили. А их старшего, ну, командира, сразу под замок и обыск в доме. А тот клянется, что денег у них столько не было, что, мол, брали взятки, но не такими суммами, да и блокнот они не вели, да и трава не их. Короче, в несознанку ушел. Но самое интересное, говорят, что начальство-то деньжищи эти хотело себе захватить. Представляешь, сложили их в пакет, а пока до места довели, то деньги эти в газетную резаную бумагу превратились.

— А с наркотой что? — удивленный рассказом водителя, спросил Зверев, недоумевая, почему у них в отделе об этом не трещат.

— Говорят, тоже исчезла. Короче, чертовщина, да и только! Хотя Бог есть на свете. Наказал сволочей, а то уже и ртом, и задницей хапают, морды в телевизор не пролезают и, что самое обидное, они меня оттуда еще и жить учат. Рассказывают, как надо, каких успехов мы достигли. Плюнуть хочется. И так убедительно говорят, что кажется, будто сами верят в это.

— Странные у Бога понятия о справедливости, не по заповедям как-то, — тихо вздыхая, пробормотал Зверев.

— Прости, что ты сказал? — переспросил водитель.

— Да нет, ничего. Извини, а ты не в курсе случайно, это не в ночь на 22 декабря произошло?

— Да не знаю я. Знаю только, что это недавно было. Кстати, вот мы и добрались.

— Спасибо, — поблагодарил Зверев и вышел из машины.

— Удачи! — крикнул шофер.

— И тебе!

Машина развернулась и поехала прочь. Зверев не спешил, в голову снова полезли странные мысли, которые еще неделю назад он бы счел паранойей. Все свалилось в кучу и

запуталось в огромный пучок событий, из которого тянулась одна маленькая ниточка. И вела она к дому с темными окнами, у которого уже минут десять стоял капитан.

— Ну что, Виктор, ты — моя последняя надежда.

Зверев подошел к двери и постучал. Через минуту в доме зажегся свет и послышался разговор.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Откройте, милиция!

Дверь слегка приоткрылась, в щелке за цепочкой появилась девушка.

— А можно посмотреть ваше удостоверение?

— Разумеется, — ответил капитан и, достав из кармана ксиву, протянул ее вперед. — Я по поводу Виктора. Мне с ним надо побеседовать, у следствия возникли некоторые вопросы, я хотел обсудить их с ним.

— А что, повесткой у нас уже не вызывают?

— Просто дело очень важное.

— А до утра ваше важное дело подождать никак не может?

— Извините, могу я пройти, а то замерз очень.

— Ну, хорошо. Проходите, — недовольно произнесла девушка, но все же открыла дверь ипустила Зверева в дом, где было тепло и уютно.

УТРОМ ТОГО ЖЕ ДНЯ

К зданию суда, которое находилось на улице Карла Маркса, прилетел черный ворон и, важно усевшись на ветке, замер. Словно ожидая чего-то или кого-то, он, практически не шевелясь, стал пристально всматриваться в людей, которые входили в храм справедливости и правосудия.

Вскоре к храму подъехала черная Волга, из которой вылез судья Петросянов. Николаю Егоровичу на вид было около сорока. Одет он был в дорогое пальто серого цвета и, судя по брюкам, бежевый костюм, обут в начищенные до блеска лакированные коричневые ботинки, а в руках держал черный дипломат. Петросянов пригнулся и побежал к зданию суда, пытаясь быстрее укрыться от непогоды. Поздоровавшись при входе с охранником, он спешно прошел в свой кабинет. Так начинался практически каждый рабочий день судьи Петросянова. Но не успел он выложить из дипломата нужные бумаги, как дверь его кабинета распахнулась, и в нее вошел полковник ДПС.

— Здорово, Петрович! Какими судьбами? — произнес удивленно Петросянов и, достав из кармана расческу, стал причесываться.

Полковник огляделся по сторонам и быстро подошел к Николаю Егоровичу.

— Что случилось? — поинтересовался судья у встревоженного чем-то приятеля.

— Сынок мой попал, — прошептал Петрович на ухо судье.

— Куда попал? — удивился тот.

— Ту-у-д-а-а, — чуть не плача протянул полковник.

— Я не понял, Петрович, ты ко мне пришел, чтобы я загадки твои разгадывал, или по делу? Я — не Бог, мысли читать не умею.

— По делу, по делу.

— Так давай, выкладывай, что да как, а то я намеков твоих не понимаю. Мы друг друга давно знаем, так что изволь начистоту.

— Да балбес мой на взятке попался! Они пару дней назад на Стрелецком посту стояли, идиоты! — начал свой рассказ полковник.

— Ну и?

— Ну, так вот. Стояли, сволочи, стояли и сбрендили. Твари! Представляешь, причудилось им, идиотам, что к нам президент приехал. Чем они там обкурились или обожрались, не знаю, но эти гады все начальство на уши подняли, а президента-то и нет. Те к ним с проверкой, а у них там денег, мать их, — швейцарский банк! Да еще у этих дурней наркоту нашли, прикинь! А мой оболтус у них в ту смену старшим был.

— Ну, а от меня ты что хочешь? Слышал я эту историю. Понаделали они шума. Говорят, приказ сверху поступил закрыть их всех.

— Да я уже каналы пробил, дело к тебе попадет. Ты бы помог, а? По-дружески. Я за ценой не постою — заплачу, сколько надо. А ты тут всех знаешь, да и связи у тебя хорошие. Похлопочи, а? Ну а то, что сверху приказ, так ведь мы все свои.

От этой речи у Петросянова расширились глаза.

— Петрович, я не понял, мне что, их всех отмазывать надо?!

— Да плюнь ты на всех! Сынка только моего одного и все, — жалобно простонал полковник.

— А что ж ты сам-то довел до такого? Неужто сразу придумать что-нибудь не мог? Ну, например, что он в той группе искал оборотня в погонах? — улыбнувшись, проговорил судья.

— Да что ты? После такого меня к этому делу близко не подпускают. Прокуратура все под свой контроль взяла, выслужиться хотят. А у тебя связи. Помоги, а? Я ж знаю, что вы с Паниным каждую субботу в баню ходите. А он как раз там главный.

— Ладно, хватит, помогу, чем смогу. Только сам понимаешь, дело рискованное и трудное, тем более наркота. Взятка-то — это ерунда, а вот то, что у них наркоту нашли, очень все осложняет. Если не получится, ты уж не обессудь.

— Да все я понимаю. Вот я тебе даже бумаги принес по этому делу, правда, пока половина, — сказал Петрович и протянул Петросянову пухлый конверт.

— Ну, раз ты даже бумаги принес, то дело точно должно сдвинуться с места, притом в нужную нам сторону, — радостно проговорил Петросянов, заглядывая внутрь конверта, где были уложены сотенные купюры американской валюты. Он убрал конверт в ящик стола. — Ну, Петрович, считай, что дело в шляпе! Мне б еще таких бумаг на подпись Панину и кое-кому из администрации, и, я думаю, все уладится.

— Конечно-конечно, все будет. Ты уж постарайся, а я тебе потом и баньку, и девочек организую, и еще бумаг по этому делу подкину. Только помоги, — заискивающе улыбаясь, проговорил полковник.

— Ну, все, Петрович, я понял. Иди-иди, а то меня еще работа ждет, — раскладывая документы на столе, пробормотал Петросянов.

— Хорошо, я ушел. Только не забудь, пожалуйста. Мы ж друг другу помогать должны, — не унимался полковник, пятясь и пытаясь нащупать ручку двери.

— Да хорошо-хорошо, все сделаю! — крикнул ему в след судья.

После ухода полковника Петросянов достал из своего дипломата какие-то документы и принялся за работу. Периодически в кабинете раздавались звонки, он снимал трубку и с кем-то долго разговаривал, иногда звонил сам и что-то выяснял. Спустя некоторое время ему пришлось прерваться. В кабинет вошла женщина с повесткой в руках.

— Здравствуйте, Николай Егорович, — робко проговорила она.

— Проходите, садитесь! — не поднимая головы, рявкнул Петросянов.

Женщина молча прошла по кабинету и села напротив судьи.

— Чего вам?!

— Здравствуйте. Я вот по повестке пришла, насчет своего сынишки, — чуть не плача проговорила посетительница.

— Так, давайте сопли здесь разводить не будем! По какому делу он проходит? — поднял глаза и впервые посмотрел на женщину Николай Егорович.

— Так, за хулиганство. Ефимов его фамилия, — зарыдала она.

— А-а-а, это тот, который напился и ограбил ларек?! И это вы называете хулиганством?! С каких пор уголовщина стала хулиганством?! — закричал на нее Петросянов.

— Так не грабил он. Он же ничего не помнит. Он ведь показания такие дал, так как его милиционеры избили.

— Ну конечно, он у вас белый и пушистый, а вся милиция наша плохая и продажная! А вы, гражданка, в курсе того, что он оказал сопротивление при аресте и пытался сбежать с места задержания?! — напирал судья.

— Да куда он сбежать-то мог? Его друзья говорили, что он в стельку пьяный был. И какое сопротивление в таком состоянии он мог оказать? — завывала мать обвиняемого.

— Ну, это все ваши домыслы, дамочка. А факты — вещь упрямая, и они говорят о другом. У меня вон два тома вашего дела о том, как он не мог! — буркнул Петросянов и снова принялся переключать бумаги.

— Помогите ему, пожалуйста, будьте человеком. Вы же сами понимаете, что он ни в чем не виноват. Били его сильно, вот он и сознался, — тихим и жалобным голосом пробормотала женщина.

— Я вас для этого и пригласил. Вы сами понимаете: дело буду разбирать я, а оно не в его пользу складывается. И как я ему смогу помочь? Как? Улики все против него. Это раз. Задержали его рядом с ларьком. Это два. Сопротивление при аресте оказал, это три. Я уж не говорю о чистосердечном признании, которое, якобы, имеется у прокурора. Вы и представить себе не можете, каких усилий стоит ему помочь. Это вам не от армии парня отмазать, это уголовное дело, гражданка. Тут энурезом не отделаешься. Я вас прекрасно понимаю: у самого дети. Рад бы помочь, только каким образом? Тем более прокурор — просто зверюга. Для него дело чести засадить кого-нибудь за решетку. Для него люди — мусор. Как с таким договориться? — вздохнул судья. — Есть, правда, один вариант. Но нет, нет, я на него не пойду и не соглашусь. Слишком рискованно, — убирая дело в стол, проговорил он.

— А какой, какой способ?! Ради Христа скажите! — взмолилась бедная женщина.

— М-да. Эх. Ну, ладно, — покачал головой судья. — Только ради вас. Но вы сами должны понять, что это будет не бесплатно. Тут уж дело такое.

— Сколько? Сколько это будет стоить? — спросила женщина и передвинулась на край стула.

Судья нехотя потянулся, затем достал из ящика калькулятор и быстро набрал на нем какое-то число, после чего повернул калькулятор к женщине.

— Но у меня нет столько денег! — с испуганными глазами проговорила она.

— Ну, квартира-то у вас есть?

— Я с сыном одна в общежитии живу.

— Тогда у родственников займите.

— У меня нет таких знакомых, кто мог бы дать столько.

— Ну что ж. Тогда я помочь ему ничем не смогу, я и так многим рискую, только намекнув вам, что есть выход из сложившейся ситуации, — проговорил судья и снова начал что-то писать.

— У меня нет таких денег! Понимаете, нет! И взять мне их неоткуда! — вскочив со стула, закричала женщина.

Петросянов медленно поднял на нее глаза.

— Хватит тут орать! Ты здесь не в своей гребаной общаге находишься! Нет так нет! Разговор окончен! Пошла вон из кабинета, истеричка!

Женщина развернулась и, рыдая, выскочила в коридор.

— Вот дура, — тихим голосом прошипел Петросянов и, швырнув карандаш в закрывающуюся дверь, продолжил заниматься своими делами.

Николай Егорович что-то писал, кому-то звонил, в общем, трудился, как и всегда, во славу российского законодательства. Через некоторое время он встал, потянулся и подошел к двери, вытащил из кармана бумажник, мельком оценил его содержимое и вышел из кабинета. Проходя по коридору, он обратил внимание на странного омовца, который, улыбнувшись, с ним поздоровался. Судья в ответ кивнул ему головой и пристально проводил его взглядом, так как на поясе у него вместо дубинки висел короткий римский меч гладиус.

«Странно, что-то я о таком нововведении не слышал. Во дают, штык-ножа им мало. Они теперь еще меч носить будут», — подумал Николай Егорович и усмехнулся. Зайдя в буфет, Петросянов увидел странное существо, отдаленно напоминающее человека. Оно было небольшого роста, а на его спине отчетливо выделялся горб. Это существо сидело за столом и жадно поглощало еду, громко чавкая и периодически доставая из-под стола то бутылку вина, то бутылку водки. Выкрикнув очередной похабный тост, существо выпивало алкоголь прямо из горла. От обжорства мерзкий человек отрывался только для того, чтобы отвратительно и громко рыгнуть. Буфетчицы быстро подбегали к его столику, принося новые блюда с салатом, горячим или пельменями. Остальные посетители буфета спокойно ели, не обращая особого внимания на странного посетителя, и только аплодировали ему после очередного тоста. Более того, они заискивающе улыбались, когда гнусный тип произносил в их адрес какую-нибудь непристойную шутку.

— Б-р-р-р! — закрыв глаза и покачав головой, тихо произнес судья. — Что за мерзость? Что вообще происходит? Кто это? — не сводя глаз со странного посетителя, негромко спросил он у буфетчицы.

— Этот-то? Так прокурор из Москвы! Большой человек, с проверкой к нам! Говорят, будет выявлять тех, кто злоупотребляет своим служебным положением. Говорят, у него такие полномочия, что ему даже судебская неприкосновенность нипочем, — с восхищением проговорила женщина.

— Вот так новости. Странно, а почему не предупредили? — еле сглотнул слюну Петросянов. — Чаю мне с лимоном и вон ту булочку.

Продавщица тут же подала ему заказ. Взяв свой чай, Николай Егорович стал осматривать помещение в поисках свободного места. Он был в некоем недоразумении. Впервые его никто не оповестил о приезде проверки сверху. Обычно все о таком знают за неделю как минимум, а тут на тебе. Вот так столкнуться с большим человеком не в бане, не в ресторане, а здесь, в буфете? Для него это был просто шок: он же совсем не подготовлен!

— Слышь, мужик?! К тебе, к тебе обращаюсь. Работаешь здесь? Садись ко мне, местечко свободное есть, поворкуем!

Петросянов обернулся на голос и увидел, что его зовет тот самый московский гость. Сердце его сжалось, как у первоклассника, который разбил стекло в школе. Растерявшись и не зная, что ответить, он произнес первое, что пришло на ум:

— Нет, спасибо. Я уже ухожу.

— А мне показалось, что вы искали место для того, чтобы выпить свой чай с лимоном. Хотя с лимоном я бы предпочел коньяк, — не отрываясь от еды, пробормотал гость из Москвы.

— Именно так: вам показалось, — улыбнувшись, проговорил Николай Егорович, но про себя подумал другое: «Наберут же уродов. Что у них, в этой Москве, нормальных что ли нет? Как с таким общаться? Скотина теперь такую поляну запросит!».

— Ну, как знаешь, дело хозяйское. Эй, Петросянов! А чайком угостишь московского

гостя? А то я совсем на мели. Все деньги на хавчик потратил, а командировочные не дают. У меня начальство знаешь, какое? Ух! Денег не дает даже по служебной необходимости. Считают, как хочешь, так и крутись. Нет, ну способ-то всегда есть, сам понимаешь. Как говорится, все мы коллеги.

— Вы знаете, у меня денег осталось лишь на обратный проезд, а зарплату только через неделю дадут, так что простите. А насчет угостить — так это я обязательно, но сейчас прошу меня извинить: много работы, — проговорил судья, не обратив внимания на то, что незнакомец назвал его по фамилии. Его мозг был загружен только одной задачей: добраться до кабинета и срочно накопать что-нибудь на этого проверяющего.

— Нет денег, значит? — вздохнул горбун.

— Нет, — улыбнувшись, ответил судья.

— Да, действительно, откуда им взяться? А может, у вас что-нибудь в кабинете завалилось? Ну, хоть какая-нибудь копеечка?

От этих слов сердце у Николая Егоровича застучало, как отбойный молоток: «Неужели копать будут? Кто ж меня подсадить хочет?!».

— Да что вы так заволновались?! Нет так нет! А я вас по-человечески прекрасно понимаю! Тем более, откуда им взяться-то, Николай Егорыч, честный вы наш человек? Как же мне вас хвалило ваше руководство! Ох, как хвалило, просто слов нет! Ну, а деньги, что они? Просто бумага. Да разве может честный судья в нашем пропитанном коррупцией государстве быть с деньгами?! Конечно, нет! В мире денег для человека нет места. Тем более у вас в провинции такие нищенские зарплаты, не то что у московских толстосумов!

Николай Егорович стоял и поддакивая кивал головой, держа свой обед в руках. Большой объем внезапной информации врезался в кору его головного мозга с такой быстротой, что он мог только льстиво скалиться и учтиво кивать.

— Вы уж меня простите, я же не знал, что у вас с деньгами еще хуже, чем у меня. Я по секрету вам как коллега коллеге скажу: на баб много спускаю, — завыл столичный гость и, достав тысячерублевую купюру, протянул ее Петросянову, но тут же отдернул руку. — А они, сами понимаете, все такие, что «не подмажешь — не поедешь». Как говорится, кто кормит, того и тапки. А мне еще мама моя говорила: «Сынок, смотри, любовь продажная обходится дешевле настоящей. А в итоге, если у тебя жена есть, то почему-то содержать продажную всегда накладнее. Но выход он, конечно, всегда найдется. Ты спросишь, какой? Отвечу: бросить родную, жениться на продажной. Но в этом случае мы наступаем на те же самые грабли. Черт возьми, замкнутый круг, — уводя из буфета Петросянова, продолжал крушить ему мозг незнакомец. — Вот, возьмите, милейший. Бери-бери, не стесняйся, — проверяющий ловко засунул купюру во внутренний карман пиджака судьи и на минуту затих.

— Да что вы, право? Я не могу. Да и не надо мне! — вытаскивая деньги обратно, возражал Николай Егорович.

— Как это не надо? Очень даже надо! Вы даже не представляете, как надо!

— Да не надо мне. Я у знакомых занять могу!

— Ну, вот я и стану вашим знакомым! Меня, кстати, зовут Грешневский Абрам Фридрихович. Скажу сразу: я не еврей, я нормальный человек, просто с фамилией и отчеством не повезло.

— Очень приятно. Но откуда вы знаете, как меня зовут? — Петросянов вспомнил, что не представлялся.

— Ну, позвольте. Кто же не знает здесь Николая Егоровича Петросянова? — разведя руками, проговорил Абрам Фридрихович и обратился к одному из людей, сидящих в коридоре. — Мужчина, а вы знаете этого человека?

— Конечно. Это Николай Егорович. А что? Кстати, здравствуйте.

— Добрый день, — кивнул головой Петросянов.

Гость из Москвы подошел ко второму, а затем и к третьему с тем же вопросом.

— Вот видите: вас тут все знают.

— Хорошо-хорошо. Приятно было познакомиться. А теперь извините, но мне пора идти. Дела, понимаете?

Петросянов попытался оторваться от собеседника, который ставил его в неловкое положение, но новый знакомый схватил судью за рукав.

— Куда же вы? А деньги? — протянул злополучную тысячу Николаю Егоровичу московский гость.

— Нет-нет, не надо, я обойдусь. Спасибо.

— Возьмите! В честь нашего знакомства! Тем более я себе никогда не прощу, что не помог честному человеку. Вы же сами понимаете: все это в прессе о коррупции... Мерзость! Я кстати в Москве так и говорил: раз подняли судьям зарплату, так никаких взяток и быть не может! Зарплата, она прежде всего! Да и какая коррупция может быть при такой должности? При нашем не коррупционном правительстве все чиновники, а тем более судьи, ворюгами и взяточниками быть не могут. Представьте себе, если б у нас депутаты, предположим, воровали, а не о народе думали, что у нас за страна была бы, а? А если б им еще за воровство, как в старину, руку бы отрубали, так что ж, они б там бедные в Думе без рук сидели бы что ли? Пришлось бы вместо кнопок для голосования педали приделывать, а это ж какой удар по бюджету страны, вы представляете? А вами, Николай Егорович, я просто восхищаюсь. Но что же это у нас за страна такая, раз честным людям впроголодь жить приходится?! Встретишь бескорыстного человека, а у него даже на стакан чая денег нет, чтобы друга своего угостить! Бардак! Ужас! Но я этого так не оставлю. Я тут всех на чистую воду выведу, а честных людей, как Николай Егорович, в обиду не дам! — гость из Москвы поспешил к выходу и скрылся за углом.

«Вот придурок! Кто ж таких на должности ставит! Мало того, что одет как бомж, так еще и страшный, как черт! Совсем зажрались, москали поганые, тысячами раскидываются. Денег у него нет. На баб он все тратит!

С ума сойти! Что вообще произошло, и зачем он мне все это нес? Узнать бы, кто он и чем дышит. Почему не сообщили о его приезде?», — размышлял Николай Егорович.

Войдя в свой кабинет, судья сел за стол и принялся жевать булочку, запивая ее остывшим чаем. Опустошив полстакана, он вспомнил о купюре, которую сунул ему в карман чокнутый гость из Москвы. Вытащив банкноту, он повертел ее в руках и спрятал обратно. «Мелочь, а приятно. Мир не без добрых людей», — подумал судья, и на его лице расцвела улыбка от хоть и небольших, но легких денег. Он развалился в кресле и продолжил наслаждаться холодным чаем. «Да, Николай, ты везунчик. Мало того что деньги к тебе липнут, так и для проверки прислали полного профана. Да и черт с ним, что не предупредили. Что Бог ни делает, все к лучшему», — мысленно заключил Николай Егорович и, закрыв глаза, стал мечтать о том, как летом полетит на Мальдивы, а чтобы его никто в

этом не заподозрил, пустит слух, что едет в Ессентуки подлечить почки. Его размышления прервал спокойный мужской голос.

— Приятного аппетита.

Все мечты Петросянова быстро улетучились, и он вернулся в реальность. Открыв глаза, он увидел, что прямо перед ним сидит молодой человек приятной внешности в черной дубленке, из-под которой виднелся шикарный костюм.

— Как вы сюда попали?! У нас с часу до двух обеденный перерыв, — рявкнул Николай Егорович и быстро допил свой чай.

— Да не горячитесь вы так. Читать я умею. У меня к вам неотложное дело, — спокойно ответил незнакомец.

— Какое еще, к чертям собачим, дело?!

— Вот-вот, именно. Можно сказать, что мое дело чертовски важное.

— Вам что, назначено?!

— Мне к вам давно назначено, и я не просто так сюда явился.

— Я не знаю, кто вы такой, и не знаю, как вы сюда попали, но со своими делами приходите после обеда! Ясно вам?!

— Помилуйте. Как это вы не знаете, как я сюда попал? Может, я отсюда и не уходил вовсе, а был здесь все время?

— Так, все! Вставайте и убирайтесь! Вон из моего кабинета!

— Дорогой Николай Егорович, не стоит грубить людям, тем более, если вы не знаете, с кем разговариваете. Ведь я могу оказаться намного страшнее, чем та безобидная женщина. И что у вас за привычка такая — хамить всем подряд? Хамство примитивно само по себе. К тому же, один раз нахамив, вы навсегда можете потерять репутацию культурного человека.

Петросянов заерзал на стуле.

— Не знаю я никаких женщин. И не смейте меня запугивать!

— Да разве я могу запугивать судью у него на работе в его же собственном кабинете? К тому же с судейской неприкосновенностью.

— Вот именно! А если вы продолжите разговор в том же духе, то я вызову дежурного, и вас выкинут из моего кабинета за шкуру, как кота!

— Помилуйте. За что так круто? Я же говорю: по делу пришел, а вы сразу дежурного. Как в такой нервной обстановке о делах разговаривать?

— Меня твои сложности не интересуют! Тут у всех проблемы, у каждого. Ты понял?

— Странно, на «ты» мы с вами не переходили и на брудершафт, кажется, не пили. С чего это вы так себя ведете? Может, у вас детство трудное было? Или съели чего? Да, кстати, — достав из кармана толковый словарь, Ворон зачитал определение. — Судья — это должностное лицо, которое вершит суд, следит за соблюдением законов, наказывает виновных и контролирует возмещение убытков потерпевшим. Он прекрасный специалист в области права, особенно уголовного и гражданского. Изучив представленное следствием дело, судья решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а также о том, какая статья уголовного или гражданского кодексов может быть применена. Окончательное решение принимается только после заслушивания всех сторон: подсудимого, адвоката, потерпевшего, прокурора и присяжных заседателей. Последние высказывают свое мнение по поводу виновности подсудимого. Не считаться с их мнением судьи не могут.

— И что все это значит?

— А значит это, мой любезный друг, то, — закрывая словарь и убирая его в карман,

продолжил Ворон, — что ни один из этих признаков вам не свойственен. Закон вы не соблюдаете, наоборот, пользуетесь им в своих корыстных целях и интересах. Наказание у вас только в одни ворота — ворота собственной алчности. А, между прочим, алчность — один самых страшных грехов человека. Когда вы вступили на этот путь, Бог отвернулся от вас. Или вы не боитесь и этого?

— Так, все! Прошу вас удалиться!

— Да, правосудие действительно слепо, раз его представляют такие, как вы. Люди и впрямь облегчают нам задачу: скоро и заняться нечем будет — вы все за нас сами сделаете. Можно, как у вас говорится, на пенсию уходить. Тем более, насколько мне известно, пенсия у вас очень не дурна. Но вам все мало, и всегда мало будет. Вы никогда не насытитесь. Зажравшись, вы возомнили себя сверхлюдьми, которым позволено все, поскольку у вас есть власть, есть заветное удостоверение. Впрочем, на деле оно является не более чем обычной бумажкой, но, по странному стечению обстоятельств, именно эта корочка приводит многих в панику и может открыть многие двери. Да я бы провалился под землю, если бы вы перестали пользоваться своим положением после того, как вам прибавят зарплату хоть в сто, хоть в тысячу раз. Нет, вас надо искоренять, как паразитов, как крыс, — Ворон поднялся со стула и наклонился к судье. — Об отпуске на Мальдивах даже не мечтай. Я бы сказал, вообще, не думай об этом.

У Петросянова открылся рот. Он явно не ожидал услышать ничего подобного. Точнее, он уже слышал больше, чем надо, но гораздо меньше, чем мог себе представить.

— Про полковника тоже забудь, о гнилой своей душонке позаботься лучше. Если молитву какую знаешь, можешь начинать читать — авось услышит. Это я тебе по-дружески советую, ибо сказано: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то, когда они возопиют ко Мне, Я услышу вопль их, и воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами. Если дашь деньги взаймы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь в залог одежду ближнего твоего, до захождения солнца возврати ее, ибо она есть единственный покров у него, она — одеяние тела его: в чем будет он спать? итак, когда он возопиет ко Мне, Я услышу, ибо Я милосерд»[1].

Петросянов молча смотрел на странного посетителя и не мог поверить своим ушам. Холодный пот струился по его спине. Собрав все силы, он заорал что есть мочи.

— Это провокация! Я не позволю! Вон из моего кабинета! Не имеете права! Я вас под суд отдам! Никаких доказательств у вас нет!

— Заткнись, урод, людей напугаешь. Прими как должное, — спокойно ответил незнакомец.

— Да как вы смеете! Дежурный!!! — заорал Николай Егорович.

Дверь распахнулась, и в нее вбежал тот самый омоновец, которого судья видел в коридоре.

— Что случилось? — грубым басом спросил охранник.

— Выведите из моего кабинета этого человека и заодно узнайте его данные!

— Кого именно?

— Вот этого подонка! Выкинь его из моего кабинета!

— Как скажете, Николай Егорович. Подонка, значит, подонка! — снова рывкнул омоновец, подошел к Петросянову и, схватив его за шиворот, словно котенка, вышвырнул из собственного кабинета.

Судья шлепнулся на кафельный пол и проехал на пузе несколько метров, собирая пыль дорогим костюмом. Он с трудом поднял вверх свои обезумевшие глаза и тут же увидел перед собой Абрама Фридриховича, которого он совсем недавно встретил в буфете.

— Ай-яй-яй-яй! Что с вами? Что с вами случилось?! Как же это вы так? — захохотал московский гость и принялся поднимать Николая Егоровича.

— Так это, я же... Что ж это такое творится? — вставая с пола, бормотал Петросянов.

— Как нехорошо. Ох, как нехорошо. Что ж вы, уважаемый, на ровном месте падаете? Да не пьяны ли вы?

— Так меня, как тряпку... Из собственного кабинета...

Абрам Фридрихович быстро прошел в кабинет и оглядел все углы.

— Но у вас там никого нет.

— Как нет? Почему нет? А где он?!

— Да, Николай Егорович, похоже, вы малость перебрали с коньячком. Ох, зря я вам дал денег. Ох, зря. Не было их у вас, и не нужны они вам были. Без них вам спокойней бы жилось. Деньги портят человека.

Николай Егорович и впрямь почувствовал себя так, будто он пил в своем кабинете всю ночь, весь день и черт знает, чем там еще занимался. Существо оглядело судью с ног до головы.

— Слышь, Петросянов? Я бы на твоём месте сейчас здесь не палился. Я хоть и с проверкой сюда приехал, но друзей, конечно, не сдам. Сам знаешь, рука руку моет. А вот непосредственный начальник вряд ли правильно поймет твой внешний вид, тем более, между нами, он стоит у тебя за спиной.

Петросянов медленно обернулся, заправляя в брюки выскочившую рубашку.

— Что это за вид, Николай Егорович?! — проговорил кто-то явно выше его по должности.

— Так меня из кабинета... — показывая рукой на дверь, заныл судья, чувствуя себя мелкой букашкой.

Петросянов очутился на месте обвиняемого и никак не мог найти у себя в голове юридический термин, характеризующий то, что с ним произошло.

— Так точно, из кабинета! — вмешался в разговор московский гость, подскочив к начальнику. — Моя фамилия Грешневский. Абрам Фридрихович! Я к вам с проверкой из Москвы. Из Мос-квы! — показывая для убедительности пальцем вверх, добавил он.

— Гусев Владимир Иванович, — пожал руку Абраму Фридриховичу начальник.

— Что ж вы, Владимир Иванович, таких мерзавцев у себя на работе держите?

— Каких таких мерзавцев?

— Так вот он! Перед вами стоит! — схватив Петросянова за рукав, прокричал прокурор. — Мало того, что пьян в стельку, так он у вас еще и вор! Вор!

— Да вы что несете, Абрам Фридрихович?! — задрожал Николай Егорович, глядя то на Гусева, то на Грешневского.

— Как что я несу? Я бы на вашем месте, товарищ Петросянов, помолился бы. Говорят, помогает. Час назад он взял взятку! Этот ваш так называемый работник, повторю, взял взятку! Вот и компромат, на котором все это запечатлено! — вытащив из кармана видеокассету, Абрам Фридрихович сунул ее в руки Гусеву.

— М-да, — буркнул Гусев и, подойдя к кабинету судьи, тут же отшатнулся назад. — Мать твою! — он яростно кинулся на Николая Егоровича и, схватив его за грудки, начал

трясти и орать. — Ты что творишь, гад?! Мало того, что воруеть, так еще и бордель в суде устроил, подонок?! Что б ни девок, ни тебя здесь не было! И заявление на стол! — Гусев оттолкнул судью и пошел прочь.

Посетители, сидевшие в коридоре в ожидании приема, с удовольствием наблюдали, как мордуют слугу закона. Слезы хлынули из глаз, и дикий смех раздался из уст судьи. Он медленно подошел к своему кабинету и увидел на своем рабочем месте двух проституток в голом виде, с которыми развлекался проверяющий из Москвы.

— Девчонки, поглядите, кто к нам пришел! Это самый честный судья в городе! У него даже денег на чай нет! Заходи, я угощаю! Тем более что от девок ты мало чем отличаешься, тебя ведь тоже купить можно!

— Пресвятая богородица, — еле-еле проговорил Николай Егорович и, с ужасом отшатнувшись, захлопнул дверь.

Его плечи дернулись, от беспомощности он прикусил руку и сполз вниз по двери, то ли воя, то ли молясь. На звуки стали сходить коллеги и посетители. Они окружили Петросянова сплошной стеной. Люди шушукались между собой, пытаясь понять, что произошло. Кто-то предлагал помощь несчастному, но Петросянов их не слышал. Пробившись еле-еле через толпу, к нему подошел Гусев.

— Что случилось, Николай Егорович?

Увидев начальника, Петросянов взвизгнул, как собачонка, и закрыл лицо руками в ожидании продолжения экзекуции.

— Простите, простите.

Кто-то из толпы вызвал скорую. Николая Егоровича подняли и повели к выходу, но он умудрился вырваться и с криком, расталкивая всех на своем пути, побежал назад к своему кабинету. К его удивлению в кабинете, где всего несколько минут назад была развратная вечеринка, все выглядело так, словно в него никто не заходил. Петросянов со всей силы хлопнул дверью, и его истошный смех разнесся по всему зданию городского суда. Вбежавшие санитары быстро скрутили судью и вытащили его на улицу, где уже ждала машина скорой помощи. Петросянов не сопротивлялся и покорно шел за санитарями, его смех сменился слезами. Коллеги Николая Егоровича, высыпавшие на улицу в надежде стать свидетелями большого скандала, ничего интересного так и не увидели: Петросянова просто посадили в машину, и она быстро скрылась в пурге.

Анатас сидел на лавочке в парке и пристально наблюдал за детской игрой в снежки. Один снежный шарик попал в его плечо и разлетелся на миллионы снежинок. Мальчонка, который неудачно кинул свой снаряд, покраснел и медленно подошел к незнакомцу.

— Простите, пожалуйста, я случайно, — потупив глаза, проговорил он.

— Ничего страшного, ты сделал плохо, хотя и не специально, но осознал свой поступок и раскаялся в нем. Я вижу, ты искренне сожалеешь о случившемся, поэтому не вини себя. У тебя доброе сердце, в отличие от твоего отца. Не старайся походить на него, ибо снежок, попавший в кого-то, может обернуться лавиной.

Анатас поднял горсть снега и, скатав ком, протянул мальчишке. Тот радостно схватил его и побежал прочь от странного человека.

— Милорд, мы сделали то, о чем вы просили, — поклонившись, проговорил Ворон и присел рядом.

— Дети. Посмотри на них: они совсем юные, но пройдет пять-семь лет, и желчь начнет

сочиться по их венам. Взрослые отравят их мир своими мнимыми проблемами и никому ненужными законами.

— Так было всегда, мой Господин.

— Так будет всегда, Посланник. Сдерживать их грехи можно, только отвечая злом на зло. Ты знаешь, Ворон, что одной из главных составляющих коррупционной системы в любой стране является продажное судейство? С его помощью осуществляются самые темные делишки. Судьи стараются поставить себя выше закона, хотя сами должны быть его воплощением. За взятки и по заказу таких же коррумпированных служителей порядка они без зазрения совести упакут невинных за решетку по заведомо ложному, маразматически-абсурдному обвинению. Без всяких поводов, оснований и доказательств отнимут или разорят любого тщательно соблюдающего законы и правила бизнесмена, расправятся с политическими противниками и негодными, «отмажут» и оправдают отпетых уголовников. Они возомнили себя вершителями судеб и забыли, что над ними есть власть, гораздо более страшная, чем вышестоящее начальство. Совместно с продажной милицией и прокуратурой они стряпают грязные дела. Все они замешаны в одну «кашу» и безнаказанно ведут свой преступный бизнес по фабрикации коммерческих уголовных дел, по торговле свободой и правосудием. Эта преступная мразь покрывает друг друга, потому что у всех у них рыльце в пушку. И действуют они по простой схеме: милиция загоняет жертву в стойло, прокурор берет ее за рога, судья — за хвост, а адвокат ее доит. И шансов вырваться у жертвы практически нет. Человек абсолютно незащищен перед корыстной российской Фемидой. Судейский беспредел цветет пышным цветом. От российского суда не зарекайся, а уж если попал в его нечистые лапы, знай: спасения не будет. Лучше сразу откупайся, неси «зеленые». Впрочем, они наказывают себя лучше, чем самый искусный палач. Нет, они не перестанут меня поражать. Я буду восхищаться их изобретательностью еще долго, очень долго.

— Так что вы хотите с ним сделать, господин? — сухо спросил Ворон.

— А ты помнишь царя Камбиса[2]?

— Конечно, мой сир.

— Пусть Грешник доделает начатое.

— Я все понял, — склонив голову, произнес Ворон.

Кто-то из толпы первым оценил случившееся.

— Да, хороший человек был, честный, и вот на тебе — такой срыв.

— Это точно!

— Да, нет справедливости! Бог всегда забирает к себе хороших людей! А все гады живут и здравствуют.

— Вот и верь в него после этого, раз он таких хороших людей не оберегает.

В закрывающейся карете скорой помощи блеснула улыбка Грешника, который в халате медбрата резким движением схватил скальпель.

На следующей день в кабинете Петросянова восседал на новеньком стуле из белоснежной кожи новый судья.

[1] Книга Исхода, 22:22–27.

[2] За то, что подкупленный судья Сисамн вынес несправедливый приговор, персидский царь Камбис велел его казнить, содрав с него живую кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором впоследствии восседали другие судьи.

РАЗГОВОР

Войдя в прихожую деревенского дома, Зверев почувствовал тепло и уют. Он быстро снял куртку, разулся и посмотрел на девушку, которая с недовольным видом стояла перед ним.

— А где Виктор?

— На кухне, — буркнула она и показала рукой, давая понять Алексею, чтобы тот проходил.

Виктор сидел за столом перед бутылкой. На столе стояла скудная закуска в виде сковородки жареной картошки и банки соленых огурцов, в углу виднелись две уже опустошенные емкости из-под горячительного.

— Хорошо сидим.

От неожиданности Четырин вздрогнул.

— Что, опять из меня дурака делать приехали? Или все — с вещами на выход?

— Я присяду?

— Конечно, садитесь. Мне как, уже сухари сушить, или вы ко мне выпить приехали?

— Поговорить.

— Ну, давай поговорим, — Виктор взял бутылку, налил добрую порцию водки в стакан и подвинул его Звереву.

— Вы что, пить собираетесь?! Ты и так вторые сутки не просыхаешь! Ты обо мне подумал?! — заорала жена и, выхватив у мужа драгоценный напиток, попыталась вылить его в раковину.

Виктор быстро вскочил и отобрал бутылку.

— Пошла вон, дура!

Из соседней комнаты раздался детский плач, и хозяйка, зарыдав, удалилась из кухни.

— Давай пей, капитан, пей. Это наши проблемы, не твои. Поорет и перестанет, — пробормотал Виктор, садясь за стол.

— Да уж, — Зверев махом опрокинул стакан.

— Ну, о чем ты приехал со мной говорить?

— Все о том же.

— Ха! По-моему, я уже все тебе рассказал.

— Давай еще раз сначала.

— Как скажешь. Наше дело маленькое. Это вы у нас власть.

Закончив рассказ, Четырин налил стакан себе и капитану.

— Это все?

— А что ты хотел услышать? Ничего нового я тебе сказать не могу. Да и не сказочник я, чтобы байки травить.

— По-моему, ты рассказывал, что вы подобрали человека и довезли его до города и что он был виновен в смерти водителя. А теперь ты говоришь, что это был несчастный случай.

— Так ты мне все равно не поверишь. Зачем тогда утруждать? Тебе ведь дело закрыть

надо? Так давай, ковыряй дырку для очередной звезды. Вешай на меня, да и делов-то!

— Не так все просто. Если б надо было закрыть дело, я бы тебя не выпустил из кабинета. Ну а если я скажу, что верю тебе. Допустим, верю. Только не в то, что ты мне сейчас рассказал, а в то, что рассказывал раньше.

— Неужели и ты его видел? Чувствуешь, что воздух стал вокруг тяжелым, будто что-то поменялось?

— Нет, к сожалению, я ничего не чувствую и никого не видел.

— Тогда зачем мне строить из себя дурака?

— Потому что это твой единственный шанс не загреметь за убийство. Мой коллега Попов давно бы тебя упрятал, а я тут с тобой сопли развожу.

— О, как. Это значит, ты обо мне заботаешься? Тогда лучше посади меня, чтобы, когда он снова придет, не смог до меня добраться! Желательно куда-нибудь на север, подальше отсюда. А впрочем, куда нам от него деться? Он везде найдет. Он про каждого знает. Все знает.

— Ладно, успокойся!

— Успокоиться? Успокоиться?! Да ты когда-нибудь встречался с самым злом? Он — черт, дьявол, нечисть! Я спать не могу, слышу его голос, в каждом темном углу его вижу! А ты мне говоришь успокоиться?! Вот, посмотри! — заорал Виктор и, вытащив из-за пазухи серебряный крестик на цепочке, начал трясти им перед лицом Зверева. — Я раньше ни в Бога, ни в дьявола не верил, а теперь ношу эту хрень на себе!

— Поверил?

— А теперь я во всех верю, даже в барабашек! Я как Фома.

— Потихе хоть можно?! Ребенку спать надо! — раздался женский голос из соседней комнаты.

— Понятно тебе, капитан? — рявкнул Виктор и, выпив стакан, закурил сигарету.

Алексей проделал то же самое.

— Давай так. Я верю, что ты столкнулся с чем-то необъяснимым. Но услышь и ты меня. Чтобы помочь, я должен знать, почему он сел именно к вам. И почему ты решил, что это, мать его, дьявол?! Если бы он существовал, то прихлопнул бы нас, словно мух. Он ведь всемогущий, не так ли?! А я здесь, да и ты жив и невредим.

— И что же изменило твое мнение, капитан?

— Предчувствие.

— Какое предчувствие? Смешно!

— На самом деле смешно то, что он сел именно к вам, к двум простым людям черт те где, сел именно в ваш КамАЗ, ехал с вами, общался и грохнул водителя, а тебя оставил. И мне смешно, что ты еще жив. Вот это, действительно, смешно. Так что, если ты не расскажешь мне свои предположения, почему он выбрал именно вас, то на мою помощь можешь не рассчитывать. Я тотчас же встану и уйду. А ты оставайся здесь, жри свою водку и плачься о том, что тебя никто не понимает.

Виктор молча оглядел капитана, медленно поднялся, не сводя с него глаз, подошел к двери в комнату и, подсунув в щель полотенце, плотно закрыл ее, после чего вернулся на место и снова выпил.

— Я знаю, почему он сел именно к нам. Я чувствовал, что мне когда-нибудь за это воздастся, — его руки затряслись и из глаз потекли слезы.

Капитан выдержал паузу, поняв, что разговор будет серьезный и, по всей видимости,

неприятный для Виктора.

— Что произошло?

— Я расскажу, я расскажу все. Только пообещай мне, что ты не отвернешься от меня.

— Я не Церковь, чтобы отворачиваться.

— Все произошло два года назад. Мы, как обычно, возвращались из командировки, ехали из Курска с грузом. Все было хорошо. На дворе стоял ноябрь, двадцатое число. Дни выдались на славу: светило солнце, и все шло своим чередом. Но как только мы проехали Воронеж, погода резко испортилась, пошел дождь, на трассу опустился густой туман, а в ночь температура упала ниже нуля, и дорога стала скользкой, словно стекло. Но и это не было бедой. Когда мы проезжали Мордово, машина сломалась, и сломалась она именно в том месте, где мы потом подобрали его. Чертово место, будь оно проклято. Изморозь пронизывала до костей. Около двух часов ночи мы уже окоченели полностью. Водитель предложил мне сбежать в кафешку и прикупить согревающего. Я так и сделал. Когда наш ремонт закончился, мы были уже навеселе. Я предложил ему заночевать до утра, но он отказался, сказал, что доставит товар к сроку. Если бы я знал, чем закончится наша поездка, я бы лучше пошел пешком, но тогда нам казалось, что все в порядке. Тогда мы сделали так, как нам казалось правильным. Мы всегда жалеем после того, как что-то происходит, а не прежде... — Виктор снова налил себе и капитану. — Пей капитан, ночь длинная.

Они выпили. Четырин встал из-за стола и, закурив, стал ходить по кухне.

— Что произошло дальше?

— Дальше? А дальше мы сбили человека. Мы просто не заметили его и сбили. В тумане и темноте мы не заметили человека на дороге. Грузовик проехал по нему, словно это была кочка на дороге. Мы остановились. Шок и чувство беспомощности охватили нас. Несколько минут мы сидели, не зная, что нам делать, а потом вышли. Семеныч взял фонарь, и мы начали искать несчастного. Луч света осветил его на обочине: он оказался метров за двадцать от машины. Когда мы подошли к нему, то увидели, что это священник. Его окровавленное тело лежало неподвижно в грязи у дороги. Пока мы стояли в оцепенении, туман рассеялся и пошел проливной дождь, будто сама природа оплакивала его. Если бы можно было вернуть все назад, если бы можно было, я бы поступил иначе, но в тот момент мы поступили так, как поступили. И снова он, этот долбаный выбор, о котором он нам твердил. Только сейчас я начинаю понимать, как он был прав. Михаил сразу же пошел к машине и взял лопату, тогда я еще не понимал, зачем. Я умолял его отвезти беднягу в больницу или вызвать милицию, но он не хотел слышать об этом. Я просил и уговаривал, а он просто оттолкнул меня и начал объяснять, что священнику уже ничем не поможешь, а у нас вся жизнь впереди. Что милиция нас и слушать не будет, так как мы выпимши, а ему надо кормить семью, и что его дети без отца пропадут. Да и у меня на тот момент жена была беременна, и он четко объяснил, что мы соучастники. Это сейчас я понимаю, что за рулем был он, и мне ничего не грозило. Но тогда это звучало как приговор. Мы взяли тело и потащили его прочь от дороги в лесополосу. Семеныч принялся рыть яму. Но и это было еще не все. Когда мы столкнули тело в могилу, священник захрипел. Он был живой. Я кинулся к нему и попытался вытащить его оттуда, но Михаил отшвырнул меня в сторону и сказал, чтобы я не распускал слюни, что до больницы мы его не довезем, а нам еще жить надо. И что если я ему снова помешаю, он похоронит нас обоих. Страх сделал свое дело.

— И что? Вы его так и закопали живым?

— Да! Так и закопали! И не смотри на меня, как на животное, — ты не был в такой

ситуации и не тебе меня судить!

Капитан молча налил водки и выпил, затем снова налил и выпил, потом закурил.

— А что было дальше?

— Дальше? Дальше никто из нас не вспоминал об этом и не ездил по той дороге. Два года мы избегали ее, но недавно поступил заказ за хорошие деньги привезти груз из Воронежа, и мы согласились. Будь все проклято. Что? Ненавидишь меня за это, капитан?

— Нет. Тебя ненавидят те, кого ты оставил без отца. А что до меня, так мне как-то все равно. Ты сделал свой выбор на тот момент. Каким бы он ни был. Тебе с этим жить, не мне.

— Да у священников обет безбрачия! Мне Семеныч так и сказал.

И хватит мне душу рвать, я и так себя проклиная. Мне и без твоих нравоучений тошно.

— Обет безбрачия у монахов, а у священников все как у простых людей. И я тебя не лечу. Это все на твоей совести. Ну ладно, хоть ясно стало, почему он сел именно к вам. Хоть что-то становится на свои места. Теперь главное понять, почему он оставил тебя в живых.

— Ты мент, ты и разбирайся!

— Нет, дружок, теперь будем разбираться вместе. Ты рассказывал, что он вам денег дал, а я что-то ни денег, ни кошелек у тебя не видел. Ведь когда тебя в участок привезли, у тебя же все вещи изъяли?

— Точно.

— Тогда где же кошелек?

— Так в куртке. Вот в этой. Во внутреннем кармане.

Подойдя к куртке, Зверев вытащил из нее тот самый кошелек, о котором рассказывал Виктор.

— Странно. Тебя же обыскивали?

— Так точно.

— Как же это они упустили?

— Не знаю.

— Красивая вещичка.

Капитан открыл кошелек, но не нашел там ничего, кроме пепла, который он и высыпал на стол.

— Что это? — дрожащим голосом пробормотал Виктор.

— По-видимому, это твой заработок.

— Как это? Там же деньги были. Как же это?

— Так же, как и все остальное. Он и тут фокус выкинул. Вот тебе то, что ты заработал.

— Убери, я не хочу на это смотреть!

Зверев смахнул пепел в ведро и протянул кошелек Виктору.

— На, спрячь его пока и никому не показывай. Это единственная вещь, которую он оставил. Значит, она для чего-то нужна.

— А может, ты его себе возьмешь, а?

— Ага, еще не хватало, чтобы кто-нибудь его у меня увидел. Опер с копеечной зарплатой имеет кошелек с золотой каемкой. Нет, ты его выпросил, ты с ним и живи. Сейчас ложись спать, проспись маленько, а я в архив съезжу. Попробую откопать хоть какие-нибудь сведения по вашему священнику. Может, у него родственники были, а если так, значит, должны были обратиться с заявлением о пропаже человека. Думаю, искать нужно в этом

направлении.

— Я с тобой поеду!

— Куда?

— В архив.

— Сиди дома и только попробуй куда-нибудь удрать. Я тебя из-под земли достану.

Пойдешь у меня под белые ручки за два убийства. Понял?!

— Понял.

— Сиди здесь. Как только что накопаю, приеду.

— Ладно.

— Вот и прекрасно. Пойдем, затвори за мной.

Дверь за капитаном закрылась, и он снова оказался на улице. Было около шести утра, мороз стоял жуткий. Помявшись минутку на улице и оглядев окрестности, капитан побрел к остановке. Ветер пронизывал его одежду насквозь, но Алексею не пришлось долго мерзнуть. К его большому удивлению вскоре подъехал автобус, и он с радостью залез в салон. Сев на ледяное сиденье, капитан чертыхнулся, но вскоре согрелся и заснул. Он ехал в архив.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Александр бесцельно бродил по комнате: от волнения он не находил себе места. Время шло, а поиски не давали результатов. Хозяин мог появиться в любую секунду, и от этой мысли кровь стыла в жилах. Могучий и всеильный учитель секты был напуган, словно котенок при встрече с огромным псом. Его мысли путались, думать не хотелось, да и не могло. Да и о чем можно думать, когда над головой навис дамоклов меч? От напряжения Александр кусал губы, потирал ладони, но легче ему не становилось. Каждый раз встреча с хозяином будто вырывала кусок его плоти. Можно было бы сказать, что кусок души, но душа его уже давно ему не принадлежала. Никто и никогда не видел его в такой тревоге.

Вдруг дверь со скрипом отворилась, и в нее вошел крепкий молодой человек. Александр вздрогнул и пристально посмотрел на него.

— Господин, возможно, вы хотите вина или прикажете подать ужин?

— Закрой дверь! — злобно крикнул Александр, и дверь с шумом захлопнулась сама по себе.

Несчастный парень еле успел от нее уклониться. Александр глубоко вздохнул. Воздух в комнате стал густым и холодным, факелы потускнели, темнота окрасилась в черный непрозрачный цвет. На спине у Александра выступил ледяной пот.

— Разве я дал тебе могущество и силу только для того, чтобы ты хлопал дверями перед своими слугами? — раздался спокойный голос из самого темного угла комнаты.

Этот голос Александр не спутал бы ни с одним другим. Тот же самый, что и в первый раз, не меняющийся и не стареющий. Такой же пугающий и манящий. У Александра бешено забилося сердце, в висках застучало, а его тело стало предательски дрожать изнутри. Медленно развернувшись, он увидел в своем подземелье того, из-за кого не мог спокойно спать вот уже несколько ночей подряд. Перед взором Александра появился его господин в окружении своей свиты. Повелитель подошел к столу, стоящему посередине комнаты. Один из стульев сам собой отодвинулся, и Анатас сел. Маркус поспешно расположился в проеме входной двери, Посланник замер за спиной своего хозяина, а Грешник, недолго думая, залез на стол.

— Жратва! Халява! — принялся он сметать остатки трапезы.

Александр брезгливо посмотрел на существо, которое поглощало еду на его столе.

— Чего вылупился, упырь?!

— Да, ты и впрямь не меняешься, Авера, — с отвращением проговорил Александр.

— Извини его, — вмешался Анатас. — Разве можно исправить то, что неисправимо? Это все равно, что исправить людей: они и дальше будут грешить, даже если даровать им прощение. Ради этого они и придумали исповедь. Сходил в храм, покался и вперед с чистой совестью в новый грех. Господь Всемогущий сказал мне, и я слышал своими ушами: «Вы повинны в грехе, и Я обещаю, что вы умрете раньше, чем будет прощена эта вина». Так сказал Создатель, Господь Всемогущий[1]. Ваш Бог так сказал.

— Их Бог, не мой.

— Конечно, их. Ну, что ты мне сообщишь, чем обрадуешь? Какие вести хочешь мне поведать?

— За плохие раньше гонцу отрубали голову! Помнишь про это?! — харкая на пол и вытирая пасть рукавом, сквозь ехидную ухмылку прокричал горбун.

Александр потупил взгляд. Он понимал, что рассказать что-то новое тому, кто и так все знает, невозможно. Да и вестей хороших у него не было.

— Господин, мы пытаемся, поверьте мне.

— По-моему, с твоим могуществом можно было давно отыскать любую потерю. Или ты предпочитаешь стать обычным смертным? А может, тебя и вовсе стоит заменить? Тут, кстати, есть один кандидат — давно к власти рвется, меня даже видеть хотел. Правда, пока не понимаю, зачем ему это.

— Господин, я делаю все, что могу. Я клянусь, все будет готово в срок.

— Делаешь, действительно, все, что можешь. Только, видимо, не то, что надо, раз результата до сих пор нет. Нелепо требовать, чтобы одно и то же дерево одновременно приносило цветы и плоды, и я этого не требую. Так почему все остановилось, почему ты не выполнил задание? Разве я не был милостив к тебе, разве я не дал тебе власть, красоту, бессмертие? Я подарил тебе весь мир — бери, пользуйся. А что ты дал мне взамен?

Александр знал, что кость, брошенная собаке, не есть милосердие. Милосердие — это кость, поделенная с собакой, когда ты голоден не меньше нее.

— Господин, я пытался, я не сидел, сложа руки, и многое уже удалось выяснить, многого получилось достичь. То, что мы ищем, где-то рядом. Круг сужается, результат — вопрос времени.

Управившись с остатками съестного, Грешник спрыгнул со стола, подскочил на четвереньках к главе секты, сделал вокруг него пару кругов и, жадно вдохнув воздух, посмотрел в его глаза. Александр стоял, не шевелясь, словно перед ним было разъяренное животное, которое могло в любую секунду кинуться на него и разорвать в клочья. В комнате воцарилась тишина, но молчание продлилось недолго. Вскоре Грешник расплылся в улыбке и заржал по-лошадиному, громко и противно, обнажив свои острые, как бритва, зубы. Александр вздрогнул и отшатнулся.

— Хозяин, хозяин, — прошипел Грешник. — Он боится, хозяин, боится. От него несет страхом.

Анатас улыбнулся, вытянул руку и словно из воздуха достал золотой кубок, наполненный вином. Поднеся его к носу, он сделал пару глубоких вдохов, а затем большой глоток, после чего поставил кубок на стол.

— Прекрасное вино: великолепный вкус и изысканный букет. Почему именно меня многие обвиняют в его создании? А ведь само таинство причастия происходит с его помощью. Хлеб — тело Его, вино — кровь Его. Представляешь, они пожирают собственного спасителя. Непонятный обряд, который они сами и выдумали. Но как только кто-то начинает слишком много вкушать крови его, так здесь сразу виноват я. Разве это справедливо? — Анатас снова отпил из кубка. — Да, замечательное вино. Если оно для тебя, оно прекрасно, если ты для него, оно ужасно. Так же, как и вера: слишком много — это всегда перебор. Во всем надо знать меру. Но как ее можно соблюдать в обществе, стремящемся к безмерности во всем? Страх — единственное, что вас сдерживает.

Анатас вдохнул аромат напитка.

— Ну что ж, раз боится, значит, сделает все, как надо. Иначе это сделает кто-то другой.

Анатас сидел и смотрел на своего раба спокойным ледяным взглядом. Он не выказывал ни чувств, ни эмоций, но было понятно: он не простит и не помилует. Повелитель поставил задачу и заплатил за ее решение, а Александр принял плату, и значит, обратного пути уже не будет. У него не осталось права на ошибку.

Грешник усмехнулся, одним прыжком очутился на стуле и уселся, положив ноги на стол. Он щелкнул пальцами, и тут же у него во рту оказался зажженный чинарик «Беломора». Сделав затяжку, он порылся у себя за пазухой, вытащил оттуда свеженький выпуск «Плейбоя» и стал его разглядывать, шурша глянцевыми страницами и улыбаясь при взгляде на фото полуголых красоток.

— Посмотри на это создание. С каждой секундой, проведенной среди людей, он становится все хуже и хуже. Все вы одинаковы: постоянно чем-то недовольны, бухтите что-то себе под нос, машете руками, словно ветряные мельницы, но при этом никогда не полетите. А если приходит время говорить, вы оказываетесь довольными всем. Парадокс, не правда ли? Впрочем, я хотел поговорить о другом. Скажи мне, разве я похож на шута или клоуна?

Александр побледнел и, не поднимая глаз, отрицательно покачал головою. Грешник проглотил бычок и, выронив журнал, начал стучать себя в грудь и громко кашлять.

— Тогда почему ты устроил здесь такой балаган?

— Я не понимаю... — тихо ответил Александр.

— Странно, я думал, что ты умнее. Ну, хорошо, объясню. Твои люди поклоняются какому-то непонятному божку. Разве я похож на это существо? Вы режете на алтарях людей, животных, якобы принося их мне в жертву. Разве я просил тебя делать это? Все это напоминает клуб юных сатанистов, которые, не зная о сути моей и о духе моем, пытаются при этом мне же еще и угождать. Все это выглядит глупо, тебе не кажется? Разве я дал тебе такую власть, чтобы ты пускал кровь животным или чтобы стадо безумных людей вопило в один голос о верности мне, не осознавая при этом, кому они служат? На земле хватает разного сброда, считающего, что они верны мне.

И ты туда же?

— Хозяин, я могу все объяснить. Людям нужна вера, они не могут без нее. Человек, который ни во что не верит, всего боится. Сильный духом верит в себя, слабый — в Бога. А среди них нет сильных духом. Вы лучше меня знаете об этом. Без веры люди превращаются в чернь, бесформенную массу. Они должны быть объединены одной общей идеей. Только тогда от них есть хоть какой-то толк и польза. Им нужен был новый бог, и я дал им его. А то, что они верят не в вас, так это неважно — важно лишь то, что они находятся под моей властью, а я — под вашей. Люди охотно верят тому, во что желают верить. А видимый бог гораздо лучше невидимого. Наша структура охватила практически весь мир, наши люди повсюду. Скоро, очень скоро, мы найдем то, что ищем. А когда это случится, вы сможете, наконец, совершить то, что так давно хотели исполнить.

Анатас сидел и слушал, время от времени делая глотки из золотого кубка.

— У тебя есть еще немного времени. Смотри, Александр, не разочаруй меня. Я не Он чтобы прощать.

Александр молча кивнул головой.

— Господин, вы должны знать. Мне доложили, что один человек начал лезть в наши

дела и что-то подозревать.

— Ты думаешь, я так плохо осведомлен?

— Что вы, Мессир! — воскликнул Александр.

— В том, что он стал что-то подозревать, виновен только ты.

— Неужели это он?

— Да, как это ни странно. В этом нет никаких сомнений. Пока он в смятении и не осознает, кем является на самом деле. Он слишком много раз перерождился, оттого память его слаба. Но вскоре ему все станет ясно. Пока же у нас на руках все козыри, и было бы глупо ими не воспользоваться.

— Господин, он неконтролируемый. Этого зверя нельзя приручить, он действует только в своих интересах.

— Скоро все изменится. Сейчас мне нужна только чистая душа. Только она интересна мне.

— Но вы вложили в него столько сил и времени!

— Всему есть свое время, Александр.

— Он будет мешать нам.

— Вот и разберись с этой проблемой. Иначе он доставит слишком много хлопот. Он в этой партии нам не нужен.

— Я все понял, хозяин. У меня есть тот, кто может все быстро и тихо уладить, и я с радостью объясню своему человеку сложившуюся обстановку. Он исполнит все, что нужно, — пообещал учитель секты.

Из-за спины Анатаса вышел Посланник.

— Зачем же ты будешь себя утруждать? Я с позволения Милорда объясню ему все сам. Тем более он давно уже мечтал пообщаться с господином. Неужели мы не доставим ему такого удовольствия?

— Конечно, — ответил Анатас, не оборачиваясь в сторону Ворона.

— Тогда с вашего позволения я удаляюсь, — Посланник поклонился и растворился в воздухе.

Александр замер в оцепенении. Такого поворота событий он не ожидал.

— Разве хозяин этого прекрасного замка не предложит мне и моим спутникам что-нибудь выпить и перекусить?

Грешник моментально снял ноги со стола и достал из кармана фуфайки ослепительно белый платок, который повязал на свою грязную шею. Из другого кармана он вытащил золотую вилку с бриллиантовой ручкой и платиновый нож и, как и полагается настоящему джентльмену, пододвинул свой стул к мраморной столешнице. Маркус тоже быстрым шагом подошел к столу и, словно верный пес, занял место рядом со своим господином. Александр крикнул слугам, чтобы им подали лучшие вина и еду. Через несколько минут в комнату вошло с десятков человек, которые несли изысканные блюда и кувшины с дорогим вином. Аккуратно расставив угощение и напитки, они раскланялись и удалились прочь. Грешник ел так аккуратно, словно его воспитывала царская семья. За всем этим наблюдал, стоя в стороне, Александр.

— Что же ты стоишь? Присоединяйся к нам, — Анатас указал на стул.

— Спасибо, господин. Премного вам благодарен, но я не голоден и с вашего позволения останусь на своем месте.

— Ну, как знаешь.

— Не вписывается в стадо — значит, не баран! — вставил свое слово Грешник.

Рядом с дверью вспыхнула и тут же исчезла огненная пентаграмма, а на ее месте появился Посланник с перепуганным до смерти человеком в синем одеянии и капюшоне на голове. Ворон держал его за шею, словно воришку, а тот мотал головой из стороны в сторону, не понимая, что происходит.

— Вот, сир, доставил в целости и сохранности.

Александр смотрел на человека в синем пристально и уверенно, словно шакал, который чувствует кровь умирающего животного.

— Ну-с. Ты, кажется, хотел со мной встретиться? Так вот он я. Как видишь, без рогов и прочих атрибутов.

— Рад вам служить! Рад вам служить! — упал на колени Носферато.

— Встань, я не терплю кривляний.

— Ты, наверное, уже понял, кусок дерьма, у кого в гостях ты находишься и кому принадлежишь, ведь так?! — громко, по-солдатски спросил Маркус.

— Так точно, господин, так точно! — залепетал человек.

— Несчастен властелин, приблизивший льстеца. Ты бы еще Грешнику поклон отвесил. Он у нас тоже благородных кровей, — улыбнулся Анатас.

Грешник вскочил со стула, немедленно достал из фуфайки красный галстук, натянул его на шею и важной походкой подошел к новому собеседнику, который с беспомощным видом стоял у стола. Он резким движением отодвинул стул и жестом показал на него, давая понять, чтобы тот присел. Но как только Носферато попытался сесть, стул исчез, и помощник Александра с грохотом рухнул на мраморный пол. Из его кармана выпала кожаная перчатка. Александр ухмыльнулся. Грешник наигранно стал извиняться.

— Простите, товарищ. Стулья сейчас такие ненадежные пошли: то появятся, то исчезнут. Вы не поверите, но нет на них никакой управы, даже пожаловаться некому. Некому! Стулья, они как правительство: вроде есть, а как до дела дойдет, то вроде и нет. Что за жизнь, что за стулья?! Ну что же вы лежите? Вставайте, вставайте, вот вам новый стул — ручной. Уж он-то не удерет!

Человек в синем поднялся с пола, дрожащими руками ощупал новый стул и только после того, как убедился, что он никуда не денется, сел.

— А вы знаете, мой любезный друг, — начал Анатас, — я больше предпочитаю сидеть на полу, или, по крайней мере, на какой-нибудь небольшой возвышенности, так как с пола нельзя упасть, а с небольшой высоты падать не больно. В вашей жизни верность можно требовать только от собаки, надеяться на кого-то еще, похоже, не приходится. Итак, ты хотел меня видеть. Ну что же, твое желание сбылось. Впредь будь осторожен с ними: иногда у них есть свойство претворяться в реальность.

— Милорд, я рад, что вы выделили минутку для своего верного и преданного раба.

«Вот идиот, — думал Александр, глядя на унижения своего воспитанника. — Ты даже не представляешь, с какой силой ты столкнулся. Он не терпит неудач, и ему не знакомо слово «нет». Ты еще пожалеешь о том, что замахнулся на мое место. Я доверял тебе, а ты, словно подлая змея, пригрелся на моей груди и тут же ужалил, как только я потерял бдительность».

— К человеку будут относиться так, как он поставит себя при первой встрече, и уже никакое другое его действие не исправит этого. Крестьянину нужна земля, богатому — слава, солдату — война. Таким, как ты, видимо, нужен весь мир. Добудь мне в срок то, что

нужно, и ты получишь то, чего хочешь.

— Рад вам служить, хозяин. И сделаю все, о чем вы меня попросите. Но я хотел вам кое-что рассказать. Один человек по фамилии Зверев...

— Мы знаем, что он лезет, куда его не просят! Дальше что?! — жестко отрезал Посланник.

— Ничего, — опешил воспитанник Александра. — Я просто хотел предупредить хозяина об этом. А может, вы его тогда того? — он провел пальцем по своей шее, давая понять, что Зверева неплохо бы устранить.

— Ну ешкин кот! Как же мы сразу-то не догадались?! — подошел к Носферато Грешник и пожал ему руку. — Вот голова! Вот мудрец! Не то что мы здесь. Серость, лаптем щи хлебаем! Первым додумался! Я потрясен, просто потрясен. Вы меня и впрямь удивили, черт меня подери!

Бедный человек в капюшоне побледнел, его тело сотрясал озноб, а ноги стали ватными. Он понял, что сказал что-то лишнее и ненужное, но было уже поздно. В комнате наступила полная тишина.

— Самое удивительное, что стоит предложить идею, и всегда находится с десяток человек, которые думают точно так же. Вам так не кажется? А в принципе, ты молодец. Вот ты этим и займешься, — распорядился Анатас.

После этих слов Александр расцвел: «Ну что, довыдывался? Теперь ты обречен. Если бы ты только знал, кто такой Зверев», — подумал он.

— Я с радостью брошу голову этого ничтожного человека к ногам моего хозяина!

— Вот и прекрасно. И еще: мне нужно то, что никак не может достать Александр. Найди мне чистую душу! Сделаешь все, как обещал, — получишь бессмертие и власть над этим местом, а ты, Александр, можешь всего этого лишиться. Мне все равно, кто из вас сделает это первым, но результат должен быть достигнут в ближайшее время.

Анатас со своей свитой растворился в воздухе, и в комнате остались только Александр и его воспитанник.

— Что, мой верный и преданный ученик, потянуло к звездам? Думаешь, ты уже настолько силен, чтобы тягаться со мной? Власть — штука обманчивая, и не каждому удастся ее покорить.

— Ну что вы, учитель! Куда нам до вас? — съязвил человек в синем.

— Смотри, Носферато. Можешь ведь и надорваться!

— Постараюсь не разочаровать вас! — Носферато поклонился и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Александр посмотрел ему вслед, взял кубок с вином и сделал несколько глотков. Затем с яростью сжал его в руке так, словно это была фольга, и с силой швырнул получившийся комок в дверь. Металл вонзился в дерево с характерным звуком.

— Даже самый лютый зверь имеет хоть немного жалости. Я, мой друг, жалости не имею, я страшнее зверя. Размажу тебя, как таракана!

Он подошел к стене и опустил вниз подсвечник. Раздался гул механизмов, и часть плиты сдвинулась в сторону. В углублении находились полки, на которых стояли человеческие черепа. На их лбах были вырезаны имена. Александр, не спеша, сдвинул несколько черепов в сторону, освобождая место, по всей видимости, для еще одного трофея.

Носферато быстро шел по разветвленной системе подземного города и радостно представлял, как уничтожит Зверева, затем Александра, как найдет для милорда чистую

душу и станет во главе секты. От таких мыслей кружилась голова. Он шел и мечтал, улыбка сияла на его устах: все складывалось просто прекрасно, и это не могло не радовать.

[1]Книга Пророка Исаии, 22:14.

СТАВКИ СДЕЛАНЫ

Александр стоял в полумраке комнаты и, погружившись в себя, обдумывал все произошедшее с ним за последнее время. Он привык к одиночеству, к роли жестокого и уверенного в себе диктатора, которому подчинено все и вся. Но каждая встреча с хозяином оставляла в его душе кровоточащий, не зарастающий рубец, хотя душа эта и была продана с потрохами еще две тысячи лет назад. За это время Александр не перестал бояться повелителя, чье присутствие давило на него, словно многотонный пресс на спичечный коробок. Слишком силен был властелин и слишком слаб духом Александр.

«Но куда, куда вылез этот несчастный выскочка Носферато? — также думал глава секты. — Неужели он считает, что ему удастся так легко выпрыгнуть из пешек в короли? Нет, не все так просто. Так в этой жизни не бывает. Ни в этой, ни в следующей. За все нужно платить. Теперь необходимо постараться вернуть все на свои места. Если бы Анатас хотел заменить меня, такого бы концерта не устроил. Ввел в игру новую фигуру? Ударил меня плетью по самолюбию? Что ж, я хорошо усваиваю уроки». Александр прекрасно осознавал, что второй попытки у него не будет. Он всегда догадывался, что рано или поздно Носферато предаст его, и ошибся лишь во времени, не ожидая, что это произойдет так скоро. Раньше те, кого он приближал к себе, были намного преданнее, чем сейчас. Деграция верности происходила слишком быстро. Теперь за власть и славу его предавали все чаще и быстрее. За тысячи лет он сменил сотни помощников, и все как один мечтали встретить Владыку теней. Но никто из них не знал Анатаса так, как знал его Александр. Это совсем не то существо с рогами, хвостом и копытами, которое высмеивается в писаниях. О нет, это было бы слишком просто и хорошо для человечества. Бесконечная темная сила, жаждущая тотального контроля над всем живым и не удерживаемая никакими законами, — вот его идея, его жажда, его сущность. Он хитер, как лис, расчетлив, как змея, затаившаяся в густой траве. Ты даже не поймешь, откуда пришла к тебе смерть и кем был нанесен роковой удар. Он может одной рукой одаривать, а второй забирать еще больше, а ты будешь думать, что он милостив и бескорыстен. Он, словно великий аферист, будет навязывать тебе правила игры, а ты, как марионетка, будешь думать, что по-прежнему играешь по своим правилам. Таков этот «благодетель». Под его человеческим обликом нет ничего человеческого. Он есть тьма, он есть Вселенная. Так думал Александр и верил в это на протяжении столетий.

Глава секты тяжело вздохнул, не спеша подошел к столу и сел. Некоторое время он еще был погружен в свои мысли: в его голове складывался пазл, выстраивался план действий. Затем веки его медленно поднялись и глаза заблестели яростью и злобой, хотя на лице оставалось мертвецкое спокойствие.

— Охрана! — позвал он, и в комнату вошли двое крепких молодых людей.

— Да, учитель, — поклонившись, в один голос проговорили оба.

— Приведите ко мне магистров.

Приказание было исполнено молниеносно.

— Слушайте внимательно, дети мои. Сейчас в нашей общине наступили трудные

времена. На долю моего ученика и вашего старшего брата Носферато выпала огромная честь осуществить миссию во славу нашего бога! Только он должен сделать это самостоятельно. Передайте всем, чтобы ему не оказывали никакой помощи, как бы он ее у вас ни просил. Никакого содействия, ни в чем! А если он будет приказывать вам от моего имени, знайте: послушание моей воли будет караться смертью! Я не потерплю распространения греха в нашей обители. Передайте мои слова всем!

Когда дверь за магистрами закрылась, Александр, будто гриф, кружащий над падалью, заходил кругами по комнате, расцветая в улыбке.

— Ну что ж, теперь мы посмотрим, как ты сможешь выполнить свое обещание. Ставки сделаны! — воскликнул учитель, и его голос разнесся по подземелью. Одним прыжком он вскочил на мраморный стол, сел в позу лотоса и вдохнул полной грудью. Его глаза вспыхнули ярко-зеленым светом. — Посмотрим, кто первым доберется до цели: ты или мой зверь до тебя. Хочешь сыграть в игру? Захотел из шашки прыгнуть в дамки? Ты сделал свой ход. Теперь я сделаю свой.

Повелитель медленно закрыл глаза, его тело оторвалось от поверхности стола и повисло в воздухе под потолком.

Однако Александр недооценил своего ученика. Покидая подземелье, Носферато увел с собой десятерых охранников, которые уже мчались со своим новым господином к Тамбову на четырех черных BMW. Бывший помощник сидел на заднем сиденье одного из автомобилей, его лицо было скрыто капюшоном, и только улыбка выдавала его радость. Он мечтал о том, как станет во главе секты, как Александр будет на коленях молить его о пощаде. Да, грезы его были сладкими: обещание власти кружило ему голову, и он был заранее опьянен ею. Носферато забывал лишь одно: теперь он стал частью большой игры, в которой побежденный расплачивается жизнью.

На крыше одной из городских многоэтажек на золотом троне, положив одну руку на трость, сидел человек в дорогом кожаном плаще. Сидел молча, вглядываясь в темноту. Рядом с ним, подобно цепным псам, готовым исполнить любую прихоть своего господина, стояла в ожидании новых приказов троица слуг, верная и безгранично сильная.

— Что скажешь, Маркус? — спросил повелитель теней.

— Сегодня в этом мире продолжается упорная битва! Победа всегда колебалась, и пальмовая ветвь первенства постоянно кочевала из их рук в наши и обратно. Но мы никогда не были так близко к цели, Мессир! В случае поражения нам придется ждать реванша очень долго. Мы должны пойти на крайние меры.

Повелитель теней поднялся с трона и, заведя руки за спину, подошел к краю крыши. Ветер в тот же момент усилился, непогода обрушилась на город с новой силой, заметая дороги и улицы.

— Посмотрите на этот город. Он будто муравейник, кишущий жалкими, ничтожными, думающими только о себе людишками. Вечно ноющими, предающими друг друга, придумывающими себе миллиарды несуществующих проблем ради того, чтобы потом до кровавых соплей решать их. Но стоит признать, что среди этого мусора есть десяток душ, с которыми я бы хотел встретиться. Увы, сейчас у меня на это нет времени. Они все смеялись над днем страшного суда, который уже практически навис над ними. Вскоре разразится война, только не такая, которую они привыкли устраивать, борясь друг с другом непонятно за что. Не ради пищи, не ради выживания — они убивают друг друга ради удовольствия.

Идея допустимости убийства себе подобных застряла в них занозой, и вытащить ее можно лишь хирургическим путем, притом желательно делать это медленно и без анестезии. Люди — тупиковая ветвь эволюции, брак, который нужно устранить. Слишком долго они плодились, засоряя собой этот мир, — пора положить этому конец. Я устрою им такую войну, которую они проиграют, даже не осознавая того, что она началась. Эта битва не будет иметь ничего общего с захватом территории. О, нет. Когда я заполучу чистую душу, мне понадобится только твой брат, Маркус! И тогда люди сами уничтожат себя. Абигор, что там творится в наших владениях?

— Все происходит, как вы, Мессир, и хотели. Секта раскололась. Новый игрок подстегнул Александра принять кардинальные меры.

— Это хорошо. Миру нужен естественный отбор, выживать должен сильнейший.

— А если Александр проиграет? И его место займет он?

— На счет этого можно не беспокоиться: за две тысячи лет Александр не потерпел ни одного поражения. Но его время от времени приходится подгонять страхом. Люди не могут действовать самостоятельно, им всегда нужен стимул, а страх и есть лучший стимул для любого животного. В этом состоянии они либо вовсе перестают думать, либо соображают за троих.

— А давайте их всех замочим! Сделаем с ними что-нибудь страшное! Чтобы море кровищи, ну и все остальное! — не выдержав, заорал Грешник.

— Замочим, обязательно замочим! Только позже! — хлопнув его по плечу, проговорил Маркус.

Погода ухудшалась. Даже старики не помнили такой зимы: уже несколько дней столбик термометра не поднимался выше минус тридцати трех градусов по Цельсию. И что самое странное, при таком морозе не переставая шел снег.

Александр тем временем несколько часов медитировал в своей комнате. Охрана, стоящая перед дверью, никого к нему не пускала. К комнате учителя подошла девушка с подносом, полным всяких яств. Охрана хорошо знала ее: она всегда приносила вино и еду Великому магу.

— Что тебе нужно, сестра?

— Я принесла ужин нашему учителю.

— Но он ничего не просил.

— Он уже давно ничего не ел, и мы с сестрами приготовили ему ужин, дабы он смог отведать пищу и выпить доброго вина.

— Ничего не надо. Без его разрешения никто не может войти в эту дверь, и ты, сестра, прекрасно это знаешь.

— Тогда я зайду позже.

— Конечно, сестра. Возможно, тогда он захочет отужинать.

Девушка скрылась в темноте коридора. В комнате, куда она так и не попала, творилось то, чего простым смертным видеть не дозволялось. Под потолком в позе лотоса парил учитель, держа в руках огненный шар, переливающийся разными цветами и озаряющий комнату, подобно полярному сиянию. Вскоре действие прекратилось и Александр опустился в кресло. Посидев какое-то время в оцепенении и отдышавшись, он поднялся и позвал охрану.

— Да, учитель.

— Ко мне придет человек, который назовет себя Лекантом. Когда он появится, без промедления проведите его в мою обитель.

— Как пожелаете, учитель, — отрапортовали охранники и закрыли за собой дверь.

— Теперь-то, мой друг, молись. Сильно молись.

ЛЕКАНТ

Метель продолжала завывать свои ужасные песни, не успокаиваясь и не утихая. Но так она резвилась в городе — в лесу же было намного тише. Ветер пугался в деревьях, а выпавший снег поглощал почти все звуки. Вдруг, нарушая молчание чащи, затрещали сучья. Раздвигая руками кустарники, проваливаясь по пояс в сугробы и хрустя снегом, по лесу брел человек, которого в темноте можно было принять за медведя-шатуна. Тяжело дыша, он вышел к поселку у станции Рада, остановился и огляделся. Его длинные до плеч серебристо-седые волосы светились в ночной темноте. В своей одежде он походил на бродягу: расстегнутая дубленка была надета на голый мускулистый торс, покрытый множеством шрамов, а старые джинсы заправлены в унты, сшитые вручную из собачьей шкуры. Лица человека не было видно из-за растрепанных волос. Медленно присев на корточки, он поднял с земли горсть снега, сжал ее в руке, поднес к носу и, сделав глубокий вдох, отшвырнул в сторону. В этот момент заплывшее тучами небо дало трещину, из которой блеснул лунный луч, осветивший путника. Он повернулся к свету, словно загипнотизированный, и стал пристально смотреть куда-то вверх. Его грудь жадно вдыхала воздух, а глаза сверкали странным животным блеском. Мгновение спустя странный человек резко поднялся и, отряхнув с себя снег, направился в поселок. Однако, не пройдя и десяти шагов, он остановился.

— Не мешай мне, монах. Ты же знаешь: меня не остановить.

— Я и не собирался. Я лишь хотел предупредить тебя, — послышался ответ, и из темноты вышел огромный человек в монашеской рясе.

— Мы с тобой по разные стороны. Ты служишь своему хозяину, я же не служу никому, — сказал седовласый.

— Разве? Тогда зачем ты здесь?

— Ты знаешь, раз пришел сюда.

— Значит, и ты несвободен. Внутри тебя плачет бесполое, страшное существо, которое будет всегда завидовать тем, кто многие тысячелетия являлся его пищей. И вскоре оно станет просить у неба только одного: чтобы огонь, который еще тлеет в его никчемной душе, принадлежал тому, кому он действительно нужен.

— Я голоден, монах, не искушай меня. Говори, зачем ты здесь?

— Ты считаешь, что не принадлежишь никому. Но ты заблуждаешься. Ты зверь только изнутри, снаружи ты человек, а людям дано право выбора. Возможно, им пора воспользоваться и тебе? Ты волен перейти и на другую сторону. Зло тоже может быть во благо!

— Слишком запутанно ты говоришь, монах. Сделка заключена у всех, у тебя — с Богом, у меня — с Александром. Зачем делать выбор? Мне он не нужен. Я знаю свое место в пищевой цепочке, и оно меня полностью устраивает! Я наемник, а не слуга, — злобно ответил седовласый и пошел прочь.

— Наемник? — тихо добавил монах. — Ты раб для него, а сделка эта, словно между

мышкой и кошкой, никогда не сулила мышке ничего хорошего. Помни об этом! — прокричал он в след уходящему.

В подземелье Александр метался по своей комнате. Он периодически звал охрану и нервно интересовался, не пришел ли кто. Так продолжалось, пока время не перевалило за полночь. Измученный и уставший от переживаний и ожидания, повелитель приказал, чтобы ему принесли поесть. Через несколько минут в комнату вошла служанка с подносом. Поставив его на мраморный стол, девушка поклонилась и направилась к выходу, но Александр окликнул ее.

— Постой, дитя. Как тебя зовут?

— Татьяна, — робко ответила она.

— Останься и раздели со мной ужин, — Александр сам не понимал, зачем он это делает и для чего пригласил служанку поужинать с ним.

— Я не могу.

— Почему? Разве ты не хочешь пообщаться со своим учителем? Не бойся, я не обижу тебя.

— Я не могу общаться с вами, так как меня еще не приняли в братство. Я только готовлюсь, а настоятельница запрещает нам общаться с вышестоящими братьями, тем более с вами, учитель.

— Ах, да, правила, кругом одни правила. О них можно сказать то же, что и о законах: их многочисленность способствует не столько их соблюдению, сколько нарушению. Ну хорошо, тогда просто постой или, если хочешь, присядь и побудь со мной, пока я ем. Эти стены утомили меня, и я хочу поужинать с простым человеком.

Девушка молча поклонилась и села напротив.

Быстрыми шагами седой незнакомец шел по не расчищенной от снега улице. В поселке, погруженном в сон, его замечали лишь бездомные собаки, да и те при виде его поджимали хвост и с визгом бросались наутек. Перебравшись через железнодорожные пути, он вышел к дороге и встал на обочине, пытаясь остановить машину. Волосы его развевались на ветру, а сам он в лучах фар проезжающих мимо автомобилей походил на призрака. Вскоре около него остановилась белая «девятка» с желтыми шашечками на крыше. Дверь автомобиля открылась, и седовласый быстро залез в салон.

— Тебе куда, браток? — спросил молодой парень.

— В Бондари, — сухим и грубым голосом ответил пассажир.

— О, как. Не ближний свет! Денег-то хватит?

— Хватит. Трогай, а то времени осталось мало.

— Ну, смотри, — парень незаметно оглядел своего клиента и подтянул левой рукой монтировку поближе.

Машина тронулась.

Закончив ужинать, Александр поблагодарил девушку за компанию. Хотя они и просидели молча, для учителя это время было лучшим за последние две тысячи лет. Он почувствовал теплоту, которая пропитала стены этого мрачного места, и такое с ним случилось впервые. По его телу пробежали приятные мурашки, сердце как-то по-особенному забилося, воздух в комнате стал более легким, а проблемы немного отошли в сторону.

Александр был удивлен, но не придавал этому ощущению большого значения. Он тряхнул головой, и наваждение исчезло.

Машина остановилась.

— Ну что, мужик, с тебя пятьсот рублей, — как можно мужественней произнес парень, делая вид, что не шутит и в случае отказа может и покалечить.

— Как скажешь! За сладкое горько приходится расплачиваться!

«Девятка» пошатнулась, раздался дикий крик, заглушивший вой метели. Дверь со стороны водителя со скрежетом и хрустом отскочила в сторону, следом за ней из машины вылетело искалеченное тело и рухнуло метрах в десяти, окропив последний путь брызгами крови. С пассажирской стороны открылась дверь, из нее вышел седовласый. Он огляделся и, присев на корточки, стер снегом кровь с рук и лица, быстро пошел прочь и вскоре растворился в темноте.

Александр сидел все в той же комнате, словно прокаженный, которого не выпускают никуда, дабы не заразить окружающих. Царь, заточенный в собственном царстве, он пристально смотрел на часы, которые стояли в углу и словно смеялись над ним, настолько медленно они поворачивали свои стрелки. Александр, бессильный совладать со временем, смотрел на них с ненавистью.

— Учитель, тот, кого вы ждали, пришел, — наконец принес благую весть охранник.

— Немедленно зови его сюда, — оживился Александр и даже поднялся со своего места.

Молодой человек поклонился и вышел за дверь, через минуту в нее вошел седовласый. Сделав шаг в комнату, он тут же замер и стал жадно вдыхать воздух, как волк, почуявший запах крови. Он провел ладонью по полу, повернулся и, прищурив глаза, долго смотрел на входную дверь.

— Здравствуй, Лекант. Что случилось?

Седовласый зарычал, глаза его сузились, а рот скривился в зверином оскале.

— Что случилось?! — повторил повелитель.

— Странно. Мне кажется, мы с тобой не той породы, чтобы водиться с ангелами. В особенности ты, Александр.

— Что ты несешь?!

— Твоя комната наполнена запахом хозяина и его шестерок, но помимо него я слышу еще один едва уловимый аромат. Раньше я такого не чувствовал. Это запах чего-то такого, что несравнимо ни с ангелами, ни с демонами. Что-то нейтральное, очень сильное и могущественное, намного сильнее тебя и меня.

— Тебе показалось. В моем подzemелье не может быть ничего и никого, кроме моих людей. Никто не может пройти сюда без моего ведома, тем более ангелы. Это место, мой друг, они давно обходят стороной.

— И все же я не ошибаюсь. Я никогда не ошибаюсь.

— Быть может, ты потерял свое чутье? Здесь был Он сам и не ощутил ничего. И слуги его были с ним, а ты знаешь, что эти цепные псы уже спущены с поводков, и нюх на ангелов у них куда лучше, чем у тебя.

— Смотри сам. Никто так не легковверен, как человек неверующий. Зачем ты меня позвал?

— Есть одно дело, которое я могу доверить только тебе.

— Интересно, в какое же дерьмо ты вляпался, если решил обратиться ко мне?

— В очень большое. Поверь мне, я бы не дергал тебя по пустякам.

— Ну что ж, рассказывай.

— Мне нужно убрать одного человека.

— Это я уже понял, но для этого необязательно было искать меня. Я скрывать следы не умею. Обычно ты звал, когда нужно было истребить сотню-другую, но никак не одного.

— Это не все. Мое время на исходе. Хозяин дал задание, а я не могу его выполнить. После того, как ты избавишь меня от Носферато, ты должен будешь мне помочь в поисках Чистого.

— Твой преемник снова тебя предал? Это становится традицией. Богов всегда предают апостолы. И тебе снова нужен я, хотя в последний раз ты обещал больше меня не беспокоить.

— Мне сейчас не до шуток. Ты — лучший, и только тебе я могу довериться.

— По твоей милости я — единственный. А что за Чистый?

— Тебя пока это не касается. Убей сначала Носферато, а все остальное позже.

— Ты знаешь, я не вмешиваюсь в твои дела, ваши проблемы мне не интересны. Но ни разу еще я не ввязывался в предприятие, где есть что-то для меня непонятное. Как и где я могу найти Носферато?

— Вот, возьми, — сказал Александр и бросил на стол кожаную перчатку. Седовласый тут же считал ее запах.

— Сколько у меня времени?

— Дня два, не больше. Он будет искать то, что нужно мне. А ты следи за ним. Если он что-то выяснит, я должен об этом узнать.

— Ты говоришь мне не все. Это усложняет задачу.

— Делай то, что от тебя требуют.

— А что потом?

— Принеси мне его голову, и я разрешу тебе кормиться рядом с моим храмом. Тебе не нужно будет больше прятаться. Я даю тебе слово, что ты будешь жить при мне в лучших условиях. И я продлю нашу с тобой сделку: ты снова сможешь не бояться своего проклятия.

— Заманчивое предложение. Похоже, дело и впрямь дрянь. Не думал, что когда-то услышу такое из твоих уст, Александр. Считаю, что его голова уже лежит на твоём столе, так что можешь готовить для нее свободное место, — швырнув перчатку на пол, Лекант пошел к выходу. — И запомни: я никогда не ошибаюсь, — он удалился, хлопнув дверью.

Учитель поднял перчатку с пола, сел за стол и положил ее перед собой.

— Теперь, мой ученик, тебя ждет большой сюрприз. Прощай, Носферато, прощай, — он провел рукой над перчаткой, она вспыхнула и сгорела дотла. — А если он и впрямь не ошибается? Тогда получается... Не может быть. Это невозможно! Стража, позовите ко мне Татьяну!

— Вы звали учитель? — поклонившись, робко проговорила вернувшаяся служанка.

— Да, присядь.

Татьяна села, и Александр впервые внимательно присмотрелся к ней. Перед ним была девушка лет двадцати. Ее светло-русые волосы красиво ложились на плечи, аккуратное лицо, казалось, светилось в полумраке темной комнаты, а серо-голубые глаза украшали густые и длинные ресницы. И снова Александр почувствовал, как комната наполняется чем-то теплым и ласковым, словно мать прижимает к груди любимое дитя. Так представлялось

Александр, хотя он и не знал материнской заботы.

Учитель смотрел на девушку, но не мог прочесть ее мысли. Это казалось ему странным, как и то, что он никогда прежде не обращал на нее внимания. Существо намного кровожаднее и грубее сразу определило неладное, а сам учитель, обладавший гораздо большим могуществом, чем все леканты вместе взятые, даже не догадался, что рядом с ним все время было то, о чем он только и мечтал. Она невинна, как ребенок, а он сидит и немеет, ловя каждый ее взгляд.

— Как давно ты в нашей общине?

— Около полугода.

— И как тебе здесь живется? Все ли тебя здесь любят, не обижают ли?

— Я чувствую здесь защиту, не то, что в прежней моей жизни. Но я еще не решила, принимать мне посвящение или нет, — робко ответила девушка.

— Посвящение принимать тебя никто не заставляет, ты вправе в любой момент покинуть нашу обитель. Тебя здесь никто силой не держит: люди тут находятся по собственной воле и личному выбору. Лошадь к водопою может подвести и один человек, но вот заставить ее пить не сумеет и сотня. И к какому решению ты склоняешься? — спросил Александр голосом ласковым и теплым.

Никто бы не заподозрил в этом голосе ни капли лжи, хотя было очевидно: братство можно покинуть лишь ногами вперед. Войти — пожалуйста, но выйти — никогда.

— Я хочу удостовериться, что окружающие смогут помочь мне и защитить меня. Я устала от людской лжи и черствости. До того, как я попала к вам, меня все предавали, и никто из тех, кого я просила о помощи, так и не помог мне. Даже Гос...

— Не стоит говорить громких и ненужных слов. Просто расскажи мне, что случилось.

Задав вопрос, Александр почувствовал, как теплоту сменил могильный холод. Ему показалось, что в его жилах замерзла кровь и острые льдинки режут плоть изнутри, проходят по артериям, замораживают его и без того уже мертвое сердце.

— Я не хочу об этом вспоминать! — резко ответила Татьяна.

Тело учителя съежилось, а пальцы сжались так, что ручки кресла начали трескаться. Он с трудом разжал ладони и попытался улыбнуться.

— Хорошо, я не заставляю тебя.

— Извините за грубость, учитель, но мне надо побыть одной, — сказала девушка, и из ее глаз потекли слезы.

— Я не держу тебя силой. Можешь идти! Спасибо за общение и прости, если я спросил что-то лишнее.

— Это вы меня простите. Мне многое горько вспоминать, — ответила служанка и, вытирая слезу, быстро вышла из комнаты.

— Не может быть, — тихо произнес глава секты.

Он смотрел ей вслед и не верил, что тот, кого он искал, мало того, что все это время был у него под носом, так еще и оказался девушкой. Он уже не сомневался, что это именно она. Но как он мог так опростоволоситься?! Разыскивая ее по всему миру, он не сумел разглядеть ее в собственной обители, куда, как он утверждал, без его ведома не проникнет имышь. Александр чувствовал страдания девушки, как свои собственные. Он знал, каково быть не таким, как все, и живо себе представлял, через что ей пришлось пройти. Но как она могла очутиться здесь, кто смог провести ее в это подземелье? Вот где была загадка.

Любой другой на его месте в надежде получить вознаграждение поспешил бы сообщить

хозяину о находке и выполненном задании, но Александр был не так прост. Не убедившись на сто процентов в том, что это именно чистая душа, он никогда не стал бы говорить о ней. Ему захотелось узнать о девушке все: где она жила, чем дышала и кто смог провести ее в крепость. Но на это у него оставалось очень мало времени.

Последней надеждой Александра был Лекант. Глава секты прибегал к его помощи всего несколько раз за многие столетия, так как плата за нее была слишком высока. Седовласый был идеальным сыщиком. Он не прислуживал ни Богу, ни дьяволу. Заключая соглашение, он никогда не менял правила, не предавал и при этом всегда выполнял обязательства. Раньше Александр разрешал ему кормиться вблизи поселений, но вскоре мир изменился, и ему пришлось изгнать Леканта. Существо, которым на самом деле являлся седовласый, убивало не ради пищи, а ради убийства. Периодически он превращался в огромного полуволка-получеловека ростом около двух с половиной метров и весом порядка двухсот килограмм. Эта совершенная машина для убийства устраивала зловещее представление в театре будущих мертвецов, в котором она играла главную роль, а все зрители к концу спектакля лишались жизни. Это приводило Леканта в экстаз. Он был умен и изворотлив, а его силе могли бы позавидовать былинные богатыри. Не было и не будет охотника лучше, чем он. Две страшные способности — выслеживать и убивать — были заложены в него природой. Поэтому-то Александр и шел на сделку с ним. Седовласый был единственным оборотнем, который мог контролировать себя в превращениях. И он был одиночкой. Сколько учитель ни пытался переманить его на свою сторону, Лекант, в полном соответствии с народной мудростью, постоянно смотрел в лес. Седовласый всегда действовал по своим правилам, а плату за работу назначал очень высокую, и Александру приходилось с этим мириться. Он понимал, что если выпустит Леканта на волю, то зверь привлечет к себе слишком много внимания, а каждый шаг седовласого будет пропитан кровью. Но действовать по-другому уже не получалось: Александру приходилось идти ва-банк. Ему позарез нужна была голова Носферато, а теперь еще и информация о Татьяне.

АРХИВ

Морозное утро ненадолго озарилось лучами солнца, которое тут же исчезло в густых, серых облаках, и на город обрушился новый снегопад. Хрустя снегом, к остановке подъехал автобус, из него вышел капитан и, закулив сигарету, направился в свой отдел. В кабинете Зверев включил чайник и начал перебирать бумаги. Наконец он нашел показания горожан о происходящих в городе в последнее время необычных событиях и стал перечитывать их заново. Он пытался анализировать то, что не поддавалось логике. Перебирая бумаги снова и снова, он не мог найти связь между событиями, вставал, курил, пил чай и снова садился. Время шло, а на ум Алексею так ничего не приходило. Вдруг на глаза ему попались показания сержанта милиции, который утверждал, что валенки с остановки увезли в ФСБ.

— О, как! И как же это я про такое показание забыл? — удивился капитан.

Он быстро взял телефон и, набрав номер, стал ждать. Через пару секунд в трубке ответили.

— Привет, Ром. Это Зверев.

— Чего тебе? Ведь не просто так ты звонишь.

— Ты как всегда прав, я по делу.

— И что на этот раз? Терроризм, наркотрафик, сволочи чиновники, проститутки? Какое дерьмо ты ворошишь теперь? Вечно ты лезешь, куда тебя не просят!

— Ну да, есть у меня такая черта характера, — усмехнулся Алексей.

— Давай, выкладывай. Чем смогу, помогу.

— Есть проблемка. Один человек утверждает, что ваши ребята забрали некую вещь.

Ты, наверное, уже наслышан про веселое утро на Советской?

— Слышал, как не слышать? Журналиги уже по ящику показывали. Весь город об этом трещит. Так что ты хотел узнать?

— У меня есть информация, что ваши ребята там поорудовали.

— И что мы, по-твоему, там должны были делать? Толпу разгонять? Это ваша привилегия, мы мелочами не занимаемся.

— Ты мне скажи, выезжали или нет ваши ребята?

— Конкретней, Леш, что ты хочешь знать?

— Рваные валенки. Вы их забирали?

— Чего?

— Валенки!

— Ты не бухой случайно? Совсем с катушек съехал после приезда? Если ты мне жизнь спас, это еще не дает тебе права звонить мне на работу и нести всякую чушь! Какие, к черту, валенки?! Приди в себя: что нам там было делать? Или там международным скандалом пахло? Или, может, шахид бродил? Прикалываешься что ли? Мне не до шуток! И так дел по горло!

— Ладно, понял, спасибо. Ну, вы точно никуда не выезжали?

— Точнее некуда! А что случилось-то?

— Еще раз спасибо, пока.

— Да не за что!

«Значит, и это его проделки. Но зачем ему все это? И как можно рассуждать логически, если во всем произошедшем вообще нет никакой логики? Ладно, представим, что это было на самом деле», — думал капитан.

Тут в кабинет вбежал Попов, но, увидев Зверева, замер на месте с таким выражением лица, будто съел лимон и запил его уксусом.

— И я рад тебя видеть, — поприветствовал коллегу Алексей.

— Замерз я что-то.

— Чайник горячий.

— А я думал, что ты еще долго будешь по своему кладбищу лазить, — усмехнулся Михаил, наливая кипяток в кружку.

— Послушай, ты же у нас славишься тем, что хорошо знаешь архив, да и знакомые у тебя там есть.

— Ну и? Давай-давай, развивай мысль дальше.

— Поможешь мне дело одно нарыть двухлетней давности?

— Не-е-е, у меня и так есть чем заняться. А что ищешь?

— Да толком и сам не знаю.

— В принципе, у тебя всегда так было. Ищу то, не знаю что. То по кладбищу лазаем, то парня отпускаем, по которому явно тюрьма плачет. Может, у тебя ПМС? Жениться вам надо, батенька. Давно пора жениться, а вы все о работе думаете. Так и до шизофрении недолго. У тебя баба-то последний раз когда была?

— Не хочешь — не помогай, а мораль свою засунь себе поглубже.

— Ладно-ладно, не кипятись. Ты же знаешь, я не святой, просто так помогать не буду. «Спасибо» не булькает и настроение не повышает.

— Будет тебе «негрустинка», обещаю.

— Тогда я вас внимательно слушаю. Какие-нибудь зацепки есть?

— Есть одна. Нужно найти дело о пропавшем священнике, если, конечно, оно вообще заводилось.

— Дело о пропавшем священнике говоришь? А тебе это зачем? — Попов медленно поставил кружку на стол и закурил сигарету.

— Ты сможешь или нет?

— Конечно, разве я могу отказать своему коллеге и другу? — посмотрев на часы, протянул почти по буквам Михаил.

— Тогда помчали.

— Может, чай дашь допить?! Что за срочность? Ты как пчела с поносом: то одно, то другое. Дай хоть согреюсь чуток.

— Пошли-пошли. Если найдем то, что надо, будешь не чай, а коньячок пить!

— Вот это уже аргумент.

Следователи оделись и вышли из здания. Сев в автобус на ближайшей остановке, они вскоре доехали до центрального милицейского архива и вошли в царство документов и бумажной пыли. Подойдя к сотруднице, Попов мило улыбнулся.

— Ты, Лех, постой-ка пока в сторонке, а я с дамой поговорю.

— Как скажешь.

Михаил перекинулся через стойку, за которой находилась женщина, и стал что-то

шептать ей на ухо. Та мельком бросила взгляд на Зверева, в знак согласия кивнула головой и передала Попову журнал, где тот быстро расписался и взял ключ от хранилища.

— Спасибо, солнышко! С меня причитается, — послал он ей воздушный поцелуй.

— И что это было?

— Ключ от комнаты, где хранятся великие тайны, — проговорил загадочным голосом Михаил и, подбросив ключ вверх, тут же поймал его другой рукой.

— Я вообще-то имел в виду барышню. Такие у тебя знакомые?

— Да, были там с ней шуры-муры.

— А-а-а-а, ясно.

— Чего тебе ясно? Ты хоть знаешь, сколько нужно бумаг собрать, чтобы тебя сюда допустили? А так раз — и вот он ключик. Везде нужно свою выгоду иметь. Учись, студент!

— Да уж. Как был скользким, как уж, таким и остался.

— Но-но-но. Попрошу без выражений. Пойдем, — Михаил хлопнул Зверева по плечу и быстро открыл дверь. — Теперь будем искать. Мекка для человека, который хочет узнать все о разных преступлениях, преступниках и людях, которые их ловят. Итак, с чего начнем, милейший?

— Нам нужен священник, который пропал без вести. Примерно два года назад где-то в районе Мордово.

— Присаживайся, потребуется некоторое время.

Спустя четыре часа уже полностью отчаявшиеся Зверев и Михаил нашли папку, на которой было написано «Дело № 666».

— Смешной номерок, — стряхнул пыль с обложки Михаил.

— Да уж, обхохочешься. Вдохновляющий.

Открыв папку, они увидели с десятков исписанных листов и множество жалоб от семьи пропавшего. В начале дела лежало заявление с описаниями того, когда и при каких обстоятельствах пропал этот человек. В верхнем правом углу была прикреплена его фотография, под которой значилось «Казаков Дмитрий Иванович».

— Ну что, кажись, нашли, — улыбнулся Зверев. — Можешь быть свободен. Коньячок завтра принесу, будь уверен.

— Нашли, — тихо ответил Попов, забирая папку из рук Алексея. — Пойдем, сядем за стол и взглянем, о чем там пишут.

— Это чем же я обязан такому вниманию к моим проблемам с твоей стороны? — усмехнулся капитан.

— Коль вытащил меня сюда, так будь добр развлекать до конца рабочего дня. Посмотрим, что здесь есть. Дело было заведено 23 ноября 1997 года. Заявление подала гражданка РФ Казакова Лидия Петровна. Дело заведено по прошению жены пропавшего Казакова Дмитрия Ивановича. Казакова Л.П. утверждает, что ее муж, Казаков Д.И., 1948 года рождения ушел из церковного прихода села Березовка и до настоящего времени не вернулся. Последний раз Казакова Д.И. видели 20 ноября 1997 года уходящим со службы, и, по утверждению свидетелей, он направлялся домой в село Радужное. На момент исчезновения был одет в рясу священника, телосложение имел обычное, волосы до плеч темного цвета, носил бороду и усы, без особых примет. Да, интересно получается. Вышел и не вернулся. Только я до сих пор не могу понять, зачем тебе все это?

— Это был знакомый моего приятеля, который и попросил меня узнать, что да как. Очень, знаешь ли, интересовался.

— Знакомый, говоришь?

— Ага. А что?

— Да нет, ничего. Кстати, смотри, вот еще кое-что. Данные о проживании: село Радужное, улица Новая, дом 7. Телефона нет, так что тебе, Леха, придется туда ехать, если что. Ну, или твоему знакомому.

— Посмотрим. Что-нибудь еще есть?

— Еще? Состав семьи: жена, сын и дочь. Прямо идеальная семья. Наверное, он и дом построил, и дерево посадил. Настоящий слуга Божий. Интересно, почему от него Господь отвернулся и допустил, чтобы такая семья осталась без кормильца? Грешил, видно, святой отец.

— Его Бог такой же, как и твой, — переворачивая листы, ответил капитан.

— Вряд ли. Я атеист. Ни в Бога, ни в дьявола не верю. Я сам по себе, ни от кого не завишу. В этом прелесть отрицания веры. Потому что на практике все люди атеисты. Своими делами и поведением они опровергают свою же собственную религию.

— В тебе умер хороший философ, Миш. Ладно, смотри. Написано, что дело закрыто за недостаточностью улик и по прошествии времени.

— Правильно. Не будут же этого попа сто лет искать?

— Священника, Михаил, священника!

— Да какая, к черту, разница? Они для меня все на один манер. Давай потихоньку отсюда выбираться, а то мы с тобой домой пешком отправимся, так все заметет.

Капитан быстро достал ручку и блокнот и переписал данные семьи пропавшего.

— Спасибо за помощь. С меня коньяк, как и обещал.

— Да не вопрос. Только коньячок чтобы был не меньше трех звезд, — усмехнулся Михаил и хлопнул Зверева по спине.

Выйдя на улицу, они пожали друг другу руки и разошлись. Было темно, снег падал большими хлопьями, и тот, что попадал под луч фонаря, превращался в загадочный светящийся дождь из мельчайших звезд. Алексей замер: снегопад гипнотизировал его, завораживая красотой и замысловатым движением. Снежинки, танцуя на ветру, напоминали ему обычных людей, которые с неба попадают на землю, не задумываясь о том, кто их сбросил и где они окажутся.

— Да, это действительно прекрасно. Можно смотреть бесконечно на три вещи: на то, как горит огонь, течет вода и на звездное небо. Но я бы добавил сюда еще и снег, который падает так, как сегодня, — сказал чей-то голос, и в ту же минуту снег стал лететь ровно, не колеблясь и не изменяя траекторию.

Зверев обернулся на голос и увидел, как из падающих снежинок образовался сначала силуэт, а потом и сам человек, которого он видел у себя дома.

— Смотрю, ты уже привык к моему появлению и даже совсем не удивлен.

— Привыкаю потихонечку. Человек — такая скотина, которая ко всему привыкает, — сухо ответил капитан.

— Да, вы такие, можете приспособиться при желании. Ты на правильном пути, только удивляться тебе еще придется. Ты непростой человек, и тебя будут сопровождать непростые события. Они будут жестокие и страшные. Когда ты столкнешься с тем, что тебе не понять, помни: вера поможет тебе, но эта вера будет не твоя. А теперь иди туда, куда направился человек, с которым ты вышел.

— Ты можешь хоть раз не говорить загадками? И зачем мне идти за ним?

— Я и так сказал тебе слишком многое. Ты должен понять все сам, только тогда все встанет на свои места. И запомни: когда в богов перестают верить, они умирают и превращаются в звезды.

После этих слов человек в белой тоге рассыпался на множество снежинок, которые тут же развеял ветер.

— Прекрасно, твою мать! Просто прекрасно! Неужто вся нечисть также общается? Сходи туда, не знаю куда. Убей черную кошку с тремя головами, которая живет в дупле на сосне с бананами. Тьфу, мать их за ногу, когда ж это кончится? Когда он, наконец, скажет что-то путное, а не этот бред? Ты б еще Библию мне зачитал, апостол хренов! Чтоб ты сдох! — заорал Зверев, зачерпнул рукой снег, слепил из него снежок и швырнул в темноту.

Он еще прокричал что-то нецензурное, но все же отправился вслед за Поповым и попытался догнать его, но тщетно. Шагая по плохо освещенным и заваленным снегом переулкам, прикрывая лицо от ветра, Зверев вдруг услышал за спиной дыхание, громкое и запыхавшееся, напоминавшее дыхание зверя, уставшего от преследования. Алексей остановился и замер, прислушиваясь к каждому шороху. Позади него были слышны шаги, которые становились все ближе и ближе. Обернувшись, он увидел лишь тень, которая прошмыгнула в один из переулков.

— Ну, и что это было на сей раз? — тихо спросил капитан самого себя. — Какого черта, Алексей? Что ты делаешь, зачем тебе это? Это не кино. Давай, беги, беги отсюда. Твою мать! — он вздохнул и пошел по следам, оставленным на снегу.

Метров через двадцать следы оборвались, а вместо них в темноту уходили отпечатки ног огромного животного.

— Кого-то потеряли?

Капитан вздрогнул и обернулся. Перед ним стоял человек крепкого телосложения в дубленке на голое тело и с седыми волосами до плеч.

— Да нет, — обходя странного незнакомца стороной, ответил Зверев. — Просто хотел срезать путь и заблудился.

— Заблудись вы в лесу, это могло бы стоить вам жизни, — глядя на Алексея из-под ниспадающих волос, тихо проговорил седовласый.

— Я учту ваш совет, — не сводя глаз с незнакомца, капитан попятился назад, быстро развернулся и чуть ли не бегом бросился прочь из переулка.

— Не ищи ищущего — он сам тебя найдет! — крикнул ему вслед странный человек.

Выскочив на свет, Зверев достал трясущимися руками сигарету и закурил.

— Вот черт, чуть в штаны не наложил! Спасибо тебе, святоша! — крикнул Зверев в никуда и поспешил к остановке.

«Этот седой тоже шел за Поповым, или он просто так там оказался? — затягиваясь, думал Зверев. — Похоже, в последнее время просто так ничего не бывает. Значит, он из шайки нашего приятеля. Тогда почему он меня не убил? Мало того, он даже не попытался напасть на меня. Странно, очень странно. Неужели на поле появился новый игрок? Тогда кто он и на чьей стороне? А может, седовласый шел за мной, а не за Михаилом? Черт, одни вопросы. Все время одни вопросы! Когда же начнутся ответы? Ладно, надо перекусить и ехать к Четырину. Пора проведать семейку убиенного священника. Надеюсь, у Виктора есть машина».

У КАЖДОГО ЕСТЬ ВЫБОР

— Милорд, какие будут указания? — склонил голову Ворон.

— Мне бы хотелось увидеть страдания и раскаяние, — играя тростью, ответил Анатас.

— А может, в тошниловку зайдём? Бахнем по маленькой, и катись оно, а? Побухаем. На что они нам сдались, эти грешники? Передохнут ведь — все равно к нам попадут! — радостно воскликнул горбун.

— Хорошая идея, но не сейчас. Нужно сделать то, что я задумал. Иногда им нужно напоминать, что они смертны.

— Твою ж мать! Так всегда. Опять тусовка накрывается. Хочу телок, бухла, разврата и наркотиков. Ну позволь, позволь! — упав на колени и сделав жалостное лицо, взмолился Грешник.

— Я обещаю, будет тебе вечеринка! Для тебя — все, что угодно. Но сейчас я хочу посмотреть на их веру. Пора навестить наших грешников.

Духота и монотонное чтение молитвы погружали людей в транс. Суетливые служители шныряли в толпе, то ставили свечи, то тушили их. В углу сидели несколько человек, от которых все шарахались и кого старались обойти стороной. Эти люди сидели спокойно, но когда подходило время основной молитвы, они начинали то лаять, то смеяться, то браниться. Рядом стоящие родственники и друзья пытались удержать их, но те страшно хрипели и вырывались, проявляя недюжинную силу. Вдруг дверь в храм отворилась, внутрь ворвался густой туман и медленно растекся по полу. Сквозь него прошли фигуры Ворона и Анатаса. Остановившись, они окинули взглядом помещение. Анатас заинтересовался прилавком, на котором лежали свечи, иконы и многие другие предметы культа. Рядом висело объявление: «В мужской монастырь требуется прачка и уборщица».

— Простите, а что вы делаете? — вежливо спросил он у одной прихожанки.

— Как что? Сорокоуст о здравии заказать хочу.

— А зачем вы достали деньги?

— Как зачем? Сто рублей он стоит.

— Обряды теперь за деньги продаются? Может, еще и крестят за плату?

— Станный вы какой-то.

— Что вы к женщине пристали?! Что-то хотели, так подходите, спрашивайте, — повысила из-за прилавка голос старушка-продавщица, невзирая на то, что в храме шла служба.

Анатас пристально посмотрел на работницу и нагнулся к ней поближе.

— Простите, но что тут и почему? Я первый раз здесь и хотел бы понять, а то как-то неловко себя чувствую.

— Ну, если вы хотите сорокоуст о здравии или об упокоении, то вон там, — показала она пальцем в сторону выхода, — висит образец заполнения. Напишите на листочке, затем принесите мне и оплатите.

— И сколько? — поинтересовался Анатас.

— О здравии — сто рублей за человека, об усопших — двадцать.

— Двадцать с одной души?

— О здравии с одного, а за упокой — за всех.

— Значит, о здравии дороже? Правильно, о здоровье живых заботиться надо лучше, чем о благополучии мертвых, чего уж тут.

Анатас подошел к столику, где его внимание привлек листок формата А4, лежащий под стеклом. На нем было написано: «Рекомендуемое пожертвование», и дальше шел список.

Сорокоуст — 100 рублей (одно имя).

Помин — 300 рублей/год, 150 — полгода.

И так далее. Ознакомившись с перечнем услуг, Анатас улыбнулся и заполнил два бланка, затем вернулся к старушке и протянул ей листы.

— Одну о здравии, другую за упокой.

— Два одинаковых имени? — удивилась старушка.

— Да. Понимаете, человек, он сегодня жив, но сегодня же его может не стать. Что мелочиться? Сразу уж.

— Понимаю. Родственник на смертном одре лежит? Так вы к батюшке подойдите, пускай исповедует. Сейчас служба закончится, и вы с ним договоритесь.

— Что, и это за деньги?

— Да, вы там договоритесь потом.

— Простите великодушно, неужели и крещение платное? И если да, то сколько? А то я не нашел его в списке рекомендуемых пожертвований.

— Если все вместе, то 400 рублей, а если по одному, то 600. Ну и там камеру да плюс фотоаппарат еще оплатите.

— Спасибо, я понял вас, — проговорил Анатас, разглядывая ценники на иконах и библиях. — Дайте мне, пожалуйста, одну свечу.

— Пять рублей.

Анатас направился к распятию, осмотрел прибитое к кресту тело и поставил свечу, которая тут же вспыхнула и, качая маленьким огоньком, начала плавиться.

— Видишь, во что они превратили то, что ты им дал. Продают твои заветы, словно побрякушки в дешевой лавке. Они даже твоих ангелов, которым суждено следить за новоиспеченными христианами, продают. И после всего этого ты пытаешься меня остановить и спасти их? Зачем? Монахи, которые не могут постирать и вымыть за собой, священники, которые, жируя, ездят на дорогих машинах, попы, отпевающие усопших за монеты. Разве это ты хотел принести в их мир? Разве это ты им объяснял? Разве это они прочитали в твоих учениях? Не стоит останавливать меня. Я дам им то, что ты дать не сможешь. Я им дам страх, который они будут чувствовать всегда, чтобы думать прежде, чем что-то совершить. Я дам им свободу — свободу от тебя, они же так о ней мечтают. Разве ты не видишь этого?

Анатас развернулся и пошел к выходу, а по щеке распятого потекла слеза. Посланник, прошедший дальше, занял место рядом с бесноватыми.

— Чего ты к ним уселся?! — мгновенно раздался голос служительницы. — Не видишь, одержимые они! Отсядь в сторону! Да и вообще, постоять мог бы, никак в храм пришел! Как тебе не стыдно: такой бугай, а на лавочку уселся!

— Простите меня, но я не вижу рядом с собой ни одного одержимого. Я ведь правильно

полагаю, что под словом «одержимость» вы имеете в виду вселение дьявола? — почти шепотом спросил Ворон.

— Кого ж еще? Вон как залез в них, второй раз на отчитку приходят, бедняги.

— Тогда я тем более не вижу причин пересаживаться. И стоять я не намерен. А хамить в Его обители, — Ворон показал пальцем вверх, — я бы вам не советовал.

— Да как тебе не стыдно, хамло?! Побоялся бы Бога!

— Стыдно должно быть вам. Устраиваете балаган, а я, как никто из вас, боюсь Его и уважаю. Многие приходят сюда за последней надеждой, а вы пользуетесь их верой и ведете себя, как торговцы, продавая им то, во что сами не верите.

Ворон встал и во весь голос произнес: «И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского. И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников»[1]. В храме наступила тишина, даже служба прекратилась. Все замерли в ожидании продолжения.

— Послушайте меня, люди! Вы заблуждаетесь! Религия создана людьми! Такими же, как и вы! Те, кто придумали эти стены, придумали и исповедь, и им плевать на вас и на ваши семьи. Их волнует лишь одно — власть над миром. Вас намеренно увели от правды, которую люди называют высшей силой. Я единственный из вас, который знает, что такое Он! И я точно знаю, чем Он не является! Хотите ли взглянуть на мир по-новому или готовы продолжать упрямо верить в то, что вам говорят? Рано или поздно вы поймете, что заигрываете со вселенским правосудием. Все, во что вы верите, — брехня! Задумайтесь над этим!

В толпе появился горбун.

— Да, да, да! Именно так! — воскликнул он и, достав из-за пазухи чекушку водки, выпил ее залпом.

— Он у нас всезнающий, всемудрейший, великий благодетель! Только вот с деньгами у него непорядок! Нет у него станка, чтобы их печатать, а жаль, очень жаль! Но при этом он всемогущий! Священники поглощают ваши кровные, не платят налоги, но им всегда мало! Жадность обуяла их до того, что они приводят вам лающих, гавкающих полупьяных бомжей, которых выдают за тех, кого совратил дьявол. Посмотрите на вашего проповедника. Разве можно этого типа назвать слугой Его? У него дом лучше, чем у любого из вас! Машина, которая стоит столько, сколько вам во век не заработать! Складывается впечатление, что свой тяжелый крест праведника он возит в багажнике последней модели дорогой иномарки!

— Да как вы смеете! — воскликнул священник.

— Ты бы лучше заткнулся! А то не ровен час и по морде можно схлопотать! — закурив чинарик, выступил Грешник.

— Вера не то, что они говорят! Их принцип — разделяй и властвуй! И пока вы будете слушать лишь их слова и не замечать целого, будете их рабами. Они боятся того, что человек может узнать, что он, и только он, — верховный владыка своей судьбы. И когда вы это поймете, весь созданный ими мир рухнет, как некогда рухнул Рим. Вы приходите сюда в надежде получить прощение или обрести исцеление. Только когда у вас возникает проблема, вы идете сюда. Но и здесь вам нет спасения, ибо все вокруг — грешники! Каетесь вы или нет, вам придется столкнуться с тем, что вы заслужили. Вы верите, что этих людей обуял

дьявол? Вы не видите сути! Почему владыка Геенны огненной не вселяется в младенца? Потому что младенец не думает о вере! И не выбирает ее! Веру ему навязываете вы. Ваши правила, ваше ничтожное мировоззрение диктует вам это. Вы уже забыли о смысле веры. Вы приходите сюда по привычке! Или приползаете на коленях, когда вам уже некуда больше обратиться. Но священники никогда не дадут вам того, что вам нужно. Им нужны лишь деньги! Их паства не так бедна, чтобы не хватило на операцию больному, но они вместо этого предлагают купить свечку и поставить ее к иконе за исцеление. Они простые люди, такие же, как и вы. Но мнят себя гораздо выше, ибо наделены властью, властью, которую им никто не давал, которую они придумали себе сами. Их храмы растут как грибы. Зачем? Затем что бизнес обязан развиваться, а деньги должны приносить еще больше денег.

Ворон схватил одного из «бесноватых» за шиворот.

— Дьявол, значит, обуздал твое тело?! Если в тебя вселился дьявол, тогда скажи мне, кто стоит перед тобой?!

— Не надо! Не надо! Прошу! — обычным голосом прокричал «бесноватый». — Я просто... Я ни при чем.

Посланник отшвырнул его к стенке. Одежда Ворона треснула, и на его спине появились огромные черные крылья. Раскрыв их, он повернулся к священнику.

— Он давно наплевал на вас! Так же как и вы наплевали на Него. Вы крестите детей за деньги, когда Он делал это во благо! Вы придумали свои правила, которых нет, так и живите по ним сами, и подыхать вы будете, как и все! И даже не думайте о прощении! Я вижу тебя изнутри, и твоя ряса не скроет твою душу.

В храме раздался крик, и паства бросилась к выходу.

— Неплохо сыграл! — радостно воскликнул Грешник, подмигнув Ворону. Не спеша он подошел к стоящему на коленях священнику. — Ну что, пора и тебе вкусить плоды рая! — схватив его за горло, горбун резким движением свернул ему шею.

— Зачем же так? Они после этого причислят его к лику святых. Они любят в последнее время причислять к святым кого ни попадя. Царскую семью вон возвели в святые. Уже иконы нарисовали и продают.

— Да хрен с ним, зато мне весело!

Часом позже, уже у другой церкви, на лавочке неподвижно сидел человек в дорогом кожаном плаще и всматривался в падающий снег. Рядом стоял Маркус, а на плече у него расположилась черная птица. Эта тройка вызывала неприкрытое удивление у прихожан, выходящих из храма. А еще большее удивление и негодование вызывал маленький горбун в фуфайке, который, раздавая пинки и оплеухи нищим у ворот, сам требовал у прохожих денег, водки и сигарет.

— Пошел вон отсюда! — орал он, отвешивая очередной пендель побирушке, больше похожему на пьяницу. — Иди работай, пьянь подзаборная! Еще раз тебя здесь увижу, закодирую! А ты что вылупилась, ведьма старая? — подбежав к такой же пропитой нищенке, он отобрал у нее всю мелочь и вытащил из сумки полбутылки самогона, который тут же и выпил. После этого схватил попрошайку за шиворот и, тыкая мордой в снег, начал орать. — Пьешь, сволочь?! А кто ребенка кормить будет, я что ли?! Он мне тоже не нужен!

После получасовой экзекуции Грешник разогнал всех нищих. Оставшись один, он стал кланчить у прохожих милостыню, прикидываясь то инвалидом, то сумасшедшим. Неподавшим швырял в спины снежки, крича вслед: «Бездушные люди! Будьте вы все

прокляты!»). Прохожие в ужасе отскакивали от него. Только одна проходящая мимо женщина, сжалившись над калекой, подала ему несколько монет. Но как только деньги коснулись его рук, он тут же швырнул их ей обратно.

— Ты за кого меня держишь, корова?! Тут даже на пол-литра не хватит! Тварь!

— Маркус, подай хоть ты, — состроив жалостную рожу и пустив слезу, пробормотал горбун. Легионер с улыбкой достал римский динарий и швырнул Грешнику. — Спасибо, мил человек, за кого молиться прикажешь?

— Хватит паясничать, Мессир зовет. Пошли.

Следующей целью Анатаса стала по моде одетая молодая особа, которая одной рукой курила сигарету, запивая пивом, а другой качала коляску с малышом. Он сел на скамейку рядом с девушкой. У той зазвонил телефон. Молодая мама быстро достала трубку и, не обращая на Анатаса внимания, заговорила таким языком, который и сапожника мог вогнать в краску. Дождавшись окончания разговора, Анатас вынул из кармана плаща золотые часы, сверкнувшие бриллиантовой пентаграммой.

— Надо же, остановились. Вы не могли бы подсказать, который час?

Девушка нехотя снова полезла в карман за телефоном.

— Без шести два.

— Без шести два. Как быстро летит время.

Он снова пошарил в кармане, достал дорогой портсигар и, когда открыл его, раздалась музыка.

— Впервые вижу такое, — сказала девушка, глядя на блестящую вещь как зачарованная сорока. — А что за рингтон?

— Простите?

— Ну, музыка, что за музыка играет?

— А-а-а, мелодия? Разве вы не знаете этого произведения?

— Ну, слышала на мобилах такую.

— Это соната для фортепиано № 14 до-диез минор — «Лунная соната» Бетховена. Он посвятил ее семнадцатилетней графине Джульетте Гвиччарди, которой давал уроки музыки. Композитор был влюблен в юную красавицу и даже хотел на ней жениться. Не правда ли прекрасное произведение?

— Так себе, — сделала девушка глоток пива. — А что произошло с этим, как его?

— Бетховеном?

— Ну да, и этой, как ее?

— Джульеттой Гвиччарди?

— Ну да.

— Как известно, страсть долго не живет. Если чувства сильны, то они перерастают в привязанность, люди уважают друг друга, что, в принципе, можно назвать любовью. Но страсть сгорает быстро. Страсть, она как спичка: вспыхнет и потухнет. И от нее остается сгоревшая головешка, а кому нужна головешка? Никому.

— Это как?

— Простите великодушно, не угостите ли вы меня сигаретой, а то мой портсигар пуст. Представляете, не успел купить.

— У меня женские.

— Женские, мужские — какая разница, чем травить организм? Смысл от этого не

меняется.

— Ну, тогда пожалуйста.

— Благодарю, — Анатас взял сигарету и сделал глубокую затяжку.

Сигарета в момент задымилась, что потрясло девушку до глубины души. Она словно замороженная смотрела на незнакомца, который на миг стал для нее воплощением чуда.

— Как вы это сделали?! — восхищенно спросила она.

— Что именно?

— Ну, как вы сделали так, что сигарета зажглась сама по себе?

— Неужели зажженная сигарета вызывает у вас больший интерес, чем куда более важные вещи?

— Какие?

— Например, Бетховен и его шедевр.

— Какой Бетховен?

— Людвиг ван Бетховен. Видите, вы обращаете внимание на пустяки и не слышите главного. Если вам интересно, как я зажег сигарету, так я вас обязательно научу.

— Обещаете?

— Я никогда не вру. И если обещаю, то непременно выполняю обещанное. Так на чем мы остановились, Виктория?

— А как вы узнали мое имя? Вы что, колдун?

— Побойтесь Бога. Как вы могли такое подумать? Колдовство — это большой грех.

— Тогда как же?

— У вас слишком громкая связь, и я услышал его от человека, который с вами общался.

— Хорошо, допустим. А как зовут вас?

— Анатас, — протягивая руку для рукопожатия, ответил он.

Вика сделала то же самое и заулыбалась.

— Странное имя.

— Поверьте мне, я это не раз слышал. Впрочем, оно гораздо лучше, чем Дарящий свет, не правда ли?

— Это уж точно! А что оно означает?

— Как вам сказать? В переводе с одного древнего языка оно означает «утренняя звезда». Оно также может переводиться как «луч света», «дарящий свет» или «несущий свет».

— Прикольно.

— Виктория, а вы знаете, что означает ваше имя?

— Примерно, но если вы уточните, буду не против.

— С радостью. Как вам, скорее всего, известно, на латыни оно означает победу.

— Ну, это я знаю, — закурив сигарету, ответила девушка и глотнула пива.

— А вы знаете, что в Русской православной церкви святых с именем Виктория нет?

— Нет, этого я не знала.

— А знаете ли вы, что с вами будет? Или хотя бы можете предположить это?

— Это я знаю.

— А мне кажется, вы ничего не знаете. Вы просто надеетесь на судьбу. Плывете по течению, как щепка по ручью, и к какому берегу вас прибьет, так тому и быть.

— Так ведь судьба есть у каждого человека.

— Согласен. Судьба есть у каждого. От рождения до самой смерти судьба

предначертана. Родился, вырос, женился, родил, воспитал детей, внуков, умер. Вот это судьба. Но поверьте мне, в судьбу может вкрадываться случай. Представьте себе, что я задумал нашу встречу еще до того, как увидел вас здесь. Я подошел именно к вам, а не к кому-нибудь другому. Я присел к вам и знал заранее, что вы будете заинтересованы так называемым чудом в виде зажженной сигареты. Представьте себе, что я знал ваши ответы наперед и спрашивал вас так, ради любопытства. Разве это судьба?

— Скорее всего, нет, если вы действительно так сделали. Но в сказки я не верю. Фокус фокусом, а чтобы продумать такое, нужно быть как минимум Богом. А вы всего лишь человек, так что все предрешено судьбой.

— Эка куда вы загнули! Разве я могу сравниться с Ним? Но я с вами все-таки не согласен. Вот, например, сегодня вы вышли погулять. Не очень-то хорошая погода на самом деле для прогулки. Но вы вышли. Думаете, вам предначертано было выйти на улицу судьбой? Или, быть может, вас заставил сделать это случай? Предположим, чисто гипотетически, вы вышли на улицу только для того, чтобы не видеть пьющим своего мужа, который вас ни в грош не ставит. Вы и замуж-то вышли только потому, что забеременели. Мало того, даже обвенчались просто потому, что это модно. Связь всех этих причин и есть случай. Убрать хотя бы одно звено из этой последовательности, цепочка рассыплется, и придется выстраивать все заново. Так как на роду ни у кого не написано стать неудачником.

— Откуда вы это знаете?!

— Откуда ж я могу это знать? Я предполагаю. На роду было написано выйти на прогулку с любимым мужем под ручку, а не сидеть здесь одной с ребенком в минус тридцать. Видите, судьба — это одно, а случай — совсем другое. Предположим другой вариант. Если бы вы не попали в компанию своих подруг, которые спорили, кто первым лишится невинности, вы бы не вышли замуж за Олега, который по стечению обстоятельств оказался в тот Новый год у вашей лучшей подруги. Заметьте, по стечению обстоятельств, то есть снова вмешался случай. И если бы вы не пили шампанское с водкой (да-да, именно с водкой, которую вам в бокал подливала так называемая лучшая подруга просто потому, что она вас всегда ненавидела и вам завидовала), вы бы не стали мамой больного ребенка, у которого врожденные проблемы с сердцем. Вы нарушили ход своей судьбы маленькими случаями, на которые вы не обратили внимания. Судьба прописана, но вы не хотите жить по ее установке, вам нужно то, что важно для вас сейчас, а не тот распорядок, который вам уготован. Заметьте, его продумали за вас для того, чтобы вам же лучше жилось. Но нет, вам нужны новые ощущения, и вы их ищите, вписывая в судьбу случай, который, к сожалению, никто не может проконтролировать. Предположить — это да, но не проконтролировать. И теперь вы сидите здесь, пьете пиво, курите сигареты, а ваш ненавистный муж бухает с друзьями. И вы начинаете корить судьбу, хотя она тут ни при чем. Никто для вас не выбирал такого — вы выбрали это сами. А если я скажу, что ваш Олег сейчас изменяет вам с вашей так называемой лучшей подругой и на вашей кровати, которую вам подарили родители на свадьбу, то что вы сделаете? Только не спешите с выводом. Поверьте мне, если останетесь здесь, то вы, Вика, сохраните то единственное, что еще осталось в вас человеческого. Кстати, у вас есть всего пять минут для решения. Так что определяйтесь скорее: месть или здравый смысл и неплохая жизнь в будущем? Подумайте.

— Да кто ты такой, чтобы это говорить?!

— Позвони своему любимому или сходи домой. Чем раньше придешь, тем раньше застукаешь! — проговорил неизвестно откуда появившийся горбун и потянулся к ребенку. —

Утю-тю-тю! Какой хорошенький. А запеченный с яблоками он был бы еще лучше, Мессир! Можно я оставлю его себе?! Обожаю детей, особенно зажаренных до хрустящей корочки. Молочный, совсем как поросенок.

— Отстань от ребенка! — произнес Ворон, сидевший на соседней лавочке. — Ну, право, Мессир, скажите хоть вы ему.

— Ты еще хочешь узнать, как наш повелитель прикурил сигарету? — раздался голос сзади.

Девушка невольно обернулась, перед ней стоял огромного роста человек в римских доспехах, держа в руке шлем.

— Я... Я...

— Муж изменяет тебе! Если хочешь наказать его, то еще можешь успеть поймать негодяя с поличным!

— Ага! Кровать еще тепленькая, можешь к ним третьей присоединиться! — заржав, крикнул Грешник.

Анатас снова вынул свои часы.

— Нам пора.

— Ну, бывай, потаскушка! — крикнул Грешник, и все пошли прочь из парка.

Оставшись одна, Виктория недолго просидела на скамейке. Сначала она достала сигарету и попыталась прикурить, затем взяла телефон и начала звонить, то подруге, то мужу, но ни по одному из номеров не отвечали. Тогда она вскочила и помчалась домой, толкая перед собой коляску. Ненависть захлестывала ее. Подойдя к пешеходному переходу, она остановилась, достала сигарету, но долго не могла прикурить из-за дрожи в руках.

— Тварь! — произнесла она, ругаясь то ли на зажигалку, то ли на мужа или подругу.

Сделав шаг вперед, Вика услышала резкий звук тормозов. Многотонный грузовик юзом пошел вперед, сминая под собой и детскую коляску, и хрупкое тело девушки. Визг и крик раздались со всех сторон. Когда машина остановилась, из-под ее колеса виднелась лишь рука с незажженной сигаретой. Никто не обратил внимания, как она медленно разгорелась и начала тлеть в красивых юных пальцах.

Сидя на золотом троне на огромном пустыре Анатас держал в руках небольшую книжицу с молитвами на каждый день. Рядом за столом играли в кости Ворон и Маркус. Грешник валялся на снегу с бутылкой вина и смотрел старый телевизор, который, хотя и не был подключен, но работал исправно.

— Во дают! Вот это у них программки! Посмотришь полчаса и жить не хочется! По всем программам только кто кого убил, кто кого изнасиловал, наркота, пьянь и взятки. Господин, а вы как думаете: для детей это поучительные передачи или нет?

— Общество хочет видеть кровь, и они показывают ее. Какой народ, такие и программы. Покажи им, как все хорошо, и им станет скучно, ведь намного интересней видеть страдания людей, чем завидовать тому, как им счастливо живется. Я сам не понимаю, зачем показывать, как кто-то утопил семью, убил пожилого мужчину из-за нищенской пенсии, показывать пьяного маразматика, допившегося до безумия и устроившего погром? Зачем злить и без того озлобленный народ? Напридумывали бесполезных передач, в которых обсуждают дешевое чтиво или выдуманные проблемы. Журналисты — такой скользкий и мерзкий народ: могут возвысить тебя, а могут и унижить до уровня ничтожества. И все будут верить в то, что они говорят, и не подумают, что для них главное заработать денег, а не

показать проблему, — Анатас продолжил листать книгу.

— Чего пишут-то? Есть что интересное? — оторвавшись от ящика, спросил Грешник.

— Это молитвенник.

— Нет, эту хрень я читать не стану, лучше в ящик тупо смотреть.

— А зря, очень даже забавная рукопись. Молитвы на все случаи жизни. Вот, например, от гулящего мужа, есть и от болей разных. Такое ощущение, что это не молитвы, а заговоры. Сами понапишут черт те что и верят в это. Чтобы что-то сбылось, нужно не молиться по этой книжице, а просить от всего сердца, — Анатас отбросил книгу в сторону. — А что там у тебя интересного?

— Тут про народных целителей показывают. Вот один учит людей, как нужно лечиться уриной. Они ее и парят, и замораживают, и пьют, и даже голову ею моют, — охотно рассказал Горбун.

— Чем лечиться? — отрываясь от игры, спросил Маркус.

— Урина — это моча, Маркус, — улыбнувшись, ответил Ворон.

— Люди пьют мочу? — с брезгливостью переспросил Маркус.

— Зря дерьмолечение еще не придумали. Зажрались они, совсем с ума посходили, не знают, чем заняться. А все от безделья! — смеясь и прихлебывая вино, проговорил горбун. — У них еще есть Надежда Антоненко. Так та вообще водопроводную воду людям колола, а потом у них какие-то черепахи то ли выходили, то ли вылезали. Баба — огонь! Чтобы столько людей развести, недюжинный ум нужен. Молодец! И ведь дебилов-то сколько нашлось! Это что же в башке у человека должно быть, чтобы пить урину и колоть себе добровольно водопроводную воду?! — закатываясь от хохота, не успокаивался Грешник. — Так это еще не все. Тут такой ферзь есть, уписаться от смеха можно, — переключил канал горбун. — Смотрите, вот он. Если вы не в курсе, то это никто иной, как сам сын Божий во втором пришествии, а звать его Григорий Петрович Могильный. Фамилия одна чего стоит. Сразу понятно, что он божественных кровей. Между прочим, утверждал, что умеет воскрешать людей, телепортироваться, лечить СПИД и рак в любой стадии, а также диагностировать неполадки в электронном оборудовании на расстоянии.

— Это тот, что пообещал воскресить детей, которые в катастрофе погибли? — поинтересовался Ворон.

— Ага, тот самый чудо-целитель!

— Мало ему восемь лет дали. Что-то подзабыл я про него, — с грустью заметил Анатас. — Грешник, когда все закончится, займись этим мессией, а то он порядком поднадоел мне. Придумай для него что-нибудь страшное. Пускай попробует телепортироваться из ада. Он ведь утверждает, что умеет это делать, вот мы и проверим. Да, и не забудь про Надежду, будь она неладна.

Анатас протянул руку и достал из воздуха бумажную папку. Открыв ее, он стал внимательно изучать записи.

— Надо же, она изобрела свой метод лечения. Она является доктором психологических наук, автором и ведущим специалистом новых методов православной восстановительной медицины и социально-психологической реабилитации соматических больных. Интересно, где она всему этому научилась? Что-то я не припомню учебных заведений, где бы такую чушь преподавали. И вот же невидаль: ее лечебный центр имеет лицензию министерства здравоохранения! Какой ужас!

— По-моему, потом чиновники жалели, что выдали этот документ, мол, это была

ошибка, — бросая кости, произнес Ворон.

— Конечно, ошибка. У них всегда так. Энное количество бумажек от банка России, и ты можешь получить любой документ, — закрыл папку Анатас. — Разберешься с этим Могильным и займись ею. Сделай с ней то же, что она делала с пациентами. Пусть на утро и у нее вылезет черепаха, да проследи, чтобы вылезала она медленно.

— Да, Милорд. А можно у нее вылезет морская, а? Она все же побольше? — радостно воскликнул Грешник и швырнул пустую бутылку в кинескоп телевизора, отчего тот с хлопком вспыхнул.

Анатас поднялся со своего места и в момент обстановка изменилась.

Властелин и его свита находились рядом со зданием, где красовалась надпись «Областная ГАИ».

— Даже в такую непогоду они умудряются покупать и продавать свои любимые четырехколесные игрушки, — прикрывая глаза, промолвил Анатас. — Правду говорят, что люди не взрослеют, просто их запросы становятся больше, а игрушки дороже. Все чаще я встречаю упитанные лица бравых блюстителей порядка, которые не покладая рук служат обществу. Представляешь, Ворон, с ними боятся ругаться и спорить, ведь они считают себя богами в этих стенах. Любой человек знает про это, но, как обычно, он ничтожен перед теми, кто придумал себе власть. Власть, которую им никто не давал.

— Милорд, я вас понял, — поклонившись, ответил Ворон, и вся троица направилась в здание ГИБДД.

В автоинспекции творилась суеда, повсюду взад и вперед сновали люди. Очереди стояли в разные окошки, за которыми не спеша работали сотрудники ведомства. Дверь одного из кабинетов открылась, и из нее вышел полковник Владимир Петрович Любезных. Он живо обвел взглядом помещение.

— Серега, зайди-ка ко мне!

Тут же к нему в кабинет вбежал Серега.

— Владимир Петрович, вызывали?

— Вызывал, вызывал, — пробормотал полковник. — Ты что делаешь? Какого хрена ты этому пенсионеру такие номера дал?!

— Да, я как-то... — хотел оправдаться Серега.

— Ты что старперу номера такие дал?! Ты хоть знаешь, сколько они стоят, тварь безмозглая?! Ну-ка, быстро пошел и переделал!

— Так, он вроде инвалид и ветеран.

— Я из тебя самого, сука, инвалида сделаю! Я эти номера, знаешь, кому обещал?! Ноги в руки и пошел!

Отчитав подчиненного, Петрович развалился в кожаном кресле, потянувшись, зевнул, пододвинул телефон и набрал номер.

— Слушай внимательно, завтра должен подъехать Петросьянов Николай Егорович и отец Георгий. Без очереди их проведешь. Да, сам лично. Я там им номера оставил, отдашь и ко мне пре... — не успел он договорить, как кто-то нажал на сброс.

Положив руку на телефон и ехидно улыбаясь, перед ним стоял Грешник. Любезных аж вздрогнул от неожиданности.

— Здравствуйте, уважаемый Владимир Петрович. Ну что вы, ей Богу? Увлечлись разговором и не слышали, как я зашел?

— Ты кто такой? — пришел в себя Любезных, краснея от злости.

— Ну вот, снова-здорово. Разве мы переходили на «ты» или быть может мы с вами старые приятели? Тогда почему я вас не помню?

— Ты как сюда попал? — поднимаясь с кресла и дергая глазом, прошипел Петрович, глядя на странного карлика в фуфайке.

— Сядь, упырь, и успокойся! — в кабинет вошел Маркус и грубо пихнул полковника так, что тот снова оказался в кресле. Легионер вытащил корочку из кармана и ткнул Петровичу в морду. — Служба собственной безопасности! Чего разорался?!

— А в чем дело? — меняя тон, нервно спросил полковник.

— Дело в том, мил человек, что вы, будучи в сговоре с гражданином Петросяновым, пытались откупить своего сына. Вам также инкриминируется пособничество некоему Максиму Сергеевичу, который более известен в криминальных кругах как Бугай.

— Я ничего не знаю, это провокация и клевета! — не выдержав, заорал Любезных.

— Коллега, зовите понятых, будем изымать взятки и бумаги, — обращаясь к Грешнику, произнес Маркус.

— Не имеете права! Я без адвоката говорить ничего не стану!

— Права, значит, не имеем? — улыбнувшись во всю пасть, прошипел Грешник. — Знал я одного бородача, который говорил о правах! Точнее, он говорил так: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав. Никогда не переходи терпение человеческое, ибо первый позовешь на помощь закон».

— Адвоката, говоришь, тебе? Это мы можем, — Маркус подошел к окну и открыл форточку, в которую тут же влетела огромная черная птица. Она села на стол, важно прошлась по бумагам и, спорхнув вниз, обернулась человеком.

— Кто тут адвоката звал? — отряхивая с себя снежинки, спросил Ворон.

Владимир Петрович взвизгнул, словно поросенок, и, впившись руками в кресло, зажмурил глаза.

— Нет, ну нормально? Как об людей ноги вытирать, так мужик, самец! А как за грехи платить, так глазки закрыл, почти не дышит! — залез на колени полковнику горбун. — Ну что ты так трясешься? Ведь мы тебе больно пока еще не делаем. Подумаешь, птичку испужался. Не ты первый, не ты последний. Открой глазки, открой, мы тебя не съедим. Емое, обоссался! Ну как так?! Слушай, пернатый, разве можно так с людьми поступать?! Посмотри, до чего человека довел, — отряхиваясь, проговорил Грешник.

— Маркус, присмотри за ним, а я пока улажу кое-что, — Посланник вышел из кабинета. В коридоре он увидел пробегающего мимо лейтенанта.

— Эй, Серега! Пойди сюда! — крикнул он молодому человеку.

Тот тут же поспешил к незнакомому человеку в форме с майорскими погонями.

— Здрасьте! — произнес лейтенант, замешкавшись.

— Владимир Петрович приносит извинения. И еще просил передать, что номера на машины выдавайте в порядке живой очереди, он пересмотрел свои взгляды на жизнь.

В этот момент дверь кабинета открылась, и из нее высунулась голова Грешника.

— Слышь, Ворон! А погоны у маршала как выглядят, а?

— Звезда на них одна большая, — не отводя взгляда от лейтенанта и улыбаясь, ответил Посланник.

— Звезда перевернутая или нет?! — снова спросила голова.

— Ты его еще звездой Давида награди! Обычная звезда!

— Спасибо, понял! — ответила голова и исчезла за дверью.

— Простите, а что там происходит? — заглядывая за плечо Ворона, поинтересовался лейтенант.

— Не поверишь, самому интересно. Да ты ступай, ступай.

— Ну, хорошо, — Сергей, оглядываясь на странного майора, пошел прочь от кабинета своего начальника.

— Твою мать, Грешник! Какого хрена ты с ним сделал?! Тебя и на секунду одного оставить нельзя! Маркус, ты-то куда смотрел?! Милорд просил его припугнуть, а вы чего сотворили?! Ну, прямо как дети малые. Разве так можно?

— Мессир просил напугать, мы и напугали. Знаешь, как он дрожал от страха? Ты бы его глаза видел, я в них сам смотрел и боялся! А рожи, рожи-то корчил какие страшные! — горбун радостно жестикулировал рукой, в которой находился канцелярский нож с окровавленным лезвием.

— Не, ну правда, Ворон, посмотри. Ведь Грешник старался. Мы ему вон внеочередное звание присвоили, внуки гордиться будут. Да и пенсия у маршала, небось, с полковничьей не сравнится. Ворон окинул взглядом дрожащее истекающее кровью тело полковника, привязанного скотчем к кожаному креслу. На плечах красовались звезды маршала, на лбу звезда Давида, а на пузе — серп и молот. Рот был намертво заделан скобами от канцелярского степлера.

— А если присмотреться, неплохо вышло. Ну, с очередным вас званием, Владимир Петрович. Поздравляем! Не стоит благодарности! Всего вам доброго. Рады бы остаться, да простите, дела-дела. Даже не уговаривайте, нам пора. Отмечать не будем, вы тут уж сами как-нибудь. Ну а мы про вас, конечно же, не забудем. Всегда, если что, навестим. Как говорится, желай человеку добра, ведь зло найдет его и без твоих желаний! Ну, бывайте! — и, хлопнув по плечу теперь уже маршала, Ворон, а с ним и Грешник с Маркусом вышли из кабинета.

Анатас осматривал покосившееся обшарпанное здание времен социализма. Именно с того времени, по всей видимости, в нем и не проводился ремонт. На ободранной двери красовалась табличка «Управляющая компания», еще выше было написано «ЖКХ».

— По всей видимости, означает «живи, как хочешь»! — заржал горбун и смачно сморкнулся в сторону.

— Интересно, чем тут занимаются? — оглядывая полуразрушенную технику и пьющих около нее рабочих, спросил Маркус.

— Как чем? Естественно, думают о людях, об их благополучии. Как же по-другому? Ведь им каждый месяц деньги платят. Да еще как платят: попробуй-ка не заплати!

— Так и за дороги тоже платят. Только вот что-то я автобанов здесь не наблюдаю, да и просто улиц нормальных.

— Ты, Маркус, не кипятись. Дороги тут делают специально обученные люди. Да и дырки предусмотрены специально. А если ты, не дай Бог, разгонишься да и собьешь кого-нибудь? Что тогда? А так готовый лежачий полицейский. С администрацией все согласовано. Так что ты тут неправ.

— Забавная контора, помню ее еще с советских времен, — вступил в разговор Анатас. — Интересно, что изменилось с того времени? ЖЭК стал ЖКХ?

— Мне, если честно, в это здание заходить неприятно. Оно меня в депрессию вгоняет.

Не доверяю я ветхим постройкам, а тем более вон тем сотрудникам, — указал пальцем на пьющих Посланник. — Как представляю, что они в этом рванье да в таком состоянии в нормальную квартиру припереться могут, сразу не по себе становится.

— Ворон, глянь на нашего шалопаю, он уже им карты раздает, похоже, за своего приняли, — радостно воскликнул Маркус. — Главное, чтоб они ему выпить не предложили. Тогда он задаст перцу.

— Господин, мне с вами? — поинтересовался Посланник.

— Здесь останьтесь, сам схожу, — Анатас брезгливо пнул дверь ногой.

Он шел по узкому, плохо освещенному коридору и каждый его шаг сопровождался мерзким скрипом полов. Повсюду были белые двери с табличками и куча народу. Люди шныряли туда-сюда, словно в мультфильмах, когда персонажи бегают из двери в дверь и не могут поймать друг друга.

— Простите, уважаемая, не подскажете, где мне переговорить со специалистом по замене труб в моей квартире? — поинтересовался Анатас у немолодой барышни, пьющей чай.

— На дверях все написано! Читать надо! У меня обед.

— Простите великодушно, я понял, — ответил он и, обернувшись, задал тот же вопрос старушке, которая стояла рядом.

— Так тебе, милоч, вон туда надо. Сначала к мастеру сходишь, он тебя к управляющему направит, а тот к начальнику.

— А сразу к начальнику нельзя?

— Да что ты, к начальнику сразу! Он тебя и слушать не станет. Сначала вон туда, — показала пальцем на дверь старушка. — Там напишешь заявление о том, что тебе надо, потом пойдешь вот в эту дверь, его там подпишут, ну а потом уже и к начальству. Понятно?

Проделав все, что ему посоветовали, Анатас оказался в кабинете Родина Антона Павловича. Кабинет больше напоминал школьный туалет, нежели приемную начальника. Прокуренная на смерть комната имела тусклый свет и маленькое окно с решеткой на ставнях.

— Вы бы проветрили, а то тут совсем не продохнуть, — присаживаясь на стул, проговорил Анатас.

— Учту ваши пожелания! Чего изволите?! — с издевкой спросил Родин.

— Понимаете, у меня в квартире трубы совсем гнилые, хотел вот ремонт делать, ну и поменять их заодно.

— А чем старые плохи?

— Я же вроде объяснил, что они гнилые, могут прорваться, затопить соседей.

— Ну, и в чем проблема?

— Трубы поменять сможете?

— Трубы мы поменять сможем. Работаем, сразу предупреждаю, с полипропиленом. Ребята у нас нормальные, все сделают.

— Это хорошо, а как с вами договор заключить?

— Какой еще договор?

— Как какой? А если ваши ребята напортачат, с кого спрос? Раз вы обслуживаете дома и получаете за это деньги, вы гарантируете качество своих услуг. Или я чего-то не понимаю?

— Подписывать мы ничего не будем. С таким же удовольствием можете частных нанять. Но если потечет, мы не виноваты.

— Позвольте, тогда зачем вы нужны, если я могу нанять частного или сделать все сам? Платить вам нужно каждый месяц, но вы ни за что не отвечаете. Трубы поменяй сам, отопление сделай сам, а если что потечет, то вы ни при чем? А для чего вы существуете вообще?

— Ну, это не твоего ума дело! Не нравится — иди и жалуйся! Еще вопросы есть?!

— Удивительно устроен мир. Я общаюсь ежедневно с сотнями людей. Как правило, это чиновники, журналисты, представители крупного и среднего бизнеса. И, представьте себе, не многие осмеливаются хамить мне. Но тут за последние пару дней я выслушал о себе столько всего интересного, что мой разум в сомнении, смеяться над вами или драть вас розгами.

— Что?! — хотел было возразить Антон Павлович и даже привстал для пущей убедительности, но Анатас резко осадил его.

— Сядь на место, пока я не сделал с тобой чего дурного, — эти слова были настолько пронзительны и холодны, что Родин без лишних разговоров опустил свой зад в любимое кресло. — Почему у вас все так? Получив хоть маленькую власть, вы пытаетесь остальных втоптать в дерьмо. Не помочь, не посоветовать, а втоптать основательно здоровыми башмачищами. Почему, платя вам свои кровные, я не могу обратиться к вам с просьбой о замене труб? Почему я должен ходить в кабинеты, подписывая никому не нужные бумажки, прежде чем попасть к вам с пустяковым вопросом? И почему я должен слушать хамство человека, который не имеет понятия, с кем он общается? Или хамство у вас стало нормой? Тогда объясните, с какого момента это произошло? Или я что-то упустил? Кто устанавливает тарифы, указанные в квитанции? Почему, живя в трешке, я должен платить с квадратных метров за мусор? Я что, больше сорю, чем пятнадцать таджиков, набившихся в однокомнатную квартиру? Допустим даже, что это так. Тогда почему контейнер с мусором стоит перед окном и его никто не вывозит? Почему в квитанции указана плата за ремонт подъезда или дома, но они не ремонтируются? Почему, когда приезжают из Москвы важные персоны, появляются фонари, которые горят один день, а на следующий их уже нет? Я так понимаю, свое ЖКХ очень выгодно иметь. Что тут у нас? Ах, жалуются, что нет тепла? Накинем-ка им по десять копеек, они не заметят, а прибыль колоссальная. Отличная дыра для вытягивания из жильцов денег. С вами вообще невозможно решить ни одной проблемы. Вам наплевать, что у кого-то нет отопления и горячей воды. Вы никогда не ответите на вопрос по-людски, без хамства. Это ваш образ жизни. Мало того, что некой структуре принесли дань, так она вместо благодарности еще и отвесит пендель, мол, не так подал. Ваши законы настолько запутаны, что в их хитросплетениях не разобраться простому человеку, тем более пожилому. А правду и справедливость в вашей сфере найти вообще невозможно. Такое положение дел выгодно, по всей видимости, и государству. Конечно, я понимаю, что каждый народ достоин своего правителя. Но, простите, можно обирать свой народ, улыбаясь. А вам и это не по силам. Вы же власть, только вот какая, понять не могу. Управлять вы не можете, а только хамите. Вы хоть знаете, откуда пошло называть хама хамом?

— Нет, — сглатывая слюну, тихо произнес Антон Павлович, понимая, что его посетитель мало того, что странный, так видимо еще и из шишек, а он, дурень, его не признал.

— Стыдно не знать историю, стыдно. Хам — это сын Ноя. Ну, тот, который ковчег построил и тому подобное. Надеюсь, хоть это вы знаете. Так вот, он публично высмеял

своего отца, когда тот перебрал в выпивке и уснул на улице голым. Для вас я упростил библейскую версию, хотя вы как истинный христианин должны ее знать. Хамство — это грубое, наглое, оскорбительное поведение человека, готового на подлости и заведомо понимающего, что адекватного ответа или противодействия оппонент оказать не в состоянии по причине слабости, зависимости и беспомощности. Это я вам объяснил по-научному. Но, глядя в ваши пустые глаза, понимаю, что вам глубоко плевать на все это. Вы сидите и думаете, кто это перед вами, и не понимаете сути. Не мучайте себя, я не из мэрии и уж тем более не с проверкой. Вы всем, кому надо, заплатили и считаете, что проблем быть не должно. Почему вы всегда решаете все именно так? Надо ж такое слово придумать — «откат». Вот что вас испортило в этом веке. Откат. Все построено на нем. Хочешь работать — с тебя откат. Вы все на этом живете, вам и зарплаты-то платить не надо, сами меж собой сговоритесь, и все будет нормально. Смотрю я на вас и понимаю: бесполезная вы контора. Как были пустым местом, так и остались. Вы — мусор, тот самый, который не вывозите, потому что сломана техника. А техника сломана, потому что вы деньги разворовали. И все про это знают, и всем на это наплевать, естественно, кроме тех, у кого не вывозится мусор. Мерзкий, никчемный вы элемент.

Анатас медленно поднялся и вышел за дверь.

— Фу-у-у! — вытирая пот со лба, произнес Антон Павлович.

— Не спеши! — раздался грубый голос позади него. — В аду трубы потекли, делать некому! — проревел огромного роста скелет в римских доспехах и, схватив за шкуру так называемого начальника, растворился в воздухе.

Если вы не ожидали в коридоре больницы известий о состоянии своих близких, значит, вам крупно повезло. Так как нет ничего мучительнее, чем смотреть на дверь с табличкой «Реанимация» и слушать, как периодически выходящий оттуда доктор говорит: «Делаем все возможное». И это «все возможное» растягивается в вечность. Затишье, пустота и долгое ожидание. Молодой человек уже не первый день дежурил у этой двери в надежде, что его девушка и будущая жена придет в себя после автомобильной аварии. Любой человек в данной ситуации начинает винить в том, что произошло, сначала себя, а потом других. Но то, что случилось, уже случилось, и время назад не повернешь. Отчаяние и чувство беспомощности захлестывают нас. В этот момент мы готовы на многое, ибо душа открыта и просит помощи. После очередного невнятного ответа парень вышел на лестничную площадку и что-то забормотал.

— И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей[2], - неожиданно услышал он чей-то голос.

— Что? — быстро вытер слезу молодой человек.

— Я говорю, странная штука жизнь. Вроде еще вчера все было нормально, а потом бац, и ты понимаешь, как сильно ошибался. Как говорится, хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах на завтра. А хочешь повеселить дьявола, попробуй убедить его в том, что ты безгрешен, — Анатас не спеша подошел к парню и, облокотившись на перила, посмотрел куда-то вдаль. — Сейчас бесполезно укорять себя, размышлять о том, а если бы она задержалась на пешеходном переходе или если бы автобус приехал раньше. Толку от всего этого мало, когда все уже случилось. Хотя есть, конечно, и плюс. Тот парень в черной иномарке, который сбил вашу подругу, — Анатас повернулся и с улыбкой посмотрел на собеседника, — мстить ему вам не придется. Хотя по глазам вижу, что вы бы сгоряча

глупостей бы понаделали.

— Что?

— Да, да, да. Я был там, когда все случилось, когда этот ненормальный надавил на газ, а его автомобиль потащило по скользкой дороге. Ну и финал. Трагичное стечение обстоятельств. Последнее что помню, как фонарный столб расплющивает машину, словно зловещий молот. Ужас. — Анатас качнул головой с сочувствующим видом. Ледяной пристальный взгляд прожег парня. — Зря вы доктору дали денег. Или вы думаете, он от этого станет лучше лечить? Если человек помогает за плату, а не потому, что так нужно, он вряд ли сможет чем-то помочь. Однажды я стоял рядом с пациентом, который получал инсулин. Сами знаете, зачем он нужен. Так вот, милая барышня ответила ему, улыбаясь, что препарат закончился. Человек немало удивился. Ведь мы прекрасно понимаем: если лишить больных этого лекарства, то кладбища начнут расти в прогрессии уже через пару-тройку дней. Но дальше было еще интересней. Она с умным видом выдала ему какой-то заменитель и на разумный вопрос мужчины о дозировке дала великолепный ответ: «Как-нибудь там попробуете».

— Вы к чему это все? — парень немного напрягся.

— Я к тому, что на улице я видел подъезжающий шикарный белый Mercedes. Из него вышел главврач этой больницы, который и распределяет лекарства. И тут я понял, почему людям вместо дорогого и хорошего препарата выдают некачественный аналог. На зарплату такую машину вряд ли купишь, а люди, что они? Их вон сколько на свете.

— Я никому ничего не давал, — жестко и сухо ответил парень.

— Да бросьте вы, будет врать-то. Если вы действительно хотите что-нибудь сделать...

— А вы что, доктор?

— В своем роде. Можно меня и так назвать. Так что я бы мог вам помочь за определенную услугу, Андрей Андреевич.

— А мы разве знакомы?

— Думаю вряд ли, если вы видите меня впервые.

— Что вам от меня нужно?

— Мне от вас? Мне от вас ничего не нужно, а вот вам от меня нужно многое. Вы же не хотите, чтобы ваша девушка Анастасия не дожидая до сегодняшнего вечера? Я наблюдал ее недавно, картина страшная. Все тело в трубках, в капельницах. Неприятное зрелище, сразу скажу.

— Кто вы?

— Какая вам разница? Ведь если я скажу, вы все равно не поверите.

— А вдруг?

— Ну, хорошо. Я тот, кого вы называете Сатаной. Я — дьявол, Андрей, и хочу предложить тебе услугу.

— Да пошел ты, дебил ненормальный! — развернувшись, хотел уйти парень.

— Твой любимый цвет синий. На твоих часах время идет на десять минут вперед для того, чтобы не опаздывать. Ты прятался в шкаф, когда твои родители ругались. Ты до сих пор боишься спускаться с кровати ночью, так как считаешь, что под ней кто-то живет. И, наконец, твоя девушка беременна, и вы никому об этом не сказали. Тебе нужны еще доказательства или, быть может, мне отрастить хвост и приклеить рога? Ты не сошел с ума, я действительно существую и хочу тебе помочь. Ты сейчас шокирован и думаешь, возможна ли сделка с дьяволом или тебе все это кажется от усталости и переживания? Это интересный

вопрос, который беспокоит людей на протяжении всей их истории. Может ли человек заключить сделку со мной сегодня, и что для этого надо, и реально ли это сделать вообще? Развею твои сомнения: я готов пойти на некое соглашение с тобой, ибо вижу твои страдания и, поверь мне, страдаю не меньше тебя. И я не хочу лишать тебя счастья.

Андрей стоял как вкопанный.

— Так что? Ты так и будешь молчать или мы поговорим?

— Допустим, ты тот, за кого себя выдаешь. Сотвори чудо, и я поверю тебе.

— Чудеса творю не я, Андрей. Если, конечно, ты читал Библию. Я не буду сейчас корчить из себя фокусника, извергать пламя и топить тебя в кипящем масле. Тебе нужна помощь или нет?

— А что от меня нужно? Душу, небось, захочешь?

— Это банально. Ты еще скажи контракт кровью подписать. Или ритуал совершить, животное зарезать или еще чего. Ты как-то узко смотришь на это, — улыбнувшись, ответил Анатас. — Я не такой уж и плохой, как вы меня представляете, и не стоит бояться смотреть мне в глаза. Некоторые всю свою жизнь мечтают встретиться со мной. Сам видишь, что у меня нет козлиной головы, страшных рогов, копыт и хвоста. Я практически такой же, как и ты, только более могущественный. Да и мзду за помощь я не беру, не то что некоторые, которые берут, а помочь не могут. Знают это и все равно берут. А насчет контрактов сам пойми: зачем подписывать, если стоит живая очередь, готовая ринуться в бездну без всяких формальностей. К тому же я не стану предлагать дважды.

— Почему именно я?

— Не знаю, просто так случилось. Шел мимо, гляжу: страдаешь, решил помочь. Я тут со скуки побродил по палатам и такого насмотрелся, просто ужас! Ремонт тут и не пахнет уже лет так тридцать. В какую палату ни зайдешь, так жить не хочется, одни ободранные стены чего стоят. Тут не на поправку пойдешь, а, скорее, в морг. Я знаю о твоем горе, знаю, что она в коме, знаю, как ты страдаешь. Я знаю даже, как страдает она. Так вот, я могу помочь тебе, если ты докажешь, что любишь ее по-настоящему. Я сделаю ее здоровой и сохраню жизнь младенцу. У вас же с ней настоящая любовь? Тем более вы ведь пригласили уже гостей на свадьбу, выбрали, куда поедете отдыхать, не оставаться же без всего этого? Ну, так что, ты согласен? В моей власти дать счастье, и в моей власти отнять его, — протянул руку Анатас.

— Никогда не заключал сделок с нечистью.

— В жизни все когда-то бывает в первый раз. Какая разница: со мной или с Ним? Все равно ты будешь кому-то обязан. Сделка есть сделка, — пожимая руку Андрею и глядя ему в глаза, тихо ответил Анатас.

Странный холод пошел по руке Андрея, и она покрылась инеем. Стало темно, послышались голоса. Зажегся свет и снова погас. Голова кружилась. Андрей увидел, как жила его девушка, и то, о чем она ему не говорила. Он увидел, что она любит его только потому, что у его папы крупный бизнес, и что ребенок, о котором он так мечтал, не от него. За несколько секунд он увидел то, чего не знал и о чем не узнал бы никогда. Прожив жизнь своей любимой до момента аварии, он услышал все мысли Насти, узнал самые страшные ее секреты. Побывав в шкуре своей невесты, Андрей неожиданно задергал рукой, пытаясь вырвать ее из ладони своего нового приятеля. Отпустив руку Анатаса, он пошатнулся и, пятясь назад, уперся в стенку. Голова у него была чумная, словно он отходил от глубокого наркоза и с трудом воспринимал реальность.

— Так что, Андрей, спасти мне твою возлюбленную или нет? Ты видел то, что дано не

каждому. Многие только мечтают залезть в чужую душу. Как видишь, мне это также неприятно, как и тебе. Я показал тебе любимого человека изнутри, а сам вижу каждый день миллиарды таких, как она, и даже намного хуже. Хочешь знать, как я это переношу? Отвечу. Как и вы, я привык и смирился. Это то же, как вы едите свинину, и это для вас нормально, но если вам предложить отведать мясо крысы, вы откажетесь, так как ваш мозг сравнит пищу с маленьким мерзким грызуном и вместо того, чтобы поместить его в желудок, отрыгнет, не дав вам съесть и куска. Но если вас подержать голодным с недельку, то это лакомство пойдет за первое блюдо. Так вот, Андрей, я привык быть всеядным. Твое слово решит многое. Подумай, стоит им жить или нет. Как говорится, если любишь, то простишь. Хотя, конечно, некоторые люди не заслуживают этого. С другой стороны, любовь творит чудеса.

— Будь она проклята, тварь! И ты вместе с ней!

— От любви до ненависти один шаг. Человеческая сущность — странная штука. Иногда страсть кажется любовью, а ведь это не так. Ты готов был ее спасти даже ценой собственной жизни, что же так резко изменило тебя?

— Ты сам знаешь что! Зачем ты мне это показал?! Зачем?!

— Не надо шуметь, тут же больные люди, мы можем их потревожить.

— Да пошел ты!

— Как часто я слышу эти слова. Вердикт, Андрей. Время стоит дорого, и я не хочу больше задерживаться здесь. Я хочу слышать твой вердикт.

Молодой человек, покраснев от ярости и тяжело дыша, сжал кулаки, его желваки задергались, а глаза налились ненавистью.

— Прежде чем я сделаю то, о чем ты мечтаешь, хочу зачитать тебе одно поучение, так как ты сделал свой выбор, и я не пойду на попятную. Помнить его ты должен до конца жизни своей: «И изрек Бог все слова сии, говоря: Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои»[3].

Через секунду к ним вышел доктор и тихим стандартным голосом огласил приговор.

— Мне очень жаль, спасти не удалось. Тело передадут в морг, оттуда завтра сможете и забрать, на остальные вопросы я вам отвечу позже. Мои соболезнования.

— Вот и все, долгие переживания закончились. Ты решил так, как подсказало тебе сердце. Я дал тебе уникальную возможность сделать выбор не только за себя, но и за двух других, заметь, любимых тобой людей.

Анатас стал спускаться вниз по ступенькам. Пройдя половину, он остановился и повернулся к Андрею.

— А почему ты решил, что я показал тебе правду? Ведь я мог тебя и обмануть. Почему ты поверил мне, а не своим чувствам? Получается, любой мог наболтать тебе все, что захочется, и ты бы согласился? Посуди сам, ты только что убил двух самых близких тебе людей, своего ребенка и его мать, опираясь только на то, что я внушил тебе. А ведь ты перед этим говорил, что безумно любишь их. Как же так получилось, что ты, не задавая лишних вопросов, приговорил их к смерти? А ведь я солгал тебе, Андрей. Солгал не потому, что я такой плохой, а потому что понадеялся на твою любовь. Ведь, я показал тебе не ее жизнь, а

твою, твою собственную, просто в теле женщины. Если бы ты хоть на секунду был занят не собой, ты бы понял это. Но тебе было легче поверить в то, что это она такая, а не ты, чем признать собственные ошибки. Ну что ж, прощай.

Анатас достал из кармана кожаные перчатки и, надев их на руки, медленно пошел прочь. Через мгновение дверь реанимации открылась, и из нее выбежал страшный горбун с судном в руках. Он быстро подскочил к парню и сунул ему железную посудину.

— На, это тебе, — он вытащил из кармана веревку и мыло и с презрением бросил это добро Андрею в ноги. — Держи инвентарь. Завтра жду к себе! — Грешник заржал, вскочил на перила и с хохотом съехал вниз.

[1]Евангелие от Матфея, 21:10–13.

[2]Евангелие от Иоанна, 10:28.

[3]Исход, 20:1–6.

БУГАЙ

К шикарному дому на окраине города подъехал черный BMW. Из машины вышел человек в синем одеянии и в сопровождении двух охранников вошел внутрь. Его остановил молодой, крепкий на вид парень.

— Как вас представить?

— Скажите Бугаю, что к нему пришел Носферато.

— Не понял? Это что, шутка? — резко переспросил парень.

— Разве я похож на шутника? Или тебе повторить еще раз?

Парень, не сводя глаз со странного гостя, быстро набрал номер на телефоне.

— Максим Сергеевич, к вам пришел человек, который называет себя Носферато. Что прикажете делать? — через секунду парень положил трубку. — Можете пройти, только оставьте своих людей в холле.

Носферато жестом показал охране, чтобы те не шли за ним, и направился в сопровождении молодого человека вверх по лестнице. Поднявшись на второй этаж дома, больше похожего на дворец, они остановились у дубовой двери, около которой дежурили еще два крепких человека.

— Прощу вас, — сказал парень, и Носферато увидел в открывшемся проеме шикарный кабинет, которому могли позавидовать восточные шейхи.

В полумраке за огромным столом сидел человек в дорогом домашнем халате. Он был обрит наголо и курил сигару, рядом с ним на столе стоял бокал коньяка.

— Что стряслось? Что могло заставить тебя прийти ко мне лично и в такое время? — грубым голосом спросил Бугай.

— Мне нужна твоя помощь, — проводя рукой по мраморной статуе, спокойно ответил гость.

— Тебе нужна моя помощь?! Ха! Обычно ее просил я. Ты что-то не договариваешь. Зачем тому, у кого есть все и кто может все, нужна моя помощь?

— Вот именно, я тебя всегда выручал, только поэтому ты живешь в этих хоромах, а не валяешься на тюремных нарах. А насчет того, что я могу все, ты прав. И не забывай об этом. Помни, кто дал тебе все это, кто дал вам всем в этом городе то, что сейчас ваше. И моя рука не оскудеет. Но учти: тот, кто дает, может и забрать.

— Не надо напоминать, чем я тебе обязан! Но, по-моему, ты со своими фанатиками гораздо могущественнее меня.

— Мои фанатики нужны мне самому. Они не работают за деньги, а служат во имя того, чего тебе не понять. А ты своих халдеев ни во что не ставишь. Вот и пускай твои здоровенные, тупоголовые обезьяны потрудятся на мое благо. Иногда и могущественным нужна помощь, — сухо ответил Носферато и резким движением руки толкнул скульптуру.

Та пошатнулась и с грохотом рухнула на пол, разлетевшись на множество осколков. На шум вбежали крепкие парни.

— Вон из кабинета! — заорал Максим Сергеевич. — Итак, что от меня требуется?

Неужели деньги? Нет, у вас их и так хватает. Связи? Нет, и так все под вами. Тогда какой же помощи ты хочешь от меня? Что привело тебя ко мне в столь поздний час?

— Нехватка времени: его у меня осталось слишком мало.

— Извини, я не Бог и не могу повернуть время вспять.

— Зато ты можешь сократить его одному человеку, причем навсегда. Этому человеку везет во всем. Захочет повеситься — рвется веревка, поедет воевать — всех в мясо, а ему ничего. Надоело мне его везение, страсть как надоело.

— Вот оно как? Видно, сильно он у вас в глотке застрял. И кто же этот бедолага?

— Этот бедолага — сотрудник милиции и алкаш, короче, законченный неудачник.

— Уже интересней. А вы что, уже не в силах справиться с таким ничтожеством? Это ведь не президент, а мент поганый. Разве нельзя было губернатору шепнуть или его начальству? Они бы его и без меня в гроб загнали. Как пенсионер с голоду бы сам помер, тихо и мирно. Вы же мастера людей изживать со света без шума и пыли.

— Послушай меня, послушай внимательно. У меня нет сил и времени заниматься им так долго, и мне он нужен мертвым. По-моему для тебя нет ничего проще, чем устроить это. Тем более долг платежом красен. Но если ты не выполнишь этой просьбы, обещаю, что жить тебе на помойке вместе с твоей гребаной семейкой. Ты будешь настолько нищий, что твоя жена даже супружеский долг начнет получать от тебя частями и в рассрочку. Ты понял меня, дружище?

Бугай нервно курил, держа сигару трясущейся рукой, его глаз дергался, по лбу текли крупные капли пота. Он втер окурок в пепельницу и залпом осушил бокал с коньяком.

— Долг. Ха-ха-ха! Долг — это святое. Когда мент должен исчезнуть?

— Вчера, — сухо ответил Носферато.

— Хорошо, мне нужен адрес и фотография, я пошлю к нему своих лучших людей.

— Уж постарайся, — Носферато подошел к столу и положил фотографию, на которой с обратной стороны был написан адрес. — Да, и еще.

— Еще?

— Как только покончишь с этим червем, мне понадобятся твои ребята. Нужно будет подключить всех на поиски одного человечка. Но это чуть позже.

— Как прикажешь, — кашлянув в кулак, сквозь зубы прошипел Максим Сергеевич.

— Значит, Носферато решил переложить свою работу на плечи кого-то другого? Интересно получается. По-моему, свою ношу каждый человек должен нести сам.

— Милорд, что вам угодно? — грубым солдатским голосом спросил Маркус.

— Сделай так, чтобы помощник Носферато пожалел о том, что связался с ним. Обещания должны выполняться людьми, которые их дали. А Носферато пригодится еще для одного дела. Монах объявился, давно его не было слышно.

Оказавшись рядом с квартирой, где жил Зверев, и подойдя к двери, Ворон, Маркус и Грешник прошли сквозь нее, чем привели в шок спускавшуюся вниз по лестнице пожилую женщину. От увиденного она плюхнулась на бетонные ступеньки и начала креститься. Потом быстро вскочила, бегом влетела в свою квартиру, закрыла за собой дверь, перекрестив ее, и стала звонить в милицию.

— Алло! Алло! Милиция?! Квартиру грабит нечисть! В квартиру на нижнем этаже проникло трое чертей! Богом клянусь!

— Успокойтесь гражданка! Не несите чушь, что у вас случилось?

— Квартиру гра... — на телефонный аппарат легла рука Маркуса.

Женщина, схватившись за сердце и открыв рот, рухнула на пол. Рядом с ней присел Ворон и засунул в рот бедняжке таблетку.

— Это валидол. Ясно?

Та кивнула головой.

— Вот и хорошо. Лежи смирно и забудь, что видела. А если вздумаешь кому-то еще звонить, то валидол тебе больше не понадобится, я понятно объясняю?

Женщина снова кивнула головой.

— Молодец. Ну, тогда прощай.

Ворон и Маркус так же сквозь стену покинули ее жилище.

— Ну, кто там звонил? — спросил сержант у напарника, который сидел на пульте.

— Да бред какой-то. Говорят, что нечисть квартиру грабит. Понял? Совсем уже оборзели!

— Странно.

— Вот и я про то. Опять какая-нибудь припадочная звонила. Их под праздники как разбирает! То олень позвонит, то тюлень!

— А телефончик высветился?

— А как же, все у нас тут светится.

— Давай-ка, на всякий случай отправим экипаж, пусть проверят.

— Да ты что, по всякой ерунде людей гонять будем?! Брось, ведь опять материться будут.

— Давай, давай! А ворчать они и так будут, пусть жиры порастрясут! Разомнутся, не развалятся.

— Ну, как скажешь.

В квартире капитана Грешник опустошил холодильник, сожрав то небольшое, что в нем было. Маркус и Ворон поставили стол на середину кухни, и вся троица уселась за него.

— Мы так и будем сидеть на сухую?! — воскликнул Грешник.

— Неплохо бы и бахнуть по стаканчику. Так сказать, для аппетита, — ответил Ворон.

— Поддерживаю. На троих сообразить — дело святое, — рявкнул Маркус, и тут же на столе появились зажаренный поросенок и запотевший графин холодной водки.

Налив по стопке, они выпили и, закусив, налили еще. В этот момент к подъезду дома подъехал тонированный внедорожник, из которого вышли трое бритых крепких ребят и быстрым шагом направились к подъезду.

— Ну что, господа?! — смачно отрыгнув, произнес Грешник. — Кажется, к нам в гости идут киллеры. Представляете, сейчас они нас убивать будут.

— Допустим, не нас приехали мочить, и они точно удивятся, увидев вместо тринадцатого то, что их мозгами понять невозможно, — выпив стопку, произнес Ворон.

— Так давайте их не разочаруем, — рявкнул Маркус. Он опрокинул стакан и отрезал боевым ножом ногу поросенка. — Мне лично без разницы, что с ними делать. Милорд сказал, на наше усмотрение. Так что решим?

— Посмотрим по ходу пьесы, — вертя в руках рюмку и всматриваясь в отблеск света, ответил Посланник.

— Тогда сыграем пока в преферанс, господа? — предложил Грешник.

— Раздавай.

Со стола исчезло все лишнее, а у каждого в руках оказались карты. В это время бритоголовые подошли к входной двери и, озираясь по сторонам, начали подбирать отмычки к замку.

— Ты глянь, культурные. Ломать не стали, хотят профессионально все сделать, — произнес Ворон с ухмылкой.

— Так, может, им дверь открыть, чтобы не мучились? — спросил Маркус.

— А может, милицию вызовем, а? — кидая карту на стол, с умным видом предложил альтернативу Грешник.

— Сиди уж, за тебя ее бабка вызвала. Припрутся скоро блюстители порядка.

Дверь медленно открылась, и в квартиру вошли трое ребят. Держа наготове оружие, они обыскали все комнаты и уселись на диване.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну что? Долго нам его еще ждать? — спросил один из бритых.

— Какая разница? Будем ждать столько, сколько придется. Рано или поздно он все равно появится.

На кухне упала тарелка и с дребезгом разлетелась на осколки. Троица переглянулась, вскочила с нагретых мест и, держа наготове пистолеты, медленно пошла на шум. Зайдя в кухню, они увидели странного горбуна, который что-то искал в шкафу, не обращая внимания на то, что сзади на него смотрит дуло пистолета.

— Слышь, придурок, ты кто такой?! Ты откуда здесь взялся?! — крикнул один из братков Грешнику.

Грешник, зажмурив один глаз, с умным видом поглядел в дуло «Макарова».

— А вы кто такие?

Ему тут же съездили по физиономии так, что он с грохотом отлетел к батарее.

— Слышь, Славок, давай-ка пристегни его. По-моему, он не догоняет!

— Ребята, не бейте! Я же ни в чем не виноват, просто свою записку здесь искал! У меня здесь четвертушка заныкана была! Вы что, ребята, чего драться-то сразу?!

Горбуна быстро пристегнули наручниками к батарее, отвесив серьезный удар в живот.

— Слушай, идиот, спрашиваю последний раз. Как ты здесь очутился? Кто ты такой?

— Как очутился, как очутился? Да так же, как и вы: через дверь вошел! — хлюпая носом, признался Грешник.

— Кто ты такой?

— Кто-кто? Виньямин Павлович, квартирант здешний, живу я тут! День живу, два живу, на третий письмо приходит!

— Какое еще письмо?!

— С Чукотки, брат пишет. А он у меня чукча, оленей разводит, быков разводит, он у меня вообще в своей деревне всех разводит!

— Он нас что, за дураков держит? — повернувшись к друзьям, спросил Славок и снова ударил Грешника по лицу. — Ты че несешь, падаль? Какие олени? При чем тут твой брат?!

— Ладно, спроси его, где капитан и когда он обычно приходит.

Славок снова ударил Грешника.

— Вопрос ясен? Или повторить?!

— Да уж более чем. Ребят, а можно меня еще раз ударить, мне что-то это так

понравилось. Может я из этих, ну, которым все такое нравится, а? Можете меня еще раз ударить, чтоб я уж наверняка определился? — улыбнулся горбун.

— Не, ну вы слышали этого героя?!

— Ладно, кончай его, — сухо ответил парень, который явно был у них за главного.

— Э-э-э, ребята! А как же пендель еще разок?! Что, прям так и пристрелите?! Без пенделя я умирать отказываюсь! Не буду помирать, и все тут. Чего хотите со мной, то и делайте, а помирать не стану! — возмутился Грешник.

Слава молча накрутил на пистолет глушитель и выстрелил в голову Грешника. Не прошло и пяти секунд, как дверца холодильника открылась, и из нее выскочил Грешник в медицинской шапке и с чемоданчиком.

— Так-так-так, всем отойти назад! Что у нас здесь? — подходя к своему труп, произнес он.

Братки с выпученными глазами замерли.

— Ух ты! Тяжелый случай. Выстрел в голову, долго не мучился! Нужно срочно провести вскрытие, установить, отчего скончался больной!

Дверца холодильника снова открылась, и оттуда вышел горбун в халате доктора с топором и маской на лице.

— Что у нас тут? — поинтересовался он.

— Тяжелый случай: больной получил выстрел в голову и от этого скончался. Но я не уверен, нужно вскрытие!

— Вскрыть-то мы всегда можем.

Он тут же отрубил голову убитому, подскочил к стрелявшему, выхватил у него оружие, поставил к своему виску пистолет и нажал на курок. Раздался хлопок, брызги крови разлетелись по стенам. Тело рухнуло к ногам бандитов. Доктор с чемоданчиком подскочил к новому труп.

— Да вы не волнуйтесь, пуля прошла на вылет, ранение сквозное! Стивен Сигал такие царапины вообще за пулевые раны не считает. Придуривается, подлец. Сейчас зеленкой помажем, и все пройдет.

Он, не спеша, залез обратно в холодильник. На глазах у братков рана Грешника в момент затянулась, и он вскочил на ноги, как ни в чем не бывало. Один из бритых рухнул в обморок.

— Классная штука! Мозги на раз прочищает! — радостно заорал горбун и, направив пистолет на братков, сделал несколько выстрелов в их сторону.

Те с криком зажмурили глаза, и присели от страха, загораживая себя руками.

— Да что вы так орете?! Хуже баб! Тут же холостые!

Ошалевшие бугаи попятились назад, не сводя глаз с существа, которое секунду назад вышибло себе мозги.

— Куда вы, господа? Мы же еще не доиграли!

— Действительно, куда? — раздался грубый голос Маркуса. — Насорили в хате и наутек?

Парни, и без того ошеломленные происходящим, обернулись и увидели рядом с входной дверью огромного роста человека, который в тот же момент превратился в скелет, одетый в римские доспехи. Быстро подойдя к главарю, он одной рукой схватил его за горло и словно пушинку оторвал от земли.

— Куда спешим?!

Оставшийся стоять Славок мгновенно выхватил у лежащего без сознания напарника пистолет и трясущимися от страха руками несколько раз выстрелил в сторону Маркуса. Но пули, пролетев с полметра, застыли в воздухе, а затем осыпались на пол и покатались в разные стороны. Маркус быстро оттащил главного на диван.

— Послушай меня, ворошиловский стрелок, — отобрал у Славка пистолет Ворон. — Еще раз что-то подобное выкинешь, лишишься всех пальцев. Стрелять тебе, поверь, тогда будет нечем, — он схватил Славка за ворот куртки и притащил на тот же диван.

Грешник последовал их примеру и припер к остальным того, кто был без сознания.

— Короче так, ковбои! Сейчас берете своего отключившегося дружка и тащите его на лестницу. Возьмете свои игрушки и дружно сдадитесь милиционерскому патрулю, который сейчас находится рядом с подъездом. Надеюсь, я понятно выражаюсь и повторять вам больше не придется.

Оба киллера согласно закивали.

— Вот и прекрасно. А теперь пошли вон отсюда и только попробуйте рассказать ментам, что вы тут делали и видели! Сам лично в психушку к вам приеду и глаза понатягиваю сами знаете куда. А это я умею делать. Надеюсь, вы мне верите?

Братки быстро вскочили с дивана и в панике потащили своего приятеля к выходу. Дверь им открыл Грешник с улыбкой на лице.

— Вот, господа бандиты, это вам чистосердечные признания. Здесь все ваши грешки, вашей рукой написаны и вами же подписаны. Прошу отдать стражам порядка.

Грешник засунул каждому в карман по листку и, отвесив по пинку, вышвырнул братков за дверь. В подъезде их в шоковом состоянии и обнаружил патруль милиции. Обыскав неудачных киллеров, милиционеры изъяли у них оружие и признания и вызвали скорую, так как молодые люди были явно не в себе.

ОТВЕТЫ ИОВА

Капитан подбежал к дому Четырина и постучал в дверь. Ему открыл сам Виктор. Вид у него был как у человека, который долго не спал ипил несколько суток.

— Прекрасно выглядишь! Бодрячком!

— Спасибо, — еле выговорил Виктор.

— Одевайся и, если есть, давай ключи от машины.

— Это все? Может, еще и коронки с зубов снимешь? Или почку мою продашь? С меня жена и та меньше требует.

— Давай-давай, одевайся! Времени нет! — хватая с вешалок одежду, поторопил капитан.

— Может, объяснишь, что случилось? Мне жену предупредить надо.

— Витя, не расчесывай мне нервы, они у меня и так Ессентуков требуют! Потом объясню, давай быстрее! Так у тебя есть машина или нет? — Зверев прикурил сигарету.

— Машина есть, — натягивая на себя одежду, буркнул Виктор. — Только она у меня старенькая. И к тому же пил я.

— Пил, не пил... У нас вся страна пьет! Я сам поведу.

— Тогда ладно. А ты что, нашел что-то?

— Нашел, Витя, нашел!

— И что?

— По дороге расскажу. Показывай, где машина.

Они обошли вокруг дома, и капитан увидел русский внедорожник «Ниву». Издалека и в темноте машина показалась Алексею неплохой, но чем ближе к ней они подходили, тем сильнее капитана одолевали сомнения.

— Она вообще заведется?

— Какая зарплата, такая и машина. Держи ключи и поехали, если не хочешь пешком топтать, — обиженно ответил Виктор.

К удивлению Зверева, машина завелась с первого оборота.

— Так куда мы все-таки едем?

Все вокруг словно застыло. Казалось, даже снег перестал падать и неподвижно завис в воздухе. Виктор замер и остекленевшими глазами уставился на собеседника. Капитана пронзил голос, раздавшийся из ниоткуда.

— Остепенись, Луций! Спешка хороша только в краже, праведные дела на горячую голову не делаются.

— Кто здесь? — медленно произнес Алексей таким голосом, как если бы магнитофон зажевал пленку, на которой тот был записан.

— Опять вопросы, Луций. Ты не слушаешь. Почему ты не слушаешь?

— Что именно?

— Я все сказал тебе при нашей встрече, но ты не внял мне. Найди человека по имени Иов: он живет в лесу, на отшибе, в доме, который кажется заброшенным. Спроси о нем в

поселке Рада — его там знают как Виталия. Впрочем, при необходимости он найдет тебя сам. Он даст тебе нужные ответы. Только поторопись: они знают, что я тебе помог подсказкой — это нарушение, а нарушителей карают. Не теряй времени!

Голос смолк, пурга снова завывала, а Виктор заморгал, как ни в чем не бывало.

— Так куда мы все-таки едем? — снова спросил Четырин.

— Концепция изменилась. Сначала к одному знакомому, а потом к семье священника, которого ты грохнул, — отрешенно ответил капитан.

— Останови машину! Твою мать, тормози!

— Что такое?!

— Я никуда не поеду! На хрен все! Иди ты в задницу! Я дома останусь! Все, точка!

— Это еще почему?

— Как я, по-твоему, должен им представиться?! Здравствуйте, я похоронил вашего папу живьем?! Простите меня, люди добрые, так получилось. Бес попутал! Вы же христиане — поймете. Ты что, совсем охренел?! Они меня там же и кончат!

Алексей нажал на тормоз, и машина остановилась так резко, что Виктор чуть не ударился лбом о ветровое стекло.

— По себе судишь! Надо было раньше своей башкой думать, а не других слушать. Тогда, возможно, ты бы не влез в это дерьмо! А то сначала творим, потом думаем! Наше дело петушиное: прокукарекал, а там хоть не рассветай! Так, да?! Страна дебилов! Что, совесть выиграла? А когда закапывал, она у тебя где была?!

— Не ори! Ты там не был! Когда окажешься в такой ситуации, тогда и будешь права качать! А при погонах сверху вниз смотреть легко!

— Ладно! Успокоились! Нам надо сейчас вместе держаться, а не брехать. Если что, представим тебя младшим офицером, ясно? Будешь помощником или еще кем-нибудь в этом роде. А если вопросы задавать начнут, объясним, что дело подняли из архива, так как появились новые улики. Короче, ты, главное, поддакивай и делай умный вид, остальное я сам. Понятно?

— Более чем! — рявкнул Четырин и отвернулся к окну.

— Вот и прекрасно, только девочку из себя не строй!

Зверев включил скорость, и машина поехала.

— Ну, так куда сначала-то едем? А то передрались, как бабы поселковые, а толку нет.

— К одному знакомому заехать надо.

— Это еще кто?

— Да черт его знает. Там разберемся. Я в последнее время голоса слышу, привыкаю потихоньку. Главное, чтоб потом, как Анна Каренина, под поезд не кинуться.

— Голоса?

— Голоса, мать твою! Ладно, едем.

— Куда?!

— В лес, — сухо ответил капитан и надавил на газ. — Праведника Иова искать. Нам только его для полного счастья не хватает. Жил себе, жил, и на тебе — вторая смена.

Четырин молча поморгал удивленными глазами. Впрочем, ему уже было все равно — лишь бы отсрочить встречу с семьей священника.

Миновав переезд, они очутились в небольшом лесном поселке, проехали немного по тракторной колее, остановились и вышли из машины, чтобы осмотреть местность. Пурга совсем разошлась.

— Отличная погода! Может, за грибочками сходим?! — сквозь ветер проорал Виктор.

— Не, не сезон! Пошли!

— Куда?! Не видно ни хрена!

— Дом какой-нибудь надо найти, там и спросим! Говорят, его тут все знают.

— Ну, это все меняет! Веди, Сусанин! Тут-то все дома как на ладони!

— А чего ты от меня хочешь?!

— Переждем метель в машине, а когда утихнет, двинем!

— А если не утихнет?!

В пурге показалось приближающееся темное пятно. Вскоре Зверев и Четырин разглядели человека, который брел, опираясь то ли на трость, то ли на посох. Виктор и Алексей, щурясь от снега, пытались всмотреться в эту фигуру, пока она не предстала перед их взором, словно ледокол, вышедший из бездны вечной мерзлоты.

— Слышь, мужик! Не подскажешь? Нам тут...

— Подскажу. Следуйте за мной. Меня предупредили, что вы придете. Эка как он сердится. Ну, ничего: не одному же ему блефовать. Мы тоже кое-чему научены, — проговорил незнакомец, посмотрев вверх на небо. — Прошу вас идти за мной и не теряться из виду, — человек с посохом поманил их за собой и ступил в метель.

— Не смотри на меня так, я сам охреневаю, — пожав плечами, сказал Четырину капитан и направился вслед за незнакомцем.

Вскоре все трое остановились возле ветхого домика, который больше походил на землянку: покосившаяся лачуга с перекошенной дверью. Все вокруг было засыпано снегом. Кашлянув несколько раз и сбив с ног снег, проводник открыл скрипучую дверь и вошел внутрь. Виктор и Алексей последовали за ним в кромешную темноту. Капитан почувствовал, что кто-то схватил его за рукав. Чиркнула спичка, и маленький огонек зажег лампаду, висящую под потолком. Затем загорелась еще одна свеча, потом другая, пока в небольшом полуподвальном помещении не стало совсем светло.

— Руку убери, — еле слышно прошипел капитан Виктору, который все сильнее и сильнее сжимал его куртку.

Тот мгновенно отодвинулся. Зверев и Четырин стояли молча, пока хозяин дома приводил помещение в жилой вид. Он неспешно открыл маленькую печку и подкинул несколько поленьев в почти погасший огонь, который с аппетитом стал поглощать сухое дерево. Раздался приятный треск. Гости с удивлением рассматривали дубовую кровать, простой стол, стоящий посередине землянки, и скамейку, сколоченную вокруг стола. В одном из углов висели старинные иконы, написанные на деревянных дощечках. И только когда хозяин дома предложил гостям присесть, Алексей увидел, что этот человек почти на полторы головы выше него. В пурге и темноте он этого не замечал, но теперь незнакомец показался ему великаном. Осторожно проходя мимо него, Зверев все же прикинул, куда лучше врезать, завяжись неприятный разговор, но тут же подумал, что с таким детиной не совладать даже вдвоем. Видать, мамка его на убой кормила.

— Я ждал вас.

— Как это ждали? — поинтересовался Виктор.

— Я ждал этого дня очень долго. И вот, наконец, ты здесь, — глядя прямо в глаза Звереву, ответил незнакомец. — Я забыл вам представиться. Когда-то очень давно меня звали Иов, а сейчас я ношу имя Виталий — в данное время оно гораздо больше подходит для нашего общения.

— Очень приятно, но почему вы так странно на меня смотрите? — отреагировал на пристальный взгляд собеседника Алексей.

— Я радуюсь тому, что ты нашелся. Что ты по-прежнему не сошел с верного пути, не вернулся во мрак. А он бы очень хотел этого. Эх, — Иов-Виталий тяжело вздохнул и по-старчески слегка улыбнулся. — Как жаль, что я не могу вдоволь поговорить с тобой: чтобы объяснить тебе все, потребуется слишком много времени, которого у нас нет.

— Я что-то в последние дни все чаще слышу про нехватку времени.

— Поверь мне, это действительно так. Ты пришел сюда не по своей воле. Хотя ты и жил-то всегда только ради того, чтобы служить другим.

— С чего это ты взял? — резко спросил капитан.

— Ты будешь пререкаться или задавать вопросы?

— Кто тот человек, который сел к нам в машину?! — не выдержав, воскликнул Четырин.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Виталий. — Человек?! Разве ты все еще веришь в то, что он человек?

— Тогда скажи нам, кто он?

Монах достал из-под кровати книгу и, открыв ее на нужной странице, стал читать.

— Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; Ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония. От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил; и Я низвергнул тебя, как нечистого, с горы Божией, изгнал тебя, херувим осеняющий, из среды огнистых камней. От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия твоего ты погубил мудрость твою; за то Я повергну тебя на землю, перед царями отдам тебя на позор[1]. Как упал ты с неба, денница, сын зари?! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера. Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему[2].

— И что это значит? — ничего не понял Виктор.

— Это значит, Вить, что ты подвозил дьявола. И именно он причина всего, что происходит, — ответил ему Зверев.

— Ты прав, — закрыл книгу Виталий. — Но только отчасти. То, что я прочитал, это всего лишь отрывок из книги, которая написана людьми.

— Ты хочешь сказать, что он хороший и добрый?

— Отнюдь нет, я не хочу сказать, что он добрый. Он ненавидит нас. Сказано: и была Тьма, и был Свет. Они существовали вместе все время, но Богу было угодно создать нас. Чтобы мы, смертные, могли дарить добро и любовь друг другу. Но Всевышний ошибся, а сотворенное очень трудно уничтожить, тем более, когда ты любишь свое чадо всем своим существом. А когда он попросил приклониться перед творением брата своего, изрек тот: «Они же ничтожны, зачем нам им кланяться? Не кланяемся же мы всему, что сотворили, ибо оно прах. Они предадут тебя, поскольку они смертны, и как бы ты ни делал их умней животных, они будут оставаться ими! Зря только тратишь время свое. Не достойны души они! И законов твоих они не достойны. Отвернись от них, и увидишь, кто есть творение твое. Ибо отрекутся они от тебя во благо себе, как только станет им худо». Никто никого не свергал в Геенну огненную, также не было войны между Светом и Тьмой. Сами подумайте, разве может между ними вспыхнуть война, если Отец наш просит любить и уважать друг

друга, прощать и помогать? Это придумали мы, люди. Для нас даже вера стала наживой. А для них это всего лишь игра, в которой мы, к сожалению, пешки. Один любит нас и жертвует всем ради нас, слепо веря в нас как в детей своих. Другой, наоборот, хочет уничтожить род людской и покарать всех за то, что мы творим. Вот и идет у них противостояние уже не одно тысячелетие.

— Раз мы такие никчемные, за что Он нас любит? — хмыкнув, произнес Зверев.

— Если бы Отец любил за что-то, он не смог бы полюбить нас вообще. Потому что мы прах, бунтующий против него прах. Дьявол это видит и пользуется нашим ничтожеством. Анатас мерит нас стандартами совершенства, которым соответствуют только боги, и поэтому мы все для него лишь воплощение греха. Ибо даже самые добрые и правильные дела, которые мы совершаем, не идут ни в какое сравнение с тем, какими великими они должны быть в идеале. Анатас знает это. И Отец наш знает это. Но Бог есть любовь — такова природа его.

— Интересно, на чьей стороне ты, монах? — сухо спросил Алексей.

— Я давно сделал свой выбор, поэтому и помогаю вам.

— Ты что, ангел?

— Я такой же, как и ты.

— Я видел птицу, которая превращалась в человека.

— Это Абигор, он же Ворон, — один из слуг дьявола, лучший его воин, его посланник в этом мире.

— То есть ты хочешь сказать, что Сатана путешествует по нашей грешной земле не один?

— Именно это я и сказал. Есть много, с чем еще вам предстоит столкнуться. Мир населяет не только род людской: много разных существ наполняют его. Просто вы замкнулись на себе и не видите ничего, кроме богатства, власти и плотских утех. Ума бы кто-нибудь захотел, так ведь нет, каждый считает себя умнее другого. Самый последний неуч думает, что он гений. Возможно ли было представить себе, что Анатас так близко подойдет к своей цели? И прошла-то всего какая-то жалкая пара тысяч лет со смерти Спасителя. Он был идеален — эталон человека, настоящий бог в смертной человеческой плоти. Жаль, что мне нельзя рассказать большего.

— Почему?! — возмутился Алексей.

— Потому что мои слова могут повлиять на ход событий. Сейчас главное не мои воспоминания и не то, что я думаю о тебе — это не имеет значения. Сейчас главное — постараться предотвратить катастрофу.

— Какую?

Монах покачал головой.

— Анатаса сопровождает не только Ворон. Бояться вам стоит Грешника, это самое страшное его создание. Он воплотил в нем все то, что вы больше всего любите, а любовь ваша — в грехах ваших. Грешник скроен из самых потаенных ваших мыслей, самых скверных желаний и поступков. Смотря на него, вы видите ничтожное существо, калеку, урод, но это лишь ваше собственное отражение. Я не беру в пример какого-то конкретного человека, я имею в виду все человечество. Если Грешник обойдет вас стороной, вам несказанно повезет. Сеять хаос и зло — вот его предназначение, и чем дальше он находится в вашем мире, тем сильнее и страшнее становится. Он, словно паразит, питается вашими грехами — неудержимое, ужасное и злобное творение.

— Вас послушать, так это дьявол виноват во всех грехах человеческих. Получается, мы из-за него живем так плохо? С чего вы взяли, что мы ему вообще интересны? Это напоминает попытки оправдать себя за все гадости, которые мы совершили, за свою лень, трусость, мелочность, меркантильность, желание переложить ответственность на кого-то другого. Я не верю, что это дьявол заставлял соседа-забудыгу напиваться и избивать семью. Я не верю, что дьявол вообще заставляет кого-либо совершать что-то — мне кажется, ему вообще нет до нас дела. Люди сами призывают зло в этот мир, — сжал кулаки Зверев.

— Ты меня плохо слушал. Я не сказал, что он причина ваших поступков. Да, он не заставляет вас совершать какие-либо действия, но он может подтолкнуть вас к ним. У него, так же как и у Церкви, есть свои слуги в человеческом облики, которые помогают ему в этом. Они служат для того, чтобы уничтожить самих себя, просто пока об этом не знают. Из твоих слов я понял так, что ты даже одобряешь его за то, что он карает, а не прощает. Не мне судить: добро и зло испокон веков существуют на земле, а дьявол и Бог — это частичка вас самих. Они — это вы, и сегодня вы выставляете свое зло напоказ. В глазах Анатаса вы все должны быть преданы смерти. Для него вы просто скот, как для вас корова или свинья. Для него не существует прощения. Поймите одно: с ним нельзя договориться. Он поставил себе цель и методично идет к ней, а задача остальных состоит в том, чтобы помешать ему.

— Остальных?

— Бог, люди, ангелы — все те, кто стоит по другую сторону. Все они стараются предотвратить то, что задумал Анатас.

— Апокалипсис? — усмехнулся капитан. — Очередной потоп или чума?

— Хуже.

— Что может быть хуже?

— Он хочет предоставить вас самим себе. Господь не сможет больше вас опекать.

— Бог-Бог! Что ты с ним заладил?! Он, по-моему, и сейчас особо нами не интересуется. Выйди из своей конуры и посмотри, что творится в мире!

— Ты ошибаешься.

— Тогда объясни мне вот какую штуку. Тебя твой любимый Бог наградил всякими болезнями, отнял детей, богатство! Да он вообще истребил кучу народа — достаточно вспомнить хотя бы семь казней египетских!

— Их было десять.

— Тем более! Потоп, крестовые походы — из-за его так называемого сына убивали младенцев. В чем смысл всего этого?!

— Я отвечу тебе. Что касается меня, то я считаю, не стоит верить всему, что написано, да и сказали тебе только то, что ты сам хотел услышать, иначе ты попросту не пришел бы сюда. Чтобы понять, как мало тебе требуется, чтобы не впасть в заблуждение, нужно отсечь все лишнее и сосредоточиться на фактах. Казни навели на себя сами люди, равно как и потоп. И в этом вряд ли виноват Бог. Младенцев резал царь Ирод, а он был смертным человеком, боявшимся потерять власть. Да и подтолкнули его к этому решению не слуги Божьи, уж поверь мне.

— Простите, что встречаю, — застенчиво проговорил Виктор, — но раз они всеильны, так почему им просто не шелкнуть пальцами и не сделать по-своему? Мир создан был всего за семь дней, а тут-то задачка-то попроще — поделить людей. Для чего им нужно нас сортировать? Отобрали бы каждый при рождении себе плохих и хороших, да и дело с концом.

— Интересное решение, — почесал затылок Виталий. — Вот смотри. Есть два животных: корова и коза. Обе питаются травой, обе дают молоко, у обеих есть рога, вымя и копыта. Только вот одна, прости за выражение, гадит лепешкой, а другая — горошком. Как ты думаешь, почему?

— А я почему знаю? — ответил Четырин.

— Вот видишь, ты даже в дерьме не разбираешься, а лезешь в высшие силы. Ты думаешь, так просто что-то создать? Они есть верховный разум всего, что нас окружает. Никто не ведает, были ли они первыми или их создал кто-то еще более могущественный. К сожалению, нам не суждено узнать этого. Но Вселенная — это бескрайнее пространство, а они почему-то уперлись в наш мир, в наше существование, в нашу планету. И если мы поймем и осознаем безграничность Вселенной, то тогда, возможно, нам откроется, кто или что есть они на самом деле.

— Господи, у меня сейчас мозг взорвется! Я ни слова не понял! Вселенная, высшие силы... Скажи хоть тогда, почему они выглядят как люди? — не выдержал Виктор.

— Они выглядят так, как вам удобней их представлять. Ты бы разговаривал с тем, у кого рога на голове и хвост сзади? А ты, Алексей, стал бы слушать абстрактную материю? — Иов мельком взглянул на огоньки свечей, которые потянулись к потолку и стали гореть намного ярче. — Надеюсь, я ответил на некоторые ваши вопросы. Рад бы был поговорить еще, но у нас слишком мало времени. Мне нужно дать вам некоторые наставления, ибо без них вам вряд ли удастся выжить.

— Как, это все что ли? Да какого черта-то?! Мы тратим время, премся к тебе, а ты тут же шлешь нас подальше?! Так что ли получается?

— Поверьте мне, нужно спешить. Я должен кое о чем вам поведать, и после этого вы уйдете. Немедля. И больше не пререкайтесь со мной.

— Как обычно, ничего путного. Ну, давай, вещай, — ухмыльнулся капитан.

— В скором времени, хотите вы этого или нет, вам придется столкнуться с тем, что вы не можете понять. Хотя вы уже с этим повстречались. Я не могу дать вам много информации, так как ограничен в своих возможностях. Нам и так крупно повезло, что нам дали возможность встретиться: до сего дня никто и никогда не навещал меня от них. А теперь слушайте внимательно. Скоро вы встретитесь с тем, что будет страшнее любого кошмара, но знай: вера — лучшая защита от всех напастей, даже если она принадлежит кому-то другому. Для того чтобы открыть истину, вспомни, что сделано руками человека на небе. Это все, что я могу вам сказать.

— Слушай, а вы все такие? Воду лить каждый из вас горазд, а как по делу, так сразу загадки, — сказал капитан.

— Я чего-то ничего не понял, — добавил Виктор.

— А у них так всегда, привыкай. По нему же видно, что он больше ничего не скажет. Ладно, и на том спасибо. Пошли, Витек, — вздохнул Зверев.

— Постой, Лех. Посмотрите, — Четырин вытащил из кармана злополучный кошелек. — Это осталось у меня после встречи с ним.

Виталий медленно подошел к Виктору и грустно улыбнулся.

— Да, он знает, что люди падки на дармовщинку. Любая вещь, которую вы приняли от него, — это своего рода маяк, по которому он всегда будет знать, где вы, даже если вы не в его власти, — Виталий взял подарок Анатаса и, подойдя к печке, швырнул его в огонь. — Ступайте, вам не стоит задерживаться.

— Но у меня...

— Уходите! Немедленно, — повысил голос монах.

Выйдя из дома, если это строение можно было так назвать, капитан попытался прикурить, но сильный ветер не дал ему этого сделать.

— Мой мозг отказывается понимать услышанное, — задумчиво произнес Виктор.

— Мой тоже. Долбаный ветер! — выругался Алексей.

— Нам в какую сторону?

— Кажись, туда. Довести довел, а обратно не соизволил. Слуга Божий! Толку от него никакого, — буркнул капитан, и они направились искать машину.

Иов сидел за столом, вглядываясь в огонек лампы, когда дверь отворилась и в нее вошел Ворон.

— Извини, что без стука и приглашения. Можно к тебе?

— Если я отвечу «нет», ты все равно не уберешься, — с могильным спокойствием ответил Иов.

— Тут я не могу с тобой не согласиться.

— Ну, а где все остальные? Где твой повелитель?

— Я давно уже здесь, Иов, — раздался голос Анатаса позади монаха.

— Что ж ты живешь, как бродяга? Ни пожрать у тебя, ни выпить?! Я помню, бывало, гулял ты зашибись — до того как тебя к праведникам приписали. А че, может, вспомним старое? Ведь люди, по сути, не меняются. Давай, монах, гульнем напоследок! Бахнем по маленькой да по девкам, а?! — выходя из темноты, весело предложил Грешник.

— Спасибо, я уже поддался один раз на ваши уговоры, мне долго пришлось потом раскаиваться.

— Ты же сам выбрал один из грехов, который посчитал самым безобидным. Подумаешь, всего лишь выпить, люди ведь трезвеют! Не твои ли слова, мой любезный святоша? А кто после этого совершил прелюбодеяние и убил мужа женщины, который вас застукал? Или, быть может, мы в этом виноваты? — заржал горбун.

— В этом виноват только я. Но вы же пришли сюда не за тем, чтобы припомнить мне былые деяния?

— Конечно, нет. Ты раскаялся, покаялся в них, прошел все испытания, и, как и полагается, тебя причислили к праведникам. Ну да ладно, сейчас меня интересует другое: я пришел узнать, почему, требуя от меня соблюдения правил, вы сами их нарушаете? — вступил в разговор Анатас.

— Ты тоже не святой!

— Ха-ха-ха! Приятно слышать, особенно от тебя. Давно никто не заставлял меня смеяться.

— Ты же все равно не сможешь мне ничего причинить, так зачем ты здесь? — снова поинтересовался Иов.

— Тут ты прав, я не могу совершить то, что хочу. Да и у моих спутников вряд ли получится с тобой что-то сделать. Но ты виноват и должен заплатить за то, что совершил: ты вмешался в ход событий.

— Ты сам много раз совершал подобное! — встал из-за стола монах.

— А ну-ка сядь, — Ворон положил на плечо Иова руку.

Монах мгновенно сжал руку Посланника так, что тот, подогнув колени, склонился к полу. Иов с силой оттолкнул его, и Ворон, перелетев через стол, рухнул около печки.

Вскочив, Абигор сделал было шаг вперед, но Анатас остановил его.

— Не стоит, тебе не совладать с ним. И ты, Маркус, стой.

— Но, повелитель!

— Иногда следует признать поражение до того, как начнется битва. Я знаю, ты силен, но этот орешек тебе не по зубам. Что касается меня, то я бессилён в данном случае.

— А я к нему даже подходить не хочу. Че, пернатый, получил по щам?! — обрадовался Грешник.

— Убирайтесь, Богом прошу, — прикрыв глаза, промолвил монах.

— Конечно, но ты ведь не считаешь, что я могу уйти, не достигнув своей цели? Или ты думаешь, что я пришел к тебе ради того, чтобы получить порцию унижения?

Дверь открылась, в избушку вошел человек в синем балахоне, молча вытащил пистолет и выстрелил в монаха. По полу покатила гильза, в груди Иова стало горячо, и он рухнул со скамьи.

— Вы мне ничего не сделаете. Бла-бла-бла! Мы-то нет, а вот ваши любимые творенья всегда могут подействовать, — расхохотавшись и плюнув на тело умершего, съязвил Грешник.

— Господин, что прикажете?

— Пусть события пока идут своим чередом. Нужно время, чтобы все пришло к логическому завершению. Ворон, сожги избу и догоняй нас. Все складывается очень хорошо, пока хорошо.

— Повелитель, а как же я? Что делать мне? — поинтересовался Носферато.

— А тебя я больше не задерживаю, ты можешь продолжать выполнять данное мне обещание. И я надеюсь, что в самом скором времени ты в этом преуспеешь. Ступай и помни: дав слово, его следует держать. Всегда.

Изрядно побродив по лесу, Алексей и Виктор все-таки вышли к своему автомобилю.

— Нужно будет заехать ко мне, — спокойно произнес капитан и посмотрел в сторону Виктора.

— Нафига?

— У меня дома кое-какие трофеи лежат. Из Чечни привез.

— Что? У тебя дома стволы?

— Нет, шоколадки и конфетки! Зайчик на Новый год принес! Конечно, оружие. Или ты думаешь, что я на эту братию с голыми руками пойду?!

— Так они же бессмертны!

— Знаешь, после всего услышанного мне уже пофиг, но без волыны к ним не сунусь. Знаю, что не умрут, но мне так спокойней!

— И много у тебя этого добра?

— Достаточно.

— Как же ты все это провез?

— Ты думаешь, миллиарды воровать в нашей стране можно, а пару стволов провезти через своих — проблема?

Машина медленно подъехала к подъезду дома, где жил следователь. Выйдя из автомобиля, Алексей и Виктор увидели несколько старушек, которые обсуждали какое-то происшествие.

— Ну, даже милицию да скорую понагнали. Таким, как они, одна дорога — в ад!

— А что случилось, Кузьминична?

— Да бандитов поймали!

— И как же это?

— В подъезде! Они Петровну вон как напугали, ее на скорой увезли. Инфаркт! Выживет или нет, одному Богу известно.

Зверев и Четырин молча вошли в подъезд. Открыв дверь в квартиру, Алексей быстро прошел в комнату и поднял сиденье дивана.

— А что, разуваться не надо?

— Ты еще ноги помой, — буркнул ему в ответ Зверев. — Выбирай, что приглянется.

— Ты что, третью мировую решил устроить? Ты же сказал, трофеи, — выпалил Виктор, осмотрев арсенал.

Внутри дивана складировались Беретта, два ТТ, одна граната, пара автоматов Калашникова, гранатомет, полный комплект боеприпасов и непонятно откуда взявшийся довоенный пулемет Дегтярева.

— Давай, бери, что понравилось!

— А гаубицы у тебя здесь случайно нет? Или, может, танк в гараже стоит, так ты не стесняйся, скажи, я уже ничему не удивлюсь.

— Хорошо паясничать! У меня здесь не музей, чтобы глазеть! Бери и пошли!

Виктор достал Беретту и покрутил ее в руке.

— Мне хватит.

— Ну, как хочешь. Остальное положим в машину.

— И как мы пронесем твой стратегический ядерный запас мимо старушек?

— В сумке! Сложим все в нее и унесем.

Капитан достал из кладовки большую спортивную сумку и уложил в нее оружие.

— Пулемет тоже возьмем?

— Не-е-е. Большой слишком, — без эмоций ответил Алексей.

— Ну, хоть это радует.

Они поспешили на улицу, сели в «Ниву» и, бросив сумку на заднее сиденье, тронулись.

— А если нас с твоим боезапасом ваш брат остановит?

— На то он и наш брат. У меня корочка есть волшебная. Так что не дрейфь, прорвемся.

— Как всегда, корочка решает многое, — тихо произнес Виктор, рассматривая свой пистолет.

[1]Книга Пророка Иезекииля, 28:14–17.

[2]Книга Пророка Исаии, 14:12–14.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ

На крыше одной из многоэтажек Тамбова застыл человек. Даже сильный порыв ветра не мог всколыхнуть его одежду: казалось, она была из бетона — такая же мрачная и холодная, как и взгляд носившего ее.

— Вас что-то беспокоит, Мессир? — спросил Ворон.

Анатас подошел к краю крыши и устремил взгляд в пустоту снежной ночи.

— Я просто люблюсь этим муравейником. Хотя нет. Муравьи знают свое дело и идут к общей цели сообща, помогая друг другу. Люди же все делают наоборот. Они как снежинки, которые, падая и кружась на ветру, ложатся на землю, образуя беспорядочные сугробы и не думая о том, что весной им придется растаять. Каждый из них тянет за собой песчинку, из-за которой муравейник может рухнуть. Одна песчинка решает, будет ли муравейник крепостью или станет братской могилой для всех муравьев.

— Но разве мы не делаем так, чтобы эта песчинка была нашей крепостью и могилой для всех остальных?

— Ты прав, Абигор, но даже пешки иногда становятся ферзями. И пока пешка не осознала своей потенциальной власти, ее следует поскорее убрать с шахматной доски. Сейчас мне нужна чистая душа, но не тринадцатый. Он мне понадобится в следующей партии.

— А давайте устроим турецкий гамбит. Я недавно смотрел кино: там было такое, что даже страшно рассказать, правда, плохие проиграли. Но я думаю, в нашем случае мы будем на высоте. Или мы хорошие? — подходя к краю крыши, произнес Грешник, достал из-за шивороты треуголку и, напялив ее себе на голову, встал в позу Наполеона.

— И кто победил в твоём фильме? — хмыкнув, поинтересовался Ворон.

— Долбаные людишки победили! Я их что, всех помнить должен, как породистое зверье? Негры, белые, арабы, славяне, чукчи! Тьфу! Мать их ети! Как их всех запомнишь?!

— Не серчай. Поверь мне, кровь у них у всех одного цвета. А в кино, дружище, победили русские.

— Вот гадство! Эти русские всегда побеждают! Почему так? Почему эта рвань, пьющая с утра до вечера и не знающая своей истории, побеждает?! — Грешник снял треуголку и швырнул ее на пол. — И почему я не вижу здесь медведей и матрешек? Мы точно сейчас в России?

— Точно, Авера, точно. Не расстраивайся, друг мой. Кажется, не так давно я обещал тебе праздник? — вспомнил Анатас. — Будет тебе праздник.

— Господин, я так и знал, что вы святой! Ой, не то сказал. Но я все равно люблю вас, как сын маму! — Грешник вытащил из-за пазухи пачку «Беломора» и швырнул ее на пол. — Это не то, — далее последовала бутылка водки, резиновая кукла и упаковка презервативов. — А что вы на меня так смотрите? Я за безопасный секс, тем более резина из латекса с пупырышками доставляет гораздо большее удовольствие, чем «Баунти» и посещение КВД, хотя это тоже райское наслаждение, черт меня побери. А ты, Ворон, как

развлекался со своими пернатыми, так и продолжай развлекаться с ними, — он достал из закромов балалайку. — Ух ты, какой раритет! Помню, мама меня учила трем аккордам. Она у меня панком была. Сейчас что-нибудь сбацаю! — перед Грешником тут же появился микрофон. Он подключил балалайку к усилителю и вывел мощность на максимум. На крыше раздались аплодисменты, и невесть откуда взявшиеся прожекторы осветили импровизированную сцену. — Сейчас спою! Уан, ту, Уан, ту, фри, фо. Эх, на горе танк, под горой Танька, я твой командир, ты моя ля-ля-ля!!! — протяжно завыл Грешник.

— Я тебе эту балалайку сейчас куда-нибудь засуну! — не выдержав, рывкнул Маркус и резким движением перерубил мечом провода.

В этот же момент весь сценический антураж исчез, а горбун, словно кошка, отпрыгнул в сторону.

— Ой, извиняюсь, малость отвлекся. Шоу-бизнес бьет по мозгам. Я просто зазвездил, сами понимаете. Стоит только хлопнуть человеку, как он мнит себя совершенством во всем. Вот четыре билета на рок-концерт, который начнется через десять минут. Кто с панком по клубам?! — на голове Грешника образовался ирокез, а вместо фуфайки засверкала заклепками новая косуха.

— У меня есть дела поважнее, чем смотреть на твои выходки, — отказался Маркус.

— Отлично, тогда я возьму с собой даму сердца, — Грешник одним выдохом надул резиновую куклу. — Она хоть и не разговорчивая, но покладистая, во всем меня, одинокого, понимает и, между прочим, ценит, в отличие от вас, упырей!

Девушка из латекса обрела человеческий вид.

— Ну нет, милая, такой голой я тебя на концерт не пущу. Сама понимаешь, панки — народ неординарный, могут еще что-нибудь плохое про тебя подумать, — он щелкнул пальцами, и на кукле появилось шикарное вечернее платье. — Между прочим, мы опаздываем. Пойдемте скорее.

— Я присоединюсь позже, — всматриваясь в падающий снег, ответил Анатас.

— Милорд, разрешите мне удалиться. А то как бы он, — Абигор кивнул головой в сторону горбуна, — не натворил чего без присмотра.

— Ступай.

Посланник превратился в ворона и скрылся в темноте. Грешник с дамой сердца тоже исчез, рассыпавшись на множество снежинок. Анатас заговорил первым.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь об этом с того момента, как мы появились здесь: ты жаждешь возмездия. Однако ты знаешь правила: я не могу тебе этого разрешить. Зато я могу закрыть на это глаза. Но помни: если что-то пойдет не так, прикрывать тебя я не буду, так как наша цель важнее, намного важнее твоей мести. Я понимаю: ты ждал этого очень долго, я знаю, что он предал тебя, — я знаю все, и поэтому ты со мной.

— Я все возьму на себя! И это никак не отразится на вас, Милорд.

— А что ты можешь взять на себя? Если ты уничтожишь тринадцатого, это может пошатнуть наши позиции. Хотя я и сам не прочь, чтобы ты поквитался с ним.

— Я устрою несчастный случай.

— Несчастный случай? Знаю я твои несчастные случаи. Обычно после них начинаются глобальные войны. Надеюсь, это будет не так показательно, как 28 июня 1914 года?

— Вы же просили, чтобы он умер!

— Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда должно было произойти тихо, а не на виду у многотысячной толпы.

— Результат был достигнут, война началась.

— Она закончилась не так, как я планировал, и в этом была твоя вина. Твоя спешка и попытки походить на брата не привели ни к чему хорошему. Ты не такой, как он, и ты должен научиться принимать это. У тебя есть свои плюсы, Маркус. Их просто нужно уметь использовать.

— Я хотел, как лучше, Милорд. Я же не знал, что все обернется иначе.

— Сейчас тоже никто не знает, во что все это может вылиться. Впрочем, хотя твоя идея заранее провальная, тебе стоит попробовать, так как все равно тринадцатый должен будет сразиться с тобой. А Он, — Анатас показал пальцем вверх, — все равно не допустит, чтобы ты обрел бессмертие. Противостояние должно быть всегда на равных, ибо по-другому в нем не будет смысла. Нам нужно вывести его из игры. А потом я найду ему другое тело и новое применение.

— Я убью его, сир.

— Хорошо. Ты был хорошим воином, надеюсь, таким и останешься.

— Рад вам служить, Милорд, — произнес Маркус и исчез, а Анатас еще долго стоял в полном одиночестве, всматриваясь в темноту города.

Пьяная толпа панков гудела около входа в бывший кинотеатр «Спутник». Большая вывеска с названием выступавшей группы еще больше раззадоривала и без того подогретую алкоголем и неконтролируемую толпу. Милиция уже оцепила периметр клуба.

— Ну вот я и на месте! — оглянулся по сторонам Грешник.

— Ты думаешь, я оставлю тебя одного? — тут же положил руку ему на плечо Ворон.

— Папа попросил за мной присмотреть?

— Ты, главное, веди себя хорошо, если ты вообще понимаешь смысл этого слова.

— Слушаюсь! И хотя я не сильно образован и не знаю, что оно означает, я могу спросить об этом у одного из этих молодых и культурных людей. Юноша, а вы не знаете, что такое хорошо, а что такое плохо? — поинтересовался Грешник у еле стоящего на ногах парня.

Отхлебнув из бутылки пару глотков пива, тот с трудом сфокусировал свой взгляд на непонятном карлике.

— На, братан, хлебни пивка и не рушь мне мозг. Панки, хой! — заорал во все горло фанат.

— Панки, хой! — ответил ему Грешник, отхлебнув пива.

— И что это значит? — поинтересовался Ворон.

— А хрен его знает. Все орут и я ору.

Через несколько минут двери клуба открылись, и толпа с криками ринулась внутрь.

— А ты не мог бы достать билеты в филармонию или, например, на балет? Ну хотя бы в кино?

— Да ты что, Ворон?! Тусняк будет отпадный! Лучшие люди города здесь! — Грешник кинулся в толпу.

— Да, я вижу: самый цвет интеллигенции собрался.

Сцена клуба располагалась по центру помещения, перед ней было большое пространство, с левой стороны на возвышенности находились барная стойка и столики. Зал быстро заполнился зрителями. Грешник и Ворон сели за столик, а когда все столы оказались занятыми, народ потянулся к барной стойке.

— Ух ты, ух ты! Глянь, какой ходячий металлолом! — показывая пальцем на проходящего мимо парня в пирсинге, заорал Грешник.

— При инквизиции так людей не пытали, как он сам себя изуродовал, — Ворон подошел к бару и взял две кружки пива.

— Эй! — окликнул Грешник ходячую подушку для иголок.

— Чего тебе?! — отхлебнув пива и смачно рыгнув, проговорил и без того заплетающимся языком цветмет.

— Это кто ж тебя так? — показывая на железки, с жалостью проговорил Грешник.

— Что? Нравится?! — парень с гордостью облокотился на барную стойку. — Это мой кореш постарался.

— Больно, наверное?

— Да нет, приятно даже! Сейчас так модно! Бабы на это западают!

— Вот здорово! Я тоже так хочу! — Грешник схватил со стола вилку и воткнул себе в глаз. — А-а-а! Ты меня обманул! Мой глаз! Мой глаз! Спасите мой глаз! Я ничего не вижу! — упав со стула и катаясь по полу в истерике, кричал горбун.

От происходящего парня стошнило, а стоящие рядом люди в ужасе отшатнулись в сторону.

— Не волнуйтесь! Все нормально! Это он шутит! — успокоил народ Посланник. — Вставай давай! Хватит дурака валять! И что это за хрень у тебя в глазу? — садясь за стол, удивился Ворон.

— Отстань, птица! Не до тебя сейчас! Видишь же, что друг кровью истекает. Ты хотя бы перевязку сделал, я ж помираю! — поднимаясь с пола и тоже усаживаясь за стол, орал Грешник. — Если в моде не разбираешься, молчал бы!

— Ну и что это за мода?

— Деревня ты! Это пирсинг! Прокальываешь себе все части тела и тащишься!

— Ну-ну, — отхлебнул пиво Посланник. — Может, я чего не понимаю, но торчащая из глаза вилка — это, по-моему, не очень красиво.

— Ты видел, этого дурака на меня стошнило. По-моему, он меня и вправду обманул. Не так уж и прикольно.

— Ты думаешь?

— Уверен, — горбун сделал глоток, вынул из глаза вилку и помахал ею перед собой.

Парень-цветмет побледнел и рухнул на пол.

— Что за молодежь пошла? Неустойчивая какая-то и напрочь лишенная чувства юмора, — Грешник положил вилку перед собой, вынул глаз и бросил его в кружку с пивом. — О! Гляди, Абигор! У меня мартини с оливкой!

— Зато у тебя юмора хоть отбавляй. Только какой-то он у тебя плоский. Смотри: никто не смеется.

Люди, прикрывая рты, расходились в разные стороны подальше от ненормальной парочки.

— Они просто ничего в шутках не понимают! А, между прочим, смех, к твоему сведению, продлевает жизнь, — горбун вставил глаз обратно, снова воткнул в него вилку и одернул мимо проходящего панка. — Эй, парнишка, как тебе мой пирсинг?!

— Мать твою! Придурок! — отпрыгнул тот в сторону.

— Да, похоже, мне это и вправду не к лицу! — Грешник обиженно вытащил вилку. — Слушай, пернатый, а если я вообще буду без глаза, как это будет называться?

— Кутузов!

— Не, это имя мне не подойдет, не нравится оно мне что-то, — он помешал вилкой пиво и залпом осушил кружку до дна. — А может, я вообще на ТВ уйду? В «Аншлаг» подамся, псевдоним возьму. Например, Ян Грешниковский или Грешник-Петровский?! Буду нести людям позитив и улыбки! А чем я хуже? Они от смеха на ногах не смогут удержаться!

— Боюсь, от твоего юмора у телепередачи рейтинг упадет на полшестого, а у людей, смотревших на тебя, жизнь укоротится. И без того клоунов хватает на телеэкранах. Их, вон, в новостях каждый день показывают. А вот у меня ты, действительно, вызываешь улыбку. Хотя мне ты жизнь больше, чем есть, тоже не продлишь.

Грешник, перепрыгнув через барную стойку, схватил литровую бутылку водки и залпом опустошил содержимое. Затем вскочил на стол, смачно рыгнул, и со всего размаха разбил ее о свою голову.

— За ВДВ! В смысле, панки, хой!

Поддержка со стороны молодежи последовала незамедлительно.

— Панки, хой! — в разнобой заорала толпа, запрыгав на месте.

— Кто в лес, кто по дрова! — прошипел Грешник, показав неуважительный жест пальцем руки, после чего слез со стола и сел рядом с Посланником. — Толпа придурков и баранов! Они даже крикнуть в один голос не могут! В армию их всех надо, в горячую точку, там им мозги от дерьма сразу прочистят! Наркоманы долбаные! Я с вами еще разберусь! Давай-ка выпьем с тобой, пернатый, за мой успех в шоу-бизнесе! Между прочим, ты мой первый поклонник! Знаешь, если поперет и я раскручусь, то возьму тебя на должность менеджера. Ну, как предложение? Согласен?

— Конечно, согласен! Буду на двух работах работать! А что? Надо как-то развиваться. Только среди людей, боюсь, ты поклонников не найдешь!

— Почему ж не найду?! Найду. Вот, один уже есть! — показывая пальцем на лежащего панка, сказал Грешник. Он слез со стула, подошел к парню и, сев на корточки рядом, стал хлестать его по щекам. — Эй, пережиток инквизиции, проснись! Я кому сказал?! Проснись!

Парень, замотав головой, открыл глаза. Увидев перед собой сумасшедшего карлика, который в улыбке скалил острые гнилые зубы, бедняга пополз назад, с испугом глядя на Грешника.

— Я это, как его...

— Что «я это»?! У меня к тебе деловое предложение: хочешь быть ассистентом в моем шоу?

— В каком еще шоу?! — неуверенно спросил парень и с опаской посмотрел в сторону выхода.

— Ну, уж точно не в «Сам себе режиссере», а в шоу, которое сделает из тебя человека! Твои родители станут гордиться тобой! Или ты хочешь свою жизнь прожечь, бегая по притонам, накачивая себя всякой дрянью и воруя деньги на очередной дозьяк у папы с мамой? А ведь они души не чают в своем сыне, живут на жалкую пенсию, перебиваясь кое-как, лишь бы их чадо ни в чем не нуждалось и никогда не пошло по дороге, ведущей в никуда! Ради твоих родителей, не ради тебя, я дам тебе шанс и укажу путь, который заставит твоих предков гордиться тобой.

— Отстань от меня, псих! — испуганно и обреченно заорал парень, рванулся в сторону и растворился в толпе.

Публика взревела, на сцену вышли музыканты, и концерт начался. Ворон и Грешник по-

прежнему сидели за столиком. Толпа визжала, оглушительный грохот из колонок терзал не только уши, но и тела людей. Несметное количество молодежи прыгало под музыку, выкрикивая непонятные фразы.

— И это будущее великой страны? — сделав глоток пива, спросил Ворон, глядя на толпу.

— Цвет нации! Посмотри, ведь они лучшее, что у нас есть! — радостно крикнул Грешник, прикуривая «Беломор».

— А где мазурка? Где вальс? Где все это? Почему стражи порядка снаружи, а не внутри, почему несовершеннолетние пьют здесь и вгоняют в себя всякую дурь?

— Почему-почему?! Ты сам в курсе, кто допускает это. Каждый из них знает ворюг и продажных чиновников по именам. Только вот пока капает бабло, никто их не остановит. А после нас, как говорится, хоть потоп.

— Неужели они растеряли все то, что когда-то имели? Славяне даже в плен, помнится мне, не сдавались, ибо смерть считали гораздо лучшей участью, чем ничтожное существование в качестве рабов.

— Они все это еще в семнадцатом году на коммунистический строй сменили, а потом на демократический. Вот теперь и радуются! Царя на лысого, лысого — на трусы и джинсы из Америки! Страна непуганых дебилов. Люди, сбившиеся с курса, без прошлого и будущего! Хотя, они такие меня больше радуют. Сам посуди: подростки — мерзость, образование — дерьмо! Все построено на откатах и коррупции! Рай, а не жизнь!

— Тебя и бомжи возбуждают.

— А что сразу бомжи? Бомж — тоже человек! Между прочим, таково истинное лицо всех этих двуногих. Все они такие же мерзкие и вонючие! Правда, они пытаются скрыть это дорогим парфюмом. Посмотри на этот сброд: сейчас они чувствуют себя королями жизни, пьют вино, курят, употребляют всякую дрянь и радуются, ощущая себя взрослыми! Единственные, кто здесь не притворяется, это я и ты!

— Откуда такие познания?

— Ну, если бы я в первый раз был на такой тусне! А то я здесь свой кореш!

— Представляю, скольких человек ты сбил с истинного пути!

— Это точно! Самое клевое — смотреть, как бедные мамыши и папаши холят и лелеют свое чадо, ублажают его, даже не подозревая, чем оно занимается. Нет, не бывать больше пушкиным и толстым. Для них читать стихи девушке — это глупость. Да я, в принципе, согласен: зачем напрягаться, когда ее цена — бутылка вина и шоколадка? Кстати, ты хоть раз вот эту дрянь пробовал? Шикарная штука из Афгана! Первый сорт!

— Заманчиво предлагаешь.

Грешник вытащил шприц, зажигалку и ложку, приготовил дозу и протянул Ворону.

— На, ширнись, почувствуй себя ближе к молодежи!

Ворон медленно закатал рукав и вколол вещество в вену.

— Ну как? Чувствуешь себя тинэйджером?

— Придурком полным я себя чувствую! Хрень какая-то. Лучше водки выпить, а эти новомодные приколы не по мне.

— Вот и я говорю, что дерьмо полное, а они, прикинь, тащатся! — Грешник достал из кармана горсть белого порошка, высыпал на стол и, заткнув пальцем одну ноздрю, вдохнул его в себя. — Кокс! Чистый, колумбийский!

— Для чего ты все это делаешь?

— Понтуюсь! Ты, Посланник, не понимаешь. Сейчас все это прикольно, модно! Ладно, пойду потусуюсь! Я сейчас на позитиве! Меня просто страсть как тарашит!

Грешник вылез из-за стола и, пританцовывая, направился к визжащей и прыгающей толпе. Ворон проводил его взглядом. Повернувшись, он обнаружил за столом Анатаса. Посланник поднялся и поклонился. Господин жестом показал, что он может сесть. Тем временем Грешник пробрался сквозь пьяную толпу, расталкивая всех на пути, не извиняясь и не обращая внимания на высказывания в его сторону, и, подойдя поближе к сцене, запрыгал и затряс поднятой вверх рукой вместе со всеми.

— Ну, и как отдых? — поинтересовался Анатас.

— Отдых? — удивленно произнес Ворон. — Отдых с Грешником?

— Да, он всегда мог испортить любой праздник.

— А где Маркус? Неужели вы все-таки отправили его к тринадцатому?

— Мне пришлось это сделать. Они, конечно, остановят его, и Маркус лишится бессмертия. Но тогда он, наконец, сможет утолить свою жажду мести.

— Я лично тренировал Луция, Милорд. Маркус — прекрасный воин, один из лучших, но он не чета ему.

— Я знаю, на что способен тринадцатый. Не убей, гласит его заповедь. Посмотрим, как он выдержит испытание.

— За грехи ваши... — Ворон поднял кружку пива, отпил из нее и добавил. — Смерть!

— И как можно отдыхать в таком месте? — произнес Анатас, всматриваясь в клубы сигаретного дыма и слушая грохот непонятной музыки.

— Да, нынешняя молодежь не та, что прежде. Показать свою дурь — вот их жизненный принцип.

Рядом с их столиком сидела группа молодых людей, которая, не обращая никакого внимания на своих соседей, громко спорила и материлась. Анатас медленно перевел взгляд на них. Он пристально смотрел на компанию, опершись на свою трость, и, словно губка, впитывал их разговор и жестикуляцию, мимику, способ общения. В это время Грешник уже подходил к уборной, держа под руку изящную девушку в красном платье, которая потрясала собравшихся своей красотой и нарядом. Сказать, что она была прекрасна, значит ничего не сказать. Она была чертовски хороша! И никто не мог понять, как такая роскошная дама может находиться здесь и с таким уродом.

— Подожди меня тут, малышка, а я пока поссать схожу! Ой, прости, милая, зайду в уборную и припудрю свой носик, — Грешник поцеловал девушке ручку и скрылся за дверью с табличкой в виде перевернутого треугольника.

В углу уборной стоял подросток в слезах и пьяном угаре и пытался вскрыть себе вены. Он кричал что-то невнятное о безответной любви, а двое друзей уговаривали его не покидать этот мир. Чуть дальше на грязном полу сидел еще один парень с перетянутой рукой и торчащим из вены шприцом. Это был тот самый молодой человек с пирсингом. Грешник подкрался к его уже бездыханному телу.

— А я тебе говорил. Надо было идти ко мне в шоу, а ты? Не послушал меня, а ведь я предупреждал, давал тебе шанс — все было в твоих руках. Но ты выбрал то, что счел нужным. Вы всегда выбираете минуту удовольствия и не смотрите в вечность радости.

Грешник провел рукой по лицу юноши, закрыв ему глаза. Никто вокруг не обратил внимания на труп: все были заняты своими проблемами.

— Что вы за люди?! — крикнул горбун подросткам.

— Заткнись, урод! — раздался ответ из кабинки.

— По-моему, ты еще меня даже не видел.

— Да я на твою морду и смотреть не хочу!

— Нет, ты уж посмотри на меня, дружок! Если б не хотел видеть, молчал бы! Любопытство до добра не доводит! — Грешник культурно постучал по обшарпанной двери. — Извините, здесь не занято?

Дверь с треском распахнулась настежь.

— Ты, придурок, совсем оборзел?! Я тебя, мразь, сейчас так изуродую!

— Да пожалуйста! Одно утешает, хуже уже не будет!

Горбун с небывалой легкостью впихнул парня в уборную и закрыл за собой дверь. Раздался страшный крик, также оставшийся без внимания присутствующих. Спустя пару минут Горбун, отряхиваясь, вышел из кабинки.

— Ну надо же, второй раз за вечер! Беда просто какая-то! Как так можно было утонуть в пищевых отходах из собственного желудка? — покачал головой горбун, подкинул в руке человеческий нос, швырнул его в переполненное мусорное ведро и направился к выходу.

За грязными перегородками кабинок слышались звуки блюющих людей, перебравших спиртного. Ползая в собственных нечистотах, они, вероятно, чувствовали себя настоящими мужиками, ибо считали, что если ты выпил и покрасовался перед корешами, то ты просто супер. На самом деле всем на них было наплевать, ибо мусор никому не интересен и не нужен. Понимаешь это только спустя годы, когда, наконец, становишься по-настоящему взрослым. Взрослый не хвастается тем, что нажрался и блевал в сортире. Взрослого ценят за то, чего он добился, какая у него семья и положение в обществе, как относятся к нему друзья и коллеги. Жизнь дается один раз, впрочем, каждый имеет право смыть ее в унитаз, если ему это заблагорассудится.

Грешник ушел, а в уборной остались лежать тела молодых парней, на которых по-прежнему никто не обращал внимания. Люди находились рядом с мертвыми, но даже не смотрели в их сторону, не говоря уже о попытках помочь, когда те еще были живы. Гордыня, юношеский максимализм и безответственность не позволяли им внять страданиям ближнего. Каждый из них думал лишь о себе, старался показать себя в лучшем свете, получить превосходство над другими. Люди всегда полагали себя высшими существами, считая животный мир диким и необузданным, тогда как на самом деле все было совсем наоборот. Теперь же мир перевернулся: человек истреблял самого себя, привыкнув к тому, что Бог все простит. С одной стороны, жестокость порождает жестокость, ненависть порождает ненависть, а зло порождает зло еще больших масштабов. С другой стороны, какой будет страна, в которой милиционер станет при ударе негодяя подставлять другую щеку? А разве станет отец ребенка, ведомый принципом отрицания насилия, бездействовать, когда избивают его сына или насилуют дочь? Ни это ли будет истинным грехом? И тогда какой подход правильней? Подставить щеку или убить мерзавца? Каждый верующий считает, что Бог всемогущ, и надеется на его справедливость. А что еще остается человеку? Только уповать на Бога и надеяться на его милость. Ибо если вы не верите в него, то и он не особо нуждается в вас!

В воздухе висел запах табака и перегара, рев толпы порой заглушал музыкантов, концерт был в самом разгаре.

— И что тут такая красивая делает? — поинтересовался один из парней у изящной девушки, стоящей рядом с мужским туалетом.

— Тебя жду, — улыбнувшись, ответила она и достала из сумочки дамскую сигарету. — Огоньком не богат?

Парень явно не ожидал такого ответа. Он замер, глядя в большие карие глаза красавицы.

— Ты у нас глухой, или мне повторить вопрос?

Парень быстро и нервно вытащил из кармана зажигалку и дал ей прикурить.

— Спасибо, сладенький. И долго ты будешь стоять, как статуя? Я же вижу в твоих глазах желание, а желания должны исполняться, ведь ты же в это веришь? Может, выпьем и посидим вдвоем?

— Да без проблем! — обрадовался парнишка, не переставая таращиться на шикарную грудь незнакомки.

— Ну так пойдём.

— Конечно, пойдём! У меня и столик есть в шикарном месте. Там мои кореша сидят.

— Чего же мы ждём? Проводи меня, а то я уже совсем заскучала.

Парочка направилась в сторону, где располагались, так сказать, наилучшие места. Горбун вышел из уборной, проводил их взглядом и ухмыльнулся.

— Разве можно прощать людей за то, что они творят? — тихо проговорил Анатас.

— Полностью с вами согласен, Милорд. Каждому должно воздаваться по заслугам. Что посеешь, то и пожнешь. Так говорят сами люди.

— У них много хороших поговорок. Если бы они еще и сами к ним прислушивались. Видно, и впрямь у них нет головы. Они хотели бы проснуться, да это не сон, это реальность, и от нее никуда не денешься.

— Люди беспечны, но это их выбор. Думаю, если бы ваш брат, Милорд, понял бы это, то он бы узрел их в полной красе.

— Ты прав, только проблема в том, что Он никак не хочет этого понимать. И поэтому нам нужно получить превосходство в виде чистой души, чтобы большинство остальных душ также склонилось на нашу сторону. Тогда Он увидит, на что способны его любимые творения без его законов, без его прощения, без его присмотра.

Рядом за столом толпа продолжала гулянье. Но все стихло, как только молодой человек подвел к их столику девушку в красном платье. Вылупив глаза, молодые люди позабыли о своих спутницах. Они, не сводя взгляда, смотрели на изящное тело красавицы.

— Может, кто-нибудь уступит даме место? — потребовала она, и все тут же наперебой стали предлагать ей присесть.

— Да, Грешник не угомонится, пока не испоганит души всем этим подросткам, — наблюдая за ними, заметил Посланник.

— А чего еще от него ожидать? Не он такой, а они такие. Они даже не стараются противостоять ему. Глупое человеческое «Я» — кому оно нужно?

С кошачьей грацией девушка присела за столик.

— Ну что, ребяташки, как настроение? — с некой зловещей, но при этом прекрасной улыбкой спросила она.

Все присутствующие бросились рассказывать, как и где они круто проводили время, пытаясь то ли рассмешить даму, то ли показать себя. Выслушав всех, девушка выждала несколько секунд, окинула их взглядом и развела руки в стороны.

— И это все?

Некоторые парни, закатив глаза к потолку, пытались припомнить еще что-нибудь, но, ничего более не найдя в своих базах данных, зависли, тупо глядя на прелестное тело

собеседницы.

— Неплохо. Правда. Я никогда так не веселилась. По мне, так лучше скучные балы, светские разговоры о живописи и бессмертии классики, вальсы, мазурка, музыка Моцарта и Штрауса.

Открыв рты, парни молча переглянулись и в один голос, словно марионетки, произнесли:

— Конечно! Мы иногда тоже танцуем страуса и слушаем мажорку.

— Неужели я нашла единомышленников? А кто вам еще нравится из классики?

— А дофига! — воскликнул молодой человек, который привел красотку, и, обняв ее, добавил: — Один Чарли Чаплин чего стоит!

— А кто это?

— Не знаю, танцует что-то.

— Ух ты! Какие познания! А что вы думаете о музыке?

Но они не успели ничего сказать, потому что к ним подошел человек, похожий на большого чиновника или депутата.

— Добрый вечер, дамы и господа. Я вам не помешал?

— А это что за дикобраз?

— Дикобраз, извините, — дикое животное, которое обитает на территории от Южной Европы до Юго-Восточной Азии. И таковым, увы, я для вас не являюсь, — подвигая стул и садясь рядом, парировал Грешник. — Рад представиться, Феликс Эдмундович Дзержинский, — протягивая руку, с улыбкой произнес странный человек, но тут же осознал, что никто не горит желанием с ним общаться. — Я тоже рад с вами познакомиться.

Недовольная компания с ухмылкой осматривала собеседника.

— Ну, ни хрена себе, какой культурный! Может, ты хоть скажешь, откуда ты такой красивый нарисовался? Или тебе допрос устроить? — разминая кисти рук, произнес один из присутствующих. — Вали туда, откуда пришел! Не видишь, мы заняты, — молодой человек недовольно толкнул Грешника в плечо.

Посланник посмотрел на Анатаса, тот одобрительно кивнул головой.

— Ну, раз они сами хотят узнать, откуда он взялся, почему бы им это не объяснить? — Ворон не спеша направился к столику, за которым сидел Грешник. — Вечер добрый. Зачем вы так? Ведь с вами просто хотят пообщаться, а вы грубите!

— Глянь, пацаны, еще один придурок нарисовался, хрен сотрешь!

— Вот видите, вы опять грубите. Я предполагаю, что вы, наверняка, не читали умных книг, в одной из которых сказано: «Ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их»[1]. Но это не дает вам права разговаривать с незнакомыми людьми в подобном тоне. Тем более что вы не знаете, к чему приведет ваш разговор, и уж тем более не догадываетесь, кто к вам подошел и заговорил с вами. Между тем я обратился к вам лишь для того, чтобы просто поздороваться.

— Интересно, и с кем ты здесь хотел поздороваться?

— Но уж точно не с тобой.

— Это почему же?

— Почему? Да потому, что от тебя воняет! Вот почему, — влез в разговор Грешник.

— Что ты сказал?!

— Сказал, что слышал! Ты в армию-то почему не попал? А?!

— Так я откосил, — уже без особого рвения пробормотал парень и забегал глазами по сторонам, чувствуя, как на нем сходятся взгляды окружающих.

— Откосил?! То есть ты хочешь сказать, что энурез, которым ты болеешь до сих пор, — это такой откос?! Да не смейся меня! Всегда нужно говорить правду. Не откосил, а ссышься ты постоянно!

Раздался громкий смех одного из парней, сидящих за столом.

— А ты чего ржешь?! На твоём месте я бы плакал! Таким, как ты, только в тюрьме хорошо: и жопа в тепле, и параша рядом, и сокамерники о женщинах не думают! Я бы на месте твоих друзей сигаретку с тобой на двоих не курил и в бане вместе не мылся. Вдруг мыло упадет, а ты тут как тут? Правда, трудно быть не таким, как все? Зато над другими клево смеяться!

Сидящие за столом подозрительно посмотрели друг на друга, не понимая, что происходит. Они пришли на концерт отдохнуть и повеселиться и никак не ожидали вечера раскрытия секретов. Притом таких секретов, о которых обычно не узнают даже после смерти.

— Это что, шутка такая, розыгрыш? Вы что, из телешоу какого-то?! — спросила одна из девушек.

— Розыгрыш? Конечно, розыгрыш. А вот и тебе правда жизни! — сказал, обращаясь к её парню, Ворон. — Именно с такими же невинными глазами она врала тебе, когда говорила, что заболела и не может прийти на свидание. Она и на самом деле была больна, но только не простудой, а... как это будет по-научному? Вспомнил: простудифилис! Просто сучка напилась на очередной вечеринке, и её драли все кому не лень. Букет заболеваний был настолько богатым, что она до сих пор себе пенициллин колет. Так что я бы на твоём месте воздержался бы от нее.

— Да ты... Да вы... Уроды! Не виновата я! — девушка заплакала и выбежала из помещения.

— Да-да, он сам пришел! Я имею в виду простудифилис! А что вы такие скучные? Неужели ваша геройская компания больше ничего не скажет? Или вы боитесь? «Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя»[2]. Но, видно, вы и этого не знаете, христиане хреновы. Хотя я гляжу, на каждом висит лик Его. Но вы носите его не по праву, ибо мы тут, а значит, Он не нуждается в вас. Крестик на груди и нолик в душе — вот смысл вашей веры!

— Ну что, я пошла? — нежно обнимая Грешника и целуя его в щеку, проговорила красавица в красном платье.

Все присутствующие молчали.

— Ну, никто больше ничего не скажет?! Не нагрубит?! Не посмеется?! Ну же! Что случилось-то? Давайте-давайте, — в ответ слышалось только угрюмое сопение, каждый боялся открыть рот в страхе обнажить свои самые сокровенные секреты. — Ну, тогда пока, придурки. И никогда не перечьте путнику и нуждающемуся, ибо нуждающийся может быть королем!

Машина ехала по запорошенной снегом дороге, внутри салона было тепло, Виктор дремал. На очередном ухабе он открыл глаза и потянулся.

— Долго еще ехать?

— Прилично. Наш пепелац быстрее ехать не может, да и дорога не ахти, замело все.

— Но-но! Ты мою ласточку не обижай! Она, если надо, знаешь, как гонять может?

— Только запчасти придется по всей дороге собирать!

— Очень смешно, — буркнул Виктор и, повернувшись к боковому окну, увидел стоящего на обочине Маркуса в легионерских доспехах.

— Что это?!

— Где?

— Там, на обочине!

— Я ничего не видел.

— Там человек был!

— И что теперь? Придурков много. Может, он домой идет.

Через минуту свет фар снова осветил обочину, и теперь они уже оба увидели человека в римских доспехах. В одной руке Маркус держал копье, в другой — щит. Машина промчалась мимо, и он без всяких эмоций проводил ее взглядом.

— Что это за хрен?

— Я же тебе говорил, что я что-то видел! Ты обратил внимание, какой он здоровый?!

— Какой-то пережиток прошлого, — Зверев еще раз посмотрел в зеркало заднего вида.

— Прибавь газу. Не нравится мне все это.

Капитан нажал на акселератор, двигатель загудел, машина начала набирать скорость. Но через несколько мгновений легионер снова смотрел на них с обочины дороги.

— Мы едем или стоим?! — заорал Виктор.

— Я уже и сам не знаю.

— Давай, капитан, гони! Гони!!!

Стрелка спидометра поднялась до ста десяти. Машина плохо слушалась руля, но стремительно двигалась вперед. Свет фар вновь осветил Маркуса, который на этот раз стоял посередине дороги, его плащ развевался на ветру, а доспехи сверкали.

— Тормози!

Легионер с силой вонзил острие копья в промерзший и занесенный снегом асфальт. Пилум пробил покрытие, словно вошел в плоть. Маркус тут же вытащил меч и выставил вперед щит.

— Тормози!! — Виктор закрыл лицо руками.

Зверев нажал на тормоз, но машина, словно сани, продолжала нестись вперед. Все произошло в доли секунды. Внедорожник с грохотом врезался в копье и смялся о пилум, будто о бетонный столб. Зверев со всего размаха ударился о руль головой, Виктор, выбив лобовое стекло, вылетел вперед и, стукнувшись о щит Маркуса, упал на снег. В этот момент в природе снова все замерло, словно кто-то нажал на паузу. Замер Маркус, замерли Четырин и капитан. Машина застыла, и даже отлетающие от нее детали, казалось, зависли в воздухе.

В клубе люди стояли, словно нарисованные, а в воздухе неподвижно висел сигаретный дым. Единственная фигура, которая шевелилась, был Анатас. Он молча пил вино и смотрел на безмолвную картину происходящего.

— Что ты натворил? — раздался голос позади властелина тьмы.

— По-моему, ничего. Разве я могу что-то сделать, когда я нахожусь здесь? — спокойно ответил он, не оборачиваясь.

Человек в белой тоге сел за столик напротив Анатаса.

— В чем дело?

— Действительно, в чем? Ты прервал мой отдых, Михаил, так что это мне нужно у тебя спросить, в чем дело.

— Странно. По-моему, владыка теней должен знать все.

— Ну, разве я могу знать все? Все знает твой хозяин, а мне остается только догадываться.

— Хозяин — это ты для своих слуг, а Он наш отец.

— Так что тебе нужно от меня, сынок?

— Так нельзя.

— Почему?

— Ты не можешь посылать своих гончих и просто так убивать людей. Ты еще не на вершине. Нельзя вмешиваться в человеческие судьбы без веской на то причины.

— Скоро мне будет можно все.

— Это «скоро» не наступит никогда. Исправь содеянное.

Помещение клуба исчезло, и стол, за которым они сидели, оказался на трассе возле разбитой машины, где застыли Маркус, Виктор и Алексей.

— И что все это значит?

— Маркус убил тринадцатого.

— А причём здесь я?

— Это было сделано по твоему приказу.

— Если бы я хотел его убить, то подождал бы момент получше, тем более он мне не особо интересен. Ты же знаешь, что Луций мне не нужен. Зачем он мне после того, как предал меня? Твое здоровье, — Анатас поднял бокал и медленно отпил из него.

— Ты лжешь.

— Разве я могу лгать? Вы и без меня знаете, что это их личное дело, а я не указ своей свите: они вправе делать то, что им захочется, в отличие от вас.

— Их вражда придумана тобой.

— Что же я придумал? По-моему, они сами ее начали. И, насколько я помню, именно ваш любимец стал причиной этой вражды.

— Все должно было закончиться еще тогда, у подножья горы.

— Так ведь не закончилось.

— Это его последнее перерождение, он искупил свою вину сполна.

— Боюсь, Маркус другого мнения.

— Это ты другого мнения. Мы знаем, для чего тебе нужен Луций. Ты все еще надеешься, что он возглавит тех, кто уничтожит мир людской. Ты видишь в нем зверя.

— Он и есть зверь. Мой зверь.

— Этому не бывать! Все должно идти своим чередом, а твой палач не вправе был в это вмешиваться, ты знал это.

— И чего вы хотите?

— Ты должен вернуть все на свои места, а Маркус — лишиться бессмертия.

— Как предсказуемо. Хорошо. Но человеческий облик он получит лишь тогда, когда подойдет время. Но и вы не должны оберегать своего любимчика.

— Нет.

— Я не лишу его бессмертия, пока.

— Не усугубляй, ты и так зашел слишком далеко.

— Может, ты расслабишься и все же выпьешь со мной хорошего вина, а то какой-то у

тебя вид нездоровый?

— Я лучше пойду, а ты верни все обратно.

— Что было, уже не исправишь, ты знаешь это не хуже меня. Но я постараюсь. Только есть одно «но»...

— Какое?

— Скажи мне, сынок, я могу рассчитывать на Грешника?

— Это твое право.

— Хорошо. Это все, что я хотел услышать. Ведь твои слова — это Его слова. А теперь ступай, я больше не держу тебя.

Человек в белой тоге исчез, а Анатас остался сидеть один за столиком посреди дороги. Он медленно пил вино, глядя на застывшую сцену. Затем встал из-за стола, обошел вокруг разбитой машины, открыл водительскую дверь и посмотрел на окровавленное тело капитана. Анатас медленно протянул к нему руку, но тут же сжал ее в кулак, не успев дотронуться. Он хлопнул дверью, и все вернулось на круги своя.

— А-а-а! — бросив руль, закричал Зверев.

— Ты что творишь?! — схватился за баранку Виктор.

Капитан нажал на тормоз. Машина пошла юзом и остановилась.

— Что случилось?! Ты нас чуть не угробил!

— Не знаю, мне показалось, что мы разбились!

— Ты что, за рулем заснул?

— Вроде нет.

— Ты так больше не пугай. А то я чуть в штаны не наложил.

— Да я и сам.

— Ладно, поехали дальше, только потихонечку.

— Ты точно ничего не почувствовал?

— Да нет, а что я должен был почувствовать?

— Ладно, забудь.

Концерт подходил к концу, за столом сидели Анатас, Ворон и Маркус.

— Милорд, я сделал все, что мог.

— Я знаю, Маркус, знаю. Все было превосходно. Так и должно было случиться.

— Тогда зачем надо было подставлять Маркуса? — удивленно произнес Ворон.

— Нужно было, чтобы они проглотили наживку.

— Но теперь он будет лишен своей силы.

— Он лишился бы ее в любом случае. Готовься, Маркус, час расплаты близок.

— Рад вам служить, Мессир.

— А где наш Грешник?

— Я здесь! — подошел он к остальным в компании двух девушек легкого поведения.

— Нам пора навестить Падшего.

— Но, хозяин, я только что договорился с девчонками оттянуться по полной!

— По-моему, ты здесь уже и так оттянулся. Собирайся, мы уходим.

— Вот так всегда! Ладно, я с вами. А вы пошли отсюда, твари страшные! — прикрикнул он на подруг. — Я себе на кладбище в сто раз лучше накопаю! Башкой думать надо, прежде чем ноги раздвигать перед кем попало, матери хреновы! Времени у меня на вас нет! Эх,

жаль!

Было совсем темно, когда фонари Викторовой машины осветили обшарпанный ржавый указатель с названием деревни Радужное.

[1]Евангелие от Матфея, 13:15.

[2]Книга пророка Исаии, 44:22.

РАДУЖНОЕ

«Нива» остановилась перед поворотом на Радужное. Дорога уходила в темноту. Впрочем, дорогой это назвать было трудно: тракторная колея, да и та засыпана снегом. Зверев вышел из машины, прошел немного вперед, осмотрелся по сторонам и вскоре вернулся.

— Ну, что там? — поинтересовался Виктор.

— Ничего, кроме снега, — заглушил мотор капитан.

— И что ты предлагаешь?

— Пешком пойдём.

— Умней ничего придумать не мог?

— Если хочешь, можем поехать на машине, только я толкать ее по полям не собираюсь. Или у тебя в кармане «К-700» или «Кировец» завалялся?

— Да уж, — вздыхая, недовольно пробормотал Виктор и вылез из автомобиля.

Капитан закрыл дверь, и они побрели к цели, которая находилась в нескольких километрах от дороги.

— Что-то название нифига не соответствует действительности. Какое, к чертям собачим, Радужное? Селище или Вонища — вот подходящее название для этих мест! Периферия гребаная, — буркнул Виктор, утопая по колено в снегу.

— Да, тут ты прав. Радужными эти места точно не назовешь. Как тут люди вообще живут? Газ и нефть продаем всем кому ни попадя, а нормальных дорог как не было, так и нет! Не удивлюсь, если они еще дровами свои дома топят. О каких-то нанотехнологиях речь ведем, а людей нормальным бытом обеспечить не можем.

Через полчаса стоящую в одиночестве «Ниву» осветил свет фар, и рядом с ней припарковалась черная иномарка. Из нее, не спеша, вышли четверо мужчин. Среди них был Носферато. Оглядевшись, он оперся рукой на открытую дверь и произнес:

— Если к этой колыхаге кто-то подойдет, убей его. Без раздумий. Остальные за мной, — закрывая машину, и оставляя водителя одного, приказал он.

Все четверо направились в сторону деревушки. Снег падал большими хлопьями, отражая ксеноновый свет дорогой машины. Водитель, приоткрыв тонированное окно автомобиля, медленно курил сигарету. Неожиданно в лучах фар промелькнуло что-то огромное. Это «что-то» было настолько быстрым, что сидящий за рулем человек даже не понял, что произошло. Выкинув окурок, он заглушил мотор, выключил свет и заблокировал двери. Настала тишина, которую нарушал только свист ветра. Водитель сидел и слушал, осматриваясь по сторонам.

Вдруг кто-то аккуратно потянул ручку задней двери. Водитель быстро обернулся, но никого не увидел. И снова настала тишина. Достав пистолет, бандит снял его с предохранителя. Его сердце стучало, словно отбойный молоток, но, собравшись с духом, слуга Носферато медленно, почти бесшумно открыл дверь, вышел на улицу и стал всматриваться в темноту, держа оружие наготове. Приглядевшись получше, он увидел

примерно в десяти метрах неестественно огромный, неподвижный силуэт. Несколько секунд они смотрели друг на друга, затем у существа ярким красным светом вспыхнули глаза, и оно направилось к водителю. Через секунду несчастный разглядел огромного получеловека-полуволка, мчащегося к нему на задних лапах. Охранник выстрелил, животное одним прыжком перескочило через него и машину и исчезло в темноте. Не теряя ни секунды, водитель быстро забрался в салон автомобиля и, закрыв двери, принялся заводить иномарку трясущимися от страха руками. Раздался рев мотора, и свет фар осветил впереди то, чего человек боится больше всего на свете. Это была смерть в самой страшной своей форме: перед машиной стоял Лекант. Он пристально смотрел на водителя, скалясь и сжимая лапы в кулаки, рана от выстрела на его плече медленно затягивалась.

Ужасный предсмертный крик разнесся по округе. Капитан и Виктор остановились.

— Что это было? — испуганно произнес Четырин.

— Не знаю. Но это точно не добавляет оптимизма, — оглянулся по сторонам Зверев. — Давай, пошли быстрее, осталось немного.

Впереди уже виднелись огоньки домов. Пробираясь по снегу, они вошли в деревушку. Хотя она и называлась светлым словом, ничего по-настоящему светлого в ней не было. Повсюду стояли разрушенные и заброшенные дома, покосившиеся сараи. Казалось, время остановилось в деревне с окончанием Второй мировой, а доблестные летчики Люфтваффе все здесь разбомбили, перепутав данное место со Сталинградом. Вдалеке Алексей и Виктор увидели сгоревшую церковь с наклонившейся колокольней, которая страшным памятником возвышалась в темноте.

— Да уж, — осмотрел «достопримечательности» Четырин. — Что-то радуги здесь не видно.

— Это точно. Теперь бы нам как-нибудь найти улицу Новую и дом номер семь.

— И как мы это сделаем? Ты тут видел хотя бы одну улицу? Или прикажешь нам среди ночи постучаться в чью-то дверь и спросить?

— Неплохая идея, — ответил капитан и направился к ближайшему строению, в котором горел свет.

— Эй, постой! Ты что, шутишь? Куда ты пошел?

— Стучать в дом и спрашивать.

— Нас же пошлют куда подальше, и это в лучшем случае. А в худшем тебя и меня пристрелят из какой-нибудь столетней берданки! Да погоди ты! — поспешил за Зверевым Виктор. — И зачем я на свет родился? Вот это дыра. Ни света, ни газа. Зато все ресурсы продаем на Запад! Берите, вы же за них нам доллары дадите! Видал я ваши бумажки! Сырье меняем на бумагу, которой они сколько хотят, столько и напечатают. А мы и рады! Скоты, а не правительство! Дорог нет, а налог заплати. Света нет, газа нет, а на Запад продаем! Нет, я все понимаю: все воруют, ибо это Россия. Но и для людей делай хоть что-нибудь! Почему у нас так, скажи, почему? Страна огромная, а хозяина нет. Нам бы такого, как Петр или Сталин. Да что говорить, и Гитлер бы подошел, если б для людей, для страны делал, а не только для себя. Всем бы только наворовать, а потом все по фигу, хоть трава не расти! Я так полагаю, если б наше правительство бошки рубить начало в верхах, так и порядок был бы! — тараторил, недовольно семеня за капитаном, Виктор.

— Что-то ты разговорился. Кстати, однажды Петр Первый хотел издать указ, по которому кто сворует на стоимость веревки, тот на ней и повешен будет.

— И что? Не издал?

— Побоялся, что без подданных останется! Сам подумай: в нашем-то обществе, где власть и деньги решают все, бошки рубить не олигархам будут, а таким, как ты. А по телеку, как обычно, расскажут красивую историю, какой ты был сволочью, и все в нее поверят. Я сам опер, и посажал мужиков достаточно, но что-то ни одного не поймали, кто миллиардами тырил. А вот тех, кто колбасу или пиво в магазине украл, так таких среди осужденных хоть пруд пруди. Вот так вот, Витек!

Подойдя к одному из домов, Зверев и Четырин увидели сидящего на пороге мальчика лет восьми.

— Привет, — поздоровался капитан с мальчиком, который молча смотрел на чужаков. — Послушай, как тебя зовут?

— Никита, — тихо ответил тот.

— А меня дядя Леша. А что ты тут делаешь в такое время?

— Играю.

— Играешь?! — Зверев огляделся по сторонам.

— Ну да.

— А где твои родители?

— Дома.

Капитан постучался. Хотя в избе горел свет, дверь никто не открыл. Тогда он толкнул ее, но она оказалась заперта. Виктор в это время обошел лачугу, заглядывая в окна.

— Ну как, что-нибудь увидел?

— Глухо, как в танке!

— Странно, малец на улице мерзнет, а родителей нет.

— Что дальше делать будем?

— Ты с парнем побудь, а я пока к другому дому схожу.

— Послушай, я в няньки не нанимался! Мне что, своих проблем мало?

— Я тебе сказал, останься! Мороз под тридцатку, а он здесь один сидит. Может, случилось чего? Я быстро, туда и обратно.

— Нормально ты придумал! Давай с собой его возьмем, мать Тереза херова?

— Эй, ребята! — окликнул их чей-то голос.

Виктор и Алексей обернулись и увидели пожилого мужчину. Одет он был небрежно, но его экипировка превосходно вписывалась в интерьер деревушки: старая потертая фуфайка, теплые штаны, валенки и обычная шапка-ушанка. Стоял он, немного сгорбившись, опираясь на палку.

— Оставьте мальчика в покое, его судьба уже решена. Не ваша это сейчас забота.

— Не понял. Ты сейчас, дед, про что это?

— Что тут непонятного? Чего вам надо? Можно и у меня спросить. А ломиться среди ночи в дверь к людям незачем. Так что вы здесь забыли, в нашей-то глухомани?

— Послушайте, нам нужен дом, который находится на улице Новая.

— Так здесь всего одна улица.

— Нам нужен дом номер семь.

— Это дом бывшего здешнего священника. А зачем он вам?

— Нужен, дед. Просто нужен.

— Так он сгорел. Больше года назад сгорел. Как это произошло, ума не приложу.

— Как сгорел?

— Молча. Сгорел и все. Огонь не спрашивает, зачем и почему, он действует —

беспощадно и без эмоций. Страшная и великая сила. Сила, она вообще страшная вещь, если попадает не в те руки.

— А где ж тогда те, кто там жил?

— Так насчет них вам лучше к бабке Лиде обратиться. Это ее сын был, ну, священник наш. Она, правда, после всего случившегося головой поехала, но разговаривать с ней можно, хоть и странная она. Так что если она чудить начнет, то вы не пужайтесь: она мирная и простая женщина.

— А где она живет, дедуль?

— Так на окраине. Сейчас прямо пойдете до конца деревни, и увидите: ее дом в низине стоит самым последним, мимо уж точно не пройдете. А за мальчика не беспокойтесь, я за ним присмотрю.

— Спасибо, дед, выручил, — Зверев кивнул Четырину, и они зашагали в указанном направлении.

— Давно тебя ждали эти люди, тринадцатый, очень давно. Посмотрим, на что ты способен, — глядя им вслед, тихо произнес старик.

Завернув за угол одного из домов, он увидел сидящего возле забора человека в дорогом кожаном плаще и присел рядом с ним, опершись на свою палку.

— Разве ты не удивлен видеть меня здесь и сейчас? — спросил у него Анатас.

— Удивлен. Удивлен, что вижу тебя одного.

— Разве я могу быть один? Они всегда со мной. Тебе ли этого не знать?

— Но я не чувствую их присутствия рядом.

— Они скоро будут.

— А что привело тебя ко мне? Разве я чем-то могу помочь тому, кто властен над всем?

— Можешь. Меня привел к тебе интерес и некоторые вопросы.

— Но что может знать старик, чего не знает властелин тьмы?

— Много, Падший, очень много. Не стоит играть со мной. В некоторых вопросах я бессилен. Ходят слухи, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Про тебя ходит слухов не меньше, а то и больше, — закричал старик.

— Ума не приложу, откуда ты взялся на этой бестолковой планете?

— А я не могу взять в толк, почему вы к ней так привязались? Мало вам что ли Вселенной? Огромная песочница с множеством игрушек, а вы не можете поделить между собой одну лопатку.

— А тебе какое до этого дело?

— Скажем так, чисто спортивный интерес. Я страсть как хочу узнать, кто из вас победит. А люди... Что они, эти люди? Сделают правильный выбор, будут жить. Нет? Ну что ж, постройте другую песочницу и будете играть в ней. Надеюсь, в согласии и мире.

— Так поэтому ты не присоединяешься ни ко мне, ни к Нему?

— Я же сказал, что моя участь — помогать всем.

— Ты не помогаешь, а только усложняешь все! — повысил голос Анатас, и его глаза стали угольно-черными.

— Тише. Тише, властелин тьмы. Я всего лишь ваш слуга, который только задает темп вашей игре, и ничего более. Я обязан помогать всем, и ты это знаешь, — склоняя голову, промолвил старик. — Но что будет дальше, если ты и впрямь победишь?

— Люди станут шире смотреть на мир. Когда в моих руках будет чистая душа, мне не составит труда склонить весы в свою пользу. Я погружу этот мир в грехопадение. Прощения

и раскаяния не будет, и врата рая захлопнутся навсегда. Я выведу ад из мира загробного в мир реальный и уничтожу этот муравейник руками созданий, так любимых моим братом. Он откроет глаза и увидит, кто они есть на самом деле, лишённые Его законов и Его покровительства. А сейчас я бы хотел получить ответы.

— Прости меня, жалкого раба твоего, но ты не задал ни одного вопроса, — в голосе Падшего чувствовалась ирония, однако его вид был настолько смиренным, что его искренность не вызывала сомнений.

— Зачем тринадцатый прибыл сюда?

— Ответ ты получишь, как и всегда. Но тогда и ты поможешь мне.

— Торгуешься со мной?

— Нет, конечно, нет. Да разве я бы посмел? Так ты поможешь мне в обмен на мою помощь?

— Значит, все же торг?

— Предположим, я хочу сделать что-то хорошее напоследок перед тем, как ты придешь к власти.

— Ты решил немного скрасить свою участь? Ты и впрямь падший. Забываешь себе теплое местечко? Давай посмотрим сначала, что ты можешь предложить.

— Ответ на твой вопрос, который приведет тебя к тому, что пока от тебя скрыто.

— Твоя жизнь пропитана кровью и предательством. Ты ничтожество. Ты помогаешь всем, и за счет этого ты причастен ко всему. Ты не лучше меня, а может, даже хуже, ведь я иду к одной цели, а у тебя их тысячи. Делаешь вид, что ты сам по себе, что ты особенный? И запомни: я не торгуюсь!

— Ты прав во всем. Но мне нужно наставить этих людей на путь истинный сейчас, а не после их смерти. Мне нужно, чтобы они все осознали до того, как их душа перейдет в твои руки. Считай это личной просьбой.

— С чего вдруг такое милосердие с твоей стороны к этим людишкам?

— Ты же сам сказал, что я забиваю себе местечко потеплее. А вдруг победит твой брат? Я хочу отличиться не только в плохих деяниях, но и в богоугодных.

— Ну, хорошо, — с презрением произнес Анатас. — Я свое слово держу, быть посему. Теперь дело за тобой. Только помни, что сказано. «Потому что все согрешили и лишены славы Божией»[1].

— Они ищут священника, — старик прикрыл глаза.

— Зачем им нужен священник, которого погубил Виктор?

— У него осталась дочь.

— Дочь? При чем здесь она?

— Спроси это у своего раба Александра и, возможно, он даст тебе ответ на то, что пока скрыто от тебя.

Анатас встал и медленно пошел прочь, опираясь на трость с золотым черепом, а за ним из снега и тьмы по очереди выходила его троица. Они остановились у дома, где сидел на пороге маленький мальчик. Анатас наклонился к ребенку, посмотрел ему в глаза, поднял на руки и, открыв дверь дома, зашел внутрь в сопровождении своей свиты. Посадив мальчика на стул рядом с печкой, он тихо спросил:

— Ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — еще тише ответил Никита.

— Хорошо. Не бойся нас, мы не причиним тебе вреда. Ты знаешь, кто я?

— Дядя.

— Я не просто дядя, я волшебник. Могу сделать все, что ты захочешь, все, что пожелаешь, — достав шоколадку из кармана, Анатас протянул ее парнишке.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Так чего ты хочешь?

Никита осмотрел Анатаса и его свиту.

— Я хочу, чтобы тот страшный дядя не был таким страшным, — указал он пальцем на Грешника.

— Извини, но этого я не могу сделать. Он станет красивым только тогда, когда все люди будут хорошо себя вести. Но пока, к сожалению, этого не происходит.

— Ну я же себя хорошо веду?

— Конечно. Только твои родители ведут себя очень плохо. Да и многие другие люди тоже ведут себя скверно. Если бы все вели себя так, как ты, то меня бы здесь не было. Тогда и волшебство не потребовалось бы.

— Ты хороший и добрый, ты мне нравишься.

— Спасибо. А теперь пойдем, я тебе кое-что покажу.

Анатас взял Никиту за руку, и они, сделав несколько шагов, очутились на лесной поляне, где мальчика ждали папа и мама. Светило солнце, небо было прозрачным, без единого облачка. Везде лежали игрушки, и родители звали Никиту играть. Мальчик оглядел себя: вместо грязного зимнего тряпья на нем была чистая летняя одежда.

— Ну же, иди, они ждут тебя, — присев на корточки, Анатас потрепал парнишку за волосы.

— А они не будут меня бить? — Никита крепко прижался к Анатасу.

— Нет, они будут вести себя очень хорошо, и никогда тебя не ударят, и не оставят одного. Ты пока поиграй с ними здесь, а я скоро приду за тобой. Больше никто тебя не обидит — я тебе обещаю. И ничего не бойся. Все, чего ты пожелаешь, будет сбываться здесь.

Анатас снова оказался в доме мальчика, где его ждала свита.

— Чего пожелаете, Милорд? — спросил Маркус.

— Возмездия.

Зайдя на кухню, они увидели пьяных мужчину и женщину. Оба в грязной рваной одежде валялись на чем-то, напоминающем кровать. Повсюду были раскиданы пустые бутылки. На столе стояла еще одна с недопитой мутной жидкостью, рядом с ней лежал кусок зачерствевшего черного хлеба, головка лука и покрытое плесенью сало. Грешник быстро обежал весь дом.

— Ну ничего себе! У них и пожрать нечего! Хотя я не брезглив, и это пойдет, — схватив со стола, что там было, он быстро запихал все себе в рот и запил из бутылки мутной субстанцией. — Живут-то еще неплохо!

— Просто Куршевель, — улыбнулся Ворон.

— Маркус, разбуди их.

— Господин, позвольте мне? — начал Ворон, но Анатас перебил его.

— Нет. Маркус сделает.

Легионер схватил парочку за шиворот и швырнул к ногам своего господина. Те, словно черви, которых выкопали из навоза и бросили в банку, начали возиться на полу.

— Никитка! Ты где, сволочь? — заорала женщина. — Притащи сигареты, быстро! Курить охота! Где ты есть, гаденьш?!

Анатас вытащил из кармана пачку «Примы» и бросил на пол. Женщина подняла голову и впервые обратила внимание на гостей. Она стала трясти мужа и, мыча, показывать пальцем на незнакомцев.

— Не жужжи мне в ухо, стерва! Отстань от меня, тварь! Отстань, я сказал! — раздался голос пьяного в стельку мужчины.

— Колька! Колька! Проснись, к нам кто-то пришел!

— Отстань, ведьма. Пошли их! Пускай убираются! — еле-еле выговорил муж.

— Приведи это существо в чувство, — обратился Анатас к легионеру.

Маркус схватил Кольку за ногу, волоком вытащил во двор и, подняв бедолагу за шиворот, пару раз ударил в печень. Мужчина скрючился и упал на снег. Маркус снова схватил его за шею и несколько раз с силой ткнул мордой в сугроб.

— Еще или хватит?

— Хватит! — выплевывая снег, пробормотал Коля.

— Тогда пойдем в дом!

Маркус таким же образом затащил его обратно.

— Ну так что, будем каяться? — опираясь на трость, поинтересовался Анатас.

— В-в-вы к-кто? — Коля весь трясся то ли от похмелья, то ли от холодного душа.

— А мы, Николай, из соцзащиты, пришли посмотреть, как вы тут воспитываете сына, — закурил «Беломор» и смачно плюнул на пол Грешник.

— Чавой-то это? — произнес Николай, глядя то на Маркуса, то на Грешника.

— Не «чавой-то это», а «как это». Как же ты, Коля, до такого опустился? — выдохнул дым ему в лицо горбун, — Значит, Коля, ты пить любишь? Ну что ж, я тоже не прочь. Может, выпьем с тобой по-дружески, а?

— Так это можно. Если по-дружески, это я всегда за! С хорошими людьми чего не выпить-то? — с опаской оглядел незваных гостей Коля.

— Молодец, уважаю! Душа компании! — обрадовался Грешник и, схватив его за шкуру, подтащил к столу. Перед ними появилась бутылка водки и два граненых стакана. — Ну что, Николашка, присаживайся. Думаю, закуска настоящим мужикам не нужна. Ведь так, Коля? Закуска она же, сука, градус крадет! Ты же настоящий мужик? Да, Колян?

— Угу.

Бутылка взлетела в воздух и налила по полному стакану ему и Грешнику, при этом в бутылке не убавилось ни капли. Грешник открыл пасть и закинул в нее стакан вместе с содержимым. Тут же у него в руке появился новый, доверху полный.

— Я водку, Коля, стаканами жрать могу! Она, падла, мой хлеб! Больше всего на свете ее люблю! А если она твердой станет, я ее грызть буду! — занюхивая спиртное рукавом фуфайки, прокомментировал Грешник.

Мужчина и женщина, открыв рты, молча наблюдали за ним. Рука Николая сама, против его воли, схватила стакан и влила содержимое в горло. После второго стакана Николай не выдержал.

— Не могу больше!

Он чувствовал опьянение, тошноту и муть, только отключиться не мог, а его рука предательски влила спиртное в рот.

— Странно. Но ничего, дружище, не хочешь пить, пересиль себя, ты же настоящий мужик! Пример своему сыну! Смертельная доза алкоголя составляет около трех бутылок водки, выпитых за час, при условии, что человека не стошнит. А я не дам тебе переводить

продукт. Как говорится, лучше в нас, чем в таз!

— А что с этой делать? — кивнул в сторону женщины Ворон.

Анатас взял женщину за руки и увидел всю ее жизнь и все, чего от нее натерпелся сын. Он мило улыбнулся и погладил несколько раз ее по косматой голове.

— Маркус, оторви этой суке руки и ноги, но сделай это медленно, чтобы тварь могла вдоволь насладиться хрустом костей и треском плоти. Когда все будет кончено, присоединись ко мне. Да, и смердит тут слишком. Спалить бы все, — он поднялся и пошел к выходу.

Легионер мгновенно отволок несчастную в комнату, откуда вскоре стали доноситься истошные вопли.

— Я сейчас помру, — еле-еле пробормотал Коля, выпив очередную дозу спиртного.

— Так ты уже мертв! Так что по этому поводу можешь не беспокоиться, — Грешник достал папиросу, отворил дверцу печки, прикурил и вышел, оставив топку открытой. — Прощай, дружище. Не поминай лихом и не забывай, что мы с тобой вскоре встретимся!

Вся троица покинула дом и присоединилась к своему господину. Из печки вырвалось пламя, пожирая дерево и хозяев с таким же удовольствием, с каким поедал подаренную шоколадку маленький Никита, играя с родителями на зеленой поляне. Они шли, пока впереди Анатаса не появился старик.

— Я просил тебя помочь, а что сделал ты?

— Ты проторговался, Падший! Я не заключаю сделок. А если и заключаю, то на своих условиях! Если хочешь знать, я, в отличие от тебя, помог: ребенку лучше будет там, где он сейчас.

— Но зачем было его убивать?

— Он даже не понял этого. Теперь он играет в своем идеальном мире, где его желания станут исполняться, а рядом будут любимые родители. Он все равно бы погиб от руки матери. Она в пьяном угаре забила бы его до смерти из-за того, что он съел кусок хлеба, который был их закуской.

— Это же ребенок.

— Думаешь, для меня есть разница? Хороший человек — мертвый человек. Или ты считаешь, что когда я возвышусь, то стану отделять зерна от плевел? Нет, Падший! Хочешь милостыни — иди к моему брату. Тебе пора определиться, на чьей ты стороне.

— Ты животное.

— Нет, я самое человеческое существо в этом мире. Так что ты, как всегда, не прав, Падший. И ты так и будешь жить среди людей и помогать всем, кто тебя об этом попросит, словно продажная женщина, а все потому, что не можешь определиться, с кем ты. И крови на тебе больше, чем на мне. Я наказываю и знаю, чего хочу, а ты как стоял на распутье, так и останешься там стоять, помогая и добрым людям, и подонкам.

— Может, ты и прав, только не забывай, что помощь моя дана всем, — тихо ответил падший.

— Уйди прочь с моей дороги, — отодвигая рукой старика в сторону, Анатас направился вперед вместе со своими спутниками.

— А все же, кнут или пряник? Что сильнее? Нужно было давно расшевелить этот мир. Добро и зло — вот мерило человечества. Устоят ли они? — поглаживая бороду, пробурчал старик и растворился в пурге.

На следующий день даже бывалые пожарные ужаснулись тому, что увидели в доме. На

изуродованное тело женщины упали балки обрушившейся крыши и разрезали его на несколько частей. Мужчина сгорел, сидя за столом и крепко сжимая в руке граненый стакан. В комнате лежал маленький мальчик, задохнувшийся угарным газом. И хотя вся его комната выгорела дотла, огонь не тронул кровать малыша и его самого. Казалось, что он просто спит.

Капитан и Виктор добрались до одиноко стоящего на окраине деревни дома. Он был покосившимся и неухоженным, будто хозяева забросили его уже давно. Весь двор был засыпан снегом, а забор наполовину повален. Неподалеку виднелся каркас сгоревшей постройки.

— Ну что, так и будем стоять или войдем?

— Только после вас, — капитан жестом руки показал, чтобы Виктор шел первым.

— Ага, сейчас! Ты у нас блюстителъ порядка, вот и давай, а я уж следом. — Зверев несколько раз стукнул в дверь. Тишина. — Может, ее дома нет?

— По-твоему, она на дискотеку ушла? Или в гипермаркет за продуктами поехала на своем «Bentley»? Ей теперь лет десяти до ста не хватает. Моли Бога, чтобы бабка не очурилась, а то и концы в воду.

Капитан снова постучал. Внутри послышались шаркающие шаги, дверь открылась, и в проеме показалась старая женщина. Она молча осмотрела неожиданных посетителей.

— Ну что ж, раз пришли, заходите.

Хозяйка скрылась во мраке дома, оставив дверь открытой. Зверев и Виктор переглянулись и проследовали за ней. Женщина зажгла свечу и осветила тусклым светом путь перед собой. За ней, пытаясь не споткнуться, шли ночные визитеры. В комнате старушка зажгла еще несколько свечей, и стало совсем светло.

— После последнего урагана свет так и не восстановили, хотя мы писали в разные инстанции, — словно извиняясь за неудобства, проговорила она. — Так что вам нужно? — присела на кровать женщина.

— А с чего вы решили, что нам что-то нужно? — удивился Виктор.

— Раз пришли в столь поздний час, значит, что-то нужно. Тем более вы не местные.

— Что ж вы, бабуля, к себе всех пускаете? Не страшно?

— В моем возрасте бояться уже нечего. Это вам, молодым, надо бояться, а мне уже ни к чему. Пожила я свое. Возраст не тот, чтобы бояться. За мной смерть давно должна была прийти, да только забыла она про меня. Видно, у нее дела поважнее есть. Так что вас привело ко мне?

— Нам нужно найти дом номер семь по улице Новой.

— Так вы мимо него только что прошли.

— Это что ж, те развалины?

— Да, те развалины. Дом моего сына, — вздохнула женщина.

Виктор побледнел и по спине его потек холодный пот.

— Послушай, капитан, ты тут уж как-нибудь сам, а я тебя на улице подожду, покурю, — протараторил Четырин и, не дождавсь ответа, чуть ли не бегом выскочил наружу.

— Что это с ним?

— Ему нездоровится. Приболел малость.

— Это плохо, когда болят. А зачем вам понадобился этот дом?

— Да как вам объяснить...

— Как есть, так и объясняй. Мне теперь уж все равно.

— Я из милиции. Я понимаю, что вам очень тяжело вспоминать, но мне нужно знать

кое-что о вашем сыне, — Зверев достал удостоверение и протянул его женщине, но она жестом руки дала понять, что и так верит ему. — Он же был священником?

— Надо же, сами приехали. А когда моя невестка все ваши пороги обивала, так вам не нужно было про него знать? Она ж к вам каждый месяц ездила, а вы ее только обещаниями кормили. А потом и вовсе выгонять стали. Вы же нас и за людей-то не держите. Вам бы лишь в генералы выйти, а то, что вы народ защищать должны, так это для вас пустой звук.

— Простите, — тихо ответил Зверев.

— Помирать буду, а не прощу, — резко ответила женщина.

— Мне и впрямь нужно знать. Хотя бы подскажите, где живет его семья.

— Подскажу, милоч. Сейчас подскажу. Вот выйдешь из моей хаты и пойдешь на наше кладбище, оно тут недалеко — вот там его семья и живет!

У старушки из глаз потекли слезы. Звереву хотелось провалиться на месте от такого ответа, ком встал в горле. Все его мысли и предположения рухнули в одночасье, все ниточки оборвались, и он не знал, что делать дальше.

— Простите, — еще раз сказал капитан и встал, чтобы уйти.

— Я уже все слезы выплакала, но ты первый человек, который приехал ко мне и поинтересовался. Хотя я вас всех и проклинаяю, но отвечу на твои вопросы, так как у меня есть еще одно горе.

— Спасибо.

— Не нужно мне ваше спасибо, оставьте его Богу, когда он у вас спросит за моего сына. Но я вас прощу, Богом клянусь, что прощу, если вы найдете мою внучку или хотя бы скажете, где она.

— Я не могу вам этого пообещать, но я постараюсь узнать о ней все и сообщить вам.

— И на том спасибо. Я верю тебе, что постараешься. В тебе есть что-то, что заставляет верить.

Виктор нервно курил около дома старушки. Его трясло. Он прокручивал в голове все, что произошло с ним. Теперь он чувствовал и осознавал, что виноват в смерти человека. Всего несколько дней назад он знал, что виновен, а после встречи с матерью священника стал это чувствовать. И впервые каялся, каялся искренне. Он курил одну сигарету за другой, проклиная свою жизнь. Сигареты закончились, а душевная боль осталась. Он сел на пороге дома, обхватив голову руками, и стал что-то бормотать себе под нос. Его внимание привлек хруст снега. Он поднял голову и увидел, что мимо него по дороге медленно идет человек.

— Извини, браток, сигареткой не богат?! — крикнул ему Четырин.

Незнакомец остановился, его седые волосы трепал ветер. Он обернулся на голос, и его глаза сверкнули странным животным огнем.

— Нет, не курю. Хотя имею другую, гораздо худшую зависимость, — спокойно ответил человек и пошел дальше своей дорогой.

Свечи в доме горели ярко. Зверев стоял в комнате, а хозяйка сидела на кровати.

— Так что произошло после того, как пропал ваш сын?

— Ты присаживайся. Произошло многое, только все плохое и ничего хорошего.

Зверев сел рядом с ней, и она начала рассказывать.

— После того как пропал мой единственный сын, все в моей жизни перевернулось с ног на голову. Сначала мы еще надеялись, что он найдется, что Бог ему поможет — он же ему был так предан. Собирал пожертвования, ездил в город и околачивал кабинеты чиновников. И все ради того, чтобы у нас была своя церковь. А после того, как его не стало, все замерло.

Такое ощущение, что жизнь в нашей деревне остановилась. Жена до последнего надеялась, что он найдется. Да и как она могла не надеяться, ведь у них были дети. Дочь и сына надо было поднимать, а как без кормильца? А потом она запила. Я пыталась ее вразумить, объяснить, что этим дело не поправишь, что на нее смотрят дети, но все было тщетно. В конце концов, с ней случилось то, что и должно было произойти: она умерла. Замерзла на улице, прямо на пороге своего дома. Но я пережила и это, а вот мой внук этого не выдержал. После похорон он замкнулся, во всем винил Бога, отца — за то, что был ему так предан, а Бог не уберег его и мать от несчастья. Вскоре мы нашли его в сарае повешенным. Вот так мы и остались с внучкой вдвоем. Как она переживала, не передать словами: три несчастья одно за другим. Я, как могла, успокаивала ее, но ей не это было надо. Она ненавидела эту деревню, а еще больше она ненавидела Бога. Такую злобу и ненависть я впервые увидела в ее глазах. Иногда мне казалось, что это и не моя внучка вовсе. Она проклинала весь свет, всех людей, веру, себя и в первую очередь родителей и брата — за то, что они оставили ее одну. Мне стало страшно за нее, я боялась, что она может поступить так же, как и мой внук. Каждый день я просыпалась с одной мыслью: не совершила ли она чего с собой. Я понимала, что помочь ей не могу, и от бессилия у меня опускались руки. Я стара, мой час уже близок, но ты можешь помочь. Я вижу это в твоих глазах, хотя ты и прячешь их от меня.

— А что потом случилось? Как она пропала? — поинтересовался капитан.

— Это странная история. У нас в деревне поселился один пожилой мужчина. Никто не знал, откуда он взялся и кто таков. Держался он нелюдимо, хотя был приветлив с каждым и, если его о чем-то просили, никому не отказывал. И вот однажды я была уже совсем в отчаянии, а он проходил мимо, и я невольно рассказала ему про свое горе — мне надо было выговориться. Он все выслушал, жалеть не стал, просто попросил поговорить с внучкой. Самое удивительное было то, что она даже со мной иногда не хотела разговаривать, а с чужими людьми и подавно, а тут они сразу нашли общий язык. Не знаю, как и о чем он с ней беседовал, но она стала меняться. Они подолгу сидели на лавочке возле дома, о чем-то спорили, и нередко я слышала ее смех, который был для меня, словно бальзам на душу. Она менялась, она ждала его, а когда он уходил, снова погружалась в себя, в свои мысли. Иногда мне казалось, что они с ним как единое целое. Понимаете?

Зверев пожал плечами.

— А о чем они разговаривали?

— Не знаю, милоч. Да я и не интересовалась. Для меня главное было, что ее сердце, закрытое на замок и покрытое льдом, стало открываться и оттаивать, а в глазах появился огонек жизни.

— А что было дальше?

— А дальше она исчезла. Я спрашивала у Матвея, куда она делась, но он только развел руками.

— А Матвей — это тот пожилой человек?

— Да. Но вскоре пропал и он. Люди говорят, что куда-то уехал, а куда, никто не знает. Почему она ушла, ума не приложу. После ее исчезновения у меня случился инфаркт, но, слава Богу, выкарабкалась и живу лишь одной надеждой увидеть ее хотя бы еще раз, хотя бы перед смертью.

— А у вас есть ее фотография?

— Конечно, это единственное, что у меня осталось в жизни — фотографии.

Женщина с трудом поднялась с кровати и, подойдя к шкафу, вытащила из него сверток,

в котором хранились снимки. Порывшись в нем, она подошла к капитану и протянула фотокарточку внучки. Зверев внимательно рассмотрел снимок. На нем была запечатлена девушка очень приятной внешности, он даже подумал, что фотограф снимал ангела, так как ее черты были неземной привлекательности.

— Я могу ее взять?

— Конечно. Только помогите. Мне без нее и смерть не мила.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. А теперь извините, но мне пора идти.

— Я понимаю и буду вас ждать с хорошими новостями. Благослови вас Бог.

— А что случилось с домом вашего сына?

— Я сожгла его. Не хочу, чтобы что-то напоминало о моем горе.

— Не провожайте, — Зверев задумчиво кивнул головой и пошел к выходу.

Однако, сделав несколько шагов, он почувствовал такую сильную головную боль, что упал на колени и зажмурился, обхватив голову руками. Боль тут же утихла, но когда капитан открыл глаза, вместо коридора он увидел туннель, по стенам которого текла кровь. Он посмотрел на перепачканные красным руки, попытался сделать шаг, но был подхвачен ветром, словно искавшим его в этом подземелье. Ветер поднял Алексея с земли и отнес его на холм, у подножия которого толпились люди. Он слышал крики детей, проклятья женщин, он видел озверевшие глаза мужчин. Он чувствовал ненависть, ненависть к себе. Вокруг самого Алексея стояли римские солдаты. Один из них, огромного роста, ударил его рукояткой копья, и он кубарем скатился в толпу, которая накинулась на него, словно голодные псы на кусок мяса. От ужаса Зверев зажмурился, и все увиденное скрылось в темноте.

— Что с вами? — раздался голос старушки.

Капитан открыл глаза: видение исчезло, он находился в том же доме.

— Вам плохо?

— Нет, ничего, — вставая с пола, ответил Алексей. — Я просто споткнулся.

Женщина проводила его до двери.

— Если вам надо добраться до дороги, то короче пути, чем через разрушенную церковь, нет, — сказала женщина и, попрощавшись, закрыла за ним дверь.

На улице стоял Виктор.

— Ну, узнал что-нибудь?

— Немногое.

— Что-то у тебя вид странный.

— Да нет, все нормально.

— Тогда куда путь держим? А то я тут уже окоченел весь.

— Без понятия.

— Как это?

— А вот так, вся его семья погибла, а единственная дочь пропала, и где она сейчас никто не знает.

— Ну, и что мы будем делать дальше?

— Да не знаю я! — капитан закурил.

— Дай-ка и мне одну, а то у меня все закончились. Тогда, получается, он победил?

— Кто победил? — изумленно переспросил Зверев.

— Ну, он. Дьявол.

— Ты что, дурак? Ты думаешь, что с ним можно играть?! Ты думаешь, можно

соперничать с тем, кто никогда не проигрывает?! Если он и существует, то как мы, черви, можем ему противостоять?! Я только что видел бедную старушку, которая лишилась всего! Лишилась сына, невестки, внуков. Да для нее счастье, если ее пристрелят, как загнанную лошадь! Ей жить-то осталось до следующего понедельника, и то если повезет! Или ты думаешь, что я приехал сюда ради того, чтобы с ним посоревноваться?!

— Тогда ради чего? Ради чего мы сюда приперлись? Ради чего ты вытащил меня из дома?! Ради чего все это?! Объясни! Или я чего-то не понимаю?!

— Не знаю! Не знаю я! Ничего не знаю, и понять своей головой этого не могу! Все бред Господи, может, это какой-то дурной сон? Тогда я хочу поскорей проснуться и не видеть ни этого придурка рядом с собой, ни эту проклятую деревню, ни весь этот перевернутый мир! — взмолился Зверев.

— Просто замечательно! Отлично! Значит, я придурок? Так, значит?!

— Да, да, да! Ты придурок, который вляпался в дерьмо и которого давно надо было засадить лет на двадцать!

— Ну, давай! Ты-то не лучше! Притащился ко мне: давай, Витя, расскажи, как там все было! Я, мол, его и сам видел!

— Рот свой закрой! Лучше иди к той старухе и расскажи ей о судьбе ее сына! Расскажи, как вы, brave ребята, закопали его, хрен знает где, еще живого. Давай, вперед! Еще одного инфаркта она не вынесет. В глаза посмотреть ей духу не хватило?! Как страус, голову в песок спрятал!

Виктор не выдержал и ударил Зверева в челюсть, тот потерял равновесие и шлепнулся в снег.

— Слышь, капитан, я хотя бы надеюсь ей помочь! Да, я подонок, и я это знаю и буду знать всю оставшуюся жизнь! Но я хотя бы постараюсь что-нибудь для нее сделать — с тобой или без тебя! А когда сделаю, то приеду и расскажу ей, как все было, и сам пойду в вашу гребаную ментуру и напишу заявление! А там будь что будет! Потому что я чувствую, что здесь с этой старушкой произошло что-то непонятное, что-то страшное. И все это не просто так! И я, и ты в этом замешаны, и здесь мы оказались неспроста. Но ты объясни мне, ради чего мы в это ввязались?! Ради чего мы приехали сюда?! Ты-то, я гляжу, только на словах герой! Давай, вставай, поговорим по-мужски!

Алексей достал из кармана фотографию и протянул Виктору.

— Может, ради нее?

— Кто это?

— Последний из могикан.

— Не понял?

— Это его дочь. Она пропала, и где она сейчас, никто не знает, — Зверев поднялся и вытер кровь с губы.

— И что?

— Все то же. И все странно.

— Тогда надо ее найти!

— Аллилуйя, Виктор! Как?

— Ты же у нас опер, вот и придумай как, Шерлок Холмс хренов!

— Легко сказать. Если бы была хоть одна зацепка, хоть бы один намек, тогда можно было бы все выстроить в логическую цепочку. А так мы будем искать иголку в стоге сена. Я надеялся, что здесь мы найдем какую-нибудь зацепку, а получилось, что нам, наоборот,

обрезали все концы. Ладно, пойдём к машине, подумаем, что делать дальше.

— Пойдите, молодые люди! — послышался знакомый голос.

Виктор и Алексей обернулись и увидели того самого старика, с которым разговаривали рядом с домом мальчика.

— И снова добрый вечер, — поздоровался Виктор.

— Для меня добрый, а для вас не знаю. Вечер только начался и неизвестно, чем закончится, так что не стоит спешить с выводами раньше времени.

— Будем надеяться, что он закончится лучше, чем обычно.

— Да, надежда — это единственное чувство человека, которого нет у животных.

— Это почему?

— Животные не надеются, они действуют. А удел людей — надеяться и верить.

— Ты будешь нам мозг рушить или скажешь что-нибудь путное? — перешёл к сути Зверев.

— Не надо так грубить, ведь я намного старше вас. А если вам мой разговор не по душе, так можете искать девушку сами. Только я уверен, что без моей помощи вам это будет сделать трудно, даже невозможно.

— Что тебе нужно? — удивленно спросил капитан, явно не ожидая услышать такое от старика.

— Мне? Мне ничего не нужно. У меня все есть. А дать мне то, что я хотел бы получить, к сожалению, не в вашей власти.

— Хорошо, тогда просто помогите нам, — встрял в разговор Виктор.

— А с вами я вообще не разговаривал. Вам, Виктор, давно уже нужно было бы гореть в аду, но пока вы с ним, вам ничего не грозит. Впрочем это только пока: скоро и он вам не поможет. Хотя кто знает, как повернется судьба? Возможно, она будет благосклонна, если вы решите идти до конца.

Виктор побледнел и сделал шаг назад. Зверев посмотрел на Четырина, затем на старика.

— Откуда знаешь про девушку?!

— Я многое знаю.

— Чего ты хочешь?

— Ничего.

— Тогда иди к черту! Пойдем, Витек.

— Не глупи, тринадцатый. Я единственный, кто способен помочь тебе.

— Да что ты такое?

— Тебе лучше этого не знать.

— Тогда объясни мне, что я должен знать?

— Ты на правильном пути. И многие этим недовольны. Сейчас все зависит от тебя, так что спрашивай и будь внимателен.

— Как тебя зовут?

— Это не имеет значения. Но раз ты спросил, я тебе отвечу. Здесь меня зовут Матвей. Есть еще дурацкие вопросы?

— Ты тот самый Матвей, с которым в последнее время общалась дочь священника?

— Да, ты прав, это я.

— Тогда где она?

— Этого я тебе сказать не могу, но могу помочь в другом.

— И в чем же?

Старик медленно залез в карман фуфайки и достал оттуда ржавый гвоздь, правда, не такой, который привыкли видеть люди нашего поколения. Этот гвоздь был похож на те, которыми подковывают лошадей, только гораздо большего размера. Он протянул его капитану.

— И что это за железяка?

— Ключ.

— От чего?

— От сердца дьявола на земле. Им можно открыть путь к истине.

Зверев протянул руку, но Матвей сразу же убрал артефакт.

— Ты не можешь его взять.

— Тогда зачем ты показал его мне?

— Он пригодится вам, но его должен взять Виктор. Если ты до него дотронешься, он убьет тебя. Единственное место, где ты должен будешь его взять, находится далеко отсюда.

А пока его будет хранить он, — старик передал гвоздь Четырину.

— Интересно знать, как этот кусок железа может меня убить?

— Если бы это был простой кусок железа, то я бы был простым стариком, а ты не был бы здесь.

— И где я должен его использовать?

— Езжай в Бондари, там ты найдешь все ответы.

— Тогда причем здесь девушка?

— Девушка — это врата.

— Врата чего?

— Я и так сказал тебе очень многое. Остальное ты должен понять сам, иначе будет неинтересно.

— Неинтересно? Неинтересно для кого?

— Для меня, — усмехнулся Падший.

— Послушай, старик, у меня и так слишком много загадок.

— Вся жизнь — одна сплошная загадка, а ответ всегда лежит только в конце. В конце пути, который человек выбирает сам. Так что выбери правильный путь, и ты получишь ответы на все свои вопросы. А теперь мне пора.

— Постой. Хотя бы скажи, о чем ты разговаривал с ней и кто она такая?

— Я просто попытался привести ее душу в равновесие и спрятать там, где ее сложнее всего будет найти. Ее душа сейчас на краю, и только тебе решать, прыгнет она в пропасть или останется на земле. А что это такое, ты поймешь, как только найдешь ее. Я не могу сказать тебе, кто она, потому что пока ты не знаешь даже, кто такой ты сам. На этом все. Нам пора расстаться.

— Ну а кто тогда ты?

— Вечер еще не закончился, впереди ночь и полнолуние. Зачем мне говорить многое, если я не уверен, что вы доживете до утра? Будьте осторожны.

— Что он нес? Я ни черта не понял, — нарушил повисшую паузу Виктор.

— Да подожди ты, — отвечая Четырину, Зверев на секунду упустил Матвея из вида, а когда обернулся, старика уже не было. — Твою мать! Вот дерьмо! Почему? Ну почему они не говорят ничего по существу? Почему надо все усложнять?! — застонал от ярости Зверев.

— Может, он хочет, чтобы мы сами все поняли?

— Ты-то в пророки не набивайся! С меня и этих придурков хватит!

— И что будем дальше делать?

— В Бондари поедem.

Четырин и Зверев отправились дорогой, проходящей через разрушенную церковь, — именно той дорогой, которую им указала старушка.

[1]Послание к Римлянам, 3:23.

ЦЕРКОВЬ. ПОЛНОЛУНИЕ

Подойдя к ржавому забору святой обители, Виктор заметил двух монахов, следовавших за ними.

— Странно, церковь заброшена, а ее служители все еще ходят сюда.

— О чем это ты?

— За нами идут два монаха.

Капитан обернулся и увидел людей в балахонах, держащихся на расстоянии.

— Не нравится мне это.

— Тебе в последнее время все не нравится, — заметил Четырин.

— Пойдем-ка быстрее, — подтолкнул в спину Виктора Алексей и достал из-за пояса пистолет.

Но как только они завернули за угол, Зверев почувствовал, как нечто тяжелое ударило его по голове, и он, словно подкошенный, рухнул на землю. Виктора ждала та же участь.

Темнота, кругом была крошечная темнота. Капитан не понимал, где он находится, его голова раскалывалась от боли, кружилась, а к горлу подкатывала тошнота.

— Тринадцатый, тринадцатый, очнись.

Алексей медленно открыл глаза. Он лежал в белом, как молоко, тумане, и ни земли, ни стен не было видно. Была только пустота, окутанная прозрачной дымкой. Капитан медленно поднялся.

— Где я? — шепотом спросил он.

— Везде и нигде, — раздался голос. Он звучал повсюду.

— Я умер? — уже громче спросил капитан, озираясь по сторонам.

— Нет.

— Тогда где я?

— Решай сам.

— Что происходит со мной?

— Просто у тебя есть то, чего быть не должно. Помоги тому, кому должен, и ты все поймешь.

— Я человек, я не в силах играть в эти безумные игры! Я просто человек! Почему я?!

— Любой человек когда-то становится героем.

— Нет, не надо! Я хочу быть простым человеком! Не надо мне всего этого! Я не напрашивался в ваши гребаные герои! И не надо из меня делать марионетку!

— Иное уже невозможно. Ничего нельзя изменить или исправить. Ты тот, кто ты есть.

— Я капитан милиции! Простой человек! Я не понимаю, зачем все это?! Я простой человек!

— Если ты сдашься, так и будет.

Свет и туман сменились безжизненной пустыней. Вместо облаков — серые тучи. Везде лежали трупы людей, луна на небе горела окровавленной звездой. Алексей ходил мимо тел и вдыхал воздух, пропитанный запахом мертвых.

— Что это?

— Будущее! Если ты не поможешь.

— Не может быть такого будущего! — упал на колени капитан.

— Может. Ничего невозможного нет, — спокойно ответил голос. — Подумай, что будет, если на вашей планете и в ваших душах начнется война? Подумай, что будет, если вы окажетесь предоставленными сами себе. Не станет ни законов, ни государств, ни правителей — каждый сам за себя.

— Это невозможно!

— Поверь мне: это более чем реально, если ничего не предпринимать.

Вновь наступила темнота. Капитан медленно открыл глаза. Он находился в помещении, освещенном горящими факелами. Высокий свод уходил в бесконечность и терялся где-то в темной пустоте прогнившего и покосившегося на бок церковного купола, через который словно через адское решето можно было разглядеть звезды на ночном небе. Длинная цепь монотонно болталась в стороны — когда-то на ней висела огромная люстра, освещающая чрево божьей обители. Арочные своды из потрескавшегося и отсыревшего красного кирпича нависали над ним, скрывая свои темные углы под слоем плесени и мха. На стенах еще были видны побелевшие, словно отпечатанные, застывшие во времени оттиски икон. Чуть дальше сгоревший иконостас — все, что не смогли вынести, сожгли. Когда-то массивные доски пола прогнили, в некоторых местах задралась вверх от сырости и времени и теперь больше напоминали оголенные ребра мертвого мифического животного. Узкие окошки, в которые вряд ли смог бы пролезть и ребенок, перетянуты ржавыми металлическими прутьями снаружи, в некоторых из них остались посеревшие от времени стекла, чудом уцелевшие под напором местной ребятни и хулиганья. Справа от входа была небольшая железная дверь с навесным поеденным ржавчиной и временем замком. Остальные двери были открыты, словно врата в невиданные миры с позеленевшей от времени медной отделкой. Они манили и пугали своим видом. Голова капитана раскалывалась от боли, он хотел обхватить ее руками, но не смог, так как был связан. Повернувшись, он увидел лежащего в другом углу Виктора. К капитану подошел человек в одежде, похожей на монашескую, но синего цвета. Его лицо скрывал капюшон и черная повязка, из-за которой были видны лишь глаза.

— Ну что, пришел в себя? — спросил он. В его голосе слышалось удовольствие.

— Да пошел ты! — ответил капитан.

— Ха! Ты всегда был гордым, но здесь и сейчас твоя гордость неуместна. Не хочу тебя обнадеживать: ты и твой друг скоро умрете.

— Интересно знать, а почему нас не убили раньше? Ведь у вас была такая возможность. Или ты, придурок, насмотрелся голливудских боевиков и решил пообщаться со мной перед смертью?! — дергаясь и пытаясь выпутаться, прокричал Зверев.

— Не рыпайся: мои ребята отлично вяжут узлы. И да, представь себе, я решил пообщаться. Я бы с удовольствием прикончил тебя сейчас, но ты знаешь то, чего не знаю я. Поэтому пока ты нужен мне живым.

— А с чего ты решил, что я тебе что-то скажу?

— Рано или поздно все начинают говорить. Видишь вот этих милых парней? Они умеют развязывать языки. Так что врать не буду: я убью тебя в любом случае, только смерть твоя может быть либо долгой и мучительной, либо быстрой и безболезненной — выбирай. Ведь у человека всегда должен быть выбор, — рассмеялся Носферато.

— Лучше я помучаюсь. Подольше поживу, урод долбаный.

— Право твое, только поверь мне, ты все равно заговоришь. Сказки, что кто-то не заговорил, — просто вранье. Мои ребята будут резать тебя по кусочку: кусок за куском, кусок за куском. Рано или поздно говорить начинают все — это всего лишь вопрос времени и упорства.

— Да пошел ты!

— Ясно. Приступайте, — отдал приказание Носферато.

Трое его людей подошли к Звереву. Один из них держал в руках черный дипломат, из которого второй достал матерчатый сверток. Он развернул его на деревянном полу, и Зверев увидел всевозможные орудия пыток.

— Ты все еще хочешь молчать?

— Представь себе, я мазохист! Люблю помучаться! — не сводил взгляда с инструментов капитан.

— Хорошо, я доставлю тебе это удовольствие. Когда из тебя начнут вытягивать жилы, ты запоешь по-другому.

Палач вытащил из адского свертка скальпель и поднес его к лицу капитана.

— Пстой.

Палач изумленно посмотрел на своего господина.

— Приведите в чувства второго. Пускай сначала увидит на своем дружке, что мы сделаем с ним. Тем более тот тоже может многое знать. К тому же он, наверное, намного сговорчивей, чем наш друг.

— Не трогай его! Он ничего не знает!

— Вот мы и проверим! — заорал Носферато и со всего маха ударил капитана под дых.

Зверев скрючился и, словно рыба, стал ловить ртом воздух. Два человека в монашеских одеяниях притащили Виктора и, бросив его перед Алексеем, несколько раз ударили бедолагу. Четирин захрипел и попытался подняться.

— Не утруждайся. Это бесполезно.

— Какого черта вам от нас надо? — оглядываясь по сторонам, пробормотал Виктор.

— Всего лишь информация, вот и все. Повторяю лично для тех, кто был в отключке: я собираюсь сделать тебе и твоему другу очень больно, страшно больно. Но если ты скажешь то, что мне нужно, я убью вас быстро.

— А если не скажу? — прокричал Виктор.

— Тогда я буду убивать вас медленно, и вы все равно скажете.

— То есть мы все равно умрем?

— Да, это верно, вы умрете. Вопрос в том, как? Так что выбирать тебе. А раз ты не в курсе, я познакомлю тебя с историей, чтобы ты лучше понимал, что тебе предстоит вынести перед смертью в случае неверного выбора. Американские индейцы вставляют в мочеиспускательный канал жертвы тонкую тростинку с мелкими колючками и, зажав ее в ладонях, вращают в разные стороны. Пытка длится довольно долго и доставляет жертве невыносимые страдания. Такие же описания пыток дошли к нам из Древней Греции. Племена ирокезов привязывали кончики нервов жертвы к палочкам, которые вращали. Тело дергается, извивается и буквально распадается на глазах. На Филиппинах обнаженную жертву привязывали к столбу, и солнце медленно убивало ее. В другой восточной стране жертве распарывали живот, вытаскивали кишки, засыпали туда соль и вывешивали тело на рыночной площади. В Марокко осужденного зажимали между двух досок и распиливали пополам. Персы — самый изобретательный в мире народ по части пыток — растирали

жертву между жерновами или сдирали кожу с живого человека. Так что, мой друг, ты серьезно заблуждаешься: смерть может быть разной! И если вы не скажете то, что мне нужно знать, все, что я перечислил, покажется вам детской сказкой на ночь по сравнению с тем, что случится с вами!

— Послушай, ты нам столько всего рассказал интересного, что я никак не решу, что предпочесть. А можно помощь зала или звонок другу, а то я не знаю ответа на этот вопрос? — откашлявшись, прошипел Зверев.

— Гляжу, ты никак не уймешься?

— Витек, не слушай его! Эта сволочь нас все равно кончит! Не говори ему ничего!

— Виктор, ты же не хочешь, чтобы тебе было больно?

— Отвали от меня, — закрывая глаза и глубоко вдыхая, почти по буквам промолвил Четырин.

— Приступай! Я хочу, чтобы он визжал от боли, как поросенок, а капитан наблюдал, как от его друга будут кусок за куском отрезать плоть. Потом я лично займусь им самим.

Вдруг темноту огласил вой. Этот вой не был похож на звериный или человеческий: наступило полнолуние. Мимо окна разрушенной церкви пронеслась тень. Затем она мелькнула в другом окне. Казалось, это было не одно, а сразу несколько существ, так быстро оно двигалось. Кто-то дернул ручку дверей храма так, что массивные петли вдавились в стену, закрипели и чудом остались на месте. Вой вновь огласил округу. Еще мгновение и темная фигура замерла рядом с окном, в свете луны ярко блеснули два волчьих глаза — и это пространство оказалось для него неприступным. Лекант явно пытался проникнуть внутрь, а так как ему это не удавалось, он зверел еще больше.

— Что это? — произнес шепотом один из слуг Носферато.

И снова раздался вой, и снова тень промелькнула за окнами.

— Что это?! — подскочив к Звереву и схватив его за грудки, крикнул Носферато.

— Может, твоя совесть?

Носферато изо всех сил ударил Зверева рукояткой пистолета по лицу. Алексей упал, из рассеченной брови потекла кровь, в глазах помутнело.

— А ты знаешь?! — передергивая затвор пистолета, обратился человек в синем к Виктору.

— Не знаю. Но, похоже, не только мы оказались в полном дерьме.

В дверь ударили с такой силой, что со стен рухнула оставшаяся кое-где последняя штукатурка.

— Убейте эту тварь! Убейте ее! — заорал Носферато.

Его охрана начала стрелять по окнам, где мелькало существо. Стекло с дребезгом разлеталось и падало на пол, а воздух наполнялся запахом пороха. Расстреляв по обойме, подручные Носферато перезарядили оружие. Внезапно воцарилась тишина, лишь монотонные завывания ветра нарушали ее.

Зверев открыл глаза, осмотрелся и увидел, что все вокруг замерло, застыло. Даже снежинки, которые залетали в разбитые окна, висели в воздухе, словно приклеенные. «Странно. На смерть это не похоже», — подумал про себя он. Двери церкви открылись, будто их никто и не запирали, и в них вошел человек в костюме, одна половина его одежды была черная, а другая — белая, и даже его волосы и обувь были двух цветов. Он, не обращая ни на кого внимания, направился к Звереву. Человек шел уверенно, как если бы он не шел, а летел над полом, и только хруст стекла под ногами выдавал его шаг. Он присел перед

капитаном и осмотрел его с ног до головы.

— Кто ты?

— Я все и ничего.

— Ты Бог?

— Смотря что понимать под этим словом.

— Так что, я умер?

— Один и тот же вопрос. Не надоело? Или ты так стремишься умереть? Нет, мой друг, ты пока еще жив.

— А что здесь происходит?

— Увидишь.

— Тогда зачем ты здесь?

— Помочь.

— Странно, раньше от вашего брата я кроме головной боли ничего не получал. Откуда такая щедрость?

— Я просто подумал, что без тебя игра будет скучной. Чтобы понять, кто сильнее, нужно создать равные условия. Противостояние без тяжелых фигур скучно, или ты так не считаешь?

— Вы нас за расходный материал держите? Мы для вас какие-то гребанные шахматы?!

— Считай, как хочешь. Но знаешь, я постепенно прихожу к мнению, что вы, люди, иногда гораздо могущественнее своих богов. На вас посылают болезни, несчастья, всевозможные тяготы, а вы все живете и живете.

— Ну, вы и уроды... — зло прошипел Алексей.

— Так тебе нужна помощь?

— Помоги Виктору.

— Извини, я не могу помогать каждому человеку. Пока твой друг мне не интересен. А вот ты... Тебе я помогу.

— Зачем ты это делаешь?

— А зачем ты работаешь? Зачем ты ешь? Зачем ты спишь и дышишь? Потому что без этого ты не сможешь существовать. Так и я — таков мой образ жизни, — незнакомец прикоснулся к веревке, и она слетела с рук Зверева.

— Вытащи нас отсюда! — взмолился капитан.

— Не могу. Извини.

— Тогда хотя бы скажи, что там, за стенами храма?

— Зло. Могущественное, ужасное, сильное. Сказать тебе больше я не вправе. Надеюсь, ты справишься — ты выпутывался из ситуаций и похлеще. Прощай.

Снег опять начал падать, а Носферато и его слуги снова стали вглядываться в темноту разбитых окон, пытаясь разглядеть загадочное существо. Алексей пошевелил руками — они были свободны. В этот момент церковная дверь разлетелась на кусочки, и перед невольными зрителями предстал огромный оборотень. Все в замешательстве смотрели на Леканта, который в считанные мгновения оценил обстановку. Охрана Носферато приготовилась стрелять, но у них не было ни секунды, чтобы попытаться прицелиться: Лекант в прыжке схватил одного из охранников и покинул помещение так же быстро, как и вошел в него. Носферато и двое его слуг стали палить волку вслед, но было уже поздно.

— Что это за чернобыльская псина?! — заорал что было мочи Зверев.

— Какого черта здесь происходит?! Развяжите меня, развяжите меня! — кричал Виктор,

пытаясь встать с пола и с силой дергая руками, которые были на совесть связаны. От этого веревки еще больше впивались в кожу, и она стала кровоточить. Но от испуга Четырин уже не чувствовал боли, он только продолжал вопить: — Господи, этого не может быть! Этого не может быть! Я не хочу такой смерти!

В разбитый дверной проем влетело разорванное на клочки тело охранника. Раздался вой. Виктора, увидевшего кусок отбивной, которая еще совсем недавно была человеком, чуть не стошнило. Вслед за останками в проеме появился Лекант, но, получив несколько пуль, снова скрылся. Носферато поспешил в сторону подсобного помещения, которое теперь было единственным путем к спасению. Он выстрелом сбил замок на ведущей туда двери и скрылся за нею вместе с выжившими охранниками. Алексей поднялся и попытался развязать руки Четырину.

— Отвали, тварь, отстань! Не надо! — кричал зажмурившийся Виктор.

— Успокойся, это я!

— Господи! Капитан, это ты?! А я уж подумал, что все!

— Тише.

— Как ты освободился?

— Повезло. Плохо связали.

— Что это за тварь?

— Не знаю, но она явно настроена не очень дружелюбно.

— Ты видел, что она сделала с этим парнем?

— Фарш она из него сделала.

— А где эти сволочи?

— Закрылись в той комнате. Нам тоже нужно где-нибудь спрятаться.

— Зачем? Надо бежать!

— Как ты думаешь, кто быстрее: ты или та тварь на улице? Или ты считаешь, она слабее нас?

Алексей пошарил по карманам убитого охранника.

— Что ты делаешь?

— Ищу.

— Что?

— Оружие, — Зверев поднял пистолет, но, поскольку он был разряжен, тут же отбросил его в сторону. Зато на поясе убитого он обнаружил охотничий нож.

— И это ты называешь оружием? Нам надо найти если не ядерную бомбу, то хотя бы крупнокалиберный пулемет. А это для него все равно, что зубочистка. Твою мать! Сейчас я жалею о том, что не воспользовался твоими запасами!

— Есть лучше предложения?

— Нет.

— Тогда пойдет и это. Давай, бежим вон в ту дверь!

Четырин и Зверев помчались к спасительному помещению, а внутрь церкви уже влетело существо, выпрыгнувшее из темноты ночи, подобно ангелу смерти, и тут же кинулось за беглецами. Виктор и капитан заскочили в комнату и закрыли дверь, прижав ее своими телами. Тут же последовал мощный удар, и они оба, словно пушинки, отлетели от двери и упали на пол. Дверь приоткрылась, но они быстро поднялись, кинулись обратно и прижали лапу Леканта, уже просунувшуюся в щель. Раздался страшный рев. Капитан выхватил нож и вонзил его несколько раз в лапу зверя. Лекант взвыл и отступил в темноту.

— Быстрее тащи сюда ту железяку! — закричал Виктор, показывая пальцем на кусок ржавой металлической трубы.

Зверев мигом схватил ее и вставил в скобы вместо засова. Затем они подвинули к двери старый стол и вместе сели на него.

— Думаешь, его это надолго сдержит? — тяжело дышал Виктор.

— Не думаю, дури у него хоть отбавляй.

— Курить охота.

— Да, неплохо бы.

— Как ты считаешь, что это за тварь?

— Я считаю так же, как и ты.

— Разве это возможно?

— По-моему, реальной некуда. А если ты еще сомневаешься, так можно дверь открыть и еще раз взглянуть: вдруг мы ошибаемся?

— Это вряд ли! — переводя дух, произнес Виктор.

— Вот и я о том же.

— Что будем делать дальше?

— Не знаю.

— А что там за дверь?

— Сходи, проверь.

— Давай уж лучше ты, а то для меня на сегодня уже впечатлений достаточно, — вытирая пот со лба, промолвил Виктор.

Зверев слез со стола и дернул за ручку — дверь оказалась незапертой. Медленно приоткрыв ее, он заглянул в щель. В темноте соседней комнаты нервно ходил Носферато. Его охрана стояла на чеку, прислушиваясь к каждому шороху, вход так же был завален разным хламом.

— Ну, что там?

— Жопа. Полная жопа, — прикрывая дверь, ответил Зверев. — Там этот придурок в синем со своей бригадой.

— Они тебя видели?

— Если бы видели, мы бы с тобой уже не разговаривали.

— Так что будем делать?

— Сидеть и ждать.

— Просто сидеть и ждать? Пока нас те идиоты не шлепнут или эта тварь не сожрет?

— А что еще остается, подскажи?

— Не знаю!

— Вот и я не знаю.

Капитан снова стал смотреть через щелку в соседнее помещение. Вдруг в их дверь ударили: Виктор слетел со стола, но дверь не открылась. Однако мгновением позже Лекант с треском ворвался в комнату Носферато. Раздался рев и крик. Темнота освещалась выстрелами, в плоть зверя вонзался раскаленный свинец, который для него был не страшнее комариного укуса. Оборотень одним ударом снес голову одному из охранников и, схватив его тело, скрылся в темноте. «Господи, для него это всего лишь игра! Он просто охотится на нас — он мог бы легко уничтожить нас всех разом, но убивает по одному, растягивая удовольствие», — ужаснувшись, подумал Алексей. Между тем Носферато бросился к окну, но на нем была железная решетка, да и пролезть в узкое отверстие он вряд ли бы смог. В

отчаянии он схватился за решетку обеими руками и что было силы начал трясти, однако железо не поддавалось. Опустив руки, он рухнул на колени и изо всех сил закричал. За несколько минут властный человек превратился в беспомощное создание, которое чувствовало приближение своей смерти, смерти ужасной и неизбежной. Он, словно больной раком, понимал всю безнадежность своего положения, так как не мог предотвратить неизбежное. Ему оставалось лишь смириться и ждать.

— Повелитель, что нам делать?!

Властелин сидел на полу, крепко сжимая пистолет в руках, и молчал.

— Что будем делать, повелитель?! — снова спросил слуга.

— Молиться! — рассмеявшись, закричал Носферато.

— Что там происходит? — еле слышно спросил Виктор, подойдя к Звереву.

— Резня. Эта тварь играет с нами.

— Зверь там?

— Нет. Он их истребляет по одному. Похоже, ему нравится процесс убийства. А когда он закончит с ними, примется за нас. Эта гадина не успокоится, пока не перебьет всех.

— Что же нам делать?

— Молиться и верить в чудо. Наш друг в синем уже приступил.

Охранник Носферато присел перед своим повелителем.

— Господин, может, попробуем вместе выломать эту решетку? Или хотя бы попытаемся прорваться через дверь?

— Решетку мы не ломаем, а через дверь он нам выйти не даст. Эта скотина сейчас доужинает и вернется за нами.

— Должен же быть какой-то выход?! — поднявшись, проговорил охранник и подошел к решетке.

— Ногами вперед! — пробормотал господин и снова рассмеялся.

За решеткой появился Лекант, просунул лапу между прутьями, схватил последнего охранника, несколько раз ударил его о решетку, а затем резким движением рассек ему горло своими когтями. Охранник упал, схватившись за шею, хрипя и захлебываясь собственной кровью. Через несколько секунд Лекант возник в дверном проеме. Он оглядел комнату и медленно направился к Носферато. Зверь пристально смотрел на свою жертву и тяжело дышал, продвигаясь к цели, которая в ужасе отползала от него.

— Не надо! Прошу, — взмолился Носферато.

Существо зарычало, но постепенно рык перешел в человеческий голос. Лекант стал меняться и вскоре обрел вид обнаженного седовласого человека. Он подошел к Носферато, присел перед ним и улыбнулся, обнажив свои блестящие белые зубы с огромными клыками.

— Ты боишься смерти? — произнес он.

— Не убивай меня, я дам тебе намного больше, чем Александр! Я знаю, это он тебя послал!

— Ты прав, это он. Только беда в том, что я не торговец. Заклучая сделку, я не меняю правила. Я всегда выполняю свои обещания и не предаю того, с кем договорился, в отличие от тебя. Нельзя доверять человеку, предавшему хотя бы единожды, так как за первым разом обязательно будет и второй, и третий — предатель уже не остановится.

— Пощади!

— Ха-ха-ха! Нет, Носферато! Я пообещал Александру принести твою голову.

— Умоляю! Не надо!

— Единственное, почему я тебя еще не убил, так это потому, что я чувствую здесь присутствие большой силы! И она явно исходит не от тебя: от тебя несет страхом и мерзостью. А вот от тех, кого ты собирался пришить, пахнет чем-то иным. Чем-то таким, чего я раньше не чувствовал. И если ты объяснишь мне, кто эти люди, я обещаю, что твоя смерть будет быстрой и безболезненной. Однако какая ирония: совсем недавно ты произносил эти же слова, а теперь слышишь их сам. Жизнь — штука странная: как родился, не помню, как умру, не знаю. Но ты знаешь, и как подохнешь, и когда. Извини, помиловать не могу — это не в моих правилах.

— Он мент, всего лишь мент и ничего больше. Он просто много знает. А второй — обычный человек, который поневоле ввязался в это дерьмо. Я обещал хозяину, что расправлюсь с ментом и все! Поверь! Я говорю правду!

— По-моему, после того, как ты предал Александра, хозяина у тебя не стало.

— Я обещал не ему, — трясясь от страха и отползая все ближе к двери, за которой находились Алексей и Виктор, бормотал Носферато.

— Интересно, кому же?

— Повелителю тьмы. Я обещал Сатане, — почти шепотом проговорил бедняга.

— Ха-ха-ха! Ты пообещал ему убить простого смертного? Ты и впрямь глупее, чем я думал. Никогда, никогда он не попросил бы тебя убить простого смертного! А теперь пораскинь мозгами и подумай, кем может быть этот мент, как ты выразился?

— Я не знаю. Он просто человек, как и все. Я не хочу умирать, пощади! Дам все, о чем ты мечтаешь! Только пощади.

— Время пришло, Носферато. Ставки были сделаны, и ты проиграл.

Седовласый схватил Носферато за шиворот и поднял над полом. Глядя на жертву, он оскалился, и тут же стал превращаться в огромного волка.

— Господи, он его на клочки порвет, а потом примется за нас, — теребя Зверева за плечо, прошептал Виктор.

— Меня больше волнует другое, — капитан распахнул дверь и выскочил, как черт из табакерки, в комнату к седовласому и Носферато.

— Вот дьявол! Ну все, теперь точно хана! — пригнулся Виктор.

Зверев с криком подскочил к Леканту, который уже превратился в огромное животное, и, замахнувшись, попытался его ударить. Но существо оказалось проворнее: отшвырнув Носферато в сторону, Лекант молниеносно перехватил кулак капитана своей лапой.

— Оп, плохая была идея. Обычно это срабатывало. Может, договоримся? Как на счет «Чаппи»? Тише, тише! Все хорошо, — смотря в огромную пасть, съязвил Зверев.

Лекант поднял его за руку и, глядя ему в глаза, заревел.

— Плохая собачка! Плохая собачка! Все, похоже, я труп, — шепотом проговорил капитан.

На его ребра обрушился сильнейший апперкот, от которого он отлетел к стене, ударился об нее и рухнул на пол без сознания. Существо снова перевело взгляд на Носферато, дрожащего в углу комнаты.

— Что я делаю?! Господи, что я делаю?! — нервно проговорил Виктор, закрыв глаза.

Он выскочил в комнату, поднял с пола пистолет и, заорав, словно животное, выстрелил. Оборотень обернулся. К удивлению Виктора, пуля попала волку в глаз: Лекант заревел, прыгнул на стену, оттолкнулся от нее всеми четырьмя лапами и исчез в дверном проеме.

— А-а-а-а-а! — продолжал кричать Четырин, нажимая на курок пистолета, в котором

уже кончились патроны. В горячке он подбежал к Носферато и стал рукояткой ствола отвешивать удары перепуганному подонку. Бывший господин только закрывался руками.

— Сволочь! Куски от меня хотел отрезать?! Я сейчас сам тебе череп вскрою и через соломинку мозг высосу! Ублюдок! Сдохни! Тварь! Сука!

— Оставь его, — отхаркивая кровавую пену, прошипел Зверев.

— Живой! — остановившись и обернувшись на голос, воскликнул Четырин.

— Живой. Только, похоже, отвоевался. Ребрам, скорей всего, капец настал. Здоровый гад, хорошо приложил, больно-то как! — кряхтел и кашлял Алексей.

— Какого черта ты выскочил?

— Эта тварь слишком много знает того, чего не знаем мы. Дать ему умереть было бы глупо с нашей стороны. А где наш волосатый друг? — пересиливая боль и держась за ребра, еле поднялся Зверев.

— Не знаю. Кажется, я в него попал!

— Это ненадолго. Он скоро вернется: похоже, мы его окончательно разозлили.

— И что теперь делать?

— Давай, бери этого скомороха и тащи весь хлам в нашу комнату, попробуем продержаться еще какое-то время.

— По мне, его лучше пристрелить!

— По мне тоже! Но он знает, что это за существо, и еще много всего другого интересного, так что ему придется еще пожить.

Виктор подошел к Носферато и ударил его ногой.

— Давай, поднимай свою задницу! Пора поработать на благо общества!

— Мы все равно здесь сдохнем.

— Была бы моя воля, я бы тебя давно кончил. А пока хватай хлам и тащи его в ту комнату! Да побыстрее!

Капитан поднял с пола ТТ, засунул его за пояс и, кривя лицо от боли, приподнял вверх одежду. На его теле в области удара красовалась темно-фиолетовая гематома.

— Да, хорошо он тебя приложил.

— Тут не поспоришь.

В комнате они, как смогли, завалили двери.

— Теперь будь что будет. Выше головы не прыгнешь.

— А что с этим делать? — кивнул на пленника Виктор.

— Для начала посмотрим, кто он такой, а то я сгораю от любопытства. Так хочется взглянуть в ясные очи этому милому человеку.

— Как скажешь, только в обморок не падай, — ответил Носферато и снял капюшон и повязку с лица.

— О как!

— Ущипните меня, может, я сплю? — таращился то на Зверева, то на Носферато Виктор.

— Да нет, Витек. Спал все это время я! И ты, сволочь, хотел нас завалить?! Тогда объясни, почему ты помогал мне все это время?! Я считал тебя своим другом, мразь! — подскочив к Попову, капитан одним ударом свалил его на землю и принялся пинать ногами. — Ты был моим другом! Ты был моим другом! Убью гада!

— Хватит! Ты же его сейчас насмерть забьешь! — оттаскивая Зверева от Михаила, запричитал Четырин. — Ты зачем его спас?! Чтобы тут же убить?! Тогда проще было бы

оставить его той твари на растерзание! Глядишь, нажралась бы и отстала от нас!

— У меня нет друзей, и никогда не было, — вытер кровь с лица Михаил.

— Что ты там твякаешь, сволочь?! — снова кинулся на него Зверев, но его остановил Виктор.

— Все, хватит, успокойся!

Попов медленно поднялся с пола и, отряхнувшись, пристально посмотрел на Виктора и Алексея.

— Чего вылупился? Какая же ты паскуда, Миша! — держась за ребра, сказал Зверев и плюнул на пол.

— Смотрю я на вас и вижу двух ходячих мертвецов, которые пока об этом не догадываются.

— Красноречие проснулось! Пять минут назад скулил, как девчонка.

— Лучше бы я умер тогда, а сейчас он разозлился и не станет убивать нас быстро. Мы еще все пожалеем о том, что живы.

— Что это за существо?!

— Оборотень, Лекант, властелин ночи — у него много имен. Что, фильмов не смотрел или книжек не читал? Ты думаешь, легенды основаны на вымыслах? Так вот, этот вымысел сейчас бродит за стенами этой долбаной церкви! И где же твой Бог?

— Мой Бог там же, где и твой!

— Я в твоего малахольного и беспомощного не очень-то и верил! — сплюнув кровью, рявкнул Михаил.

— Не волнуйся! Видимо, он о тебе тоже позабыл! Да и твой повелитель что-то не спешит к тебе на выручку!

— Может, вы все-таки заткнетесь?! — влез в их пререкания Виктор.

— Какого хрена эта тварь здесь делает, и что это за Александр, который его прислал? Кто это, спрашиваю?

— Это длинная история.

— Рассказывай!

— Александр — могущественный чернокнижник, глава секты и перст Сатаны на земле. Я предал его, чтобы заполучить власть и бессмертие, и заключил сделку с самим Злом. Я поклялся, что убью тебя.

— Это с какой же радости ко мне такое внимание?! — недоумевал Зверев.

— Ты слишком много знаешь.

— Прекрасно! А мне-то казалось в последнее время, что я, наоборот, ни хрена не знаю! Так в чем же было дело? Ты мог меня прикончить сто раз, хотя бы в том же самом архиве или кабинете — да где угодно! Чего медлил?

— Вначале я и хотел так сделать. Но потом понял, что ты ищешь то, что нужно Александру и Анатасу.

— Анатас! Точно, Анатас! Вот как звали того, кого мы подвезли. А ты ведь знал все и хотел меня посадить за убийство!

— Конечно, знал. И посадил бы! Просто тебе повезло: у меня была назначена встреча с Александром, и мне было некогда тобой заниматься. А тут под руку подвернулся наш справедливый блюститель порядка. Правда, я думал, что он тебя упечет, и был искренне удивлен услышать, что он тебя отпустил под подписку. А потом все стало нарастать, как снежный ком. Я был правой рукой учителя и должен был устранять все то, что могло бы

выдать существование нашей общины. Но, увы — я не справился. Я рискнул, сыграл ва-банк и проиграл. Я предал Александра и не выполнил клятву, данную хозяину. Так что выбор у меня теперь невелик — конец все равно один.

— Так тебе и надо! — по-детски обидчиво пробормотал Четырин.

— Если ваша секта служит самому Сатане, неужели его могущества не хватит, чтобы убить двух ничтожных смертных людишек? Зачем все так усложнять?

— Его власть, действительно, безгранична.

— Так в чем же дело?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Александр! Он все знает.

— А как ты узнал, что мы будем проходить через церковь?

— Матвей сказал, — улыбнулся Попов.

— Не может быть, он же нам помогал!

— Он всем помогает. Для него это игра! Старый пес так развлекается и никак не может найти себе место!

— Ладно, нас сейчас волнует другое: можно ли как-то справиться с тем зверем, что на улице?

— Нет, — спокойно ответил Михаил.

— Тогда нам крышка, — вздохнул Четырин.

— Любые ранения на нем затягиваются и регенерируют. Потеряв любую конечность, он исчезает на время, чтобы отрастить новую, а потом снова возвращается. Но это только если нет серебра. В средние века этих тварей развелось столько, что нашей общине пришлось объединиться с папской церковью, чтобы уничтожить их. Но все было тщетно, пока Александр не нашел их вожака. Он заключил с ним сделку. Никто не знает, о чем именно они договорились, но Лекант сам истребил свою стаю.

— И где же нам взять серебряную пулю?

«Скоро вы встретитесь с тем, что будет страшнее любого кошмара, но знай: вера — лучшая защита от всех напастей, даже если она принадлежит кому-то другому», — молнией пронеслось в голове Зверева. В дверь ударили, и через вылетевшую доску просунулась лапа оборотня. Раздался рев.

— Началось, — еле проговорил Попов.

— Снимай свою цепочку!

— Зачем?! — изумленно спросил Четырин, глядя, как Лекант выламывает дверь.

— Снимай, если хочешь жить!

Виктор быстро снял с себя крестик и передал капитану. Дверь разлетелась на куски.

— Давай, тварь, иди ко мне! — заорал Зверев и пошел навстречу оборотню.

Но существо, не обращая никакого внимания на Алексея, кинулось на Виктора, который не успел даже глазом моргнуть. Сбив его с ног, Лекант перевел взгляд на Попова. Но тут капитан выхватил нож, обмотал острие цепочкой и, бросившись на спину зверя, вонзил клинок ему в шею. Лекант взревел так, что его рык огласил все окрестности, и собаки, визжа, попрятались по будкам. Зверев резким движением рванул руку в сторону и рассек зверю шею. Лекант захрипел и рухнул на колени, опершись на передние лапы. Серебро подействовало: могучее существо стояло на четвереньках, истекая кровью. Металл, словно яд, попавший в кровь, отнимал у зверя силы и не давал его крови сворачиваться. Оборотень

захрипел, рухнул на пол и обрел вид седовласого.

— Я видел его, — тихо проговорил Виктор, подходя к человеку с торчащим из шеи ножом.

— Не один ты. Он следил за Поповым, а я думал, что он шел за мной.

— Вонзи нож ему в сердце! — внезапно заорал Михаил.

— По-моему, он и так мертв, — присел рядом с телом и пощупал пульс Зверев.

— Добей его!

— Правда, капитан, добей его!

— Хорошо, но сначала покажи то, что дал нам Матвей, — Алексей подошел к Виктору.

Тот молча вытащил из кармана гвоздь.

— Откуда вы его взяли? — пристально глядя на артефакт, спросил Попов.

— Сначала скажи мне, что это?

— Это гвоздь. Один из тех, которыми прибили к кресту Иисуса. Этот артефакт — один из немногих оставшихся с тех времен. Каждый из них несет в себе огромную силу: они могут исцелять или уничтожать — в зависимости от того, в чьих руках находятся.

— Для чего он нужен?

— Все зависит от обладателя — чего он захочет.

— Я хочу правды!

— Правды? А что такое правда, Леха?

— Ты сказал про какого-то Александра. Где я могу его найти?

— Ты смеешься? Да ты и шага в его замке не сделаешь. Проще тебе сразу застрелиться.

— По-моему, я не спрашивал у тебя совета.

— Дело твое. Поедешь в Бондари, остановишься на развилке и пойдешь на север. Ровно через тринадцать километров увидишь холм, там тебе и пригодится гвоздь.

— Собирайся, Витек.

— Ты обещал добить зверя.

— Я передумал. Он пришел за тобой, вот и разбирайся с ним сам! Скажи спасибо, что не грохнул тебя. Впрочем, я так полагаю, твой хозяин уже знает обо всем, так что руки о тебя марты не имеет смысла.

— По-моему, это глупо, — убирая артефакт в карман, проговорил Виктор.

— Нет, это благородно! — поднимаясь с пола, ответил Лекант. Он вытащил нож из раны, не спеша снял с него цепочку и крестик. — Вы можете идти, я не причиню вам зла, — глядя на капитана волчьими глазами, сказал седовласый и протянул Виктору его «веру».

Четырех дрожащей рукой взял свое и быстро отступил назад, с опаской глядя на Леканта.

— А как же я? Леха, мы же были друзьями!

— Кажется, у тебя друзей не было и нет, разве не так?

— Не бросай меня, прошу! Он же убьет меня! Леха!

— Уходите. Я дал слово насчет него. Вы мне не нужны, вас я не трону. Но если вы попытаетесь мне помешать, убью. Ступайте, пока я не передумал.

— Прощай, Михаил, — сухо произнес Зверев и, пихнув Виктора плечом, стал отступать назад к выходу.

Капитан и Виктор, не сводя глаз с седовласого, молча покинули божью обитель.

— Ты был и остался хорошим воином! — крикнул им вслед Лекант.

— Нет, не бросай меня! Леха! Мы же были с тобой друзьями! Леха! — заорал

Носферато.

Седовласый перевел взгляд на Попова.

— Ну что ж, приступим. Ты, наверное, заждался уже. Скажи мне, дружок, а ты боишься смерти?

Мгновением позже из темноты развалин вышел седовласый, держа в руке за волосы голову Носферато. Он быстро направился в сторону леса, и вскоре его силуэт поглотила крошечная мгла.

Почти час Виктор и Алексей пробирались по сугробам к своей «Ниве».

— Господи, что здесь случилось?! — глядя на разбитую иномарку, испачканную замерзшей кровью, воскликнул Виктор.

— По-моему, это наша собачонка постаралась. Давай, сваливаем!

Они сели в машину и тронулись.

— Как ты понял, что он живой?

— А как ты думаешь, о чем они могли договориться с этим Александром?

— Не знаю.

— А ты подумай. Существо после разговора с ним истребило весь свой род. Ради чего?

— Чтобы не чувствовать серебра? — высказал свою догадку Виктор.

— Именно. Сто баллов. Единственное, что могло его остановить и убить, — это серебро. Естественно, он попросил избавить его от этой ахиллесовой пяты.

— Но как ты узнал, что он нас не убьет потом?

— Я и не знал, просто предположил.

Машина медленно ехала к намеченной цели, а на горизонте, пробиваясь сквозь снежные тучи, появились первые лучи солнца. Наступал рассвет.

ПРИСТАНЬ

Все проходит, пройдет и это.

Надпись на кольце царя Соломона

Рассвет был похож на закат: солнце на горизонте вставало багрово-красного цвета. Ни птиц, ни собак не было слышно. Но природа, похоже, радовалась такой погоде: деревья, словно заколдованные, были одеты в сверкающий иней, отражавший солнечные лучи, а занесенные снегом поля походили на россыпи самоцветов. Морозное утро было прекрасно, как последний рассвет в жизни человека, и единственным, что нарушало эту красоту, была движущаяся машина. Зверев и Виктор остановились на перекрестке с указателем «Бондари».

— Кажется, приехали, — глядя по сторонам, заключил Алексей.

— Так чего ждем? Вперед.

— Мне надо поспать, а то глаза будто свинцом налиты.

— Ложись, я поручу.

— Не пойдет, надо обоим отдохнуть. Мы уже больше суток не спали.

— Вот ты настырный! — недовольно откинул спинку сиденья Виктор.

— Я знаю, — пробормотал капитан уже с закрытыми глазами.

Его дыхание было ровным, он спал как младенец. Монотонный звук двигателя убаюкивал капитана, а теплый воздух, дувший из печки, делал сон еще более блаженным. Капитану снилось, как он в детстве играл с друзьями у реки и ловил рыбу. Это было то небольшое, что он помнил о себе. Он сидел на берегу и смотрел за поплавком, который качался на небольших волнах. Долгожданная поклевка вызвала довольную улыбку на лице маленького Алексея. Он резко подсек, и его удочка согнулась под тяжестью улова. От неожиданного успеха Алексей стал изо всех сил тащить добычу, даже привстал с земли, однако из воды вместо рыбы показался преторианский шлем, затем череп, а еще через мгновение из мутного водоема вышел огромного роста скелет в полном обмундировании. В ужасе мальчишка отбросил удочку и плюхнулся на землю, наблюдая, как костлявое чудище подходит к нему все ближе и ближе. Он сидел и смотрел в бездонные глазницы скелета, а когда все же в страхе отвернулся, то увидел, что позади него стоят римские легионы — огромное полчище солдат. Их было настолько много, что их ряды уходили за горизонт, а впереди был он сам, уже взрослый, верхом на коне и в блестящих черных доспехах. Изумленный мальчик протянул руку к самому себе и попытался закричать о помощи, но ни единого звука произнести не смог. Словно рыба, выброшенная на берег, он барахтался в траве, беззвучно открывая рот. Тем временем скелет схватил его за ногу и поволок в реку. Сидящий на коне воин бросился к парню и даже успел ухватить его за руку в тот момент, когда скелет уже затащил его в воду по пояс. Алексей смотрел в глаза самому себе и чувствовал, что пальцы не выдерживают напряжения и разжимаются. Рука выскользнула, и его тело погрузилось в мутный водоворот. Волочась по илистому дну, мальчик уходил все

глубже и глубже под воду, пока его не поглотила темнота.

Капитан в ужасе открыл глаза. Снаружи светило солнце, вокруг падали редкие снежинки, рядом безмятежно спал Виктор. Прошло два часа с тех пор, как они остановились на привал. Зверев медленно вытащил пачку сигарет из бардачка, вытер холодный пот со лба и закурил. Густой дым окутал салон машины. Четырин проснулся.

— Сколько времени? Как долго мы спали?

— Два часа дремали, надо ехать.

— Давно пора, — разминая затекшее тело, поднял спинку сидения Виктор.

Капитан выбросил бычок в окно и, включив передачу, нажал на газ.

Александр с задумчивым видом сидел на троне, всматриваясь в самый темный угол комнаты. Получив бессмертие, он был обречен жить в своем подземном замке, который стал для него и домом, и тюрьмой. Его холодный взгляд резал пространство, как самурайский клинок режет плоть. Казалось, он перестал дышать.

Седовласый быстро шел по темным коридорам, неся повелителю этих стен обещанный трофей. Александр уже был в курсе случившегося и ждал минуты торжества.

— Учитель, Лекант прибыл, — объявил охранник, и глава секты с довольной улыбкой потер руки.

— Я знаю, зови его.

Седовласый вошел и швырнул пакет с добычей к ногам Александра.

— Я выполнил договор!

Александр вытащил за волосы голову Носферато и пристально посмотрел в открытые глаза мертвеца, который еще недавно был его правой рукой.

— Ты не подвел меня. Я всегда мог положиться на тебя, — он положил голову на стол.

— Была проблема.

— Я знаю.

— Почему ты не предупредил меня, что там будет тринадцатый?

— Я думал, ты справишься и с ним.

— Ты просил только о Носферато! Такой был уговор! — глаза седовласого сверкнули волчьим блеском.

— Помоги мне убрать и его. Или твое животное сердце размякло из-за того, что он тебя не прикончил?

— Меня нельзя убить. Ты сам наделил меня этим даром. Тем более, это не моя война. Я сделал то, о чем ты просил, а с тринадцатым разбирайся сам.

— Ты зарываешься, оборотень! Решил поумничать?! Ты раб, и твой удел — служить, а не размышлять! Я дал тебе все, о чем ты мечтал, и это твоя благодарность?! Почему ты не убил его? Ты без сомнений вырезаешь целые селения, не жалея ни женщин, ни детей! Что случилось на этот раз? Неужели проснулась совесть? Так ведь у зверя ее нет, а человеком ты никогда не был. Послушай меня, волчок, — Александр подошел вплотную к Леканту и несколько раз ткнул его в грудь указательным пальцем. — Ты существуешь, пока этого желаю я!

— Я выполнил уговор. Ты дашь то, что мне причитается!

— Я помню про наш уговор. Награда будет такой, какую ты заслужил. Я всегда держу свое слово.

— Тогда по рукам?

— Ну конечно, — приветливо улыбнулся Александр.

Но как только их руки соприкоснулись для пожатия, Лекант тут же упал на колени.

— Что ты делаешь?! — седовласый скорчился от боли. Его лицо искажалось, то превращаясь в звериное, то возвращая человеческий облик.

— Ты чудовище, ошибка природы, которую мне стоило устранить давно. Но ты был мне нужен. Как ты мог оставить его в живых? Как?! Ты же рожден убивать! — сжимал все сильнее руку Леканта Александр.

— У нас был уговор, — еле бормотал оборотень, склоняясь ниже и ниже к полу.

— Ты действительно решил, что я отдам тебе то, что обещал? Ты избавил меня от моего глупого ученика, но ты не довел дело до конца, ничтожное создание! Ты даже не представляешь себе, что натворил! Твоя задача — убивать, а не вдаваться в подробности, грязное животное, — Александр ногой оттолкнул от себя обессиленное тело. — Охрана! Убрать его! Заковать в цепи! Я скоро займусь им лично! — Леканта подхватили под руки и вытащили волоком из комнаты. — Моя собачка долго была вольной, пора посадить ее на цепь, — с презрением произнес Александр и поправил растрепавшиеся волосы.

«Нива» впиалась в скользкую дорогу всеми четырьмя колесами и, проехав юзом с десяток метров, остановилась на обочине. Алексей и Виктор вышли из машины.

— Куда дальше? — поинтересовался Четырин.

— Пойдем через поле, там должен быть холм.

— Опять снег месить?

— Других вариантов, по-моему, нет.

Спустя несколько часов, пробираясь по снегу, они вышли к огромному кургану, вокруг которого белой простыней лежал густой туман. Их взору предстала странная деревушка с не менее странными жителями: одетые в балахоны люди, деревянные постройки, торчащие из-под земли трубы землянок, стоящая на вершине холма непонятная церковь с перевернутыми крестами на куполах и стенами черного цвета. Станным было и то, что никто из селян не обращал на гостей внимания: жители продолжали заниматься своими делами. Озираясь по сторонам, Алексей и Виктор медленно продвигались к храму на вершине холма. Подойдя к его двери, они увидели замок без отверстия для ключа.

— Вот и приплыли, — Четырин обернулся и увидел жителей поселка, столпившихся неподалеку и пристально наблюдавших за ними. — Лех. А, Лех. Похоже, у нас маленькая проблема.

— Е-мое! Вот это митинг. Надо срочно что-то делать.

— И я про то же. И прошу: решай эту проблемку побыстрее, — толпа сделала шаг вперед и замерла. — Твою мать! Леша, быстрее!

— Похоже, ключ от двери находится у тебя, других вариантов я не вижу. Приложи гвоздь к замку.

— Это что, шутка такая?!

Толпа снова сделала шаг вперед.

— Приложи этот чертов гвоздь к замку, Витя!

Железо коснулось железа, замок проглотил гвоздь и двумя каплями стек на землю. Зверев и Четырин переглянулись и что было мочи рванули внутрь. Через мгновение они попали в зловещее помещение, в котором повсюду горели свечи, а стены от пола до потолка были выложены человеческими черепами. Посередине виднелась винтовая лестница,

уходящая глубоко под землю.

Нет и не будет во всей Вселенной ничего более совершенного, чем Свет и Тьма. Они, словно единое целое, сменяют друг друга, чередуясь в пространстве и времени. Тьма порождает страх: человек боится ее в детстве, и она сопутствует ему всю жизнь, а затем окружает его в гробу и могиле. В глубине души мы боремся с ней, но она всегда оказывается сильнее. И чем больше мы ее боимся, тем сильнее становится она. Когда мы заходим в темный переулок или подъезд, тьма проникает в наш разум, и мы начинаем задумываться о том, что ждет нас там. Самые ужасные дела совершаются во мраке ночи, словно человек уверен, что тьма скроет его деяния. Но нет — она только проявляет то, на что мы неспособны днем.

Александр сидел на троне, по-прежнему вглядываясь в темный угол комнаты, будто в уголок своей мрачной души. Мысли учителя были о прошлом. Он давно уже не вспоминал о том, что с ним происходило за тысячи лет службы у его хозяина. А ведь это он привел к власти никому неизвестного Тимуджина, которого теперь все знают под именем Чингисхан. Кто еще мог рассмотреть в юном мальчике свирепого льва? А Александр сделал из него гениального и жестокого предводителя. Раньше никто и подумать не мог, что кочевой народ может захватить полмира и держать его в страхе на протяжении сотен лет. Презирая их образ жизни, Александр с отвращением вспоминал, как они жрут сырую конину, которая под седлом всадника пропитывается соленым потом. Ему, римлянину, это было чуждо и отвратительно. Но больше всего его поражали русские. Они могли проигрывать войны и битвы, могли резать друг друга, но никогда и ни перед кем не вставали на колени. Было приятно наблюдать, как они уничтожают себя спиртным или ведут гражданские войны, но все менялось в одночасье с приходом врага: перед его лицом они забывали про распри и кидались на неприятеля, и тогда никто не мог устоять перед ними. Многие пытались захватить их, но уходили ни с чем. Александр перебрался сюда издалека ради того, чтобы когда-нибудь увидеть этот народ покоренным, но пока лишь восхищался им и одновременно ужасался ему. Он понимал, что истребить этих людей могут только они сами, и верил, что этот момент был уже не за горами. Он вспоминал о могущественных империях, которые создавались и разрушались на его глазах. Он знал, что все великое канет в бездну небытия, а он останется. Он был неподвластен времени, хотя оно не щадило и его, поскольку никто не может быть бессмертным, кроме богов. Александр тоже старел, но старел не так, как обычные люди. К нему время было гораздо милосерднее: пятьсот лет шли за один год. Но сколько веревочке ни виться, конец обязательно будет, а в его случае он будет страшным. Хозяин не пощадит: его ждут муки ада. Служи хоть дьяволу, хоть Богу, но кому-то из них ты будешь обязан в любом случае — свободы не обещает никто. Он это знал, как знал и то, что не сможет остаться безнаказанным после того, что совершил.

— О чем задумался, Александр? Надеюсь, мы не помешали? — прервал его размышления громкий голос.

За столом сидели Анатас и его свита.

— Разве вы можете мне помешать? — Александр подошел к хозяину и поклонился.

— А у тебя, как всегда, пожрать нечего! — плюнув на пол, проворчал Грешник. — Ты опять не приготовил ни черта! Бесит уже!

— Я сейчас же прикажу, чтобы все принесли.

— Да уж давай, постарайся! И девчонок пусть позовут! А то меня недавно отвлекли.

Прикинь, обломали с телками! — горбун запрыгнул на стул, водрузив на стол ноги.

— Не слушай его, он шутит. А поесть бы не мешало, тем более разговор предстоит долгий.

— Какие уж тут шутки! — выкрикнул Грешник, прикуривая чинарик.

— Как пожелаете, господин, — учитель приказал слугам принести лучшие угощения.

Капитан и Виктор спускались в бездну подземелья. Казалось, что лестница ведет прямо в ад, настолько глубоко она уходила вниз. Царящую повсюду темноту рассеивали огни горящих факелов. Наконец, Зверев и Четырин достигли выложенного булыжниками пола и, вооружившись факелами, двинулись вперед по длинному коридору.

— Куда ведет это долбанное метро? Надеюсь, навстречу никакая электричка не поедет, — тихо проговорил Виктор.

— Мерзковатое местечко.

Зверев осмотрелся вокруг. Обстановка напоминала страшный сон, который приснился ему несколько дней назад. Казалось, он уже бывал здесь, знал это подземелье. Непонятный страх охватил капитана.

— Кто я? — шепотом произнес он.

— Чего?

— Ничего, нужно идти дальше, — опомнившись, ответил Алексей.

— Куда идти?! Ты посмотри: здесь какой-то лабиринт. Я уже забыл, откуда мы пришли. Мать твою, я не удивлюсь, если мы здесь еще Минотавра встретим. А что? Раз оборотни есть, давай уж и эту вероятность исключать не будем.

Капитан направился вперед, Виктор молча последовал за ним. Они шли, освещая дорогу факелами, огни которых переливались на мокрых стенах загадочным цветом. Казалось, здесь не было и не могло быть ничего живого. Даже крысы, наверное, опасались этого места. Зверев шел вперед, и чем дальше он углублялся в подземелье, тем сильнее болела голова.

— Я вижу, твой ученик проиграл, — заметил Анатас голову Носферато. — Это немудрено. Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе. Я догадывался, что так и произойдет, только не думал, что ты привлечешь для расправы седовласого. Неужели ты так ослаб, что не мог справиться с ним сам, а попросил об услуге это грязное животное? Оно ведь совсем неуправляемое, да и расценки у него слишком велики. Как же ты решился на такой шаг?

— Повелитель, я не мог рисковать. Лекант превосходно выполнил мое поручение.

— И за это ты заковал его в своем подземелье? Неплохая награда за голову предателя.

— Он начал многого требовать, а я не могу позволить, чтобы он снова чувствовал себя вольготно. Мир меняется, и таким, как он, здесь больше не место.

— А таким, как ты?

— Что вы имеете в виду, хозяин?

— Я шучу, Александр, просто шучу.

— Милорд, вы же знаете его: он начнет убивать и привлечет к себе слишком много внимания, а тем самым и к нам.

— Интересно, с каких это пор тебя волнуют человеческие жизни?

— Милорд, это существо стоило уничтожить еще давно, не понимаю, зачем вы сохранили ему жизнь.

— Разве он плохо служил тебе все это время?

— Он служил великолепно, но наша цель близка, он больше не нужен.

— Может, и ты нам больше не нужен? — сделал глоток вина Маркус.

Александр побледнел.

— Господин, я служил вам верой и правдой много веков подряд. Неужели я должен выслушивать такие глупости от Маркуса?

— Разве это глупости? По-моему, ты мне что-то не договариваешь, а я не привык оставаться в дураках.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ха, Падший, значит, понимает, а он нет! — отрывнув, крикнул Грешник.

— Действительно, почему Падший знает то, чего не знаю я? Ты не объяснишь?

У Александра холодный пот покатился по спине. Он догадался, что властелин знает про Татьяну, но не понимал, почему тогда еще не свершилась расправа над ним. Он даже на мгновение закрыл глаза, когда Маркус потянулся за куском мяса.

— Так что ты нам скажешь?

— Повелитель, мне кажется, я нашел то, что вам нужно.

— Неужели? А почему я узнаю об этом только сейчас? Или ты хочешь сказать, что эта гениальная мысль пришла к тебе недавно? Ты же знаешь, что я не выношу лжи.

— Я не мог вам об этом сообщить, не будучи уверен на сто процентов.

— А теперь ты уверен?

— Нет, вы должны сами поговорить с ней.

— С ней? Это девушка?

— Похоже, что так.

— Какая красота! Я же говорил, чтобы позвали девчонок! — Грешник достал из фуфайки разбитое зеркало и стал прихорашиваться, но вскоре швырнул его в сторону. — И так красавец! Куда ж еще лучше? Давай, веди свою шмару! Посмотрим, на что она способна!

— Господин, позвольте мне сказать, — тихо попросил Александр.

— По-моему, тебе никто и не запрещал.

— Она не готова к этой встрече. Она еще слишком ранима, и мы можем потерять ее навсегда, если не подготовимся. Тем более ее может напугать ваша свита, а точнее сказать...

— Я не понял: нас что, выгоняют с этого праздника жизни?! Господин, да я могу стать Бредом Питтом, если хотите. Дайте только дожрать! А она хорошенькая?

— Ты прав.

Анатас жестом руки показал, чтобы его подручные удалились. Ворон и Маркус поклонились, а Грешник с недовольным видом схватил со стола жареного гуся и засунул его за пазуху, предварительно откусив огромный кусок.

— Ну и ладно, пойду тоже кого-нибудь найду, а вам не покажу! — крикнул он обиженно и растворился в воздухе.

Услышав медленно приближающиеся шаги, Виктор и Алексей затушили факелы и скрылись в одном из подземных переулков. Мимо них прошли двое охранников, таща под руки человека.

— Куда они его?

— Не знаю. Надо проследить.

— На фиг они нам сдались? Забей, не наши проблемы.

— А если б ты был на месте этого бедолаги?

— Я на его месте не был бы!

— Странно. Тогда какого черта ты тут делаешь? — капитан направился вслед за охраной.

Пройдя с сотню метров, охранники втоптали тело в комнату.

— Ну а что теперь?

— Подождем, пока они выйдут.

— И долго будем ждать? Может, они вообще не выйдут.

— Будем ждать столько, сколько придется. Ты че такой нудный?

— Жить хочется, в отличие от некоторых. А если все-таки не выйдут?

— Обязательно выйдут.

Из-за двери донеслись звонкие удары с периодичностью в несколько секунд, будто кто-то орудовал молотком. После каждого удара раздавался нечеловеческий рев.

— Я даже знать не хочу, что они там делают, — испуганно прошептал Виктор, ощупывая карманы в поисках сигареты.

— Не хочешь — не надо, я и сам не горю желанием. Ты что, сдурел? — возмущенно прошипел Зверев и выбил сигарету у Виктора изо рта.

— А в чем дело-то?

— Огонек сигареты в темноте виден за несколько километров.

Через полчаса дверь открылась, из нее вышли охранники и растворились в темноте. Виктор и Зверев поспешили к цели. В камере их взору предстал до полусмерти измученный человек, прикованный к деревянному щиту. В его запястья были вбиты серебряные гвозди, из ран медленно капала кровь. На ногах висели железные колодки, а тело было пристегнуто цепями к стене. Голова мужчины была опущена, длинные седые волосы скрывали его лицо. В комнате царил полумрак: ее освещали лишь два факела, коптя потолок гарью. Посередине находился стол, на котором лежали всевозможные орудия пыток, достойные подвала инквизиции. Со стен сочились грунтовые воды, пол был покрыт влажным мхом.

— Может, он сдох уже?

— Не думаю, — капитан медленно поднял голову измученного и тут же в ужасе отскочил назад. — Мать твою!

На дыбе висел Лекант. В его волчьих глазах по-прежнему кипела сила и ярость. Даже муки ада не смогли бы его сломить.

— Надо было все-таки убить тебя, неприкасаемый, — внезапно прохрипел он, обнажая белые клыки в ужасающей улыбке.

— Может, прибьем эту псину? Сделаем ему одолжение? — предложил Четырин.

— Может быть. Только он сначала нам кое-что расскажет.

— И что ты хочешь от меня услышать, тринадцатый?

— Многое.

— Я бы рад, да только времени у вас гораздо меньше, чем у меня.

— И все же мы не спешим.

— Хорошо, спрашивай. Но только дай мне слово, что не убьешь меня. По крайней мере, сейчас, когда я беспомощен.

— Я обещаю.

— Ты обещаешь?

— Я же сказал, что да.

— Ты пообещал мне дважды, неприкасаемый. Можешь спрашивать.

— Что ты такое?

— Разве ты не знаешь?

— Я хочу понять суть.

— Я появился давно, очень давно. Я существовал, когда ваш вид еще охотился на животных и жил племенами. Откуда я взялся, можешь не спрашивать — я и сам этого не знаю. Я просто очнулся в пещере. Но я сразу понял, кто я и что я, а спустя столетия осознал, что я не один. Подобных мне были сотни. Мы никогда не жили вместе: каждый имел свою территорию и кормился на ней. Позже стали появляться другие, не такие, как мы. Это случилось после того, как человек выживал после нашего нападения. Через какое-то время мы разделились на два вида — чистокровных и заразившихся. То есть тех, которые превращаются в зверей по своему желанию в любое время дня и ночи, не лишаясь при этом способности мыслить разумно, и тех, кто болеет лекантропией и становится волком по большей части в полнолуние, полностью теряя человеческую сущность и освобождая звериное начало. Впоследствии такой человек не помнит, что он делал, когда был в зверином облике.

— Так ты из чистокровных?

— Да, я из первых.

— Значит, другие превращались каждую ночь и, не помня себя, истребляли людей?

— Не совсем так. Некоторые из них могли удерживать в себе зверя в течение всей лунной фазы для того, чтобы в момент ее наибольшей активности, в полнолуние, обрести максимум силы. Этим они походили на нас, но таких были единицы. Остальной сброд представлял собой машину для убийства, лишённую разума и движимую самым примитивным инстинктом: они всегда хотели жрать. Некоторые даже убивали собственные семьи, конечно, если те у них были. Кто-то пытался привязывать себя в период превращений. Ха! Самонадеянные психи! Нельзя приручить того, кто не хочет приручаться. Большинство кончало жизнь самоубийством, и это было разумным решением. Но многие, обретя такую силу, уже не могли с ней расстаться. Превосходство над другими — злая шутка Бога! — усмехнулся Лекант.

— Ты ни чем не лучше их.

— А чем я хуже? Вы же не обвиняете льва в том, что он убивает антилопу. И не проклинаете коршуна, который охотится на зайцев. Кошка, поймавшая мышь, и та не вызывает у вас вопросов. А чем вы лучше животных? Вы не извиняетесь перед коровой, которую режете, а затем едите. Мы оказались в пищевой цепочке на ступень выше, и я никогда не буду считать вас ровней себе. Вы еда для нас и ничего больше. И не будь я скован, я бы без малейшего сочувствия разорвал вас на куски и безразлично смотрел на то, как вы в судорогах расстаётесь с жизнью. Вы даже хуже тех животных, которых употребляете в пищу. Они хотя бы на смерть идут молча, вы же скулите, как щенки, которых бросила волчица. Убивая сами, вы не испытываете жалости, но как только дело доходит до вас, сразу начинаются паника и причитания. Раньше ваш вид был куда более отважен, и сразиться со мной было честью для многих благородных мужей. А теперь ваши мужчины больше походят на женщин. Я бы с радостью подчистил и ваш город, но мне не дали на это разрешения. К тому же Александр наградил меня этим, — кивнул на вбитые в запястья гвозди Лекант.

— А что было дальше?

— Дальше заразившихся развелось слишком много, и они стали угрожать всему

человеческому роду. В каждом поселке, в каждом городе оборотни держали народ в страхе. Именно тогда меня и нашел Александр. Почему он выбрал меня, я тоже не знаю. В те времена на нас шла охота: люди нашли средство, перед которым мы были бессильны.

— Серебро?

— Именно, серебро. Единственное, от чего не был защищен ни зараженный, ни чистокровный. Это оружие придумал Александр, и он же предложил мне сделку, от которой я не смог отказаться.

— Ты объединил чистокровных против остальных?

— Да. И в этой кровавой войне выжил только я один. Наверное, я один — по крайней мере, больше я не встречал себе подобных. Взамен Александр дал мне то, с чем я мог жить без страха.

— Ты стал неуязвим к серебру, ты стал бессмертен.

— Я не могу быть бессмертным. Мой век тоже имеет конец, просто он очень долгий. Я получил то, что хотел, но это была Пиррова победа.

— Так ты стал принадлежать Александру?

— Я никому не принадлежу! — взревел Лекант и рванулся вперед, но оковы оказались крепки.

— Я вижу, — хмыкнул Зверев и подошел ближе к седовласому. — Мы не рабы, рабы не мы, — с иронией добавил он.

Лекант снова дернулся вперед, но уже без особого рвения, оскалился и зарычал.

— Раз ты считаешь себя свободным, то почему не расправился с ним? Почему позволил, чтобы тебя заковали в цепи, словно шелудивого пса?

— Расправиться с Александром? Он слишком силен, и чтобы жить, мне приходится делать для него некую работу. Все мы кому-то служим.

— Ну, вот видишь. А говоришь, что сам себе господин. Впрочем, можешь считать, как хочешь. Я понял одно: ты тоже боишься смерти, как и все живое на этой планете.

— Она для всех одинакова, будь ты король или раб. Эту тварь никто не встречает с радостью, и я боюсь ее так же, как любое другое существо на земле. Для меня она еще страшнее, чем для вас. У вас хотя бы есть выбор, а у меня есть только небытие, так как я пришел из ниоткуда и вернусь в никуда. Поверь мне, чистилище — еще не самое страшное место!

— А что ты чувствуешь, когда превращаешься?

— Ты не поймешь этого никогда, если не испытает сам. Это словно рождение заново. Сначала боль, а потом радость света — света луны, сила — невысказанная сила, а еще чувство голода.

— А что ты можешь сказать об Александре? Кто он?

— Я знаю о нем совсем мало. Он живет очень давно. Впервые о нем услышали в Палестине задолго до того, как родился ваш так называемый спаситель. Те, кто пошел за Александром, называли себя огненными братьями, так как поклонялись жару пламени. Они считали, что только огонь может очистить душу нечестивца от греха. Это была его идея жечь ведьм на кострах во времена Средневековья. На самом деле огонь не очищает — он коптит, коптит душу человека дочерна. Нет смерти страшнее. На костре, когда кожа плавится под языками пламени, человек начинает проклинать всех. Этим он оскверняет себя перед смертью, набирая еще больше грехов. Именно поэтому Александр приказал папству сжигать ни в чем не повинных людей, обвиненных в ереси: руками Церкви он набирал новых адептов

для Сатаны!

— Он что, управлял Церковью?

— Конечно. Все папство было в его руках. Или ты думаешь, что ваш Бог одобрял действия инквизиции? Или, может, считаешь, что это Он приказал людям организовать крестовые походы? Александру нужна была кровь, и он получил ее сполна. В ней можно было бы утопить не одну тысячу человек. Да и сейчас мало что изменилось. Все, как и прежде, принадлежит ему. Вы, люди, видите только то, что вам дозволено, и ваши проблемы и узкое мышление не позволяют вам заглянуть глубже.

— Ради чего все это?

— Подумай, ты должен знать.

— Ради чего?!

— Думай!

— Он хочет выставить человечество в самом скверном облики? Хочет, чтобы Бог отвернулся от нас?

— Именно. Он хочет, чтобы вы стали принадлежать сами себе. Вот тогда у вас начнется настоящая резня! Хотел бы я посмотреть на это: миллиарды людей, неподконтрольных никакой силе. Это будет поистине ад на земле. Больше мне нечего тебе рассказать.

— Почему ты называешь меня неприкасаемым?

— Тебя никто не тронет, пока ты сам все не вспомнишь. Это единственная твоя защита пока.

— Что я должен вспомнить? Кто я такой?!

— Я не знаю, мне не была интересна твоя биография. У меня нет правил, и все, что я делаю, направлено лишь на то, чтобы выжить. Их законы на меня не распространяются, поэтому я был так нужен Александру. Сейчас тучи сгущаются — ты видишь, где я оказался. Твоя участь не лучше. Когда придет время, сделай свой выбор.

— Какой выбор?

— Правильный, — тяжело, на выдохе произнес Лекант и закрыл глаза. Его голова снова опустилась.

— Помер что ли? — тихо спросил Виктор.

— Не знаю. Нам пора идти.

— Куда идти?

— Нам пора!

Девушка сидела в своей комнате, рассматривая потертую черно-белую фотографию своей семьи — единственное, что осталось у нее от прежней жизни. Пристально вглядываясь в лица, она теребила карточку в руках, а из ее глаз текли слезы. На Татьяну нахлынули воспоминания, которые она старалась прятать в самом укромном уголке своей души. Вдруг в комнату вошел охранник и пригласил ее к учителю. Она быстро вытерла слезы, спрятала фотографию и послушно направилась за молодым человеком.

Виктор и Алексей уходили вглубь туннеля. На стенах повсюду висели черепа животных, проступали узорчатые росписи, в которых неизменно присутствовал знак пентаграммы в огне.

— Интересно знать, где все люди? — тихо спросил Виктор.

— Лучше бы их вообще не было. Если ты еще не в курсе, то самый страшный хищник на

планете — это человек.

— Ты что, забыл, с кем только что общался? Вот хищник так хищник.

— Витя, они себя истребили за какой-то пустяшный период времени, а мы, как ни крути, воюем тысячелетиями и все никак друг друга не перебьем.

Коридор расширялся, и вскоре они услышали гул, походивший на звук жужжащего пчелиного роя. Гул становился невыносимо громким. Прямой коридор сменился разветвленной системой с множеством дверей и закоулков. Зверев шел впереди, обходя охрану так ловко, словно сам вырос здесь. Вскоре Алексей и Виктор вышли на площадку, с которой хорошо просматривался огромный круглый зал. В нем несколько тысяч людей произносили в унисон какие-то заклинания. Перед ними стояла двухметровая статуя, изображавшая зверя с оскаленной волчьей головой, над которой острыми пиками возвышались рога. Тело божества было до пояса человеческим, ноги позаимствованы у буйвола, а постамент обвивал длинный крысиный хвост. Золотая статуя сказочно мерцала, отражая свет сотен факелов и свечей.

— Интересно, что они бормочут? — поинтересовался Виктор.

— Это латынь, они молятся.

— Откуда ты знаешь?

— Понятия не имею, но я понимаю, о чем они говорят.

— И о чем же они там говорят?

— Это древний ритуал жертвоприношения. По всей видимости, их бог — это то существо, которое изображает статуя.

— Интересно, она из золота?

— Скорее всего. В древности в жертвоприношениях всегда использовалось золото.

— Откуда такие познания? Только не говори мне, что это в школе проходят.

— Я много читал.

— А латынь?

— А вот это уже загадка даже для меня.

— Интересно, и кого они принесут в жертву?

— Явно не курицу. Ты видел, чем выложены стены их храма наверху?

— Мать твою! Кто же они такие?

— Фанатики долбаные, а может, простые люди, как ты и я.

— Извини, но я не выкладываю стены человеческими черепами и не приношу в жертву людей.

— У всех свои тараканы в головах и скелеты в шкафах.

Охрана вывела человека с черным мешком на голове. Толпа взревела. Беднягу протаскили через присутствующих и швырнули к алтарю. Монах в кроваво-красной одежде снял мешок с головы жертвы, которую затем привязали к статуе. Охранник вонзил в грудную клетку мужчины острый нож и, вскрыв ее, вырвал бьющееся сердце. Толпа снова взревела. Сердце вложили в пасть идола, а на голову умершего надели терновый венок, после чего его тело отвязали и бросили в толпу. Следом привели еще одного человека в таком же черном мешке, и толпа взревела опять.

— Твою мать! — отвернулся Виктор. — Это не люди, а животные. Как вообще такое может происходить?!

— Похожий ритуал был у индейских племен, причем для жертвоприношения подходили исключительно мужские сердца.

— Твои познания порой меня напрягают. Даже не по себе становится! Откуда ты вообще об этом знаешь? Да и как вообще ты можешь спокойно об этом говорить, когда на твоих глазах происходит такое?!

— Мои познания меня самого страшат. Такое ощущение, что мне в мозг кто-то или что-то просто вбрасывает информацию. Впрочем, в школе я дурака не валял и книжки читать любил. А теперь давай в темпе. Они еще долго будут наслаждаться кровью, и это нам на руку.

— Вот смотрю на тебя порой и не пойму, как ты можешь быть таким невозмутимым?

— Пузырь водки натошак, и нервов вообще не останется.

— Где ж такие рецепты выписывают?

— На войне.

В комнату Александра вошла девушка. Она учтиво поклонилась и со страхом посмотрела сначала на учителя, а потом на Анатаса, который сидел напротив него.

— Не бойся, проходи, — спокойным и ласковым голосом проговорил Александр.

— Меня зовут Анатас. Только не надо лишних вопросов по поводу моего имени: звучит оно именно так. А как тебя зовут? — он положил на стол перед собой черную трость с золотым черепом.

От его взгляда становилось холодно. Татьяне показалось, что на нее взвалили огромный груз, который прижал ее к полу.

— Ее зовут Татьяна, — не дожидаясь ответа девушки, сказал Александр.

— Разве я спросил у тебя?

— Мой учитель сказал правильно: меня зовут Татьяна.

— Простите меня, господин, я был бестактен, — промолвил Александр.

Татьяна с удивлением посмотрела на учителя. Все, что она знала об общине, рухнуло в этот момент. Она поняла, что великий маг и провидец сам является чьим-то подчиненным. Александр заметил ее изумленный взгляд в свою сторону, но ничего не сказал.

— Кто вы? — внезапно спросила Татьяна у Анатаса.

Александр вздрогнул от неожиданного проявления дерзкого любопытства.

— Ты слышала сказку о царе, который просил принести то, чего не может быть?

— Да, мне рассказывала ее бабушка, — заинтригованно ответила девушка.

— Так вот, я то, чего не может быть, — улыбнулся Анатас.

Татьяна тоже улыбнулась. Ответ показался ей немного наивным и чудным. Это была, наверное, ее первая улыбка с того времени, как она попала в общину.

— Простите, учитель, но зачем вы позвали меня?

— Он позвал тебя, Татьяна, чтобы сказать тебе, что ты особенная. И что ты лучше всех других его учеников. Он многое мне поведал о тебе, но не могла бы ты теперь рассказать о себе сама? Все-таки мне бы хотелось услышать это от тебя лично.

— Но я не знаю, что может вас заинтересовать.

— Поверь, мне интересно все. Абсолютно все.

Анатас уже понял, что это именно то, что он искал. Чистота девушки заволакивала комнату густым туманом, в котором властелину тьмы было тяжело находиться. Он уже давно не испытывал ничего подобного. Девушка недоверчиво смотрела на Анатаса большими бездонными глазами.

— Мне не хочется рассказывать о прошлом.

— Раз не хочешь, можешь не отвечать. Кстати, говорят, ты помогала на кухне и приносила еду своему учителю? Я верно осведомлен?

— Это так, — робко ответила Татьяна.

— Тогда я почту за честь, если ты принесешь нам хорошего вина. Хочется выпить за знакомство и пообщаться за бокалом благородного напитка.

— Сию минуту.

Девушка робко вышла за дверь.

— Мало того, что ты нашел ее в последний момент, так ты еще и ничего про нее не знаешь?

— Она не хочет рассказывать, вы сами видите. Я ничего не мог сделать.

— Да, Александр, стою я перед дверями твоими, стучусь, а мне никто не открывает. Видно, что хозяина нет дома. А хозяин должен быть в доме всегда, ведь без хозяина и дома не будет.

Медленно продвигаясь по темным туннелям подземелья, Татьяна все больше размышляла о странном человеке, которого Александр называл господином. В ее душе творилось нечто необъяснимое, и чем дальше она находилась одна, тем больше ей хотелось вернуться к незнакомцу и поговорить с ним. Он чем-то напоминал ей старого деда Матвея, о котором она всегда вспоминала с теплотой. «Кто же он? Какое вино ему предложить?», — думала она, осматривая винные стеллажи. Она плохо разбиралась в этом напитке, но прекрасно знала, что чем старше вино, тем оно лучше. Ее взгляд остановился на ящике с надписью «Chateau Mouton-Rothschild, 1945». К ее возвращению стол был уже накрыт. Девушка неуверенно протянула бутылку Анатасу.

— Отличное вино, у тебя есть вкус. Почему ты стоишь? Ты моя гостья. Оставь свою робость и веди себя свободно.

Татьяна поклонилась, как было принято в общине, и села на краешек стула. Анатас улыбнулся. Его улыбка будто обожгла девушку. Она впервые почувствовала теплоту дома, и эти мысли ножом врезались в сознание человека с тростью. Его улыбка сменилась пристальным взглядом, а зрачки сделались черными, как смола. Татьяна не замечала изменений в своем собеседнике. Что касается Анатаса, то он уже многое знал о ней. Он видел, как Падший уговорил ее уйти из дома. Все было сделано ненавязчиво, но в этом чувствовался тонкий, хорошо продуманный ход. Кто будет искать самое дорогое у себя под носом? Разве ожидали они такого? Конечно, нет. Они могли вести поиски по монастырям и храмам, но никогда — рядом с собой. Падший, хитрый двуликий лис, рассчитывал именно на это. Его логика была правильной, и если бы не Лекант, еще неизвестно, чем бы все закончилось. Чутье зверя не подвело. Анатас разлил в бокалы рубиновую жидкость.

— Прощу, Татьяна, угощайся. Я хотел бы выпить за тех, кого сейчас нет с нами, за тех, кто хотел бы быть здесь, но не может.

Он сделал большой глоток и отставил бокал в сторону. Татьяна поступила так же и положила себе немного еды. Анатас наблюдал, как она ест, запивая пищу вином.

— Как же ты согласилась уйти из дома? Неужели старый Матвей так повлиял на тебя?

От изумления Татьяна перестала жевать и отложила вилку в сторону.

— Ну, что ты так смотришь? Мы с ним старые приятели. Он-то мне про тебя и рассказал. Уж очень меня заинтересовала твоя судьба. Поэтому я и приехал сюда. Да, он просил приглядеть за тобой: волнуется старый черт за тебя, как за родную внучку, переживает.

— Но мне он говорил совсем другое.

— Пока меня не было, за тобой приглядывал Александр. Ты же не думаешь, что он отправил тебя сюда одну, без присмотра? Он просто хотел, чтобы ты не чувствовала за собой опеку.

— Но он никогда не говорил мне о вас, да и я не рассказывала здесь никому о нем, даже не говорила, откуда и почему я здесь.

— Вот и прекрасно. И правильно. Зачем других нагружать своими проблемами? У них и своих достаточно. А ты, если захочешь об этом поговорить, можешь всегда обратиться ко мне.

— А кто вы? — тихо спросила Татьяна.

В лице Анатаса будто что-то изменилось. Оно было по-прежнему привлекательным, но от него вдруг повеяло смертью и холодом.

— Друг, а может, враг. Человек, ангел, бес. Разве сможешь ты сделать правильный вывод, не поговорив со мной? Вопросы, вопросы... Вся жизнь — одни вопросы. За правильно поставленным вопросом следует правильный ответ. Как говорится, любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня[1].

Последние слова Анатаса еще больше смутили Татьяну, она уже не понимала, что вообще она тут делает, зачем она здесь. Ей хотелось встать и уйти, но любопытство, присущее любому человеку, а особенно девушке ее лет, взяло верх. Ей хотелось знать больше об этом странном господине, который мало того, что знал старика Матвея, но и говорил, как тот — замысловато и умно.

— Любопытство — вот причина всех человеческих бед. Ибо из-за любопытства мы попадаем в разные неприятные ситуации. Казалось бы, чего проще: иди своей дорогой, а нет.

— Почему же так?

— Потому что только из любопытства люди совершают самые глупые и самые гениальные деяния. И, таким образом, все мы учимся. Разве человек может понять ошибку или глупость, не познав ее сам? Дурак учится на своих ошибках, умный — на чужих. Но действуй это правило, мне бы нечего было делать. Все вы одинаковые, хотя каждый думает, что он уникальная, неповторимая личность. Вот ты хотела уйти, но осталась. Что это? Твоя ошибка или, наоборот, мудрое решение? А если решение, то приняла ли ты его сама или за тебя уже сделали выбор? Как видишь, эта логическая цепочка состоит из множества «если».

— Я верю в то... — начала было Татьяна, но Анатас перебил ее.

— Во что? Во что ты веришь? — он прекрасно осознавал, что она есть *tabularasa*, чистый лист бумаги, на котором можно написать все, что угодно.

Татьяна дрожащей рукой взяла стакан вина и сделала большой глоток.

— Скажите, а как вы относитесь к Богу?

Анатас улыбнулся и перевел взгляд на Александра. Тот пристально смотрел на девушку.

— Так что же вы молчите? Хотелось бы знать.

— С уважением. А как иначе я могу к Нему относиться?

— А я Его ненавижу! — резко, со злобой выпалила Татьяна и сжала кулаки.

Анатас громко рассмеялся, чем привел девушку в замешательство.

— Чему вы радуетесь?! — сердито спросила Татьяна.

— Прости меня. Здесь, действительно, нечему радоваться. Просто я ожидал любого ответа, кроме такого. Это просто прекрасно. Я думаю, если бы Он тебя слышал, то,

несомненно, удивился бы. И в чем же причина твоей ненависти? Чем Он так не угодил тебе?

— Я всегда придерживалась учения православной церкви. Я выросла в семье, где на первом месте стоял Бог. Мой отец был священником, он был предан Ему с самого детства и нас учил этому. Но потом Бог отвернулся и от него, и от нас — за нашу преданность Он отплатил нам предательством. Когда пропал мой отец, я часто обращалась к Богу за помощью, но ни одна из моих молитв не была услышана. Мало того, что Он отнял у меня отца, так Он не уберет брата и мать! Как Он мог так поступить?! Как после этого можно в Него верить?! Чем Он лучше Сатаны, которого проклинаяют все священные писания?!

Анатас и Александр внимательно слушали рассказ Татьяны. Они уже знали про нее все, что нужно было знать. Ее гнев открывал им путь к ее мыслям, ее душа была для них как на ладони. Невинная и необузданная сила кипела в этой девушке, которая не осознавала своего предназначения. Она была словно неуправляемая комета: прекрасная, далекая и смертельно опасная для всего сущего.

— Значит, он не услышал тебя?

— Он не слышит не только меня! Он вообще никого не слышит!

— Прекрасно, Татьяна. А скажи, к дьяволу ты никогда не пробовала обращаться? Как ты думаешь, он бы услышал тебя? Может быть, он смог бы помочь тебе?

Татьяна замешкалась. Такого вопроса она не ожидала. Слова Анатаса пробрались в ее душу, и от этого ей стало холодно, по спине пробежали мурашки, но злоба взяла свое.

— Если нет Бога, значит, нет и дьявола! А если его нет, тогда и обращаться к нему незачем.

— Может, тогда и нас нет? Нет тебя, меня, Александра. Если чего-то не нашел или не увидел, значит этого нет вовсе? Но воздух, например, тоже невидим, однако если его убрать, ты без него и десяти минут не протянешь. Или, например, ядра Земли тоже никто не видел, но мы все уверены, что оно есть.

— А вы в Бога и дьявола верите?

— Конечно, верю. И представь себе, они и впрямь существуют. А если бы их не было, в кого же тогда верить? Неужели люди смогли бы прожить без веры хотя бы сутки? Да вы бы перерезали друг друга на следующий же день. Вера хотя бы немного удерживает вас от этого, а что бы было без нее? Что бы случилось, если бы люди остались сами по себе?

— Так мы и есть сами по себе!

— Э-э-э, нет. Тут ты ошибаешься. Хотя я бы очень этого хотел.

— Почему?

— Ну, потому что я мечтаю увидеть мир в первозданной красоте. Посмотреть на людей, так сказать, в истинном их виде.

— Значит, Бог и дьявол, по-вашему, существуют?

— Да, — сухо ответил Анатас и сделал глоток вина.

— Может, вы лично с ними знакомы? — съязвила Татьяна.

— Да, я лично знаком с каждым из них, — невозмутимо ответил он.

— Извините, но я вам не верю. По-моему, это чистый бред.

— А во что ты веришь? Если нет ни Бога, ни дьявола, ни Кришны, ни Аллаха, то позволь спросить, что тогда вообще есть? Или ты думаешь, что мир существует по принципам биологического феномена? Как родился животным, так скотиной и сдох? Может, ты просто что-то пропустила? Что-то ценное. Что-то такое, во что ты веришь, но чего не хочешь признать?

— Вы или сумасшедший, или гений.

— Гениальность — это всегда сумасшествие. Гении не могут быть здоровыми людьми, так как нормальному человеку не приходят в голову гениальные идеи.

Татьяна уже поняла, что перед ней непростой человек и что прямых ответов на ее вопросы он не даст.

— Если вы знакомы с Богом и дьяволом, то насколько близко? И как к ним относитесь? Поделитесь, если не трудно.

— Очень близко. Я знаю их, как себя, и отношусь с уважением к каждому. Убеждения навязываются Церковью, семьей, друзьями, а люди слишком пассивны и доверчивы или просто заняты, чтобы копаться в себе, слушать голос собственного рассудка, пробовать размышлять. Гораздо проще занять любую из уже существующих сторон, решив, какая вера тебе ближе, и все. А истина, как всегда, останется где-то рядом и будет всегда находиться за бортом вашей жизни. Только после смерти вы осознаете, как вы ошибались, но будет поздно: время для размышлений будет потеряно, настанет время приговора.

— Почему вы считаете, что люди безнадежны? Не все же такие, нельзя стричь всех под одну гребенку!

— Разумеется, не все. Встречаются и довольно рассудительные и умные, например, как ты. Которые знают, чего хотят, а если чего-то не знают, то ищут ответы на свои вопросы. Для примера, опять же, возьмем тебя. В Бога ты не веришь, дьявола тоже не признаешь. Не предположим, что они реальны и сейчас находятся в этой комнате. Кому бы ты отдала предпочтение?

— Не знаю. Наверное, Богу... — смутилась Татьяна.

— Даже после того, как Он обошелся с тобой и твоей семьей? Некоторое время назад ты утверждала, что ненавидишь Его, а теперь отдаешь Ему свое предпочтение. Как это понять?

— Ну, из двух зол лучше выбрать меньшее.

— И кто же большее зло?

— Конечно, дьявол.

— Это еще почему?

— Дьявол не делает ничего задаром. И не делает ничего хорошего. Он само Зло.

— Кто это сказал? Ты его видела, общалась с ним? А может быть, он чистильщик, подбирающий мусор, от которого отказывается Бог, или судья, выносящий справедливый приговор? Может, он делает с душами грешников то, что сделал бы с ними Бог, если бы не боялся запачкать руки, поскольку Он отец человечества? А что порой творится во славу Бога? Как быть с таким явлением, как религиозные войны? Кого в них винить? Или, может, дьявол спас своего сына ценой сотен убитых младенцев?

— И что же тогда есть добро и зло? Бог или дьявол?

— Ты хочешь узнать, с чьего молчаливого согласия совершаются самые зверские преступления на земле? — уточнил Анатас.

— Можно и так сказать. Только тогда получается, что им обоим просто-напросто наплевать на людей.

— В мире происходят чудовищные вещи, но в этом нет вины дьявола. Вся мерзость, грехи и чудовищные поступки происходят по вине людей и только людей, но вы не привыкли нести за них ответственность. Гораздо проще свалить все на дьявола, мол, он меня сбил с истинного пути, закрыл глаза и все такое. А Бог, конечно же, не причем. Так кто же

будет в ответе за все, содеянное людьми?

Татьяна с изумлением смотрела на Анатаса. Его мировоззрение поражало ее. Он не был похож ни на Александра, ни на Матвея, с которыми ей приходилось общаться. Казалось, что он знает все. Он рассказывал так, будто и впрямь был знаком и с Богом, и с дьяволом. Находиться рядом с ним было интересно, увлекательно и одновременно страшно. Слушая его, девушка забывала о своих проблемах, забывала о душевной боли, никогда прежде не покидавшей ее.

— Тогда кто же он? — спросила Татьяна.

— Кто именно?

— Дьявол.

— Противоположность Богу, только не такая, которая описана в писаниях. Он прокурор на смертном одре, обвинитель, палач. Он не защищает грешников, не дает им прощения. Но с Богом он единое целое. Они неразлучны, как сиамские близнецы. Его цель — наказать грешника, а не смыть с него грехи раскаянием и покаянием. За то, что сделано, нужно отвечать. И отвечать нужно кровью, так как люди — скот, а со скотиной по-другому нельзя, по-другому она не понимает. Только ослабишь удила, она начинает думать, что свободна и никому не принадлежит, а стоит натянуть до кровавых подтеков — сразу успокаивается и начинает слушаться.

— Откуда вы это знаете?

— Я расскажу, если ты нальешь мне еще этого чудесного напитка, — Анатас улыбнулся и протянул ей пустой бокал.

Девушка неловко потянулась за бутылкой и уронила ее на стол, облив Анатаса.

— Простите! Я сейчас уберу, — тут же вынула из кармана платок Татьяна.

— Не надо. Стой!

Но девушка уже успела коснуться руки Анатаса, и как только она это сделала, время замерло. Из щелей стен потекла кровь, пол превратился в раскаленные угли, от которых в помещении стало жарко, а воздух наполнился запахом серы. Место привлекательного мужчины заполнила глубокая черная тень в человеческий рост с горящими огнем глазами. По комнате разнеслись истошные крики и мольбы о прощении. Девушка отшатнулась, платок выпал из ее руки и вмиг сгорел, коснувшись пола. Учитель секты был похож на изуродованного полуистлевшего старика. Его лицо было покрыто шрамами, на руках не хватало пальцев, а глаза затянулись белой пленкой. Татьяна тут же поняла, с кем она удостоилась чести общаться и почему Анатас так много знал о дьяволе. Она в ужасе выскочила из комнаты и скрылась в темноте туннелей.

[1]Притчи, 8:17.

БОЛЬШЕ ВЫ НИКОМУ НЕ НУЖНЫ

На парковке у большого особняка с двухметровым забором и видеокамерами по периметру, рядом с центральными воротами, мирно расположились три внедорожника. Вдруг рядом с ними на свежевыпавшем снегу появился человеческий след, затем еще один и еще. Следы потянулись к особняку. Затем снежинки, поднимаясь друг за другом с земли, образовали фигуру. Через мгновение около ворот стоял Ворон.

Максим Сергеевич открыл ящик стола и достал бутылку элитного коньяка, зубами вытащил пробку, выплюнул ее в сторону, плеснул янтарную жидкость в бокал и сделал большой глоток. Вытащив из внутреннего кармана пиджака дорогую сигару, он откусил ее кончик, прикурил и потер виски, втягивая и выпуская из себя густые облака сизого табачного дыма. Он постучал пальцами по столешнице, а потом с размаху обрушил на нее свой могучий кулак. Предметы, расположившиеся на столе, синхронно подпрыгнули и опустились на свои места.

— Да что за херня-то такая?! — выругался он и, положив сигару в пепельницу, потянулся за телефоном. — Алло! Полковника Громова могу услышать?! Афанасия Филимоновича! У вас там что, много Громовых что ли?! — нервно прокричал он в трубку и сделал еще глоток из бокала. — Хорошо, жду.

Минут через пять в трубке раздался знакомый мужской голос.

— Слушаю. Громов.

— Привет, Афанасий! — Бугай нервно втянул в себя дым.

— Ты совсем сдурел? Зачем звонишь мне сюда? Ты понимаешь, что нас могут слушать?

— Да мне плевать! Ты в курсе, что у меня трое парней попали в обезьянник?

— А я-то причем? Тебе давно пора понять, что сейчас не начало девяностых.

— Ты мне не рассказывай, что там да как! Ты когда у меня бабки брал, не рассуждал, а теперь скулить начинаешь?!

— Алло! Алло! Вас не слышно! Алло! Совсем связи нет.

— Ты что, сука, паясничаешь?! Громов! Я тебе твои похотливые яйца отрежу и прибью их к двери твоего же кабинета! — встал из-за стола Бугай.

— Алло! Ничего не слышно, — Афанасий сбросил звонок.

— Вот сука! — взревел Бугай и с такой силой опустил трубку на телефонный аппарат, что тот лопнул, и по нему расползлась большая трещина. — Твою мать! — падая на кожаное кресло, простонал он и, взяв бокал, снова сделал большой глоток. Он прикрыл глаза, гоняя в зубах сигару и выпуская дым, словно паровоз.

— Помнится мне, тут раньше была статуя, — Ворон провел пальцем по пустому постаменту.

Максим Сергеевич открыл глаза и несколько секунд с удивлением смотрел на посетителя, пытаясь понять, как тот оказался в его кабинете, запертом изнутри.

— Какого... — пробормотал Бугай, добавив связку отборной брани. — Ты как тут очутился?

— Вы имеете в виду, как я попал в ваш кабинет? — обернулся на закрытую дверь Ворон. — Сейчас это не имеет значения. Я по другому делу. У нас с вами есть общий знакомый. Точнее сказать, был — Носферато. Помните такого?

— Так о чем пойдет речь, уважаемый...

— Абигор. Меня зовут Абигор.

— В чем суть твоего визита?

— Носферато просил вас о помощи в одном деле.

— Допустим, — Максим Сергеевич кивнул головой.

— И вы послали своих ребят подсобить ему.

— Так в чем проблема?

— Проблема в вас. Мой хозяин не любит, когда кто-то делает за кого-то грязную работу. Да и, если честно, нужно подчистить хвосты. Так, кажется, это у вас называется?

— Не понял.

— Да все вы прекрасно поняли. Ваши ребята, которых вы отправили убить Зверева, сейчас находятся в психиатрической больнице под сильными психотропными веществами. Да-да, именно там они сейчас и находятся. Теперь насчет Громова: он с вами разговаривать не станет и помогать вам не будет. Вас взяли в разработку. Документы прислали ему еще вчера, и он будет лично заниматься вашим делом. Никто больше вам не поможет. Если не верите, позвоните губернатору. Он же ваш лучший друг, по-моему? Точнее сказать, был другом. Еще неделю назад вы с ним отдыхали в вашем отеле в Альпах, а теперь он начнет всячески вас избегать, — Абигор вытащил из внутреннего кармана свернутые бумаги и положил их на стол перед Бугаем. — Вот, посмотрите.

Максим Сергеевич, бледнея и дергая желваками, стал всматриваться в документы.

— Это копии. Подлинники лежат у Громова. Ваш арест состоится в ближайшее время. Ваше имущество будет конфисковано. Вы отыграли свое, Максим Сергеевич. Больше вы никому не нужны.

Бугай тяжело задыхался и покраснел от злости. Вены на его шее набухли, он заскрипел зубами, отшвырнул бумаги в сторону и рванулся к Ворону. Абигор даже не моргнул, оставаясь на месте и пристально глядя на то, как агрессор отшатнулся назад и упал обратно в кресло. Бугай глубоко вздохнул и, словно рыба, ловя ртом воздух, попытался расстегнуть пуговицы рубашки.

— С сердцем плохо? Да, человеческий организм несовершенен. Малейшая поломка в нем, небольшой сбой, и вы уже обречены. Даже смешно. Венец природы, называется...

— Кто ты? — заваливаясь на бок и падая с кресла, прошипел Бугай.

— Какая теперь разница? Все отвернулись от тебя. Носферато мертв. Александру ты не интересен. А так как ты слишком много знаешь, проще избавиться от тебя. Ничего личного. Ты думал, что всемогущ, думал, что власть и деньги решают все. Ну что ж, теперь ты лежишь здесь абсолютно незащищенный, и почему-то я не вижу никого, кто спешит к тебе на помощь. Позволь, — Абигор присел на корточки и сорвал с умирающего золотой крестик.

— Господи, прости меня грешного, — из последних сил захрипел Максим Сергеевич.

— Тебе Он уже не поможет. Вы наплевали на Него, а Он на вас, — Ворон взял со стола документы и убрал их обратно во внутренний карман.

— Он что, сдох что ли?! — откуда ни возьмись заорал Грешник.

— Сам знаешь, люди смертны.

— А что меня не дождался?!

— Хотел тихо все сделать.

— Скучный ты все-таки, пернатый. Скучный! Нет в тебе задора.

Грешник обшарил мертвое тело, вытащил из кармана дорогие сигары, снял часы и перстень, сел на труп и закурил.

— Может, не надо мародерствовать?

— Это трофеи, Ворон! Не дал с ним позабавиться, так хоть не мешай насладиться тем, что осталось.

— Еще скажи, что обиделся.

— Не дождетесь! — Грешник вытащил из пасти сигару и покрутил ее в руке. — Дрянь-то какая! А беломорчик-то лучше — русским навозом отдает и так хорошо горло продирает.

— Нам пора.

— Ну, пора так пора, — горбун достал из фуфайки спички.

— Не вздумай тут ничего подпалить. Все останется, как есть.

— И все же ты скучный, пернатый, — Грешник забычковал окурок сигары и спрятал его в карман.

НИКОГДА НЕ ГОВОРИ НИКОГДА

Ах, какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога не верил.
Горько мне, что не верю теперь.
С. Есенин

Девушка бежала по узким и темным туннелям подземного храма. Из ее глаз текли слезы, причины которых она не осознавала. В голове все перемешалось, а ноги, словно не знавшие усталости, несли ее прочь от проклятой комнаты. На пути ей периодически попадались слуги темного царства, с кем она еще не так давно разговаривала о вере, о той вере, которую ей навязывали, в которой, как она думала, она найдет ответ на свои вопросы, чтобы убежать от проблем этого мира.

— Что с тобой, сестра? — спрашивали они с заботой и беспокойством.

Ей слышалась фальшь в их словах, а ненависть к ним становилась все ярче. Перед глазами стоял ее отец, который постоянно повторял, что во всех грехах виновен человек и никто, кроме него, что все проблемы мы создаем себе сами, чтобы потом их решать.

Зверев и Четырин продвигались по коридорам, освещая свой путь тусклым факелом. Оба молчали. Виктор тихо плелся за капитаном, мысленно прокручивая недавние события. Кровавое жертвоприношение не давало ему покоя. Он удивлялся спокойствию капитана, который вел себя так, будто ему весь этот кошмар был уже знаком. Тишина давила все больше, и ему казалось, что он очутился на самом дне глубокого океана.

— Может, споешь?

— Что? — обернувшись, удивленно спросил Зверев.

— Что-что? Хоть что-нибудь. Можешь даже сплясать.

— Тебе лезгинку или брейк?

— Лучше, конечно, брейк, но боюсь, ты себе шею сломаешь. А одному здесь остаться жуть как страшно. Так что давай лезгинку.

— Гляжу, шутить пытаешься, значит, не все потеряно.

— Терять уже нечего. Это нервы, а не юмор. Ты только не молчи, а то я от этой тишины свихнусь.

— Много говорить вредно.

— Почему?

— В нашем государстве лучше молчать, так умнее кажешься. У меня в подчинении было десять человек, — нехотя начал Зверев. — Я тогда еще служил в нашей доблестной армии, был командиром отделения разведки. Мне дали молокососов, которые и оружия-то толком не держали — пацаны по восемнадцать-двадцать лет. Это было их первое задание. Они были

молоды, и каждый думал, что пуля обойдет его стороной. Я докладывал начальству, что ребята молодые и неопытные, но меня никто не хотел слушать: ты командир — ты и обучай. Я не ослушался приказа, и очень об этом жалею.

Виктору рассказ капитана пришелся не по сердцу, но он промолчал.

— Нас послали провести разведку, не вступая в бой, и проложить маршрут для бронетехники. Я предполагал, что в том районе большое скопление боевиков, но никто не удосужился перепроверить это. Нас ожидала засада.

— И что произошло?

— Один приказ решил многое. Начальство привыкло считать, что оно право. Ну а я не хочу наступать на одни и те же грабли дважды.

Капитан замолчал. Виктор не осмелился задать очередной вопрос. Какое-то время они шли в полной тишине. Виктор размышлял над рассказом Алексея. Он мог только догадываться о случившемся. Четырин ушел в себя, а капитан следовал вперед и видел перед собой молодых солдат. Они шутили и смеялись, у них была вся жизнь впереди. Теперь их нет, а он остался в живых. Один. Почему он? Свет факела незаметно исчез, когда капитан завернул за угол, но голос Виктора вернул его в реальность.

— Зверев, здесь развилка!

— Что? — обернувшись, переспросил Алексей.

Неожиданный толчок в плечо застал следователя врасплох, он рухнул на пол, но успел увидеть девушку, которая оглядела его испуганными глазами и тут же побежала прочь туда, откуда пришли они. Виктор отшатнулся в сторону и проводил незнакомку удивленным взглядом.

— Ух, а я уж думал, это охрана, или как их тут называют? Если честно, струхнул не на шутку.

— Охрана?! Ты ее видел?!

— Конечно, видел. Очередная сумасшедшая сектантка.

— Сектантка?! Ты видел ее, спрашиваю?!

— А что?

— Это она! — крикнул Зверев, чуть ли не во весь голос.

— Кто она?

— Девушка, мать твою за ногу!

— Девушка?

— Та самая!

— Так чего же ты молчишь?!

— Я молчу?! Надо ее догнать!

Александр сидел молча в большой комнате и смотрел на своего повелителя. Набравшись храбрости, он тихо произнес:

— Что прикажете, господин?

— Он здесь.

— Это невозможно, Милорд! — не сдержав эмоций, вскочил из-за стола и почти крикнул Александр.

— Это почему же? — из ниоткуда появился Грешник и по-приятельски обнял главу секты.

— Все идет по плану, Мессир? — вышел из темноты Ворон.

— Все идет, как и должно идти.

— Тогда отдайте его мне! — проревел Маркус, полностью экипированный римским обмундированием.

— Он будет твой, дождись своего часа.

Легионер стукнул себя в грудь и покорно склонил голову. По комнате разнесся металлический звук.

— Он не смог бы сюда проникнуть! — уверенно произнес Александр.

— Конечно, не смог бы, если бы ему не помог Падший, — обвиваясь змеей вокруг учителя, шипел карлик.

— Кого ты поставил на охрану Леканта? — взяв со стола ветку винограда и отщипнув от нее ягоду, спросил Анатас.

— Я все контролирую, господин.

— Послал к нему трех своих отморозков, чтобы те с него шкуру спустили, и успокоился. А псинка-то оказалась хитрее! Нужно было не шкуру с него спускать, а ломать его волю, — заржал Грешник.

— Я приковал его серебряными гвоздями. Он не может освободиться.

— Знал я одного, его тоже к кресту приколотили. Так ничего, воскрес! Прикинь, чудеса какие бывают! — подначивая Александра, снова начал ехидничать горбун.

— Встреча седовласого и тринадцатого неизбежна. Но они ничего не смогут сделать до тех пор, пока тринадцатый не вспомнит, с чего все началось. В этом наше преимущество и одновременно наше слабое место. Но когда он осознает истину, в дело вступит Маркус.

— А если она примет не нашу сторону? Или он не станет сражаться с Маркусом? — спросил Александр.

— Станет! Я заставлю его! — сделав шаг вперед, воскликнул преторианец.

— Побереги свою прыть, Маркус. И подготовь место для встречи с Луцием.

— Да, повелитель, — легионер склонил голову и растворился в воздухе.

— Карты всегда раскрыты для тех, Александр, кто умеет их видеть. Чашу весов можно будет склонить лишь тогда, когда он осознает свое предназначение, а грехи прошлого сделают свое дело. Нужно запятнать его кровью. Он падок на это. Он римский генерал, командовавший Черным легионом преторианцев и никогда не знавший поражения. Он будет думать, что делает все во благо, но она увидит его в совершенно другом свете. Это я создал Луция, а его у меня забрали и превратили в марионетку. Ну что ж, мы начнем все сначала и доведем задуманное до конца. Я верну Луция себе, получу чистую душу и заставлю своего брата принять этот мир таким, какой он есть на самом деле. Без благ, которые Он в него привнес. Второго пришествия спасителя уже не будет — будет очередное пришествие Луция.

— Вы пожертвуете Маркусом, господин? Луций — лучший воин из тех, кого видело человечество. Лишенный дара бессмертия, Маркус падет, — робко промолвил Александр.

— Цель оправдывает средства.

— А если он не станет с ним сражаться, когда вспомнит правду?

— Я его правда. Я покажу ему только то, что надо. Гнев — один из самых любимых моих грехов, — слегка ухмыльнулся Анатас.

— Нам потребуется удача, господин.

— Удача? Что такое удача? Обычное стечение обстоятельств, которое люди воспринимают как чудо. Это то, во что я позволяю им верить. Человек, не знающий поражения, обречен на провал. В этом и заключается сущность людей: подвластные

эмоциям и самоуверенные, они губят себя сами, и случай с тринадцатым не исключение. Его беда в том, что он видит лишь то, что желает видеть, упуская суть. Я дам ему его правду, а человеческие амбиции сделают все остальное. Стремясь к благу, он покажет себя с истинной стороны.

— А как же Лекант? — пытаюсь не смотреть в глаза Анатасу, робко спросил Александр.

— А что он может сделать? Он сам стечение обстоятельств.

— Но ведь он способен...

Александр не дал договорить Ворон.

— Ты сам расправишься с ним. И поверь мне, это произойдет скоро. Как говорится, мы в ответе за тех, кого приручили.

Четырин и Зверев, задыхаясь от усталости, бежали по коридорам подземного города и почти настигли девушку.

— Пстой! — задыхаясь, кричал Виктор. — Да остановись же ты! Я, между прочим, в марафонцы не записывался.

Фигура девушки, петляя по узким катакомбам, то исчезала, то вновь появлялась, освещаемая тусклым светом факелов.

Мокрые темные стены, покрытые плесенью, содрогнулись. Преграда, которая должна была охранять зло, с треском и шумом пала. Стальные замки рассыпались, словно стекло под ударом камня — на волю вышло свирепое существо. Глаза Леканта горели. Холодные и безжизненные, они требовали крови. Зверь огляделся по сторонам и растворился во мраке.

— Кстати, Александр, твой заключенный уже освобожден. И он жаждет отмщения. Заковать его было хорошей идеей, но не лучшей.

— Я все контролирую. Лекант полностью в моей власти.

— Даже преданный пес может укунить хозяина, если его не кормить и все время наказывать. Помни, что он только наполовину животное, и эта часть принадлежит тебе, но вторая часть тебя ненавидит. По твоей прихоти он истребил свой род. Никто не властен над ним: ни ты, ни даже я, и уж тем более не Он, — показал пальцем вверх Анатас. — Ты не смог удержать зверя в клетке, не смог разглядеть у себя под носом чистую душу. Падший и тот обвел тебя вокруг пальца. В последнее время ты меня только разочаровываешь. Смотри, Александр, мое терпение не бесконечно, в отличие от моего существования.

Александр опустил глаза, догадавшись, чем это грозит ему. Он получил власть, получил новый облик, он стоял на вершине мира на протяжении сотен лет, и теперь настало время сполна расплатиться за данные ему привилегии. Анатас сидел неподвижно, испепеляя его взглядом. Свита замерла в оцепенении, пытаюсь предугадать мысли и желания хозяина. Но разве можно предугадать удар стихии? Разве можно спастись от цунами или торнадо? Внешне Анатас походил на простого смертного, но, в отличие от всего живого, он был лишен любви и сострадания. Он был пуст, словно заброшенная комната, в которой никогда не стояла мебель. Им правило одно — вера в то, что виновный должен быть жестоко наказан, в то, что этот мир должен существовать лишь по законам животного мира, ибо люди не достойны никаких других законов.

— Я все исправлю, — еле слышно проговорил Александр.

— Лучше бы тебя мама исправила! Да лучше б тебя собаки сожрали! Господин, позволь

я отрублю ему голову?! — Грешник вытащил из-за пазухи янычарский ятаган, но Анатас жестом руки остановил его.

Александр зло улыбнулся, смотря на уродливое создание.

— Не надо злиться на него. Он суть людей и воплощение их лицемерия, и все же из того, что он говорит, очень многое — правда. Не стоит обращать внимания на него, как не стоит обращать внимания на правду: она была не нужна на заре человечества, не нужна и сейчас.

— Что? Как это не нужна?! — возмутился горбун. — Разве не в суде клянутся говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?! Хотя если брать во внимание Петросянова и остальных, правда им, действительно, была не нужна. Правда — это болезнь человечества. Она сводит с ума. Если есть возможность, люди от этой болезни избавляются всеми возможными способами. Зачем нужна правда, когда есть я и деньги?!

— Я все понимаю, но мы тратим время, господин.

— Все идет так, как должно, Александр. Они все равно ничего не смогут сделать, их час пробил. Тринадцатый не понял, для чего он здесь, и я на этом сыграю. Они дергают его за ниточки, не показывая ему сути. Что же, если они сделали его марионеткой, то управлять им буду я. Они и так слишком долго удерживали его у себя.

— Так чего мы ждем? Он же может первым встретить чистую душу.

— Встреча — ничто. Он словно птица в клетке, которая никак не может выбраться из заточения, хотя и всем сердцем желает этого. Он живет в мире иллюзий, который сам себе создал. Пускай встретятся и поговорят. Чем они будут ближе, тем сильнее окажется удар предательства. Правду они ей все равно не скажут: ложь, ласкающая ухо, приятнее правды, режущей глаз. А для нее все-таки лучше один раз увидеть. Избавься тринадцатый от Виктора, и мы бы проиграли. Но он этого не сделает.

— Да стой же ты, мать твою! — одернул девушку капитан.

Как только он взял ее за руку, его словно ударило током. Татьяна остановилась.

Алексей снова стоял на холме. Лил проливной дождь. Капитан обернулся и увидел огромного роста человека в преторианских доспехах, которого видел на обочине дороги и в своих кошмарах. Преторианец зло смеялся. Он указал острием копья на девушку, распятую на кресте. Зверев подошел ближе. С ее тела стекала вода, смешанная с кровью, а терновый венец, словно адское украшение, впивался в белоснежную кожу лба. Зверев пристально взгляделся в ее лицо: без сомнений, это была Татьяна. Неожиданно девушка открыла глаза.

— За что? За что?! За что?!!

Подкошенный сильным ударом, капитан рухнул на колени. Преторианец взял его за волосы и с силой дернул вверх.

— Смотри: разве может быть что-то прекраснее? Смотри! Ты это сделал! Смотри, генерал, и помни! Это та, кого ты предал! Ты всегда всех предаешь, Луций! Как ты говорил? Нет ничего слаще власти? У великих нет друзей и нет родни?! Я хорошо усвоил твой урок, генерал!

Римский воин вытащил меч и приставил его к горлу Зверева.

— Посмотри на меня, Луций! Посмотри! Смотри мне в глаза, я хочу их видеть!

Дождь плетью хлестал по лицу Алексея, который с отвращением глядел на своего мучителя.

— Ну что, генерал, ты доволен собой? Доволен тем, что сделал?!

— Я не понимаю.

— Ты все понимаешь, только не хочешь признать, что я слишком хорошо усвоил твои уроки. Признай, что я стал лучше тебя! Давай, Луций, вспоминай. У нас есть, о чем поболтать!

Преторианец подошел к кресту и, приложив клинок к оголенной ноге девушки, медленно, с отяжкой, глядя в глаза Алексею, рассек ей ногу.

— За что?! — снова взмолилась Татьяна.

— Капитан, что с тобой?! — во весь голос кричал Виктор, забыв о безопасности, и тряс Алексея за плечи.

Наконец, он привел капитана в чувство. Рядом с ним, сидя на корточках, рыдала девушка.

— Это не человек, это не человек...

— Тебя зовут Татьяна? — окончательно придя в себя, спросил Алексей.

Девушка впервые подняла взгляд с пола.

— Да. А откуда вы знаете мое имя?

— Мне твоя бабушка рассказывала о тебе.

— Бабушка?

— Да. Она просила присмотреть за тобой.

— Он не человек, — глядя в глаза капитану, тихо произнесла Татьяна.

— Кто? Кто не человек?

— Анатас.

— Анатас?! — воскликнул Виктор.

— Он похож на человека, но это не так. Я никогда не видела ничего страшнее.

— Я же говорил тебе! Я же говорил! — Четырин шагал вокруг Зверева и нервно жестикулировал. — Ну, все. Раз он здесь, нам точно конец. Допрыгались.

— Да успокойся ты. Все умрем рано или поздно.

— Спасибо, успокоил! Хотелось бы поздно, а не в расцвете лет!

— Я же вам говорю, он не человек!

— Мы знаем это. Что он хотел от тебя?

— Я не знаю! У него нет души! И у Александра ее нет. Они оба не из нашего мира, — кусала губы Татьяна.

— Что он хотел от тебя?

— Я не знаю! А вы кто такие?!

На этот вопрос Зверев не знал, что ответить. Он считал, что, когда найдет девушку, она многое расскажет ему, и все прояснится, но ничего подобного не случилось. Наоборот, все зашло еще дальше в тупик. Похоже, она и сама не знала ничего особенного, а он так надеялся получить ответы.

— Помогите мне, — еле слышно произнесла Татьяна. — Я запуталась. Я уже ничего не хочу. Помогите, прошу вас.

Капитан протянул ей руку и поднял ее с пола. Он не стал расспрашивать девушку, что она делала здесь, в подземелье. Алексей напрочь забыл, что он следователь, да и само следствие отошло для него на второй план. И какое тут, к чертям собачьим, следствие, когда вокруг творится такое. Единственное, о чем он думал, так это о том, что надо выбираться из этого проклятого места, и делать это надо как можно скорее.

— Не спеша, тринадцатый. Бегство не есть спасение. Спасение в нападении. Нападение

— вот лучшая защита.

Из темноты, словно призрак, появился силуэт седовласого, который без лишних слов и движений подошел к ним и мгновенно отодвинул Татьяну себе за спину. Все это произошло так неожиданно, что ни Зверев, ни Виктор не успели среагировать.

— Не думал тебя больше увидеть. Твой господин решил тебя помиловать?

— У меня нет господ, тринадцатый.

— Гляжу, тебе пришлось нелегко, — посмотрел на раны в запястьях Алексей.

— Да, серебро замедляет регенерацию. Но Александр прислал ко мне всего лишь трех палачей. Какими же вкусными были их сердца!

— Чего ты хочешь? — опасаясь за девушку, капитан сделал несколько шагов вперед.

— Еще шаг, и я не посмотрю на то, что ты когда-то спас меня!

— Недолго же ты помнишь добро.

— Добротой можно причинить вред не только себе, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай. Если бы я хотел убить вас, то уже давно бы это сделал.

Девушка попыталась освободиться, но Лекант снова отодвинул ее за свою спину.

— Отпустите меня, — взмолилась она.

— Не разговаривай с ним! — предостерег ее Алексей.

— Я не держу ее. Я лишь хочу помочь. Ей не спрятаться от Александра, а тем более от Анатаса, несмотря на все ваши усилия.

— Я видела Анатаса. Это не человек!

— Не делай этого! — снова произнес Алексей и шагнул вперед.

— Не смей ей указывать! Она вольна делать все, что захочет. Вы даже не представляете, что она такое. Я знаю: мне не выбраться живым из этого подземелья — Александр насчет меня уже все решил. Мое время ушло в прошлое, но я постараюсь продать свою жизнь подороже. А вы сможете этим воспользоваться! Хотя, если честно, мне с трудом верится, что вам удастся что-то изменить. Тем более в компании с этим, — Лекант с презрением кивнул в сторону Четырина.

— Мерзкая тварь! — выкрикнул Виктор.

Но не успел он и моргнуть, как Лекант прижал его к стенке.

— От тебя воняет кровью! Я чувствую это!

Зверев попытался помочь другу, но был отброшен в сторону сильным ударом седовласого.

— Не надо! — во весь голос крикнула девушка.

Лекант отступил.

— Как скажешь. Только ради тебя. Но не стоит им верить: от них несет несчастьем, они не помогут тебе.

— Я просто хочу домой!

— У тебя нет дома. У тебя есть величие и твоя сила, но из-за этого ты несчастна. Из-за этого они и ищут тебя. Ты последний фрагмент огромной головоломки, и они ни перед чем не остановятся в желании заполучить тебя.

— Ты даже не представляешь, кого ты слушаешь, какой он на самом деле и на что способен, — поднялся с пола Алексей. — В нем нет жалости и сострадания. Он зверь, машина смерти, слуга Александра. Он существо, которого не должно было быть, он — ошибка природы. Это ему не стоит доверять.

— Ты и сам такая же ошибка. Ты служил одному, а я другому. Ты так же, как и я, хотел

крови. Но я не уничтожал города ради славы. Я не порабощал народы ради власти. Я не посылал людей на верную смерть. Я прятался за легендами и мифами, а ты действовал открыто, бессовестно губя тысячи человеческих жизней. История не помнит тебя, поскольку твое имя было проклято и запрещено к упоминанию. Но, поверь мне: ты затмил своей жестокостью Чингисхана, Гитлера и Сталина вместе взятых, и я по сравнению с тобой мелкий пакостник. Ни один тиран не приказывал выложить дорогу телами детей бунтовщиков, чтобы проезжающие по трупам могли понять, чем закончится восстание против Рима. Ни один из них не резал и не насиловал женщин на глазах взбунтовавшихся мужчин. И ни один из них не распинал стариков, пытаясь внушить страх побежденным. Ты исчадие ада, не я.

— Что ты такое несешь?! — стиснул зубы и сжал кулаки Алексей.

— Постой! — не выдержала Татьяна. — Раз ты многое знаешь, то объясни мне, кто этот странный человек, которого боится сам учитель?

— А разве ты не поняла?

— Да, но как такое возможно? Ведь его не...

— Не существует? — перебил ее седовласый. — Раньше я думал, что не существует таких, как ты. Но вот сейчас я тебя вижу и понимаю, что ты есть. Трудно признавать то, во что ты раньше не верил, или то, в чем ты разочаровался. Анатас — это сам Сатана, а Александр — его пророк в этом мире. И ты для чего-то им нужна. Очень нужна, раз властелин тьмы решил повстречаться с тобой лично.

— Что ты имеешь в виду? — встрял в разговор Алексей.

— Я говорю о том... — оборотень замолчал.

Вдалеке послышались голоса, а из глубины коридора показался тусклый свет факелов.

— Вам пора. Они идут по вашим следам, и их ничто не остановит — ставка слишком высока. Уходите!

— Подожди, у меня есть еще один вопрос, который не дает мне покоя. Что случилось с моим отцом? — вцепилась в руку Леканта девушка.

Лекант быстро перевел взгляд с Татьяны на Виктора и обратно.

— Зачем мне говорить о том, о чем другие знают больше? Уходите! — он аккуратно отцепил от себя руку Татьяны и присел на корточки. Его взгляд помутнел. — Вам пора, — с угроbnым рычанием прохрипел Лекант. — Уходи, генерал, твоя битва еще не пришла. Здесь ты мне не союзник! Сейчас ты будешь только мешать. Твой героизм в данный момент ни к чему, и помни, что я сказал. Береги ее, если хочешь, чтобы ваш мир остался таким, каким ты привык его видеть, — тело седовласого начало меняться.

Спасаясь бегством в поисках выхода, Алексей и его спутники пытались скрыться от собственной судьбы. Но разве можно убежать от того, кто не преследует тебя, а предусмотрительно ждет на финише? Это все равно, что бежать от своей тени, от прошлого или будущего. До них все еще доносились душераздирающие крики. Существо, предназначенное для убийства, встретилось с потоком живой силы, которая теснила его, несмотря на то, что несла потери. Лекант отступал под напором обезумевших фанатиков, но сражался все также яростно, с неукротимой первобытной жестокостью. Люди, словно не ведая страха, кидались на него и погибали — один за другим. Его раны не успевали затягиваться до того, как он получал новые.

— По-моему, ты говорил, что этот щенок полностью в твоей власти? В таком случае, может, ты усмиришь его? — глядя на происходящее, тихо проговорил Ворон.

Александр пошел вперед. Обезумевшая толпа расступилась, пропуская своего учителя. Он встретился с волком глазами. Оборотень взревел и кинулся на Александра, но тот не пошевелился: он лишь пристально всматривался в разъяренные от боя и свежей крови глаза Леканта. Пасть огромного животного оказалась напротив его лица, из нее несло свежей плотью. Лекант замер, тяжело дыша.

— Мне разговаривать с псиной или с человеком?

Существо взревело, передернулось, кости внутри его тела затрещали, возвращая оборотню человеческий вид.

— Чего ты хочешь? — спросил Александр.

— Справедливости!

— Справедливости? А думал ли ты о ней, когда я избавил тебя от чувствительности к серебру? А когда разрешил тебе кормиться возле своих земель? А где была твоя справедливость, когда я отдал тебе приказ, который ты не исполнил?!

— Мне никто не вправе отдавать приказы. Я действую так, как угодно мне. Дай им уйти, после чего уйду я, и мы больше не встретимся. Ты никогда обо мне не услышишь.

— Это все, чего ты просишь?

— Я требую, а не прошу!

— Требуешь, значит?! Никто, слышишь, никто не смеет мне отказывать! А уж тем более чего-то требовать от меня!

Александр обхватил голову седовласого руками, нагнул его к земле и с силой поддал коленом. Лекант взмыл в воздух, ударился о свод туннеля и рухнул на пол. Затем застонал и медленно поднялся. Он еще несколько секунд всматривался в темноту, выгадывая жалкие мгновения для тех, кого он защищал. Затем он что есть силы взревел, превращаясь обратно в волка, обреченно кинулся на Александра, но тут же застыл, словно парализованный. Александр стальной хваткой ухватил его за горло, и огромное существо, некогда могущественное и всеильное, рухнуло перед ним на колени. Седовласый тщетно пытался вырваться. Сжимая все сильнее и сильнее его горло, Александр наклонился к уху Леканта.

— Вот видишь, ты сейчас стоишь предо мной на коленях. А говорил, что сам себе хозяин!

Закрыв глаза, Лекант представил себе чистое небо и яркую луну, которая быстро затянулась тучами. Он снова рванулся вперед, но рука Александра сжалась на его горле еще сильнее.

— Не ту сторону ты выбрал! Дайте мне нож.

Зверь дернулся снова, но его попытки вырваться были тщетны, он только кряхтел и задыхался. Его могучие лапы с дрожащими пальцами медленно скреблись по телу Александра, безуспешно пытаясь причинить ему вред. В руку учителя секты вложили кинжал.

— Ты готов присоединится к вечности? — Александр поднес к морде зверя лезвие, которое на его глазах покрылось серебром. — Помнишь наш уговор? Я избавляю тебя от него.

Острые проскрипело между ребер, прорезая плоть, и пронзило сердце Леканта. Его зрачки сверкнули в последний раз и угасли навсегда.

Задыхаясь от бега, Виктор остановился и присел на корточки.

— Все, хоть убейте меня, но я больше не могу, — обреченно произнес он.

Зверев опешил от такой неожиданности и дернул Татьяну за руку. Они остановились.

— Что с тобой? — невозмогая отдышку, выпучил глаза капитан.

— Лучше пристрелите меня, как загнанную лошадь, сил моих больше нет, — садясь на пятую точку и глядя в пол, отрывисто проговорил Четырин.

— Зато они могут, — ответил Алексей, показывая пальцем в темноту коридора, которую на глазах разгонял свет приближающихся факелов. Шум бегущей толпы нарастал. Зверев схватил Виктора за шкурку и хорошенько встряхнул. — Вставай! Вставай же! Ну!

Он, пятясь, потащил Четырина за шиворот, пока не уперся в стену. Капелька холодного пота скатилась по спине Зверева.

— Ты что, капитан? — испуганно спросил Виктор, боясь повернуться.

Но тот только разжал руки, и Четырин упал на пол.

— Все. Это конец. Идти дальше некуда.

— Господи, помоги. Господи, помоги, — обреченно зашептал Виктор и лихорадочно начал креститься.

— Ты же не веришь в Бога. Думаешь, это тебе поможет? Знаешь, сколько раз я к нему обращался, когда у меня на глазах умирали зеленые, только что принявшие присягу восемнадцатилетние парни? Я умолял его каждый день, каждый час, каждую минуту, а они все гибли и гибли. Я первый лез под пули, чтобы оградить ребят от смерти, а их матерей от слез, но все впустую. Я лишь получал медали. Было такое ощущение, что пули просто не видят меня. Где справедливость? Зачем мне такая жизнь? И почему они, а не я? Долбанная судьба! Убить себя совесть не позволяет, а продолжать жить, как я живу, уже тошно! Так что прекрати причитать, Витек! Мы в самом сердце земного ада, и Бог вряд ли нас тут слышит, а уж тем более видит!

Татьяна молча смотрела на капитана. В ее глазах был и ответ, и понимание. Она чувствовала его, как никто другой.

Никто из троих не удивился неожиданному появлению Матвея, лишь Виктор слегка вздрогнул. На мгновение им показалось, что появился перед ними сама смерть, они бы и ее приняли с полным безразличием, настолько они были уставшими и морально подавленными. Старик посмотрел на девушку отрешенным взглядом, потом повернулся к капитану.

— Я укажу вам две двери, но войти вы можете только в одну из них, опираясь на холодный ум и на то, что подсказывает вам сердце, — Матвей протянул вперед обе руки. Тяжело застонали стены, сложенные из огромных камней, из разрастающихся трещин повалила пыль. Глаза старика блеснули синим огнем. Пыль рассеялась, и он обратился к Звереву. — Ты играешь в игру, которая уже проиграна. Ты пал давно, твоя душа летит в небытие — не тащи их за собой. Ты слеп, согласно условиям игры, которую тебе навязали. Послушайся своего разума, хотя в данный момент он и не принадлежит тебе. Ты добровольно идешь в ад. Твое упрямство обернется поражением, пойми это. А тот, кто добровольно падает в ад, уже предал все, во что верил. Теперь не то время, когда можно просто улыбаться и убивать, — оно прошло. Не делай того, о чем пожалеешь. Апокалипсис близко. Вы — его начало и только вам решать, состоится он или нет. Вы его всадники. Вы тяжелые фигуры в этой игре. Помните это.

— Проклятье! Да хватит его слушать! — прокричал Виктор и кинулся к двери.

— Стой! Не надо!

Но было поздно. Четырин рванул дверь на себя, и тут же яркая вспышка ослепила их, и,

кроме прорывающейся через закрытые веки белой пелены, они больше ничего не видели. Резкий толчок швырнул их в пустоту. Стало холодно. Тела покрылись гусиной кожей. Как только все оказались по другую сторону двери, она закрылась, а потом и вовсе исчезла. Только Матвей чему-то ухмылялся, словно предвкушая скорую развязку.

ГЛАДИАТОР

Гладиаторские игры возникли из погребального обряда этрусков, включавшего человеческие жертвоприношения. Со временем обряд видоизменился: обреченных на смерть перестали убивать сразу, а заставляли с мечами в руках сражаться около могилы — слабые проигрывали бой и погибали, а победители оставались в живых, вызывая восторг зрителей. Римляне впервые увидели это жестокое представление в 264 году до нашей эры на бычьем рынке, где на поминках по Бруту Пере, устроенных его сыновьями, сражались три пары гладиаторов. Зрелище показалось горожанам столь необычным и примечательным, что это событие было внесено в летопись Рима.

Зверев закрыл глаза рукой, прячась от слепящего света. Он почувствовал, как его мышцы напряглись и окаменели. До слуха доносился гул шумящей толпы. Опустив руку и присмотревшись, капитан увидел перед собой большую арену и амфитеатр, уходящий в небеса. Гул нарастал и становился все четче и четче. Рядом с Алексеем были Татьяна и Виктор. Четырех шурился от яркого света и тихо матерился.

— Добро пожаловать, тринадцатый. Или правильнее называть тебя генералом? — прозвучал голос откуда-то сверху.

Зверев поднял взгляд, но солнце снова ослепило его. Всю свою жизнь Алексей бежал от самого себя, пытаясь не обращать внимания на то, что преследовало его с десяти лет, а сейчас догнало и овладело им против воли. В голову будто вонзили острый клинок, боль пронзила все тело. И вот он уже сидел в окружении прекрасных рабынь, которые подносили ему душистое вино, расточали свои ласки и шептали на ухо красивые речи. Его место было усыпано лепестками роз, а перед ним распростерлась арена с гладиаторами. Он видел тысячи пленных, которых сам привел к ногам императора. Он чувствовал гордость за то, что совершил во имя Рима. Однако мгновением позже видение исчезло: теперь он, по иронии судьбы или высших сил, сам оказался на месте приговоренных. Капитан попытался сделать шаг, но тут же припал на одно колено от невыносимой боли, которая снова пронзила его. Сжав кулаки и почувствовав в них теплый песок арены, он осознал то, во что так долго не хотел верить. Жадно, с шипением он втянул через зубы воздух. Внутри него словно кто-то шевельнулся, ожил и захотел вырваться наружу.

— Как самочувствие, генерал Луций?

Зверев ничего не слышал, он был очень далеко от арены, но в то же время находился непосредственно на ней. Грань между прошлым и настоящим окончательно стерлась в его сознании, наступала новая, жестокая реальность.

— Гребаная дверь. Куда мы попали? — озираясь по сторонам и теребя капитана, медленно, чуть ли не по слогам произнес Виктор.

— Что с тобой? — Татьяна тихо положила руку Звереву на плечо.

Тело Алексея сотрясала дрожь, будто от погружения в ледяную прорубь. Неспешным, но уверенным шагом к нему приближался силуэт человека. Земля замерзала под его ногами,

превращаясь в тонкий лед, который тут же с хрустом трескался. Он шел степенно и размеренно, явно наслаждаясь своим присутствием здесь. Опираясь на трость, он, словно смерть, неумолимо приближался к Звереву. Татьяна и Виктор отступили назад. Тело Алексея пронизывал жуткий холод, и чем ближе подходил незнакомец, тем сильнее он замерзал.

— Неужели ты думаешь, что в аду обязательно должно быть жарко? — сухо произнес Анатас.

— Кто ты? — с трудом выговорил Алексей, дрожа от холода и выдыхая пар. Его ресницы и волосы покрылись инеем.

— Неправильный вопрос. Может, лучше спросить, кто ты? Так кто ты?

— Я это я.

— Опять неверно. Посмотри на своих спутников: даже они сомневаются в том, что ты это ты. Осознай правду. Ты же чувствуешь внутри себя перемены, ощущаешь, как настоящий ты рвется наружу. Зачем его сдерживать? Я восхищен тем, как далеко ты зашел, но пора остановиться. Всему есть предел. Не стоит все усложнять. Ты и так доставил нам много хлопот. Блудная овца должна рано или поздно вернуться в стадо.

— Я это я! — заорал во все горло Зверев.

— Ты всегда поражал меня своим упрямством. Доверься мне, — протянул руку Анатас.

— Довериться тебе?! Мышь не может верить змее. Ты ведь знаешь, что будет, так к чему эта мелодрама? Кончай с нами, и дело в шляпе.

— Не все сразу. Просто протяни мне ладонь. Протяни, если хочешь получить хоть какой-то ответ. Тем более терять тебе все равно нечего.

— По-моему, он прежде никогда не стоял на коленях, — хлебнул пива и затянулся любимым «Беломором» Грешник.

— То, что он на коленях, еще не значит, что он покорился. За долгие тысячелетия он вправе познать самого себя, — похлопал по плечу Грешника Ворон.

— Маркус, а ты уже смертный? — горбун вытащил из-за пазухи вилку и несколько раз ткнул легионера в бок. — Крови что-то не вижу! А крепыш из Бухенвальда играет не по правилам. Или я слишком нежен с ним?

— Еще одна выходка, и вместо меня на арену выйдешь ты.

— Я просто пытаюсь разрядить обстановку, Маркус. Ты какой-то нервный, напряженный. Может тебе тайский массаж сделать? Я всегда к твоим услугам, — состроил глазки горбун.

— Заткнись! — вытащив меч и приставив его к шее Грешника, рявкнул преторианец.

— Молчу, молчу, — подняв руки вверх, жалостливо прошептал горбун.

Дрожа от холода, Зверев протянул Анатасу руку. Как только их ладони соприкоснулись, стало тепло. Они оказались посреди зеленого луга. Светило солнце. Рядом бегал маленький мальчик — это был Никита, тот самый, который замерзал на крыльце своего дома в селе Радужном. Рука Анатаса легла Алексею на плечо.

— Что ты видишь, генерал?

— Я вижу счастье, радость, тепло и любовь.

— Ты видишь то, что хочешь видеть. Иногда, чтобы получить радость, счастье и, как ты выразился, любовь, нужно совершить нечто страшное. Так что зло можно творить и во благо. Запомни это, Луций.

— Я что, умер?

— Если бы я собирал коллекцию самых частых людских вопросов, то этот стоял бы на первом месте. Как только вы попадаете в чужой мир или в новую обстановку, отличную от той, в которой привыкли находиться, звучит один и тот же вопрос. Нет, Луций, ты жив. Но посмотри: голубое небо, чистые облака, зеленая трава, свежий воздух — разве это не рай?

— Я бы поверил, если бы тебя не было рядом.

— Я то, что ждет людей после смерти. Ваши молитвы доходят лишь до меня. Вы молитесь, только когда прижмет. Верить в свои силы, конечно, хорошо, но отрицание самого моего существования — это, пожалуй, уже перебор. Ты ведь выше этого мясного планктона, который не понимает, чего он хочет и ради чего существует. Зачем тебе помогать им, если ими можно управлять? Подумай, Луций, подумай хорошенько: ради чего ты живешь? Ты можешь сделать этот мир лучше, если решишься на правильный выбор.

— Сделать этот мир лучше? Хочешь сказать, что ты делаешь этот мир лучше?! Ха-ха-ха!!!

К Звереву подошел мальчик.

— Дядя, давай поиграем.

— Видишь, все не так плохо, как представляется. Ты наверняка помнишь этого паренька. Господь не помог ему. Ты не помог ему. Так что пришлось помогать мне. И ты еще пытаешься упрекнуть меня в том, что я не стараюсь сделать этот мир лучше? Вы живете ради себя, у вас принято плевать на родителей в старости, обходить больного на улице, отбирать добро у других, даже не попытавшись заработать. Конечно, так проще, кто бы спорил.

— Чего ты от меня хочешь? — капитан отстранил Никиту в сторону.

— Вот это уже другой разговор. Только мальчишка здесь не причем. Он и так многое пережил на своем коротком веку, — Анатас прижал парня к себе. — Никита, поиграй пока сам, пожалуйста. У нас серьезный разговор. Итак, чего я хочу от тебя?

— Да.

— Хочу, чтобы ты понял, что запутался.

— Вот оно как? Ну, хорошо. Тогда расскажи обо мне. Интересно услышать, что ты поведаешь.

— Я бы не прочь пообщаться на эту тему, только вот беда: ты не знаешь нужных вопросов, а без них я не могу дать хороших ответов.

— Я знаю, кто ты и чего хочешь, но я не знаю, кто я, и помочь мне в этом некому. Но ты ведь всемогущ — неужели тебе трудно немного просветить меня?

— Так ты действительно хочешь знать или снова побежишь от своей судьбы? Уверен, что тебе это нужно?

— Уверен. Надоело играть с вами в жмурки!

Анатас присел и жестом позвал Никиту. Мальчик послушно подошел. Князь тьмы усадил его на колени и погладил по голове.

— Чего ты хочешь, малыш?

— Я хочу много конфет.

— Устами младенца глаголет истина. Да будет так, — Анатас щелкнул пальцами, и на лужайке появился шикарный стол, забитый всякими сладостями.

— Беги, наслаждайся. Теперь твоя очередь.

— Ты меня этим не подкупишь. Я не малец, который видит в тебе доброго дядю. Я

знаю, кто ты, и понимаю, на что ты способен. Да и мир твой совсем не таков, каким ты его показываешь. Я хочу правды.

— Чего-чего ты хочешь?

— Правды!

— С правдой, Луций, надо обращаться как с огнем: не приближаться, чтобы избежать ожогов, и не удаляться, чтобы не замерзнуть. Ты хочешь знать правду? Что ж, будь по-твоему. Ты родился в семье Гая Корнелия Августа. Он был центурионом XIX легиона, расквартированного в Германии. Твой отец был хорошим солдатом. Если бы он пореже думал о людях и почаще о себе, то добился бы куда больших успехов. Однако история не имеет сослагательных наклонений. Ты пошел по его стопам, но продвинулся дальше и встал во главе Черного легиона — элитной гвардии, собравшей лучших из лучших. За твою жестокость враги тебя боялись и ненавидели, а воины были готовы идти за тобой хоть на край света, восхищаясь твоей отвагой. Ты, Гай Луций Корнелий, должен управлять этим миром, а не быть на побегушках у тех, кого считаешь святыми. Они хоть раз протянули тебе руку помощи, объяснили, кто ты есть на самом деле? Да я больше чем уверен, что Он пичкал тебя нелепыми загадками и баснями. Ведь гораздо увлекательнее дать абстрактную подсказку, нежели сказать точно. Я же, напротив, как говорю, так и делаю. Так что сам выбирай, кому доверять.

— Я хотя бы человек?

— Конечно. Ты состоишь из плоти и крови, ты чувствуешь боль, ощущаешь радость и горе. Разве это не доказательство твоей человеческой природы?

— Тогда зачем я нужен тебе?

— Ты мне? — усмехнулся Анатас. — С чего ты взял, что ты мне нужен? Ты мне совершенно ни к чему. Мне нужна девушка, а без тебя мне до нее не добраться. Ты словно мелкий, гадкий проказник на протяжении двух тысячелетий ставишь мне палки в колеса.

— Что ты несешь?! Как я могу это делать?!

— Ну, с научной точки зрения, разумеется, никак. А с религиозной очень даже просто. Любое действие влечет за собой цепочку последствий. Если бы ты в свое время совершил то, к чему тебя готовили, ты бы владел миром. Но, к моему великому разочарованию, ты захотел поиграть в святого. И видишь, какая штука произошла? Они решили противопоставить тебя мне. Даже смешно как-то.

— Они?

— Точнее сказать Он и его приспешники, — указал пальцем вверх Анатас.

— Но как я мог помешать самому дьяволу?! — недоумевая, крикнул капитан.

— Дьяволу? Как вы любите громкие слова. Дьявол, Сатана, Люцифер — как только меня не называют. Да, ты прав, думая, что я всесилен, но и у меня есть некоторые правила.

— Правила? У тебя?

— А что такого? Или ты думал, что я огромного роста с безобразной козлиной мордой и окровавленными клыками, насилую девственниц и пожираю младенцев? Не смейся меня. Этот бред придумали ваши священники, чтобы вы понимали, как плохо не приходиться к ним на поклон. То, что они делают, уже вышло за рамки веры и превратилось в любимое вами слово «бизнес». Давай-ка лучше пройдемся.

Пока капитан понял лишь одно: что-то удерживает властелина тьмы от расправы над ним, и этим «чем-то» явно была не девушка. Он последовал за Анатасом. Они шли по вымощенной дороге, вдоль которой росли финиковые пальмы и стояли красивые строения

непонятного Алексею назначения. Лучи солнца отражались от глади кристальной воды искусно сооруженного водоема. Повсюду виднелись статуи. Неподалеку, распутив хвосты, ходили павлины.

— Где мы?

— Это резиденция Понтия Пилата. Я люблю здесь иногда прогуливаться. События сменяются событиями, эпоха — эпохой, а красота остается вечной и неповторимой. Я вижу, ты удивлен. Да, я не такой, каким люди привыкли меня представлять. Вам сказали, что мой удел — зло и коварство, кровь и жестокость, что я хочу видеть лишь огонь и пепелище. Вас убедили в том, что я тиран, существо, порожденное делать только мерзости. Но разве я их совершаю? Разве я вкладываю нож в руку маньяка? Разве я начинаю войны? Или, быть может, я заражаю вас неизлечимыми болезнями?

— Кто же тогда это делает?

— Вы. Вы сами. С рождения вам дается право выбирать, принимать решения. А мое дело — карать. Как только Бог отвернется от вас, вы попадете ко мне, и тогда уже никто и ничто не сможет вам помочь. Сам посуди. Предположим, ты убил пять человек, что будет тебе грозить по вашим законам? Ты же следователь, ответь мне.

— Смотря как дело обстояло. Скорее всего, пожизненное заключение. А к чему этот вопрос?

— А сколько дадут сыну не последнего чиновника в администрации, если он, пьяный, управляя автомобилем, собьет насмерть столько же людей?

— Скорее всего, отмажут. Но так всегда было.

— Вот видишь, убивать позволено тем, кто при деньгах и власти. И воровать им тоже позволено. Почему же за одинаковое преступление один получает пожизненное, а другой — максимум колонию-поселение?

— В этом я согласен с тобой.

— Тут, мой друг, грех не согласиться, потому-то я и хочу справедливости, как и ты. Но если вы не справляетесь, значит, я буду делать вашу работу. Только меня останавливают все время, жалеют вас.

— Так ведь если дать тебе волю, ты всех под одну гребенку зачешешь.

— А как иначе? Почему кто-то должен иметь преимущества?

— За что ты так ополчился на людей?

— А за что вы ополчились на крыс или насекомых? Они просто вызывают у вас омерзение, не так ли? Люди порождают у меня схожие чувства. Я ненавижу вас. Вы самые никчемные существа во Вселенной. И меня воротит от мысли, что у вас есть право раскаяться, — глаза Анатаса почернели. — Извини, я отвлекся от нашей беседы. Вижу, ты заинтересовался виллой прокуратора? Смотришь на нее, словно впервые видишь. А ведь ты был его другом. Генерал Черного легиона, самый преданный и непобедимый цепной пес Рима. Ты был лучшим другом не только Понтия, но и самого императора. Беспощадный, бескомпромиссный, безжалостный военный гений того времени. Одно твое имя заставляло врагов трепетать. Один вид твоего легиона вызывал панику в рядах противника.

— Я не понимаю, о чем ты. Я не помню этого.

— Как же так? — огорченно и с легкой иронией спросил Анатас и щелкнул пальцами.

В ту же секунду прекрасная вилла прокуратора Понтия Пилата ожила: у каждого входа стояло по несколько стражников в блестящих доспехах, прелестные рабыни в белоснежных тогах улыбались, приветливо кивали и смущенно отводили взгляды. Картина, открывшаяся

взору Алексея, походила на сказку.

— А теперь смотри и вспоминай, — наклонившись к уху Зверева, тихо прошептал Анатас.

Входные ворота резиденции с грохотом распахнулись. Налетевший ветер подхватил и закружил в вихре мирно лежавший песок. В пелене пыли появились силуэты воинов. Центурия прошла через врата и оказалась на дворцовой площади. Навстречу солдатам не спеша вышел человек. Для него тут же вынесли и поставили кресло, а когда он нехотя присел в него, к нему подошел огромного роста преторианец и поклонился.

— Прокуратор Иудеи желает его видеть, — выпрямившись, скомандовал он.

Коробка центурии разошлась, образовав три стройные шеренги. Центурион схватил за шиворот какого-то нищего и пихнул его вперед с такой силой, что тот прокатился по вымощенной дороге несколько метров, оставляя за собой пыльное облако, и оказался у ног прокуратора. Оборванец лежал, еле дыша. На его теле виднелись синяки и кровоподтеки. Властелин Иудеи снова шепнул что-то преторианцу. Тот быстрым шагом подошел к несчастному, схватил его за волосы и задрал голову так, чтобы нищий мог видеть властелина. Прокуратор долго вглядывался в лицо человека, стоящего перед ним на коленях. Он смотрел так, будто не хотел верить своим глазам. Но нет, перед ним был именно Гай Луций Корнелий — в недавнем прошлом друг и защитник Рима.

— Приветствую тебя, прокуратор, — хрипло произнес оборванец и тут же получил удар по затылку.

— Не смей открывать рта, пока господин сам с тобой не заговорит! — рявкнул стражник.

— Успокойся, Маркус. Он сделал многое для Рима и для нас с тобой лично и вправе говорить. Так что ты скажешь, генерал?

— Вы не ведаете, что творите, — вытирая кровь с разбитой головы, проговорил нищий.

— Напротив, мой друг. Мы знаем, что делаем, а вот ты повел себя странно. Предал меня и Маркуса. Да что там, ты предал самого Кесаря! И за предательство ты поплатишься головой. А все ради кого? Ради сумасшедшего, возмнившего себя царем иудейским и сыном какого-то бога?! Видит великий Марс, я был твоим другом и не хочу твоей смерти. Отрекись от того, что ты говорил, и, возможно, великий Кесарь дарует тебе жизнь за твои былые заслуги.

— Поступайте со мной, как хотите. Объяснять я вам ничего не буду, да вы и не поймете. Отрекаться от своих мыслей мне незачем. Я жил слепцом, но теперь прозрел. А ты делай, что должен.

— Да как ты смеешь?! — ударив генерала в живот ногой, прокричал преторианец. — Как ты смеешь так отвечать?!

— Подожди, Маркус, — остановив воина, Понтий подошел к человеку в лохмотьях и наклонился над ним. — Разве ты забыл, из какого ты рода? Разве ты забыл, через что нам пришлось пройти? Ты что творишь? Не помнишь, сколько раз мы ходили по самому краю?! Хочешь скатиться до уровня наших отцов?! Посмотри на себя: корчишь праведника после того, что творил? Запомни, ты не лучше меня! Сейчас ты делаешь то, что нашептал тебе твой мессия. Как он вас учит? Подставь другую щеку, если ударили по одной? Посмотри на свои ладони! — схватив его за рукав и небрежно тряся, кричал прокуратор. — От них несет кровью! Ты внутри волк, хищник! А как ни старайся, хищник жрать овес не станет! Или ты забыл, как сжимала эта ладонь рукоять меча? Опомнись, все еще можно исправить. При

твоём желании и моих возможностях все уладится и станет, как было. Но если нет... — Понтий повернулся к нему спиной и выждал паузу. — У меня в последнее время жутко болит голова: такое ощущение, словно еще чуть-чуть, и она лопнет. А ты доставляешь мне лишний повод для мигрени. Каиафа просит распять твоего учителя. Первосвященник явно видит угрозу в «царе иудейском». Наверное, он действительно столь велик, если они испугались его. Да и чтобы заморочить голову такому человеку, как ты, нужно быть весьма талантливым.

— Прежде чем рассуждать, надо услышать хотя бы одно слово из его учения, — хрипло ответил Луций в спину прокуратору.

— Поверь, у меня еще будет возможность пообщаться с ним. А человек, предавший однажды, будет предавать и дальше. Маркус, я не хочу с ним больше говорить. Объясни ему все сам, — так больше и не повернувшись к Луцию, Понтий удалился.

Резкие и мощные удары не заставили себя долго ждать. Они обрушивались на несчастного до тех пор, пока он не потерял сознание от боли, но даже после этого экзекуция не прекратилась. Луций не чувствовал ничего, кроме обиды и злости, смешавшихся с кровью, текущей из его ран. Он ненавидел и проклинал себя. Это было раскаяньем — тем, что делало его чуть ближе к учителю, чем остальные присутствующие. Генералу представлялось, что он шел по бескрайнему полю. Роса скатывалась с его босых ног и приносила прохладу телу. Он касался высокой травы, его руки чувствовали ее нежность. Вдали за горизонт садилось солнце. Внезапно его ладонь ощутила такой холод, что пальцы свело судорогой. Теперь его рука сжимала меч. Его легкие не могли вдохнуть воздух: грудь сжали тяжелые доспехи. Мирная степь превратилась в поле брани, где повсюду лежали обезображенные трупы. Он шел, а под ногами хлюпала кровь, и все поле до горизонта было покрыто телами павших. Легион римских воинов стучал о щиты копьями и мечами и скандировал его имя. Вдруг смертельный холод охватил все его тело. Луций открыл глаза. Над ним стоял Маркус с кувшином, из которого только что окатил его ледяной водой.

— Ну что, очнулся? А ты и впрямь сделан из камня. Твой друг прокуратор хочет, чтобы именно ты казнил этого мессию. Соглашайся по-хорошему.

Луций медленно осмотрел место, где находился. Это была площадь с высокими колоннами, вдоль которых возвышались деревянные кресты. Площадь оцепили воины.

— Нравится пейзаж? — Маркус подошел ближе и схватил его за грудки. — Знаешь, для кого это?

Но тут пейзаж застыл. Даже пролетающие мимо птицы замерли в воздухе, словно нарисованные на картине.

— Надеюсь, ты читал Библию, капитан? — подойдя к одному из крестов, спросил Анатас и протянул руку к конструкции, не касаясь ее, но как бы нащупывая невидимую грань между ладонью и деревом.

— Я... я знаю историю, — неуверенно и настороженно ответил Зверев. — К чему ты клонишь? И как это связано со мной?

— Ты мне так и не ответил.

— Да.

— Тогда ты, наверное, слышал о двенадцати учениках. На самом деле их было тринадцать.

У капитана в голове эхом пронеслось слово «тринадцать», а по телу пробежала крупная дрожь.

— Но как такое может быть? Нигде об этом не упоминается, — попытался сглотнуть слюну пересохшим горлом Алексей.

— Правильно, нигде ты этого не найдешь, потому что есть то, чего люди не хотели сохранять в летописях для своих потомков. Когда Иисус умер, тьма снизошла с небес, содрогнулась земля, и только тогда свидетели его кончины поверили, что он и впрямь был сыном Божьим.

— Но где тут связь со мной?!

— Ты был тем, кого не вписали в историю: ты был тринадцатым. Признаюсь, ты раскаялся, но одного раскаянья мало. Поэтому ты и видишь сны, о которых никогда и никому не рассказывал, списывая их на усталость и психологические проблемы.

— Но что я сделал?!

— Ты не только предал, но и убил. Я вижу, ты не осознаешь содеянного. Но я покажу тебе, кто ты.

Алексей сидел рядом с мальчиком, который все время плакал и просил поиграть с ним. Мальчика звали Маркус.

— Ну что ты все время пищишь?! — рявкнул Луций и отвесил ему подзатыльник.

— Луций! — послышался строгий голос отца. — Он твой брат. Ты должен защищать его, а не прописывать ему оплеухи!

— Да, отец, — смиренно согласился он.

Время ускорило, как на киноплёнке: дома дряхлели, на их месте строились новые, лица сменяли друг друга. Действие перенеслось куда-то в леса Германии.

— Мы идем почти месяц, нас никто не преследует и никто не атакует. Это наши земли. Что мы здесь делаем? — врезался в уши повзрослевший и возмужавший голос Маркуса.

Луций огляделся. Он слышал шелест деревьев и вдыхал свежий воздух, от которого кружилась голова. Да, это не Рим с его спертым запахом и каменным лабиринтом улиц. Это Галлия.

— Повстанцы собрали армию, ею командует Бартус. Они разграбили уже несколько вилл, разбили три гарнизона, постоянно перехватывают обозы с продовольствием и грабят наших жителей. Не стоит их недооценивать. Бартус служил Арминию и действует так же, как действовал этот предатель, — ответил Луций.

— Ты взял с собой гвардию, которая должна охранять императора и Рим. Зачем? Сражаться против рабов?

— Это мой легион, Маркус, заруби себе это на носу. Эти войны прошли со мной огонь и воду. А сражаться против рабов намного сложнее, чем против воинов. Раб знает, что его участь — смерть на кресте. Так зачем тратить жизнь впустую, когда можно забрать с собой несколько граждан Рима? Страшен человек, которому нечего терять.

— Но тут нет ничего, кроме леса и сырости.

— Легион! Стой! Принять боевой строй! — прокричал Луций и, привстав на стременах, стал всматриваться в густой туман.

— Что происходит?

— То, что ты хотел. Мы настигли их. Там впереди их лагерь!

— Они ждут нас?

— Да, им некуда больше идти, там их жены и дети! Они будут биться.

— Ха! Может, пошлем парламентаря?

— Боюсь, Маркус, они просто отсекут ему голову.

— Так что будем делать?

— У нас есть приказ. Будем атаковать! Рабов нужно наказывать: они должны понимать, что значит противиться воле хозяина.

— Клементий ведет свой легион с востока и нагонит нас через два дня. Может, подождем его? А пока возьмем лагерь в осаду. Зачем терять людей? Они все равно не дадут открытый бой, а превосходство в численности — уже победа.

— Зачем делить славу, если мы можем получить ее целиком? — Луций пришпорил коня и помчался впереди строя. — Братья! Марс смотрит на вас! Впереди жалкие рабы! Они построили укрепления, думая, что этот вал сможет остановить римскую армию! За этой ничтожной преградой вас ждут вино, женщины, золото и слава! Я отдам это поселение вам на три дня, если вы захватите его до заката солнца! Убейте их до прихода Клементия! Мне не нужны пленные, мне нужны кольца с их головами! Мне не нужны рабы, мне нужна победа!

Легион ответил Луцию одобрительным гулом и лязганьем мечей о щиты.

— Приведите ко мне их жалкого вождя! Я хочу посмотреть в глаза твари, которая осмелилась напасть на наших граждан!

— Луций, они вырежут всех, — с иронией сказал Маркус, глядя на ровные шеренги легиона.

— А ты думал, слава достигается в тавернах за кубком вина? — усмехнулся Луций.

— Война должна быть честной.

— Ха! Война — это то, где нет правил! Победителей не судят — ими восхищаются. Хочешь прославиться, держись меня, — Луций помчался вперед, увлекая за собой конницу.

И снова туман.

— Манипул, принять защитное кольцо! Принять защитное кольцо!

Воины встали в круг вплотную друг к другу, сдерживая натиск разрисованных варваров, которые, не жалея себя, бросались на острые мечи римлян.

— Сжать строй! Плотнее! Держать позиции! — командовал Луций, глядя, как когорта обходит врагов сзади, а центурия огибает по флангу. — Держать строй! Сжать ряды! Держать строй! Оттащить раненых в центр! Не бросать своих! Защищать позиции! Маркус, встань в строй вместо Июлиана! Быстрее!

Маркус бросился в строй. В него тут же врезались несколько воинов противника. Сокрушив одного из них сильным ударом, он незамедлительно расправился со вторым, секундой позже схватил за волосы третьего, повалил на землю, приставил к его горлу меч, и замер. Его рука дрогнула. Перед ним была прекрасная девушка лет семнадцати. Он опустил меч, глядя в ее карие, бездонные, как пропасть, глаза, и движением головы показал, что она может идти. Девушка побежала в сторону укреплений. Тут же над головой Маркуса просвистел клинок и вонзился в упругое тело варварки. От неожиданности Маркус вздрогнул. Мимо него быстрым шагом прошел Луций и, подойдя к корчащемуся телу, брезгливо вытащил нож из-под лопатки. Он намотал девичьи волосы себе на руку, поднес клинок к горлу и, глядя на Маркуса, медленно перерезал его.

— Она бы тебя не пожалела! В следующий раз не сомневайся — просто убивай! На войне нет ни женщин, ни детей, ни стариков! Запомни: на войне все враги!

Не раздумывая, Луций устремился дальше, к образовавшейся в строю брешу.

— Сжать строй! Сомкнуть ряды! — кричал он, перешагивая через трупы и раненых. — Нам жизнь отнять, что плюнуть! Нас всех учили убивать! Так давайте достойно сделаем свою работу!

Легионеры, тесня врагов, пошли вперед, вырезая и добивая оставшихся.

В глазах у Зверева опять помутнело, но тут же яркий свет снова ослепил его. Теперь Алексей с Анатасом стояли на высоком холме.

— Посмотри туда, — указывая тростью, произнес князь тьмы.

Вдалеке капитан увидел сидящего на коне Луция, рядом с ним находился Маркус. Два легионера подтащили к ним сильно избитого человека.

— Генерал, это Бартус — вожак восстания!

Один из солдат ударил варвара по ногам копьём, и тот рухнул на колени.

— Бартус, я слышал о тебе. И чего ты добился? Твоя непокорность привела к тому, что Кесарю пришлось прибегнуть к силе. Посмотри, что ты сотворил. Ты думаешь, что мы, римляне, хуже животных? Нет, мой друг, это вы такие. Ты обманул своих людей, пообещав им свободу. Разве ты не понимал, что твои планы обречены на провал? Почему вы такие упрямые? Зачем губить себя и свои семьи ради глупых идей?

— Лучше умереть, чем преклоняться перед шакалами! — глядя в глаза Луцию, произнес Бартус.

— Умереть? О, нет. Так ты не поймешь масштаба содеянного. Слишком просто заплатить за свою ошибку жизнью. Нет, ты будешь страдать! Центурион, притащите сюда его семью! Маркус, я хочу, чтобы он видел смерть своих близких. Пусть солдаты развлекутся с его женой, а ты, — вытаскивая клинок из ножен и передавая его брату, командовал Луций, — убей его детей, а затем отрежь его грязный язык и отруби ему кисти рук, чтобы он никогда больше не мог взять оружие и никогда не говорил о римлянах как о шакалах. Да, и проследи, чтобы его раны были как следует обработаны: он должен выжить, чтобы стать примером для тех, кто захочет пойти по его стопам. Центурион! Стариков, больных и раненых распять. Крепких и здоровых мужчин отобрать для отправки в Рим. Женщин посимпатичнее выставить на продажу на невольничьем рынке. Вырученные деньги раздать легионерам. Семьям погибших я выплачу из своего кошелька. Остальных передайте Клементию: пускай распорядится ими по своему усмотрению. Как говорится, опоздавшим — кости!

— Не надо! — воскликнул Зверев.

— Не надо что?

— Зачем ты меня мучаешь?

— Я мучаю? Побойся Бога. Я просто хочу, чтобы ты увидел самого себя. Ты же хотел узнать правду? Я даю тебе эту возможность, так что радуйся.

Зверев рухнул на колени. Ноги не могли его больше держать, голова закружилась и его стошнило.

— Я не верю тебе. Почему я? Почему?!

— Ты хочешь продолжить? Или мне остановиться? Вид у тебя, мягко сказать, неважный.

— Да, я хочу знать все!

— Ну что ж, будь, по-твоему. Признаюсь, даже если бы ты не захотел, тебе все равно пришлось бы увидеть это. Смотри, генерал. Смотри и сознавай, что ты натворил. Иуда по сравнению с тобой — ангел в белой тоге.

Не успел Анатас договорить, как все вокруг снова ожило.

— Я никогда не пойду на это, Маркус! Отец хотел не такой судьбы для нас, — сплевывая кровь, проговорил Луций.

— Ты думаешь, я хотел такой судьбы?! Нет! Разве я сам научился убивать людей?! Это все ты. Ты был хорошим учителем. Помнишь ту девушку? Помнишь?! — заорал преторианец.

— Нет, я не помню. Их было слишком много. Так много, что их лица ушли из моей памяти и перестали мне сниться.

— Не помнишь? Зато я помню! Помню в мельчайших подробностях, как холодное лезвие режет ее горло! Помню твой ледяной взгляд, твои глаза, в которых не было ни капли сожаления, ни толики раскаяния. В тот миг ты был для меня богом!

— Я не сделаю того, чего просит прокуратор. Можешь убить меня прямо сейчас, но я не пойду на это.

— Сделаешь! Я тоже не хотел убивать тех детей!

— Каких?

— Ты забыл?! Конечно, ты забыл. А я помню, как смотрел на них. Как не хотел делать этого, но повиновался твоему приказу! Ты, великий Луций, генерал Черного легиона, не знающий страха и поражения. Разве я мог послушаться тебя?

— Я был во мраке. Я не осознавал того, что понимаю сейчас.

— Нет, Луций, это ты сейчас во мраке. Разве можно бросить все ради иллюзий какого-то сумасшедшего, выдающего себя за царя иудейского? Ты предал то, что создал. Ты предал власть и меня.

— Ты не прав. Тобой овладела ненависть и жажда величия. Мне знакомо это состояние. Поверь, это не лучшая судьба. Ты всегда хотел править Черным легионом, но они не пойдут за тобой. Не делай ошибок. Прошу! Умоляю! Ты же мой брат! Я всегда заботился о тебе! Я всегда защищал тебя! Я был рядом с тобой в битвах! Ты же мой брат, Маркус, что ты творишь?

Преторианец схватил Луция за горло.

— Нет! Ты предал императора! Ты предал отца! Ты предал всех! Ты создал меня, и я с достоинством займу твое место! А теперь ты убьешь того, кого считаешь спасителем!

— Я никогда не сделаю этого.

— Сделаешь! Я обещаю! Я знаю, пытки не дадут результата: они действуют лишь на человека, который не знал боли. Центурион, приведи Марию!

— Маркус, ты не посмеешь! — заорал Луций.

— Уже посмел! Что посеешь, то и пожнешь! Я научился от тебя многому и, в первую очередь, безжалостности.

Центурион скрылся за каменной стеной и через некоторое время притащил к ним женщину. Она была прекрасна. На ее теле были следы побоев, но она не кричала, не сопротивлялась, и ее лицо не выражало никаких эмоций. Ее поставили на колени рядом с Луцием. Они взглянули друг другу в глаза. Центурион вытащил меч из ножен и приставил к ее шее.

— Не надо, — еле слышно сказал Луций, и из его глаз потекли слезы.

Он смотрел на Марию, а она смотрела на него.

— Умоляю, не надо. Она ни при чем.

— А разве причем была жена Бартуса? «Убивай, не раздумывая! Никому и никогда не прощай предательства!», — разве это не твои слова? К тому же я не вижу иного способа заставить тебя сделать то, что требуется. Так ты согласен?

— Да! Да! Будь ты проклят! Да! Я сделаю то, что вы хотите!

— Нет, Луций! Пускай они убьют меня! Не делай этого! Он выше всего! Не делай этого!

Не делай! Я этого не стою! Не надо!

— Уберите эту суку! — крикнул Маркус.

Девушку поволокли обратно.

— Ну, так что? Теперь-то ты понял, где твоя слабость?

— Я не позволю ему мучиться!!! — прокричал Луций Марии, которая уже скрылась за каменной стеной. — Я ненавижу тебя, Маркус!

— Я тоже не рад тебе. Ты предал снова! Сначала нас, а теперь и своего учителя. Ты и только ты будешь принимать участие в казни.

— Прощу! Не трогайте ее! Я все сделаю!

— Ты обещаешь?

— Да! Даю слово!

— Ты всегда держал слово! Я верю тебе. Ее немедленно отпустят. Я прикажу, чтобы она могла делать все, что ей заблагорассудится. А ты — ты будешь страдать вечно! Уберите его с глаз моих долой!

Через несколько часов к Понтию Пилату привели смиренного человека.

— Это дом Пилата? — спросил Иисус.

— Да! И заткнись! — сурово ответил стражник.

Вскоре на вилле раздались голоса. Кто-то подошел к сопровождающему и сказал, чтобы ввели подозреваемого.

— Проходи! — вталкивая задержанного во дворец, скомандовал солдат. — Мой господин ждет тебя!

Несчастливого проводили в роскошную комнату. Перед ним в кресле, украшенном золотом и серебром, сидел Понтий Пилат. Легионер схватил нищего за шкуру и пихнул вперед ближе к прокуратору.

— Прежде чем я задам тебе вопрос, приготовься подумать над ответом, — потирая виски, произнес прокуратор. — Кто ты? — сухо спросил Пилат.

Странник не ответил.

— Ты смеешь мне не отвечать? Не знаешь, что я имею власть вершить над тобой любой суд, а если понадобится, то и распять тебя? Но я также могу и отпустить тебя на все четыре стороны.

— Я знаю твою власть. Но эта власть не больше, чем власть над птицей, которой запретили летать: она все равно взмоет ввысь — в этом ее жизнь, дарованная Богом.

— Птица не человек, боли не чувствует. А ты даже представить себе не можешь мучения распятого на кресте.

— Могу, — тихо сказал приговоренный и тут же получил плетью по спине.

— Не смей перечить прокуратору! — прикрикнул Маркус.

Корчась от боли, нищий поднялся с колен.

— Разве я могу перечить тому, кто сейчас выше людей? — тихо ответил он.

Маркус снова взмахнул плетью.

— Стой! — крикнул прокуратор. Преторианец послушно опустил кнут. — Я вижу, язык твой подвешен неплохо и голова твоя работает хорошо. А ты знаешь, что первосвященники требуют распять тебя?

— Людям свойственно ошибаться.

— Кому? Людям? — усмехнувшись, переспросил Пилат. — Люди требуют твоей смерти, смерти через распятие. И ты думаешь, что все они ошибаются?

— Каждый человек может быть в чем-то неправ, не надо его за это винить.

— А ты мне нравишься. И что, Маркус тоже ошибается?

— Маркус сделал выбор, это право каждого человека.

Зверев смотрел и не мог поверить своим глазам.

«За что мне приходится находиться здесь? А может, я болен? Да, точно! Я просто болен! Это все фантазии моего измученного воображения! Разве может случиться такое на самом деле? Нет, конечно, нет. Никого из них в реальности не существует, я скоро должен проснуться. Вот сейчас, сейчас все это кончится, и я окажусь у себя дома, и у меня, как обычно, будет болеть голова. Ну же, просыпайся! Просыпайся!», — уговаривал себя капитан.

— Ты не спишь! И перестань укорять себя! Я вижу твой гнев. Ты тот, кто ты есть. Ты воин. Генерал, не знавший поражений. Человек без жалости и совести.

— Я не такой.

— Такой, такой. Жить в иллюзиях всегда легче. Скольких ты убил людей, Луций?

— Это была война!

— Не надо кричать. Я стою рядом и прекрасно тебя слышу. Раньше ты делал зарубки на копье, которое стояло в твоём шатре. Ты никогда не брал его в битву и никому не показывал. Тебе нравилось коллекционировать жизни — впрочем, как и мне. Видишь, ты ничуть не лучше меня. Даже, наверное, хуже. Потому что я такой, какой есть, и мне не надо прятаться за маской человечности, в отличие от тебя. Так скольких ты убил?

— Не знаю, я никогда не считал.

— А я считал. Каждого знал в лицо, каждого помню. Это только тех, кого ты убил лично. А казнено по твоему приказу больше, чем ты можешь себе представить.

— Я не помню этого.

— Зато помнят люди. А это, поверь мне, гораздо важнее, чем твои личные воспоминания. Всегда удобней оградить себя от неудобного знания и сделать вид, что ты ничего не помнишь. Ты словно котенок, которого тычут мордочкой в миску с молоком, а он усердно не хочет из нее пить, хотя потом все равно будет лакать из этого блюда, — Анатас махнул рукой, и Зверев оказался в гудящей, словно улей, толпе.

По узкой улице шел истерзанный и измученный человек. Кожа на его спине висела кровавыми лоскутами, на плечах лежал тяжелый крест, а на голове, впиваясь в лоб острыми шипами, красовался терновый веночек. Он стонал, но шел к своей смерти. Каждый шаг, каждое движение вызывало у него адскую боль. Люди плевали в него и кидали камни и мусор. Рядом в доспехах римского легиона шагал Зверев. Он шел в полном обмундировании, словно впереди его ждала битва. Другие солдаты подталкивали его вперед, а люди не стеснялись в выражениях, проклиная то римлян, то человека, несущего крест. Параллельно процессии в толпе перемещался Анатас, всматриваясь в лицо капитана. Пыльная узкая дорога вела к Голгофе. Алексей осознал неизбежное, понял, что это не его фантазии, а жестокая реальность. Впереди ехали всадники, разгоняя зевак. Глотая поднимаемую ими пыль, он отрешенно следил за солнечным зайчиком, который прыгал по толпе, отражаясь от блестящего шлема. Это хаотичное движение луча напоминало ему его собственную жизнь. Вскоре процессия оказалась на горе.

— Пожалуй, хватит. Теперь побудь в роли зрителя. Что скажешь? Молчишь? Ну что ж, такой спектакль редко можно увидеть, а уж тем более пережить еще раз. Считай, что тебе повезло: билет в первый ряд был тебе заказан еще до встречи со мной.

Солдаты взошли на Голгофу. Приговоренных к казни расставили по местам, в центре

оказался несчастный с терновым венком. Тяжелые кресты опустили на землю. Один из воинов осмотрел площадку, попинал деревянные сооружения ногой и дал знак палачам. В ту же минуту смертников положили на перекладины.

— Зачем мне на это смотреть? Я и так все понял и не желаю больше видеть кровь!

— Смотри. Поверить в слова — это одно, а поверить в то, что видел собственными глазами, — совершенно другое. Тем более мне уже не остановиться: этот момент я могу пересматривать вечно. Здесь потрясающая атмосфера.

— Я не хочу это видеть!

— А я не спрашиваю твоего мнения. Я просто даю то, чего тебе не хватало на протяжении нескольких тысяч лет.

Раздался звук молотка, хруст костей и истошные крики прибываемых к крестам людей.

— Поднимай! — крикнул один из солдат, давая понять, что работа выполнена.

На холме водрузились три креста, видимые на многие километры. Народ взвыл. Некоторые кричали от радости, остальные от горя. Дело было сделано, приговор приведен в исполнение. Луций снял шлем и рухнул на землю. Он разразился страшным смехом, сменившимся горькими слезами. Вскоре на Голгофу прискакал Маркус. Его доспехи не сверкали — они были черны, как ночь, и одеяние его было того же цвета.

— Ну что, солдат? Ты видишь, к чему привела твоя гордость? Ты сам учил карать предателей так, чтобы об этом помнили остальные и боялись даже подумать о том, чтобы воспротивиться воле Кесаря.

— Я вижу, Маркус. Я вижу, ты обрел власть над Черным легионом. Тебе идут мои доспехи. Ты оказался хорошим учеником, слишком хорошим. Я чувствую, что ты превзойдешь меня. Но ты не сможешь остановиться. Кровь, она как вино. Вкусив немного, тебе захочется еще и еще. До тех пор, пока не захмелеешь. Кровь, Маркус, вызывает зависимость. Мне понадобилось слишком много времени, чтобы понять это. И теперь я рад, что освободился от нее. Мне жаль тебя. Жаль, что ты пошел по моим стопам.

— Это лишнее. Легион будет моим, и я уже знаю, как распоряджусь им! Поверь, моя слава затмит твою тысячекратно!

— Моя слава зиждется на страдании и ненависти. Ты видишь, к чему она меня привела. Я мечтаю о смерти, Маркус. Я не хочу топтать землю после того, что совершил. Остановись, пока не поздно, не повторяй моих ошибок.

— Ты глупец! Я пройду по миру с огнем и мечом! Меня будут бояться, как прежде боялись тебя! Нет на земле силы, способной остановить Черный легион — ты сам знаешь это.

— Да, знаю, — тихо проговорил Луций. — Я лично отбирал людей в свою армию. Я всех их помню поименно. Каждый из них стоит десятка самых отважных воинов. Они лучшие из лучших, ветераны, прошедшие огонь и воду. С ними можно воевать даже против самого дьявола. Но в твоих руках они будут прокляты. По большому счету, они были прокляты еще при мне. То, что ты собираешься сделать, — это глупость. Кесарь не станет держать при себе такую силу. Он видел, какой властью я обладал, и боялся моего могущества. Тебя подставляют так же, как когда-то и меня. Мы просто фигурки в их руках, в их игре.

— О Кесаре можно и позаботится! Чем я хуже Тиберия?! Я сам стану императором! Я буду править Римом!

— Ты ошибаешься, Маркус. Ты сам вырыл себе могилу, теперь дело за временем.

— Заткнись! — Маркус ударил Луция по щеке. — Это ты приговорил себя! Он висит на кресте, а ты сидишь здесь. Так можешь избавить его от страданий, я не стану тебе в этом мешать! Я не лишил тебя оружия, и теперь только тебе решать, мучиться ему долго или умереть быстро. Считай, что это мой подарок, брат, — он пнул Луция ногой, и тот упал на лопатки. — Его жизнь теперь в твоих руках. Мне эта падаля ни к чему! Побудь теперь и ты палачом! Да, кстати, может, ты покажешь свою былую славу и прикончишь всех здесь висящих? Хотя нет, зачем нам снова проливать кровь? Пускай твой мессия сойдет с креста и покарает всех здесь собравшихся своим огненным взглядом и молнией из задницы! Слышишь ты, царь иудейский, покажи свою силу! Я не боюсь ни твоего Бога, ни своего Плутона! Я, Гай Маркус Корнелий, проклиная тебя, мерзкий ублюдок. Ты отобрал у меня брата, и я сделал все, чтобы убить тебя!

Маркус вскочил на коня и ускакал.

Первосвященники, книжники, старейшины и фарисеи, насмехаясь, говорили: «Других спасал, а Самого Себя не может спасти. Если Он Христос, Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, чтобы мы видели, и тогда уверуем в Него. Уповал на Бога; пусть теперь избавит Его Бог, если Он угоден Ему; ведь Он говорил: Я Божий Сын[1]». По их примеру и воины, которые сидели у крестов и стерегли распятых, издевались над ним: «Если Ты Царь Иудейский, спаси Себя Самого[2]». И даже один из казненных разбойников, который был слева от Спасителя, злословил: «Если Ты Христос, спаси Себя и нас[3]».

— Хватит! Прощу тебя, хватит! — молил Зверев Анатаса.

— Ну что ты, это только начало. Все еще впереди. Ты смотри, не отвлекайся. Я знаю, что отвратительно смотреть на себя со стороны, но что поделаешь: такова жизнь.

— Умоляю, остановись!

— А ты бы остановился, будь я на твоём месте? И поверь мне, это еще только прелюдия: дальше будет еще интересней. Тут как в сказке, чем дальше, тем страшнее.

Луций в ярости сжимал в ладонях землю Голгофы, понимая, что он лишь пешка в этой игре. Его копье лежало рядом, меч висел на поясе. Но как он может убить того, в кого поверил, того, кто открыл ему глаза?

Другой же приговоренный, висевший рядом, сквозь боль говорил: «Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же. Но мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал[4]». Сказав это, он обратился к Иисусу Христу с молитвой: «Помяни мя, Господи, когда придешь во Царствии Твоем![5]».

— Смотри, капитан, что будет дальше. Смотри внимательно. Грешник кается. И твой учитель возьмет его к себе. Разве это нормально?

— Он же раскаялся!

— Раскаянье на кресте. Разве это раскаянье? Разве после этого он должен обрести спокойствие? А ты знаешь, что они совершили?

— Нет.

— А я знаю. Они насильники, убийцы, воры. Разве можно прощать таких? Но нет, вы особые. Стоит только раскаяться, и все. Ура! Да здравствуют врата рая. Все прощено. А я с этим не согласен. Вот ты бы согласился с тем, что какая-то падаля, изнасиловавшая твою жену, убившая твоих детей и ограбившая твой дом, получила прощение и попала в рай только потому, что раскаялась? Нет, раскаянье должно наступить лишь после того, как злодей сам пройдет через то, что совершил. Изнасиловал — будь добр, пройди через это, убил — умри сам. Любой обязан осознать, а не раскаяться. Ощутить и познать. Только после

этого человек поймет, что он человек. Разве ты со мной не согласен? Или, быть может, я не прав?

— Не знаю...

— Нет, мой друг, ты знаешь. Ты просто боишься сказать это мне. А на самом деле ты бы лично вырвал им сердце и принес его мне еще теплым и бьющимся. И плевать было бы тебе, что ты за это попадешь в мои руки. Мечь — вот самое сладкое, что есть в вашей жизни. Разве я не прав? Молчишь? Глупо стесняться своих инстинктов. Почему, когда одним позволено делать все, другие должны уповать на ваш продажный суд и полагаться на дефектную систему?

— Да, ты прав. Но не все такие.

— Все. Все до единого. Вы скрываете это, боитесь самим себе в этом признаться. Какие мысли у вас в голове, известно лишь мне, а они у вас не самые радужные. Но стоит вам раскаться, как вы все становитесь белыми и пушистыми, а я так не хочу. Я не хочу, чтобы вы прятались за Ним. Я хочу, чтобы педофил предстал перед родителями замученных им детей, попал в их власть, на их суд. Я с радостью отдал бы насильников мужьям, несмотря на ваши законы, потому что таким, как они, человеческие законы не нужны — пусть родственники увидят кровь подлецов, совершивших такое. Уверен, я бы видел только благодарность в глазах матерей и отцов, когда бы они линчевали преступников. Или я не прав? Ах да, прости, я запямятовал: у тебя же не было семьи. Он забыл дать ее тебе, ведь тогда ты был бы привязан к ней. Но разве ты бы позволил надругаться над самым святым? Над своими близкими? Своей семьей? Нет, ни один из вас в здравом уме не простил бы своего обидчика. При этом вам было бы мало его убить — необходимо вдоволь насладиться его агонией, подобно тому, как он наслаждался беспомощностью тех, кого сам мучил. И знаешь что? Я дам тебе прочувствовать все это. Ты поймешь, насколько я прав, когда сам пройдешь через все. А пока, мой любезный друг, продолжим наш просмотр.

— Пить, — тихо произнес несчастный на кресте.

Луций вскочил с места и попытался подать учителю чашу с водой, но легионеры оттолкнули его.

— Пошел вон, прихвостень мрази!

— Ты хочешь пить?! — заржал один из палачей. — Лонгин, дай напиток этому царю всех людей!

— Конечно! — усмехнулся Лонгин и, окунув губку в чашу с уксусом, поднес ее на кончике копья ко рту распятого.

— Свершилось. Отче! В руки Твои предаю дух Мой[6].

— Хватит! Хватит! — заорал Луций, вскочив с земли и, раскидав трех палачей, подбежал к Спасителю. — Прости, Отче! Прости, что не уверовал в тебя раньше! Прости за все! Прости этот безумный мир, прости нас всех! — он сжал в руке копьё и пронзил распятого.

Луция сбили с ног, скрутили и оттащили от креста. Тело приговоренного обмякло. Наступила полная тишина, солнце затянулось свинцовыми тучами, и крошечная тьма накрыла землю.

— Прости их! Прости их! — кричал обезумевший Луций.

Но его уже никто не слышал. Раздались раскаты грома, небо озарили молнии, земля содрогнулась. Начался проливной дождь, взвыл ветер. Люди в ужасе стали разбегаться по домам, на проклятой горе остались лишь воины и ученики, которые верили в несчастного.

— Прости их! — кричал Луций, сидя на земле.

Солдаты уже не обращали на него внимания, они озирались друг на друга и пятились прочь от распятых. Лишь только один легионер медленно подошел к бывшему генералу и тихо произнес:

— Я прозрел.

— Что?

— Я верю тебе и Ему, — задыхаясь от восторга и непонятной радости, говорил воин.

— Почему?

— Посмотри на мое лицо. Оно в крови. Кровь твоего учителя попала на меня, когда ты избавил его от насмешек и мучений. Несколько месяцев назад я получил в бою раны, от которых один мой глаз перестал видеть. А сейчас случилось чудо: мое зрение вернулось ко мне. И это произошло в тот момент, когда Его кровь попала на меня.

— Пошел прочь!

— Что?

— Убирайся! Я не хочу больше тебя слушать! Уходи! Проваливай! — закричал Луций и невольно схватился за меч, но, одумавшись, поднялся с земли, обхватил голову руками и побрел прочь, хлюпая по грязи и не выбирая дороги.

Воин огляделся, убедился в том, что остался один, и медленно поднял копье, то самое, которым было пробито тело Иисуса.

— Если уверовал я, поверят и другие. Я донесу до них учение Твое.

Алексей стоял, потрясенный увиденным.

— Ну что? Твое понимание Библии немного изменилось? Или ты всерьез верил в священные писания?

— Верил.

— Писания, мой милый Луций, создаются людьми. Я уже не раз говорил тебе об этом. А людям свойственно привирать, приукрашивать, искажать и даже скрывать те или иные факты. А уж тем более это принято в вашей хваленой Церкви. Священные рукописи за тысячи лет несколько раз переписывали, при этом священники занимались откровенной самодеятельностью и, что греха таить, попросту ввали в них. Каждый толковал историю на свой лад. Ведь история, мой друг, — такая штука, которую можно повернуть любым боком. Народ проглотит все, что ему подадут, не задумываясь над тем, правда это или вымысел. Ведь никто никогда не узнает, было ли то, что там написано, на самом деле или нет.

— Мягко стелешь, да вот жестко спать.

— Я разъясняю, но не заставляю верить мне. Верь глазам своим. Разве они могут обмануть? Сам посуди: еще месяц назад ты не верил ни в меня, ни в Него. А сейчас? Что стало сейчас? Сейчас я стою перед тобой, и ты уже не можешь отрицать, что я есть. Ты видишь меня, ты можешь до меня дотронуться, ты споришь со мной. Значит, я существую. Значит, это правда.

— Это твоя правда!

— Допустим. Но разве у тебя есть что-то более весомое, чем стих из писания? Брось, Луций, ты и Библии-то никогда не читал. Откуда тебе знать правду, чтобы спорить со мной? Я не врал тебе раньше, не вру и сейчас. Все, что ты увидел, есть истина и ничего кроме.

— А как же тот воин?

— Какой?

— Тот, что забрал копье?

— С твоей стороны это полное невежество. Воин, который поднял твое копьё, в писаниях будет упоминаться как Лонгин. Про него станут говорить, что он убил умирающего, а не ты. Ведь тебя прокляли. Наконечник копья, кстати, обладает могущественной силой, и многие пытались его заполучить. Но Лонгин спрятал его очень надёжно. Вскоре появилась подделка, но за то особая благодарность Грешнику. Могу заверить тебя, что многие артефакты — фикция.

— Значит, я тринадцатый ученик Христа?

— Давай без пафоса. Обойдемся словом «учитель», а то мне как-то не по себе от столь громких слов.

— Хорошо, я поверю тебе.

— Хм, ты делаешь мне одолжение? Во что ты согласишься?

— В то, за кого ты меня выдаешь!

— Отлично, — сказал Анатас.

Они снова оказались в Колизее, где их уже ожидали.

— Что произошло?

— Произошло то, чего мы ждали две тысячи лет. Ты признал то, во что так долго отказывался верить. Маркус не может сражаться со Зверевым, но он может биться с Луцием.

— Для чего?

— На то есть свои причины. Маркус, похоже, ты дождался своего часа.

— Я ждал этого момента очень долго. Слишком долго!

Зверев стоял в центре арены. На почетном месте, возвышаясь над всеми, сидел Анатас. Рядом была его свита. По правую его руку сидела Татьяна, по левую — Виктор.

— Что происходит?! — прокричал Алексей.

— Происходит то, что должно было произойти еще много лет назад.

— Я признал то, что вы мне навязали, чего вы еще хотите от меня?!

Анатас поднялся со своего места и выпрямился в полный рост, расправив плащ.

— Нам от тебя, мой друг, ничего не надо больше. Все, что от тебя требовалось, ты сделал. Теперь твоя жизнь принадлежит ему, — указал он пальцем на Маркуса. — Либо ты убьешь Маркуса, либо он убьет тебя.

— Не бойся. Все произойдет быстро. Я не стану тебя долго мучить. И все же нужно было прикончить тебя на горе, — сухо заметил Маркус.

— Разве это справедливо?! — воскликнул Виктор. — Разве это честно?!

— О-о-о-о! Кто-то заговорил о честности? — улыбнулся горбун. — Значит, мы хотим, чтобы все было по-честному?! — он взглянул на хозяина, как преданный пес, в ожидании одобрения. Анатас кивнул. — Так ты требуешь, чтобы все было по-честному? — словно змей, прошипел Грешник и приблизился к Четырину вплотную.

— Да! Да! Да, мерзкая тварь! Я так хочу!

— Ну что ж, человек. Раз ты этого хочешь, пусть все будет по справедливости, — заржал горбун. — Милая, прекрасная девушка, — зайдя за спину Татьяне, ласково пропел он. — Ты видела за последнее время много того, что людям видеть не позволено. Ты напугана, ты не понимаешь, что происходит. Ведь все, кто тебя окружали, либо предавали тебя, либо не понимали. Допустим, твоя мать.

— Не смей, — тихо произнесла Татьяна, и по ее щеке потекла слеза.

— Ну почему же? Мы все хотели правды. Как говорится, лучше страшная правда, чем красивая ложь. Впрочем, вы все так говорите, но на самом деле даже не мечтаете о правде.

Ведь она бывает такой мерзкой. Вы храбритесь, уверяете всех, что правда лучше, и тут же покрываете измены своих друзей, их предательство, врете в глаза. Лишь бы правда не вышла наружу. Ведь за правду можно и огрести, так сказать, по морде! Так что продолжим. Как я и говорил, мы все прекрасно знаем, что произошло с твоей матерью. И твой брат недалеко ушел от нее — яблочко от яблони, так сказать... В общем, никто не стал дожидаться возвращения папки.

— Заткнись! — Татьяна попыталась ударить Грешника, но он ловко ускользнул от пощечины, а руку девушки перехватил Ворон и тихо прошептал ей на ухо: «Пусть закончит. Не злись на него, просто дослушай. Правда всегда неприятна, но ее рано или поздно приходится слушать».

— Ха! Мне нравится спесь этой самки! Удел людей — злиться, радоваться или печалиться. Мне никогда этого не понять, — улыбнулся сквозь зубы Грешник. — Итак, я говорил о твоей родне. Она сейчас парится в таких местах, что тебе и не вообразить. Сама понимаешь: самоубийство не выход в данной ситуации. Так вот, черед предательств еще не закончилась.

— Что ты имеешь в виду?!

— Тише, тише, не шуми. Не надо эмоций, — удержал ее в объятиях Посланник.

— Тадам! — Грешник выгнулся, словно конферансье, и указал одной рукой на Виктора, а другой на Зверева. — Рад вам представить, дорогая мадемуазель, самую завравшуюся и самую подлую парочку во Вселенной! Хотя, может, я немного и преувеличиваю. Итак! Они врал тебе с самого начала, с первого момента вашей встречи. А, Витек?

— Это было случайно, — посиневшими от страха губами еле пробормотал Четырин.

— Молчи! — тут же крикнул с арены Зверев, — Молчи! Они все перевернут на свой лад! Просто молчи!

— Правильно. Молчи. Разве ты можешь что-то сказать в свое оправдание? Или ты можешь вернуть к жизни ее папашку? Ведь отнять жизнь способен каждый, а даровать ее вы пока не научились.

— Что он несет? — спросила Четырина девушка.

— Я... Я...

— Что я-я? Ты разве ничего ей не рассказал? Странно. Значит, он умолчал о том, что убил твоего родителя? Ой, прости. Я, кажется, выдал твой маленький секрет. Посмотри на него, — указывая на Зверева, продолжал Грешник. — Он все знал и молчал. Он ни слова не сказал тебе, даже намек не дал. Разве я не прав, Луций? Или, быть может, ты забыл об этом? Дорогая Татьяна, ты думала, что они приперлись тебя спасти? Плевать они на тебя хотели. Им нужно было только смыть с себя грехи.

— Какая же ты мразь! Сукин сын! — заскрипел зубами следователь.

— Странно, почему же? Ведь я никогда и никому не врал. Напротив, всегда резал правду матку в глаза.

— Твоя правда гроша ломанного не стоит! — заорал Зверев и сделал шаг вперед, но его тут же отшвырнул Маркус, и капитан оказался на песке.

— Виктор, Витя, что они несут? — глядя в глаза Четырину, шептала Татьяна.

Виктору нечего было сказать.

— Не слушай их, не слушай! Я тебе все объясню! Просто не слушай их! — закричал Зверев и получил еще несколько ударов от Маркуса.

— Не слушай нас, зачем нас слушать? Ведь они снова врут тебе, врут, чтобы мы не

рассказали всей правды. А она заключается в следующем. Вот этот молодой человек, — положив руку на плечо Виктора, начал рассказ Грешник, — убил твоего отца. Не собственноручно, конечно. Так, переехал его десятитонным грузовичком вместе со своим напарником.

— Я... — начал было оправдываться Четырин.

— Заткнись! Замолчи! — снова завопил капитан.

— Вот именно. Замолчи. А ведь его еще можно было спасти, если бы они отвезли его в больницу или вызвали скорую. Но они решили попросту закопать бедолагу в близлежащих посадках. Закопать твоего папулю еще живого! Понимаешь?! Они зарыли его в землю заживо! А ведь он мог выжить и прийти домой к вам, к тебе. И, поверь мне, ничего такого с твоей семьей не произошло бы. И мать, и твой брат не были бы сейчас у нас. Нужно было только проявить сострадание и помочь человеку, и все, проблема была бы решена. Счастливая семья в сборе, все радуются жизни, хэппи-энд. Но нет, они решили сделать по-своему, решили вашу судьбу за вас. И никто, никто вам не помог. Даже тот, в кого ты так верила, не помог. Как никто не помог и твоему отцу. Его просто зарыли в землю живого, еще думающего о жизни, еще дышащего, еще любящего вас.

— А что же вы? — захлебывалась слезами Татьяна.

— Мы? А мы же нечистая сила, демоны, бесы, плохиши. Мы же не умеем помогать. И руки у нас связаны — над нами ведь тоже есть контроль. К тому же, по моему мнению, мы зло. А разве зло может помогать? Мы так, темнота, бездна, ничто. Мы не лжем, не обнадеживаем умирающего речами о выздоровлении, не даем надежду бесплодным женщинам. Мы то, что есть вы, но вы отказываетесь знать нас. Мы тень, в которую не хочется верить, но которая всегда рядом, лишь только вы выйдете на солнце. Помочь можно всегда, только надо поверить, поверить в нас, как ты и твои близкие верили в то, что твой отец жив. Но вы верите в Него. И просите Его. Но разве Он помогает? Разве Он что-то сделал для вас? Ни-че-го! А теперь, милая леди, успокаиваемся и наблюдаем за потрясающим зрелищем! Обожаю игры! — заорал Грешник и захолопал по-детски от радости в ладоши.

Виктор беспомощно смотрел на девушку.

— Пришло время, чтобы вы выяснили между собой то, с чем должны были разобраться уже давно. Но бессмертный не может биться со смертным. Поэтому ты, Маркус, обретешь человеческую плоть, а к тебе, Луций, вернутся твои навыки.

На Звереве появились доспехи генерала Черного легиона, в ножнах оказался острый меч, а в руке — прямоугольный щит цвета каменного угля с золотой отделкой. Маркус пристально оглядывал противника.

— По-моему, можно начинать, — с ухмылкой произнес горбун, сидящий на трибуне с пакетиком чипсов и полторашкой дешевого пива.

— Приступайте, — скомандовал Анатас.

Маркус ударил себя в грудь и поклонился своему хозяину.

— Береги себя. С этой минуты ты смертен и, если проиграешь, окажешься там, откуда вышел. А я уверен, тебе этого не хочется, так что постарайся не разочаровать меня.

Маркус, улыбаясь, вращал мечом с рукоятью в виде змеиной головы и плавно обходил капитана по кругу. А Алексей думал, но не мог себе представить, как ему сражаться с этим гигантом. Он видел меч впервые в жизни. Маркус грифом кружил вокруг капитана, сокращая расстояние, словно ту же затягивая петлю. С каждым кругом сердце Зверева билось все чаще,

а Маркус становился все ближе. Капитан сжал свой меч и прикрыл корпус массивным щитом. О чем он думал? О том, о чем думает любой человек, когда находится между жизнью и смертью: он думал, как выжить. Когда к твоему горлу приставлено холодное, как лед, и острое, словно бритва, лезвие клинка, ты думаешь лишь о себе. Захлебываясь последними глотками воздуха, ты пытаешься вместить в свои легкие как можно больше спасительного кислорода.

Страшное горбатое существо, улыбаясь, жрало и пило спиртное. Нет, не так был страшен властелин тьмы, который, облокотившись на свою трость, пристально смотрел на арену сверху. И не так был ужасен Ворон, который о чем-то говорил с Татьяной. По жилам капитана прошел страх при виде этого неказистого, уродливого, порой смешного горбуна. Прав был Виталий: от него веяло смертью так, что в воздухе чувствовался запах тухлого мяса. От него с каждой долей секунды распространялась по арене тень черная и густая, которая обволакивала и впивалась в легкие, укрывала своей мерзостью весь свет, погружала все вокруг в непроглядные сумерки. Это существо раковой опухолью вкрадывалось в душу, овладевало ею и, когда она уже не могла сопротивляться, бросало жертву к ногам своему хозяину, ожидавшему ее с распростертыми объятиями.

— Что, генерал, ты готов умереть?! — сказал Маркус и тут же бросился на Зверева.

Молнией сверкнул клинок гиганта и вонзился в щит едва успевшего закрыться от удара Луция. Легионер рывком выдернул меч и нанес капитану не менее сильный удар ногой, от которого тот оказался на песке. Зверев мигом вскочил, и в эту же секунду в его голове раздался голос: «Сражайся! Ты все сможешь!». Преторианец осыпал Луция тяжелыми ударами, но тот, хотя и с трудом, парировал их. Маркус снова заходил вокруг него. И снова по арене пронесся звук лязгающих мечей. И снова, отряхиваясь от песка, поднимался Зверев. Прошло несколько минут, а щиты бойцов уже были в пробоинах и трещинах. Преторианец подался вперед и, оттолкнув Зверева, сильным ударом расколот его щит пополам. Луций в ответ набросился на противника, и куски дерева, защищавшие тела бойцов, оказались разбросанными по арене. Уставшие, в поту, они ходили по кругу, а когда круг становился слишком мал, обрушивались друг на друга серией тяжелых ударов и снова расходились. Изловчившись, Маркус уклонился от меча Луция и оказался за его спиной. Лезвие скользнуло по доспехам капитана, высекая из них искры. Зверев сделал несколько шагов вперед и обернулся. Маркус с улыбкой смотрел на него, на его мече алели капли. В глазах капитана помутнело, а спину будто окатило кипятком. Из-под брони появилась первая кровь.

— А ты все-таки человек, — Маркус поднес меч ко рту и слизнул кровь Луция.

— Продолжим?

И снова лязг железа зазвучал в Колизее. Удар за ударом, уклонение и снова атака. Под очередным натиском Луций вновь оказался на песке. Маркус быстро приближался к нему. Генерал откатился в сторону, нанес несколько ударов и рассек преторианцу бедро. Маркус припал на колени, тяжело дыша. По его телу прошла хорошо забытая человеческая боль. Из открытой раны хлынула багрово-красная жидкость.

— Как видишь, и ты не бессмертен!

Преторианец вскочил и с криком кинулся на своего врага. И снова завязалась жестокая схватка. Истекая кровью, преодолевая боль и усталость, они бились, позабыв, ради чего сражаются. Каждым овладело существо, сидящее на трибуне и мирно попивающее пиво. Зверев вновь пронзил соперника мечом, на этот раз он попал в область печени. Меч, скрипя,

вошел под пластины доспехов. Маркус рухнул на колени, выронив оружие. Шатаясь, прикрывая глаза от боли и усталости, он тщетно пытался нащупать меч на песке. С искаженным от боли лицом преторианец тяжело дышал и, опершись одной рукой об арену, другой прикрывал глубокую рану. Взгляд Зверева изменился, словно внутри капитана ожил кто-то другой. Он даже не понял, как меч Маркуса оказался рядом с ним, привлекая его внимание драгоценной отделкой. Алексей поднял клинок и ощутил его легкость. Рукоятка, как влитая, лежала в его ладони. Подходя ближе к хрипящему от боли противнику, Зверев с улыбкой любовался вновь обретенным оружием. По его руке прошел холод, такой, что заломило кости. Капитан прикрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Думаешь, ты стал лучше меня? Хотел превзойти меня?!

— Ты всех предал! Всех нас, кто был с тобой рядом, кто помогал тебе, кто верил в тебя! Ненавижу тебя, будь ты проклят! — сплевывая кровь, прохрипел Маркус.

Тело капитана зашло за спину Маркуса и обняло стоящего на коленях преторианца. В эти секунды Алексея не было, на его месте был Луций, генерал Черного легиона. В его голове замелькали картины сражений некогда великой империи, в висках застучало.

— Я никогда не прощал предательства, Маркус. Никогда! Не прощал друзьям, не прощу и брату!

Он подставил меч к его шее, поцеловал и резким движением перерезал горло. Тело Маркуса вздрогнуло, из раны хлынула кровь. Некогда могучий и сильный, он подался вперед и упал лицом вниз на белоснежный песок, который, словно губка, стал жадно впитывать кровь. Луций внимательно смотрел, как жизнь покидает брата. Уставший и раненый, он любовался его смертью. С холодной стали капала еще теплая, не запекшаяся кровь. Генерал улыбнулся. В его голове раздался шум барабанов и гул труб. Колизей завращался вокруг, словно Луций находился посередине адской карусели. Потом все стихло. И тут же послышался лязг железа, шум визжащих стрел, крики умирающих и раненых. Вокруг него шла битва: сражались два войска. Он видел это, не ощущая себя, словно он был всем сразу. Он мог заглянуть в любую точку, увидеть, как по стеблю травинки ползет букашка или как выпущенная из лука стрела пронзает плоть, мог слышать приказы и стоны людей. Его внимание привлекли два всадника, которые с пятью сотнями телохранителей врезались с фланга во вражескую пехоту. Они были одеты одинаково в тяжелые черные доспехи с золотой чеканкой, забрызганные кровью. Привставая на стремянах и резко опускаясь, они во имя империи обрушивали удары мечей на головы противников. Один из всадников с несколькими воинами отделился и углубился в человеческую массу, сметая всех на своем пути. Кони топтали людей, люди рубили друг друга, и никому не было пощады. Всадник подскочил к одному из сражавшихся и что-то крикнул. Переданные из уст в уста слова гонца дошли до одного из воинов в черных доспехах.

— Генерал! Генерал! Правый манипул почти разбит, и если мы не ударим с тыла, то можем проиграть сражение. Они опрокинули центуриона Суллу, а их конница вот-вот зайдет на правый фланг!

Черный воин резко остановился и углубился в центр своего отряда.

— Правым легионом командует Гай Матвей Тиберий! Почему он допустил такое?!

— Он тяжело ранен, командование взял на себя Понтий!

— А как мой легион?!

— Ваши воины давят противника, но если их обойдет справа конница... Они не боги, генерал, и без подмоги не вытянут сражение. Нужно, чтобы ваш отряд отрезал вражескую

кавалерию, иначе быть беде.

Не дослушав до конца, черный всадник приказал отступить. Сердце Зверева словно остановилось: он увидел в покинутом всаднике Маркуса. Луций, убивший его на арене, теперь бросал его на верную смерть в битве. Он видел, как он сам же уводил конницу в другую сторону. Видел, как Маркус злобно смотрел ему вслед. Видел, как чье-то копьё пронзило плечо брата и как он тут же срубил нападавшему голову. Конница отступала, а оставшиеся в глубине вражеского войска легионеры продолжали сражаться. Лишь только всадник с раненым плечом на вороном коне и в черных доспехах пристально смотрел вслед предателям.

— Ну что, поздравляю, — раздался до боли знакомый голос, и все снова встало на свои места. Поднявшись с почетного места, Анатас несколько раз хлопнул в ладоши. — Ты убил Маркуса во второй раз. Убивать у тебя в крови, Гай Луций Корнелий.

— Ничего себе! — отпрыгнул Грешник. — Гляньте, наш Луций вернулся и завалил Маркуса. Нет, ты посмотри, Ворон: у него еще нога дергается! Это что, нормально?! Гляди, опять дернулась! Как лягушачьи лапки на опытах!

— Это конвульсии, мой друг. Душа покидает его тело. Вырываясь наружу, она пытается пробиться через остывающую плоть.

— А похоже на брейк-данс! Во, глянь, глянь, как ногой дрыгает! Давай его поднимем, может, он, как курица с отрубленной головой, бегать начнет?

Богохульство карлика продолжалось бы еще долго, если бы его не остановил сам властелин тьмы. Грешник насупился, прочитав во взгляде хозяина недовольство.

— Ладно-ладно, заткнулся! Подумаешь, он все равнодохлый! Ему-то что?! Уж и посмеяться нельзя.

Капитан стоял в оцепенении. Он слышал рыдания девушки, видел обезумевшие глаза Виктора и чувствовал ледяной холод за спиной.

— Почему? — тихо спросил Зверев.

Анатас вышел из-за его спины и присел перед трупом своего слуги.

— Ты такой, какой есть. Не будет лев давать молоко, как не будет овца питаться мясом, — он коснулся Маркуса, и его тело поглотил песок.

— Ты врал мне! Ты врал с самого начала! — закричал следователь.

— Успокойся. Я не солгал тебе. Я помогал, как мог. Ты видел то, что хотел видеть, задавал те вопросы, на которые хотел получить ответ. Почему ты не спросил про судьбу Маркуса? Молчишь? Ты изначально видел в нем своего врага. А как можно переубедить человека? Разве можно объяснить влюбленному, что его девушка изменяет? Нет! Ему хоть кол на голове теши, а пока не ткнешь носом, не поверит. И с тобой пришлось поступить так же. Ты, Луций, видел в нем врага и не хотел знать, почему он в него превратился. А врагов ты привык ненавидеть. Ненависть — это высшая форма страха, генерал. Мы сначала боимся, а уже потом ненавидим. Ребенок, который боится темноты, повзрослев, темноту возненавидит. Так и ты, испугавшись его в таком виде, его возненавидел, и тебе было неинтересно, кто он на самом деле. Ненависть, мой друг, — это гнев слабых.

— Но ведь он ненавидел меня сам!

— Конечно, ненавидел. Ты же бросил его, поправ кровные узы. Ради победы, ради славы. Ты же почувствовал себя Луцием? Ощутил себя великим генералом империи? А что такое Зверев? Ничтожный капитан с ничтожной жизнью. Луций — вот настоящий ты. Они пытаются засунуть тебя в слабую человеческую плоть. Я же хочу, чтобы ты управлял этим

миром. И да, кстати, хочу обрадовать тебя: ты выиграл ту битву. Правда, выиграл ее слишком большой ценой. Ты поставил свой авторитет выше жизни собственного брата, который всегда боготворил тебя. И тебе, как никому другому, были оказаны почести в Риме. Поздравляю. Поздравляю с возвращением.

— Иди ты к чер... — не закончив, Зверев замолчал.

— Ты, мой друг, шагаешь по трупам. Предав своего брата, ты обрек его на смерть, а я выходил его и взял к себе. Ты угробил отряд в Чечне, приютил убийцу священника, и это сошло тебе с рук. Грешник по сравнению с тобой — лебедь в белом оперении. А знаешь, почему все так? Потому что они пойдут на все, лишь бы ты снова не вернулся ко мне. Я воспитал тебя. Ты тот, кто должен изменить этот мир к лучшему. А без потрясений, без боли, без крови, без усилий человечество не переубедишь.

— Как ловко ты все придумал. А я повелся, как ребенок. Ты не наказал Виктора, убрав только водителя. Ты знал заранее, что он попадет ко мне. Ты знал, что я ему поверю и начну искать Татьяну. Ты всеми силами хотел, чтобы я ее нашел, ведь без меня ты бы не получил ее. Ты все просчитал, и ты убирал всех после того, как они отыгрывали свои роли. Убрал Попова — расправился с ним при помощи Леканта, которого также не пожалел. Думаю, что и твой наместник Александр уже не в нашем мире. Все подчистил за собой... Уверен, что все мы — дерьмо?! Да ты сам такой же! Копаться в этом и не испачкаться не получается, поэтому ты и строишь из себя праведника!

— Не горячись. Глупца можно узнать по двум приметам: во-первых, он много говорит о вещах, для него бесполезных, и, во-вторых, высказывается о том, о чем его не спрашивают. Впрочем, ты не один такой — вас миллиарды, и все думают, что управляют собственной судьбой. Так бы оно и было, если бы вы не заходили за рамки. Каждый мнит себя властелином мира, но нет: он просто часть механизма, часть живой плоти земли. А если какая-то часть начинает болеть, я, словно хирург, удаляю ее. Вырезаю с корнем, как злокачественную опухоль. Вы существуете лишь потому, что Он верит в вас. Однако ты со своим другом сделал все, чтобы она стала моей, и теперь все изменится.

— Да что ты такое? — капитан с презрением сжал кулаки и стиснул зубы.

— Я тот, кто хочет спустить вас с цепи, чтобы вы рвали друг друга в клочья. Я тот, кто устроит вам кровавую жатву в скором времени. Я тот, в кого вы не верите, но кого боитесь. А вот ты, Луций, тщеславный, любящий власть и себя, проклятый убийца. Ты прячешься за плечом того, в кого ты даже не верил до момента, пока не появился я. Ты никто, твое имя забыли, забыли навсегда. Тринадцатый ученик. Ты не жив и не мертв. Ты как потерянная вещь, о которой недолго скорбят и которую быстро забывают: она вроде бы есть, но в то же время ее нет. При мне ты все, при Нем — ничто. Думаешь, что защищаешь этот жалкий мирок? Нет, ты его уничтожаешь.

На арену спустились Грешник и Ворон, ведя перед собой Татьяну и Виктора. Следователь повернулся к ним: они смотрели на него испуганными глазами, в которых было море вопросов. Луцию вряд ли захотелось бы на них отвечать, а Зверев при всем желании не мог на них ответить.

— Итак, коль мы здесь собрались, может партеечку в преферанс? Или просто водяры нажремся? Ой, простите, не учел дамы. Даму можно напоить шампанским! Что скажете, милые гости, мне приготовить?

— Замолчи! Иначе я... — вспыхнула Татьяна.

— Фу-у, как невежливо. Сразу видно: критические дни. Голова болит, мужикам не дам,

сама не ам! Кстати, знаете, что женщина — это восьмое чудо света? Нет? Так я вам сейчас расскажу! Сами подумайте, какое животное может быть мокрым, не намкнув, истекать кровью, не обрезавшись, давать молоко, словно корова, не попробовав травы, и еще выносить мозг, не раздеваясь? Разве это не чудеса?! Ну, скажи, пернатый, разве это не чудо?

Девушка хотела было ударить его, но ее руку вновь остановил Посланник.

— Не стоит. Его это не перевоспитает. Он не со зла, просто люди такие. Ты еще к нему привыкнешь.

— Не тронь ее! — Виктор хотел было освободить руку Татьяны, но та оттолкнула его.

— Не дотрагивайся до меня! Я тебя ненавижу! Я здесь из-за тебя!

— Остановись, ты не понимаешь, что они только этого и добиваются!

— Вы ввали мне! Ввали с самого начала! Я вам поверила, и что в итоге? Что? Один убил моего отца, а второй покрывал его своим молчанием! Ты же мент, мент поганый! Почему, зная, что он убийца, ты не посадил его? Почему? Да и вообще, кто ты на самом-то деле?!

— Ты нужна им. Они хотят, чтобы ты им поверила. С твоей помощью они сотворят зло, которое ты даже себе представить не можешь. Подумай об этом.

— А обо мне кто подумал? Кто подумал о моей семье?!

— Вспомни, чему учил тебя отец.

— Я все прекрасно помню, но тому, что он говорил, в этом мире не суждено сбыться. Из-за таких, как вы, его учение и вера в людей были напрасными. Теперь я понимаю, что только они не ввали мне. Посмотри хотя бы на него! — показала она на Грешника, который молча ковырялся в носу. — Он тот, кто есть, и не скрывает этого. А те, кто меня окружал, либо ввали, либо использовали, как, например, ты. Кто ты, Зверев? Ответь мне! Ты Луций, предатель и убийца своего брата и учителя, генерал, проливший немыслимое количество крови? Или, быть может, ты Алексей, который честно выполняет свой долг и пришел спасти меня? Ты и сам не знаешь, кто ты и что ты. Просто пешка, как и все в этом мире!

— Прошу, не надо. Умоляю! Хочешь, я на колени встану? Не делай этого, — с трудом сглотнул слюну пересохшим горлом капитан. — Ты подпишешь смертный приговор миллионам людей. Он ведь никого не пожалеет и не простит. Ты должна это понимать.

— Я больше не верю тебе. Не верю ни во что. В нашей жизни лучше занять темную сторону, так как на поверку она может оказаться намного светлее, чем кажется.

Девушка протянула руку Анатасу, и тот принял ее. Зверев опустил голову. Виктор стоял неподвижно.

— Похоже, ты проиграл, — тихо сказал Анатас, глядя на капитана. — Точнее потерпел поражение в одной из битв, но война будет продолжаться дальше. Кому как не тебе лучше знать, что поражение в битве еще не поражение в войне. Кто знает, как все обернется в следующий раз? Хотя, боюсь, для тебя следующего раза уже не будет.

— Так не должно быть, так не должно было случиться, — бормотал капитан себе под нос.

— Однако, это так. Я ждал этого долго, ты был хорошим соперником. Но ты человек. Просто человек, который сделал все, что смог. Я уважаю тебя, твои стремления. Не каждый может сделать то, что делал ты на протяжении сотен лет.

— И что теперь?

— Теперь все. Человек смертен, и его единственная возможность стать бессмертным — оставить после себя нечто вечное. Ты, Луций, смог это сделать, — Анатас подошел ближе и

наклонился над его ухом. — Еще увидимся, Луций. Мною сотворенное мне принадлежать станет.

Анатас дотронулся до его головы рукой. У капитана подкосились ноги, тело обмякло, и он замертво рухнул на землю. Анатас медленно перевел взгляд на Виктора. Тот стоял, боясь пошевелиться, как кролик под взглядом удава.

— А что до тебя, то я пока не знаю, как с тобой поступить. Наверное, я все же сделаю для тебя исключение. Хоть и говорят, что я плохой, но все же дам тебе шанс не попасть ко мне. Терять тебе уже нечего, да и выбор у тебя невелик. Скажу откровенно: не я буду принимать участие в твоей судьбе, а человек, который потерял из-за тебя все. Теперь твоя судьба зависит от нее.

Ворон не спеша подошел к Татьяне и, взяв ее руку, опустился перед ней на колени.

— Госпожа, что вы прикажете сделать с тем, кто лишил вас всего?

Девушка посмотрела на Виктора холодным взглядом.

— Я хочу, чтобы он пережил то, что пережила я. Все, до мельчайших деталей.

— Да будет так.

[1]Евангелие от Матфея, 27:42–43.

[2]Евангелие от Луки, 23:37.

[3]Евангелие от Луки, 23:39.

[4]Евангелие от Луки, 23:40–41.

[5]Евангелие от Луки, 23:42–43.

[6]Евангелие от Луки, 23:46.

ЭПИЛОГ

Шло новое тысячелетие. Люди, оправившись от рождественских каникул, постепенно вливались в монотонные будни. Кое-где у ларьков еще стояли некоторые несознательные граждане с дрожащими руками. Они пытались достать из карманов последние сбережения, чтобы продлить и без того затянувшиеся праздники. К остановкам медленно подтягивался народ. Мороз, продержавшись несколько дней, отступил. Пушистые снежинки падали на опухшие лица еще не проснувшегося люда большой и беспечной страны. Автобусы лениво подъезжали к тротуару, словно зевая, открывали двери и нехотя пускали в свое теплое чрево озябших пассажиров. На улицах пахло унынием. Земля, как пациент, отходящий от глубокого наркоза, возрождалась вместе с живущими на ней паразитами. Жизнь шла своим чередом.

На запыленной лавочке сидели двое и рассматривали проходящих мимо граждан.

— Смешно, — сказал один и, опершись на трость, украшенную черепом, закинул ногу на ногу.

— Ты, как всегда, видишь их в недобром свете.

— Конечно, кому как не тебе видеть их праведниками?

— Ты забрал девушку и тем самым обрек миллиарды на бессмысленное уничтожение.

— Это, между прочим, ты придумал свод правил, по которым эти животные должны существовать. А я лишь пытаюсь сделать так, чтобы они их соблюдали. Ты сыном ради этого пожертвовал, помнишь? А девушка пошла ко мне сама. Добровольно.

— Ты же знаешь, люди должны сами разбираться в своих проблемах, иначе они будут полностью зависеть от нас.

— Они зависят не от нас, а от тебя. Ты пытаешься защитить их. Вот только ради чего?

— Ради чего? Посмотри на них: они само совершенство. Просто пока не знают, чего им хочется, и от этого все их беды.

— Наоборот, их беды от того, что они знают, чего хотят. Им нужен хороший кнут, и я дам им его. Скоро, совсем скоро.

— Ты с самого начала возненавидел их. Считаешь, я не знаю, что ты задумал?

— Так останови меня, ибо я сотворю с ними такое, чего они заслуживают на самом деле. Они заплатят за все. Плотью за плоть, кровью за кровь. За каждый их грех им воздастся сполна.

— Они переживут и это. И наступит новое время.

— Хочешь спасти их? Тогда тебе понадобится кто-то гораздо сильнее Луция.

— Дорогой, дорога скользкая, а ты едешь слишком быстро.

— Милая, после вчерашнего застолья у твоей мамы скажи спасибо, что я вообще куда-то еду.

— А не надо было так нажираться! А вдруг менты?!

— Какие менты?! Сиди, не каркай! Не надо нажираться? Не надо ехать в такую рань. Могли бы проспать, и все было бы спокойно. Но нет, поперлись!

Снег все падал и падал, но человеку, который брел по дороге в сторону города, он не мешал. Прохожий вообще не замечал снега. Он не думал ни о погоде, ни о том, куда он идет, ни о том, откуда. Его порванная, продуваемая всеми ветрами одежда и отрешенный стеклянный взгляд вызывали жалость.

— О-о-о! Ну ничего себе! Посмотри на этого бедолагу. До города-то еще далеко.

— Езжай! Мало ли дураков ходит!

— Да как-то неудобно, — водитель притормозил рядом с оборванцем и открыл дверь. — Тебе куда, земляк?

— В Тамбов, — тихо ответил тот.

— Прекрасно, и нам туда. Значит, по пути! — обрадовался водитель, уже представляя, что его супруга хоть ненадолго замолкнет.

Молодой человек сел на заднее сиденье, и автомобиль с пробуксовкой рванул с места.

— Ты с ума сошел, всяких бомжей с дороги подбирать, — сквозь зубы прошипела жена и тут же обернулась. — А вы в Тамбов в гости или домой?

— Я, я не знаю... Мне просто нужно... — замешкался пассажир.

— Зачем ты его посадил? Совсем мозги пропил за праздники? — зашептала на ухо мужу женщина.

Пассажир с непонятым выражением лица рассматривал себя в зеркале заднего вида, изредка отворачиваясь, чтобы взглянуть куда-то вдаль. В его душе было пусто, как в закрытой крышкой дубовой бочке. Стукнешь по такой — и раздастся глухой и мрачный звук.

— Вы в порядке? А то, может, случилось что? Так вы расскажите. Или вам помочь чем? — обратился водитель к пассажиру.

— Нет, спасибо. Все хорошо. Мне просто нужно в Тамбов.

— А вас там кто-нибудь встретит?

— Не знаю, — пассажир закрыл лицо руками и тяжело вздохнул.

Муж настороженно посмотрел на жену и пожал плечами. Та в ответ покрутила указательным пальцем у виска и показала ему кулак. После непродолжительной паузы она не выдержала и повернулась к попутчику.

— А как вас зовут, вы хоть знаете?

— Виктор.

Солнце вяло выкатилось из-за тучи, длинный луч указал ровной линией на стоящего внизу человека. Его белая тога переливалась, отражая мерцающий свет. Он стоял смиренно на ровном, занесенном снегом поле. Из-за спины творца вышел Михаил.

— И что, ты так просто сдашься?

— Девушка для него — это просто еще один шаг на пути к цели.

— О чем ты? Он заполучил ее. Теперь люди лишатся единственной своей защиты — прощения.

— Нет, Михаил, ему нужно другое. Чистая душа — лишь одно из составляющих. Без Луция ад на земле невозможен. Мы бросили все силы на спасение Татьяны, а нужно было спасти другую душу.

— Но ведь Луций пал, тело Алексея освобождено от него.

— Душа Луция перешла в распоряжение Анатаса, и он рано или поздно вернет ее на землю. Ему понадобится здесь свой всадник апокалипсиса.

— Смешно говорить, но, кажется, нам нужно чудо.

— Чудо? — человек в белой тоге поднял голову и посмотрел на небо. Тучи исчезли. Снег перестал падать. — Нам нужен тот, кто сможет противостоять Луцию, если все начнется.

— Противостоять Луцию? Генералу сможет противостоять только точно такой же безумец! Неужели ты сможешь пойти на это? И почему ты так говоришь? Разве мы уже проиграли?

— Нет. Пока будет жив хотя бы один человек, мы не проиграем. Когда душа Луция окажется в теле, нужно будет дать ей то, чего она была лишена.

— Но дать ему семью очень рискованно. Это хрупкое счастье. И это то слабое место, которое Анатас сможет использовать против нас.

— Знаю. Но попытаться стоит.

— Воля твоя, — приклонил голову Михаил. — Ты можешь поделиться со мной своими планами, если захочешь.

— А что там с тем парнем? С Виктором?

— Она обрекла его на страдания. Ночью в его доме была утечка газа, и его семья погибла. Сам он лишен памяти. Но это временно: скоро он узнает о том, что случилось. Боюсь, она не оставит его в покое, пока не изведет совсем. Ей нужно, чтобы он страдал.

— Нам нужен проводник. Сможешь сделать из него того, кто поможет нам в трудную минуту?

— Мне потребуется на это время.

Окраина города. Промышленный район. По нему прогуливался милостивый парень с окрашенными в черный и белый цвет волосами, в расстегнутой кожаной куртке с поднятым воротником с меховой отделкой, в серых джинсах и начищенных до блеска черных ботинках. На его губах играла едва заметная улыбка. Рядом с ним ковылял бомжеватого вида молодой человек с грязным небритым лицом, в потрепанной куртке, засаленных штанах и выдавшей виды обуви.

— Думаешь, им есть дело до вас? До тебя? Брось! Они играют вами, словно пешками. Я знаю, что Михаил приходил к тебе. Знаю, что он предлагал тебе спасти этот мир. Собирался научить тебя тому, как противостоять злу, и все такое. Обещал рассказать правду. Хотя какую правду может он тебе поведать? — Падший усмехнулся. — Только свою. Думаешь, им есть дело до твоих проблем? Бог сотворил ваш мир, потому что ему интересно наблюдать, как он функционирует. Ему просто прикольно узнать, что будет, если создать систему, задать правила и отпустить эту систему в свободное плавание. Никакой цели вроде создания чего-то идеального нет. Слепил кораблик, опустил в весенний ручеек и посмотрел, куда его принесет. Слепил другой и снова понаблюдал. А если кораблик на камушек попадет или с преградой какой столкнется, так поправит его прутиком, поможет в трудную минуту и дальше отпустит. Вот таким корабликом и является для Него ваш мир, населенный разумными животными с правом выбора. Ты не против того, что я называю вас животными?

Парень хлопнул бродягу по плечу и с презрением вытер руку о джинсы. Его собеседник помотал головой, достал окурочек из кармана и чиркнул спичкой.

— А что Он тогда так о нас печется? Ну, развалится этот мирок — построит другой. Он же Бог!

— Бинго, малыш Виктор! В самое яблочко метишь. Ему по большому счету все равно, что с вами будет. Сдохнет собачонка, заведем другую. Его завораживает только сам процесс

жизнедеятельности любого мира, который он создает. Он бы, может, и плюнул на вас, но тут сыграли два фактора. Во-первых, с человечеством Он заигрался не на шутку, поскольку оно Ему очень понравилось. Уж очень классные вы получились. Он вас так нахваливает, что не замечает ваших отрицательных качеств, типа алчности, жестокости, похоти и прочего дерьма, которое стало проявляться в вас со временем. Сам даже верить стал, что так все и задумано. Любопытно же узнать, куда эволюционирует такая интересная модель, тем более если ей еще и помогать помаленьку то правилами, то идеями, а то и попросту наставлением отцовским. Единственное, не хотелось бы, чтобы в тупик, к дисбалансу и рассогласованию все пришло. Короче, не очень-то Он хочет замечать, во что вы превратились. Все надеется, что его домашний аквариум под названием «земля с людьми» самоорганизуется и вырастет во что-то благоухающее наподобие рая, который он создал для ангелов. Потому что любит Он человека, как собственное дитя. Считает вас лучшим своим созданием. Борется за каждого из вас, за душонки ваши, даже за таких, на кого и плюнуть давно можно было бы. Ан нет. Вы ему все хороши, все равны для Него. А во-вторых, тут некстати появился его братец.

— Что за братец?

— Дьявол, — глаза бродяги округлились. — Да-да-да. И поверь мне, что это именно так и никак иначе. Так вот. Подходит дьявол к Богу и смотрит, во что это его родственничек так долго и увлеченно играет, забросив другие развлечения. Стал тоже разбираться, присматриваться, составлять свое мнение. В конце концов, не выдержал: «Слушай, Бог, по-моему, ты какую-то ахинею сотворил. Смотри, они у тебя тут режут друг друга, в лучшем случае просто ненавидят. В твоём аквариуме совсем не золотые рыбки плавают, а пираньи. И живут они мирно, только пока кровь не почуют. По-моему, братец, ты совсем спятил, коль все еще считаешь, что это твое лучшее творение».

— А что Бог?

— А что Бог? На то он и Бог: «Ни фига подобного. Это они пока еще не очень устойчивые, молодые, зеленые, но вот подрастут немного и окажутся самыми развитыми существами». Прикинь, это он про вас так сказал. Правда-правда, я сам слышал. Я подумал, что дьявол, как обычно, похлопает его по плечу, плюнет на все это дело и скажет: «Ну ладно, играй дальше. Я пойду играть в свои миры». Но беда для вас оказалась в том, что его что-то зацепило, что-то произошло такое, чего раньше не было, и он решил доказать своему брату, что тот не прав: «Ни хрена не выйдет. Развалится твоя игрушка скоро с такими персонажами. Дай-ка я тебе покажу, как надо играть с ними. Вот смотри, чтобы тут что-то в будущем получилось, надо их припугнуть немного, а то они совсем распоясались у тебя. Глядишь, скоро себя наравне с нами поставят. Дай-ка я для них сделаю чистилище. А то с одним пряником и без кнута как-то неинтересно. Игра в одни ворота получается». Знаешь, я наблюдал за этим и думал, что Бог ответит ему что-то типа: «Иди играй в свои миры, а мои не трогай. Строй там свой ад или рай — да все, что хочешь, а я буду строить то, что я хочу. Даже если развалится это человечество, то модернизирую немного людишек и запущу обновленную модель». Если понравилось произведение могу выслать книгу бесплатно в подарок писать в личку осталось несколько экземпляров. Однако он уперся и решил с дьяволом потягаться, а дьявол начал с людьми контактировать, чтобы ваши черные душонки наружу повылазили, со всеми своими страхами и грехами. Бог, в свою очередь, стал вас всячески оберегать от него, чтобы Его братец ваш мир в пустынную равнину не превратил. И вот до сих пор не успокоятся они никак. Все новые правила придумывают. Каждый норовит

одеяло на себя перетянуть. Хорохорятся друг перед другом.

— А от меня-то ты чего хочешь?

Падший затих, обдумывая ответ.

— Хочу, чтобы ты согласился на предложение Михаила. Мне нужно, чтобы начался финальный раунд игры. А без тебя, Четырин Виктор, я этого добиться не смогу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net